МГЮА
95 ПЕРВЫЙ ПО ПРАВУ

LEX RUSSICA

научный юридический журнал

- Правовой статус кредиторов, требования которых субординированы в процедурах банкротства
- Регулятивные и исполнительские возможности соглашения об уплате алиментов
- Глобальное управление в Большой Евразии: транспортные и экологические аспекты правового регулирования
- Общие закономерности правового регулирования охраны труда в некоторых странах БРИКС

Том 79 ОКТЯБРЬ 2026 № 10 (239)

ISSN 1729-5920 (Print)
ISSN 2686-7869 (Online)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г., ISSN 1994-1471;
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

«Актуальные проблемы российского права» — это научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования. Рубрики журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются экспертные заключения по знаковым судебным процессам, материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

В журнале активно публикуются не только известные ученые и практики, но и молодые, начинающие ученые, студенты юридических вузов. Конечно, размещается большое количество материалов ведущих специалистов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), в том числе выполненных в рамках НИРов, грантов, активно публикуются победители различных конкурсов.

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998;
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, уже издаваемых Университетом (Lex Russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Издается с 1948 года

LEX RUSSICA

Научный юридический журнал

Том 79
№ 10 (239)
октябрь 2026

Журнал *Lex russica* — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории права, эффективности правоприменения и совершенствованию законодательства.
Миссия журнала состоит в создании открытой дискуссионной площадки для обмена актуальной научной информацией, оригинальными результатами фундаментальных и прикладных юридических исследований, подготовленных ведущими российскими и иностранными учеными, специалистами академического и экспертно-аналитического профиля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ, г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — доктор юридических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный сотрудник МВД России, г. Москва, Россия

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ВАВИЛИН Евгений Валерьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ОСМАНОВА Диана Османовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

КРАСНОПОЛЬСКАЯ Александра Сергеевна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АМАТУЧЧИ Карло — доктор юридических наук, профессор коммерческого права Неаполитанского университета имени Федерико II, г. Неаполь, Италия

БЛАНДИНИ Антонио — профессор предпринимательского права Университета Федерико II, г. Неаполь, Италия, и Свободного международного университета социальных наук Гвидо Карли, г. Рим, Италия

БОНДАРЬ Николай Семенович — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

ВААС Бернд — профессор кафедры трудового и гражданского права в рамках европейского и международного трудового права Института гражданского и коммерческого права факультета права Университета Гёте, г. Франкфурт-на-Майне, Германия

ВАН ЧЖИХУА — доктор юридических наук, профессор Китайского политико-юридического университета, заместитель председателя Научно-исследовательского института российского права при Китайском политико-юридическом университете, заместитель председателя и генеральный секретарь Ассоциации сравнительного правоведения Китая, г. Пекин, КНР

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ДЕ ЗВААН Яап Виллем — почетный профессор права Европейского Союза Университета Эразмус, г. Роттердам, Нидерланды

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЗОЙЛЬ Отмар — доктор права, почетный доктор права, почетный профессор Университета Paris Nanterre, г. Нантер, Франция

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.
Журнал включен в базы данных: RSCI, Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.
Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Издается с 1948 года

LEX RUSSICA

Научный юридический журнал

Том 79
№ 10 (239)
октябрь 2026

КАШКИН Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КОЛЮШИН Евгений Иванович — доктор юридических наук, профессор, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, г. Москва, Россия

КОМОРИДА Акио — профессор Университета Канагава, г. Иокогама, Япония

МАЛИНОВСКИЙ Владимир Владимирович — кандидат юридических наук, заместитель Генерального прокурора РФ, государственный советник юстиции 1 класса, г. Москва, Россия

МАНТРОВ Вадим Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, директор Института юридических наук юридического факультета Латвийского университета, г. Рига, Латвия

НОГО Срето — профессор Университета Джона Нейсбитта, доктор юридических наук, президент Сербской королевской академии, генеральный секретарь Ассоциации международного уголовного права, вице-президент Всемирного форума по борьбе с организованной преступностью в эпоху глобализации (штаб-квартира в Пекине), г. Белград, Сербия

ПАН ДУНМЭЙ — доктор юридических наук, профессор Хэнаньского университета, почетный ученый «Хуанхэ», г. Кайфэн, КНР

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, г. Москва, Россия

РАРОГ Алексей Иванович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

СПИРИДОНОВ Андрей Алексеевич — доктор юридических наук, академик РАЕН, доцент, заместитель директора департамента обеспечения регуляторной политики Правительства Российской Федерации, почетный работник Аппарата Правительства Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 2 класса, г. Москва, Россия

СТАРОСТИН Сергей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса имени Л.Л. Попова Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

тер ХААР Берил — профессор и директор Центра изучения международного и европейского трудового права (CIELLS), Варшавский университет; именной профессор Европейского и сравнительного права, Гронингенский университет

ТУМАНОВА Лидия Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности юридического факультета Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия

ХЕЛЛЬМАНН Уве — хабилитированный доктор права, профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета, г. Потсдам, Германия

ШЕВЕЛЕВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой административного и финансового права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.
Журнал включен в базы данных: RSCI, Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.
Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Издается с 1948 года

LEX RUSSICA

Научный юридический журнал

Том 79
№ 10 (239)
октябрь 2026

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.
5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г.
ISSN	1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)
ПЕРИОДИЧНОСТЬ	12 раз в год
УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ	Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» Садовая-Кудринская ул. , д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский, г. Москва, Россия, 123242
АДРЕС РЕДАКЦИИ	Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993 Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru
САЙТ	https://lexrussica.msal.ru
ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ	Свободная цена Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис» Подписной индекс 11198 Подписка на журнал возможна с любого месяца
ТИПОГРАФИЯ	Отпечатано в Издательском центре Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ	Дата выхода в свет: 30.10.2026 Объем 20,44 усл. печ. л. (17,00 а. л.), формат 60×84/8 Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная
Переводчики	*Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова*
Редакторы	*Е. В. Осикина, А. В. Савкина*
Корректор	*В. А. Целищева*
Компьютерная верстка	*Д. А. Беляков*

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на *Lex russica* обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается
только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.
Журнал включен в базы данных: RSCI, Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.
Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Kutafin Moscow State Law University (MSAL)»

Published in 1948

LEX RUSSICA
Scientific Journal of Law

Vol. 79
№ 10 (239)
October 2026

Lex russica Journal is a scientific legal journal devoted to fundamental problems of the theory of law, the efficiency of law enforcement, and improvement of legislation.
The mission of the Journal is to establish an open discussion platform for the exchange of relevant scientific information, true results of fundamental and applied legal research carried out by leading Russian and foreign scientists, academicians, researchers, and experts.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Victor V. BLAZHEEV — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Worker of Science and Technology of the Russian Federation, Moscow, Russia

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Vladimir N. SINYUKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Merited Scholar of the Russian Federation, Merited Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Moscow, Russia

CHIEF EDITOR

Evgeniy V. VAVILIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

DEPUTY CHIEF EDITOR

Diana O. OSMANOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Alexandra S. KRASNOPOLSKAYA — Expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

COUNCIL OF EDITORS

Carlo AMATUCCI — Doctor of Law, Professor of Commercial Law of the University of Naples Federico II, Naples, Italy

Antonio BLANDINI — Professor of Corporate Law, University of Naples Federico II, Naples, Italy, and Free International University of Social Studies Guido Carli, Rome, Italy

Nikolay S. BONDAR — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Courts of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Bernd WAAS — Professor of the Chair of Labour Law and Civil Law under consideration of European and International Labour Law, Institute of Civil and Commercial Law of the Faculty of Law, Goethe University, Frankfurt am Main, Germany

WANG ZHIHUA — Doctor of Law, Professor of China University of Political Science and Law, Deputy Chairman of the Research Institute of Russian Law, China University of Political Science and Law, Vice President and Secretary General of the Association of Comparative Law of China, Beijing, China

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Jaap Willem DE ZWAAN — Emeritus Professor of the Law of the European Union at Erasmus University, Rotterdam, The Netherlands

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Natalia G. ZHAVORONKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Otmar SEUL — Doctor of Law, Merited Doctor of Law, Emeritus Professor of the University Paris Nanterre, Nanterre, France

Sergey Yu. KASHKIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Evgeniy I. KOLYUSHIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Member of the Central Election Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

Akio KOMORIDA — Professor of Kanagawa University, Yokohama, Japan

Vladimir V. MALINOVSKIY — Cand. Sci. (Law), Vice Prosecutor-General of the Russian Federation, Class 1 State Councilor of Justice, Moscow, Russia

Recommended by the Higher Attestation Comission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
The Journal is included in RSCI, Ulrich's, RSL, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks databases.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index.

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Kutafin Moscow State Law University (MSAL)»

Published in 1948

LEX RUSSICA
Scientific Journal of Law

Vol. 79
№ 10 (239)
October 2026

Vadim E. MANTROV — Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Legal Sciences at the Faculty of Law of the University of Latvia, Riga, Latvia

Sreto NOGO — Doctor of Law, Professor of John Naisbitt University, President of The Serbian Royal Academy, Secretary General of Association of International Criminal Law, Vice-President of the World Forum on fighting with organized crime in the Global Era (Headquarters in Beijing), Belgrade, Serbia

PAN DUNMEY — Doctor of Law, Professor of Henan Daxue University, «Huang He» Merited Scholar, Kaifeng, China

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Aleksey I. ROG — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honorary Lawyer of the city of Moscow, Moscow, Russia

Ilya M. RASSOLOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Andrey A. SPIRIDONOV — Dr. Sci. (Law), Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS), Associate Professor; Deputy Director, Department of Regulatory Policy Support of the Government of the Russian Federation; Honored Worker of the Executive Office of the Government of the Russian Federation; 2nd class Actual State Councillor of the Russian Federation, Moscow, Russia

Sergey A. STAROSTIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure named after L.L. Popov of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Beryl ter HAAR — Professor and Head of the Centre for International and European Labour Law Studies (CIELLS), University of Warsaw, and Endowed Professor European and Comparative Labour Law, University of Groningens

Lidia V. TUMANOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of the Judiciary and Law Enforcement of the Faculty of Law of the Tver State University, Tver, Russia

Uwe HELLMANN — Dr. iur. habil., Professor, Holder of the Chair of Criminal Law and Commercial Criminal Law of the Faculty of Law, University of Potsdam, Potsdam, Germany

Natalia A. SHEVELEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of the St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Recommended by the Higher Attestation Comission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
The Journal is included in RSCI, Ulrich's, RSL, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks databases.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index.

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Kutafin Moscow State Law University (MSAL)»

Published in 1948

LEX RUSSICA
Scientific Journal of Law

Vol. 79
№ 10 (239)
October 2026

The Journal publishes research papers written on scientific specialties of Group 5.1 «Law» (Legal Sciences)

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

THE CERTIFICATE OF MASS MEDIA REGISTRATION	The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 5 August 2014. The Certificate of Mass Media Registration: PI No. FS77-58927
ISSN	1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)
PUBLICATION FREQUENCY	12 issues per year
FOUNDER AND PUBLISHER	Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Kutafin Moscow State Law University (MSAL)" Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1, Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242
EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS	Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993 Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru
WEB-SITE	https://lexrussica.msal.ru
SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION	Free price The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency Subscription index: 11198 Journal subscription is possible from any month
PRINTING HOUSE	Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL) Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
SIGNED FOR PRINTING	30.10.2026 Volume: 20,44 conventional printer's sheets (17,00 author's sheets), format: 60×84/8 An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper
Translators	*N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova*
Editors	*E. V. Osikina, A. V. Savkina*
Proof-reader	*V. A. Tselishcheva*
Computer layout	*D. A. Belyakov*

When using published materials of the journal, reference to *Lex russica* is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.

Recommended by the Higher Attestation Comission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
The Journal is included in RSCI, Ulrich's, RSL, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks databases.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index.

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Издается с 1948 года

LEX RUSSICA

Научный юридический журнал

Том 79
№ 10 (239)
октябрь 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ / PROBLEMA PRINCIPALE

Червонюк В. И. Юридическая наука и практика в оптике методологии междисциплинарности 9

ЧАСТНОЕ ПРАВО / JUS PRIVATUM

Шишмарева Т. П. Правовой статус кредиторов, требования которых субординированы в процедурах банкротства 31

Чашкова С. Ю. Регулятивные и исполнительские возможности соглашения об уплате алиментов 42

Анисимов А. В. Гражданско-правовой режим данных умного транспорта 65

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО / JUS PUBLICUM

Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г. Глобальное управление в Большой Евразии: транспортные и экологические аспекты правового регулирования 81

Зенин С. С. Сущностность народного суверенитета в концепциях «сильной» демократии и симбиотического народовластия 96

Васильев С. А. Предпосылки формирования карбонового права в Российской Федерации 110

Лесив Б. В. Ответственность органов местного самоуправления перед населением и государством: теория и практика в свете муниципальной реформы 126

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / COMPARATIVE STUDIES

Юань И, Чжу Мэнфэй. Четвертая поправка к Уголовно-процессуальному закону Китайской Народной Республики: историко-прогностический анализ 148

Батусова Е. С. Общие закономерности правового регулирования охраны труда в некоторых странах БРИКС 162

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.
Журнал включен в базы данных: RSCI, Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.
Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Kutafin Moscow State Law University (MSAL)»

Published in 1948

LEX RUSSICA
Scientific Journal of Law

Vol. 79
№ 10 (239)
October 2026

CONTENTS

FUNDAMENTAL ISSUES OF LEGAL SCIENCE / PROBLEMA PRINCIPALE

Chervonyuk V. I. Legal Scholarship and Practice through the lens of Interdisciplinary Methodology 9

PRIVATE LAW / JUS PRIVATUM

Shishmareva T. P. The Legal Status of Creditors whose Claims are Subordinated in Bankruptcy Proceedings 31

Chashkova S. Yu. The Regulatory and Enforcement Potential of a Maintenance Payment Agreement 42

Anisimov A. V. The Civil-Law Regime Governing Smart Transportation Data 65

PUBLIC LAW / JUS PUBLICUM

Zhavoronkova N. G., Shpakovskiy Yu. G. Global Governance in Greater Eurasia: Transportation and Environmental Aspects of Legal Regulation 81

Zenin S. S. The Essence of Popular Sovereignty in the Concepts of «Strong» Democracy and Symbiotic Popular Rule 96

Vasiliev S. A. Prerequisites for the Formation of Carbon Law in the Russian Federation 110

Lesiv B. V. Responsibility of Local Self-Government Bodies towards the Population and the State: Theory and Practice in Light of Municipal Reform 126

COMPARATIVE LEGAL STUDIES / COMPARATIVE STUDIES

Yuan Yi, Zhu Mengfei. The Fourth Amendment to the Criminal Procedure Law of the People's Republic of China: Historical and Prognostic Analysis 148

Batusova E. S. General Patterns of Legal Regulation of Labor Protection in Selected BRICS Countries 162

Recommended by the Higher Attestation Comission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
The Journal is included in RSCI, Ulrich's, RSL, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks databases.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.239.10.009-030

В. И. Червонюк
Московский ордена Почета университет
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В.Я. Кикотя
г. Москва, Российская Федерация

Юридическая наука и практика в оптике методологии междисциплинарности

Резюме. В статье доказывается, что наряду с тенденцией к дифференциации научного знания и обособленно от нее утверждается иной способ универсализации процесса добывания нового (научного) знания — междисциплинарность: базовый принцип современной науки, основанный на рецепции специфичных для одной дисциплины языка, методов, понятий, техник, технологий и практик в область другой (других), позволяющий понять и оценить сложные взаимосвязи между разными сферами научного знания, получить под влиянием технологического и иных современных факторов цивилизационного развития более достоверную научную картину состояния и перспектив развития правовой реальности. Презюмируется, что утверждение методологии междисциплинарности в развивающейся правовой системе предопределено объективными процессами в сфере права: пришедшими на смену процессам дифференциации в праве и порождавшими мультипликацию всё новых отраслей права процессами конвергенции и дивергенции, принципиально меняющими весь правовой ландшафт и, соответственно, фокус внимания исследовательской мысли. Сделан вывод о том, что использование методологии междисциплинарности не ослабляет и не отменяет требования точности и определенности результатов и характера научного исследования, не размывает понимания его научной ценности и связанной с этим практической результативности и действительной значимости формулируемых выводов и обобщений, предложенных рекомендаций.
Ключевые слова: единство науки; специализация научного знания; дисциплинарная организация науки; феномен эпистемологических интервенций; междисциплинарность как форма организации науки; парадигмальные прививки; межотраслевые связи в праве; пределы междисциплинарности; трансдисциплинарность; теория права как метатеория социокультурного и правового пространства
Для цитирования: Червонюк В. И. Юридическая наука и практика в оптике методологии междисциплинарности. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 10. С. 9–30. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.239.10.009-030

Legal Scholarship and Practice through the lens of Interdisciplinary Methodology

Vladimir I. Chervonyuk
Moscow Order of Honor University
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
named after V.Ya. Kikot
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper argues that, alongside — and independently of — the well-established trend toward the differentiation of scientific knowledge, another mode of universalizing the production of new scientific knowledge

© Червонюк В. И., 2026

has emerged, namely: interdisciplinarity. As a foundational principle of contemporary science, interdisciplinarity entails the reception, within one or more disciplines, of the language, methods, concepts, techniques, technologies, and practices specific to another discipline. This makes it possible to understand and assess the complex interconnections among different fields of knowledge and, under the influence of technological and other contemporary factors of civilizational development, to develop a more reliable scholarly account of the current state and future development of legal reality. The study proceeds from the premise that the adoption of an interdisciplinary methodology within a developing legal system is determined by objective processes occurring in law. These include processes of convergence and divergence that have supplanted the differentiation processes which generated the proliferation of ever-new branches of law. Such processes fundamentally transform the legal landscape and, correspondingly, redirect the focus of legal scholarship. The author concludes that the use of interdisciplinary methodology neither diminishes nor displaces the requirements of precision and definiteness applicable to the results and nature of scholarly inquiry. Nor does it blur the understanding of its scholarly value, its practical effectiveness, or the actual significance of the conclusions, generalizations, and recommendations advanced.

Keywords: unity of science; specialization of scientific knowledge; disciplinary organization of science; phenomenon of epistemological interventions; interdisciplinarity as a form of scientific organization; paradigmatic grafting; interbranch connections in law; limits of interdisciplinarity; transdisciplinarity; legal theory as a metatheory of the sociocultural and legal space

Cite as: Chervonyuk VI. Legal Scholarship and Practice through the lens of Interdisciplinary Methodology. *Lex russica*. 2026;79(10):9-30. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.239.10.009-030

Введение

Единство науки — ее внутреннее свойство, проистекающее из единства и материальности мира. Симптоматично, что натурфилософия рассматривала мир как индивидуализированное органичное целое; мир един — такова парадигма естественно-научного представления о нем: по Декарту, «все науки надо изучать вместе». С течением времени пришло осознание того, что получение искомого в научном познании результата связано с применением метода анализа — деления целого на части. Специализация и дифференциация научного знания — закономерность развивающегося знания; как результат этого интенсивно развивается процесс мультипликации (буквально: размножение) новых научных отраслей знания. Возникает множество частных наук, процесс дисциплинарной организации науки становится господствующим на несколько веков; представление о научной дисциплине позиционируется с определенной формой организации знания. Можно сказать, что дисциплинарная организация науки не только приходит на смену энциклопедистам, но и полностью устраняет такую форму организации науки. Одновременно обнаруживается не вполне оправданное дистанцирование научных исследований от имплицитно присущего науке единства, объективно существующих связей и зависимостей между различными отраслями научного знания. Очевидной стала неправомерность позитивистского требования «единого научного метода» для всех наук и определения статуса научности/ненаучности на основании этого критерия, особенно в гуманитарном и социальном познании[1].

Вторая половина XX в. меняет тренды в организации науки: потребность исследования сложных систем и в этой связи обработки и оценки больших данных вызывает необходимость синтезировать и интегрировать методы различных наук. Кризис «дисциплинарного суверенитета» в изменяющихся условиях становится неизбежным. Стремительно происходящие перемены затронули не только структурные, но и содержательные стороны научного знания. Феномен эпистемологических интервенций, при которых одна наука захватывает предмет, или понятийный аппарат, другой науки, полностью не устраняет *принципа дисциплинаризации* в организации науки, но вместе с тем укореняется в качестве одной из ее важнейших форм, притом не только в области естествознания, но и в сфере социального и гуманитарного знания. В новых условиях организацию науки характеризуют парадигмальный сдвиг, «сдвиг в цивилизации, или макросдвиг» (Эрвин

[1] *Микешина Л. А.* Современная эпистемология гуманитарного знания: междисциплинарные синтезы. М. : Политическая энциклопедия, 2016. С. 120–121.

Ласло)[2], по утверждению лауреата Нобелевской премии в области физики И. Пригожина, смена вектора движения научной мысли[3], «эпистемологический поворот, основа которого — изменение эпистемы, или способа представления, ви́дения мира»[4], а равно обнаружившийся за границами истории «исторический поворот» — принципиально новый социологический подход к прошлому (И. М. Савельева)[5]. Отсюда, наряду с уже утвердившейся тенденцией к дифференциации научного знания и обособленно от нее, развивается иной способ универсализации процесса добывания нового (научного) знания, получивший в современной науке название междисциплинарности, — новое направление в «интеллектуальной истории», занявшее в ней одно из ведущих мест (Л. А. Микешина[6]).

Как свидетельствует история науки, утверждение междисциплинарного знания в научных исследованиях[7] стало возможным вследствие необходимости перехода от редуктивизма (анализа целого по частям, низведения сложного к простому) к холизму (философии целостности) — принципиально иному способу структурирования реальности. Качественно изменившаяся структура знания формирует новый, «второй» тип его производства, а вместе с этим порождает и новый тип науки, обозначаемый технонаукой и повлекший за собой переориентацию научной деятельности с познавательной на проективно-конструктивную. Изменением познавательной традиции, связанной с необходимостью воссоздания целостности сложных объектов научного исследования, поскольку в рамках предметной области отдельно взятой дисциплины традиционные средства познания приводят к односторонним выводам и оценкам, объективно предопределено утверждение в современной науке феномена междисциплинарности. По утверждению В. С. Степина, в новых условиях научные революции возможны не только как результат внутридисциплинарного развития. Они возможны благодаря междисциплинарным взаимодействиям, основанным на «парадигмальных прививках» — переносе представлений специальной научной картины мира, а также идеалов и норм исследования из одной научной дисциплины в другую. Такие трансплантации способны вызвать преобразования оснований науки без обнаружения парадоксов и кризисных ситуаций, связанных с ее внутренним развитием. В понимании ученого новая картина исследуемой реальности (дисциплинарная онтология) и новые нормы исследования, возникающие в результате «парадигмальных прививок», открывают иное, чем

---

2 *Ласло Э.* Макросдвиг : (К устойчивости мира курсом перемен) / с предисл. А. Ч. Кларка ; пер. с англ. Ю. А. Данилова. М. : Тайдекс Ко, 2004 ; *Он же.* Квантовый сдвиг : Новая научная реальность меняет нас и наш мир / пер. с англ. О. И. Звонаревой. СПб. : Весь, 2011.

3 *Пригожин И.*, *Стенгерс И.* Время, хаос, квант. К решению парадокса времени / пер. с англ. Изд. 5-е, испр. М. : Едиториал УРСС, 2003.

4 Современная социальная философия исходит из того, что новые эпистемологические основания — объект методологического осмысления — формируются под влиянием наблюдаемых в науке концептуальных «поворотов» — лингвистического, визуального, онтологического, когнитивного (*Ткачева М. Л.* Социально-гуманитарное знание: особенности, взаимодействия, значение // Известия Байкальского государственного университета. 2018. Т. 28. № 3. С. 391–395), равно и коммуникативного (*Микешина Л. А.* Указ. соч. С. 169–188), притом что каждый из них позиционирует свое ви́дение социальной реальности и предполагает особенный инструментарий ее освоения.

5 Отмеченный вывод известный ученый сформулировала, основываясь на компендиуме публикаций зарубежных историков и социологов (*Савельева И. М.* Исторический поворот за гранями истории // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. М., 2012. С. 48 ; *Она же*. Стала ли история социальной наукой? // Диалог со временем. Вып. 50. М., 2015. С. 17–19).

6 *Микешина Л. А.* Указ. соч. С. 151–153.

7 Притом что термин «междисциплинарность» стал использоваться в научной литературе, а равно в официальных документах уже в 30-е гг. XX в., встречаются и гораздо более ранние упоминания об этом. В публикациях зарубежных авторов обращено внимание, что проблема междисциплинарности обнаруживается уже в философии и истории Древней Греции (см.: *Бушковская Е. А.* Феномен междисциплинарности в зарубежных исследованиях // Вестник Томского университета. 2010. № 330. С. 152–155). Как форма организации науки междисциплинарность утверждается во второй половине XX в. Всплеск интереса к проблеме междисциплинарности наблюдается в 70-х гг. XX в., когда в организации научного знания, «несмотря на общий кризис в цивилизационном развитии», обозначился поворот: процессы дифференциации уступают место феномену интеграции.

прежде, поле научных проблем, стимулируют открытие явлений и законов, которые до «парадигмальных прививок» вообще не попадали в сферу научного поиска[8].

Таким образом, принципиально трансформирующийся в новой реальности, включая виртуальную и дополненную, объект научного познания[9] предполагает принципиальное изменение методологического ресурса научного познания: реакция науки на сложность мира, с учетом того, что современное общество характеризуется нелинейностью, высокой степенью неопределенности, множественностью альтернатив развития, детерминировала поворот в научном мировоззрении, а вместе с этим стремление к синтезу исследовательских стратегий, формированию единого эпистемологического поля и на этой основе соединение преимуществ фундаментальной и прикладных наук. Применительно к правовой сфере методология междисциплинарного анализа в ее действительном понимании перестает быть «академической роскошью»; использование ее возможностей в юриспруденции, без преувеличения, становится условием выживания права как регулятора в радикально меняющихся социально-правовых ситуациях.

Основная часть

Эпистемологические основания междисциплинарности в науке. Как средство научной коммуникации междисциплинарность обеспечивает взаимодействие наук с целью передачи, актуализации и использования накопленной информации, идей, а также сотрудничество ученых на дисциплинарном и междисциплинарном уровнях: если монодисциплинарный подход в исследовании предполагает освоение предмета посредством методов из устоявшегося инструментария, то междисциплинарное исследование — это такой особый тип организации исследовательской деятельности, когда один и тот же объект исследования изучается при помощи средств и методов различных дисциплин[10]. Сфера междисциплинарного анализа — «это коммуникативное пространство взаимообмена и конкуренции разных типов знания»[11], сотрудничество двух или более предметных областей. Ключевая идея междисциплинарности — синтез знаний, терминологии, методологии разных научных дисциплин, необходимый для всестороннего (целостного) изучения объекта, решения вопросов, понимание которых недоступно в рамках дисциплинарного подхода: «Междисциплинарность связана с необходимостью обеспечить целостное ви́дение разных предметов, как отдельных, так и мира в целом»[12]. Возникшая на стыке физики, химии, биологии, социологии и других наук и позицио-

---

[8] *Степин В. С.* История и философия науки : учебник. 6-е изд. М. : Академический проект, 2024. С. 375–376.

[9] Как это становится особенно очевидным в XXI в., по своим предметным характеристикам и заложенным в нем смыслах объект исследования гораздо объемнее отдельно взятой дисциплины. Так, человек рассматривается в правоведении главным образом как субъект права (правовых связей), в биологии — как организм, в информатике — как набор сведений и т.д. Такой подход соответствует дисциплинарной организации науки, устроенной по системе закрытых «цехов»: юриспруденция, биология, социология и т.д. В условиях сохраняющейся в правоведении приверженности к «чистой науке» вероятность ошибки выводов отдельно взятой дисциплины в законодательствовании, судебной практике сохраняется весьма высокой. Очевидно, что, используя исключительно инструментарий юридической техники, можно принять юридически безупречный закон. Однако вне учета его экономического анализа, оценки среды действия, характера восприятия непосредственными адресатами принятый закон может привести к последствиям, противоположным определенным в нем целям.

[10] *Пржиленский В. И.* Междисциплинарность — методология инновационной деятельности // Трансформация моделей правового регулирования объектов инновационной инфраструктуры в современном праве: российский и зарубежный опыт : монография. М. : Проспект, 2021. С. 87.

[11] *Гусев С. С.* Междисциплинарность в эпистемологии // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М. : Канон, 2009. С. 480.

[12] См.: *Степин В. С.* Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия // Постнеклассика: философия, наука, культура : кол. монография / отв. ред.: Л. П. Киященко, В. С. Степин. СПб. : Міръ, 2009. С. 249–295.

нирующая «междисциплинарное поле исследований»[13] синергетика, по мнению ее основоположника (и автора термина «синергетика») Германа Хакена[14], есть мост между системой как целостностью и частями, она ориентирована на взаимодействие, на согласованность целого и части, микро- и макроуровней[15]. По Хакену, синергетику можно рассматривать как один из мостов, объединяющих различные науки, как объединяющий принцип всё большего количества дисциплин в науке[16] (в этом также заключена тайна междисциплинарности)[17]. И если «дисциплинарный подход решает конкретную задачу, возникшую в историческом контексте развития предмета, подбирая методы из устоявшегося инструментария», то прямо противоположный ему междисциплинарный подход — «это принципиально иной холистический способ структурирования реальности, где господствует полиморфизм языков, аналогия, закон композиции, синхронизм, а не каузальное начало»[18]. Тем самым междисциплинарность позволяет обогатить знания, методологию, терминологию одной научной дисциплины за счет знаний, методологии и терминологии другой. Титульная особенность методологии междисциплинарности и в том, что она концентрирует внимание исследователя на связях и взаимоотношениях между разными дисциплинами, изучающими свой предмет. С эпистемологической точки зрения такой формат освоения природы сложных объектов с полным основанием можно квалифицировать в качестве междисциплинарного принципа и/или метода исследования, а в более общем значении — в качестве методологии междисциплинарного анализа. В отличие от классической методологии, для которой характерно обнаружение простых причинно-следственных связей, методология междисциплинарного анализа позволяет исследовать имманентные для современной реальности сложные системы с обратной связью. Основывающаяся на синергетическом подходе, междисциплинарность выступает единственным способом моделирования нелинейных рисков; в этих условиях, что называется, запрограммирован отход от линейной логики к теории систем и хаоса[19].

Междисциплинарность несводима только к экстраполяции методов исследования, «переносу методов одной дисциплины в другую», как следует из наиболее распространенных взглядов на проблему (Б. Николеску)[20]; это применяемый в границах отдельной сферы научных исследований: биологии, медицины, физики, социологии, экономики, права и др. — методологический инструментарий множества специальных дисциплин, предполагающий «взаимодействие идей, концепций и теорий в области гуманитарных наук (например, социологии и права, экономики и права), а также теорий, на-

---

[13] Именно в таком соотношении эти концепты использует Г. Хакен, когда утверждает, что для того, чтобы «охарактеризовать междисциплинарное поле исследований», он более 20 лет назад запустил в научный оборот термин «синергетика» (*Хакен Г.* Синергетика как мост между естественными и социальными науками / пер. Е. Н. Князевой // Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. М. : Прогресс-Традиция, 2003. С. 107). Синергетика — это основа междисциплинарности и в то же время, как ее определял Г. Хакен, «междисциплинарная область исследования процессов самоорганизации сложных систем».

[14] См.: *Хакен Г.* Синергетика: иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах / пер. с англ. Ю. А. Данилова. М. : Мир, 1985.

[15] См.: *Черникова И. В.* Междисциплинарные и трансдисциплинарные методологии и технологии современной науки : учеб. пособие. Томск : Изд. дом Томск. гос. ун-та, 2018. С. 38.

[16] *Хакен Г.* Синергетика как мост между естественными и социальными науками. С. 106.

[17] По свидетельству исследователей, если в XIII в. в самых первых университетах насчитывалось 7 дисциплин, в 1950 г. их стало 54, то далее наблюдается рост в геометрической прогрессии: в 2000 г. насчитывается более 8 тыс., а к концу XX в., по свидетельству В. С. Степина, — более 15 тыс. научных дисциплин (см. об этом: *Моисеева А. П.*, *Ланкин В. Г.*, *Кондратьева И. В.* Социальная инженерия в контексте трансдисциплинарности : монография. Томск : Изд-во ТПУ, 2012. С. 8).

[18] Цит. по: *Черникова И. В.* Междисциплинарные и трансдисциплинарные методологии и технологии современной науки. С. 36.

[19] Если иметь в виду, что хаос как отрицание порядка есть обладающая собственной структурой и закономерностями особая форма организации, то для понимания сложных систем теория хаоса — это один из фундаментальных инструментариев современной науки.

[20] См.: *Моисеева А. П.*, *Ланкин В. Г.*, *Кондратьева И. В.* Указ. соч. С. 27.

ходящихся на стыке социальных, гуманитарных и естественных наук (биологии и права, физики и социологии, здравоохранения и химии)»[21]; это заимствованные, синтезированные и концептуализированные на основе общей идеи выводы, обобщения, понятия отдельно взятых дисциплин, преследующих добывание в научном исследовании нового знания, получение которого иными методологическими средствами оказывается невозможным. Междисциплинарный анализ, таким образом, синтезирует своим содержанием как инструментальную часть методологии (научные методы), так и иные ее составляющие. Прав П. Бурдье, отмечая, что «встреча двух дисциплин — это встреча двух историй, а следовательно, двух разных культур; каждая расшифровывает то, что говорит другая, исходя из собственного кода, из собственной культуры»[22]. Таким образом, методология междисциплинарности представляет собой синтез методологических ресурсов множества специальных научных дисциплин, адаптированных для анализа объектов, входящих в предметное поле каждой из этих дисциплин, и получение на этой основе результатов, недоступных в контексте познавательных возможностей какой-либо одной из таких дисциплин.

Точно так же по своему методологическому ресурсу междисциплинарность не идентифицируется исключительно с особенностями применяемого языка[23]: это и своеобразие специфичных для отдельно взятых отраслей научного знания методов, техник и технологий получения нового знания, понятийного аппарата и др. Нельзя также признать правильным сделанный в специальной литературе вывод о том, что применение данной методологии находится на усмотрении исследователя или же, в противоположность отмеченному, ставится исключительно в зависимость от определенного им предмета научного анализа. Если во втором случае как-то уходит в тень такой фактор, как методологическая позиция, или научная идентичность, исследователя, которая нередко определяющим образом влияет на выбор и характер используемого в исследовании инструментария[24], то в первом случае абсолютизируется фактор заданности применения методологии междисциплинарности. Междисциплинарность, хотя и не в равной мере, но зависима от субъекта, ее применяющего[25], и собственно от предмета исследования. Таким образом, в современных условиях междисциплинарность оказывается существенно зависимой от методологического ресурса науки.

Принципиально важным является еще одно обстоятельство. В ходе исторического развития меняются формы междисциплинарных связей, их структура. Некоторые из них, возникнув в XVIII–XIX вв., продолжают играть определенную роль и по сей день. Но, безусловно, наибольший теоретический и практический интерес представляют те формы междисциплинарности, с которыми связано возникновение и развитие современной науки. Как показывает анализ проблемы, при использовании методологии междисциплинарного анализа характер проникновения методов, техник и технологий отдельно взятых дисциплин в отношении объектов другой науки может быть различным. Позиционируя взаимодействие между двумя или несколькими различными дисциплинами, меж-

---

[21] *Доронина Н. Г.*, *Семилютина Н. Г.*, *Цирина М. А.* Значение коллизионного и сравнительного метода исследования для правового регулирования науки и научной деятельности // Международное публичное и частное право. 2021. № 2. С. 13–18.

[22] *Бурдье П.* Начала / пер. с фр. М., 1994. С. 156.

[23] При этом преобразование формата научного исследования посредством языка приводит к разным вариантам междисциплинарной коммуникации. Это: а) применение языка одной дисциплины для описания предметной области другой дисциплины; б) использование разных языков для описания элементов сложного комплекса; в) формирование нового синтеза, открывающего новую реальность и как следствие этого — создание новой дисциплины (см.: *Тишков В. А.* Отечественная этнология и симбиоз наук // Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии / отв. ред. и сост. Г. А. Комарова. М. : ИЭА РАН, 2016. С. 5).

[24] См.: *Червонюк В. И.* Методологическая позиция, или идентичность, исследователя: инновационный взгляд на структуру современной методологии права // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 3 (71). С. 66–77.

[25] Современные методологи, исследователи социальных процессов не могут ограничиваться компетенциями в рамках одной научной дисциплины (*Абдыразакова З. М.* Социальные системы и социальные отношения. Научный аспект // Труд и социальные отношения. 2023. Т. 9. № 6. С. 1084).

дисциплинарность, по заключению современных исследователей проблемы (Г. Бергер), может варьироваться от простого обмена идеями до взаимной интеграции целых концепций, методологии, процедур, терминологии, данных, организации исследовательской деятельности в некоторой весьма широкой области[26]. В специальной литературе обращают внимание на «шкалу междисциплинарности»: на одном ее полюсе (конце) находятся дисциплинарно точные описания и объяснения, на другом — новый синтез, включая формирование новой научной дисциплины[27]. В более сложной версии развитие междисциплинарного знания не ограничивается созданием на основе синтеза дисциплин новой науки, но имеет и более сложные проявления, новый уровень интеграции, обозначаемый, в частности, как трансдисциплинарность, квалифицируемый как конвергентное проникновение в разные сферы современного научного знания, выход за пределы естественно-научного и гуманитарного знания в область практически значимых проблем[28]. В сравнении с междисциплинарными, трансдисциплинарные исследования отличает выход в практику; это социально распределенное производство знаний, соединение естественно-научного и гуманитарного, естественного и искусственного, теоретического и прикладного[29].

Считается, что трансдисциплинарность особенно актуальна в связи с технонаукой и конвергентными технологиями. Можно предположить, что утверждение трансдисциплинарности в сфере юридической науки в том числе связано с процессами конвергенции и дивергенции в праве, принципиально изменяющими его структурную организацию, а равно и связи с иными регулятивными системами. В этом смысле трансдисциплинарный подход в праве представляет собой превосходящую междисциплинарность высшую ступень интеграции правовых знаний — единое когнитивное пространство, соединяющее в научном познании ресурс юриспруденции с возможностями самых разных наук, техниками и технологиями в целях внедрения результатов познанного в общественную практику.

Междисциплинарность (трансдисциплинарность) в юридической науке. Наверное, не будет преувеличением сказать, что новый цикл развития современной юридической науки сопровождается становлением и мультипликацией новых междисциплинарных форм знания в самых различных ее жанрах[30]. Становится всё более очевидным, что юридическая наука в современных условиях должна опираться на современную методологию правопознания, включая в том числе междисциплинарный способ освоения правовой действительности, «основанный на понимании сложных взаимосвязей между различными сферами научного знания о праве»[31]. Выход юриспруденции в междисциплинарную область позволяет по-новому взглянуть на традиционную проблематику юридической науки, открыть новые пласты в праве как неисчерпаемом объекте научного познания[32]; междисциплинарность позволяет понять и исследовать сложные взаимосвязи между различными сферами научного знания, получить более достоверную научную картину состояния и развития правовой реальности под влиянием технологического прогресса и иных

---

[26] См.: *Бушковская Е. А.* Указ. соч. С. 152–155.

[27] *Тульчинский Г. Л.* Междисциплинарность, метафизика и перспективы «глубокой семиотики». Философия культуры и уровни междисциплинарности // Перспективы метафизики и неклассическая метафизика на рубеже веков. СПб., 2001. С. 138.

[28] *Черникова И. В.* Междисциплинарные и трансдисциплинарные методологии и технологии современной науки. С. 38–43.

[29] *Черникова И. В.* Трансдисциплинарные методологии и технологии современной науки // Вопросы философии. 2013. № 4. С. 26–35.

[30] Современные реалии указывают на то, что не только на пересечении названных отраслей знания, но и применительно к новым, казалось бы далеким от юриспруденции, знаниям, практикам, технологиям возникает необходимость собрать их воедино и оценить, тем самым придавая новое качество правовой системе страны.

[31] *Пашенцев Д. А.* Модернизация методологии правовых исследований в условиях становления новой научной рациональности // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 5–13.

[32] См.: *Честнов И. Л.* Диалогическая методология юридической науки // Методологические проблемы современной юридической науки. М., 2015. С. 165.

современных факторов цивилизационного развития[33].

Очевидно, что междисциплинарность в науке права обусловлена теми же факторами, на которые уже было обращено внимание. Вместе с тем ее (междисциплинарности) актуализация усиливается и особенными факторами — как специально-юридическими, так и метаправового характера. К первым главным образом можно отнести укореняющиеся в сфере действия права процессы конвергенции[34] и дивергенции, пришедшие на смену процессам дифференциации, порождавшим мультипликацию отраслей права. Под влиянием данного феномена принципиально изменяется формат структурной организации («системы») права; целостность современного права приобретает значение его титульного свойства[35]. В этой связи исследование структурной организации права, его целостности объективно требует нового — междисциплинарного по своему существу — знания, равно как и формирующейся целостности юридического мировоззрения, утверждение которого в эпоху узкой специализации оказывалось невозможным. К метаправовым детерминантам следует отнести прежде всего фактор цифровизации, оказывающий заметное (не исключая для определенных ситуаций и доминирующее) влияние на все зоны и участки действия права. С этой точки зрения правовое регулирование цифровой среды требует проведения на междисциплинарной основе как прикладных и поисковых, так и фундаментальных научных исследований, обеспечивающих получение отличающихся высокой степенью достоверности выводов и обобщений общетеоретического и прикладного и/или поискового характера. Несомненно, что в условиях утверждающейся виртуальной и дополненной реальности мощнейшим катализатором междисциплинарности становится искусственный интеллект. Можно сказать, что современные процессы цифровизации выводят на новый качественный уровень междисциплинарные исследования[36], притом не только в области права и экономики.

Следует оговориться, что методология междисциплинарного анализа не ограничивается фрагментарным заимствованием современной юриспруденцией языка, методов других наук, а равно избирательной рецепцией средств и методов познания одной отраслью юриспруденции методологического ресурса другой дисциплины. Речь идет о восприятии современной юриспруденцией новой эпистемологической парадигмы — формировании принципиально иной по своему качеству методологии проведения научных исследований, адаптированной к новым общественным вызовам и отвечающей стратегии социально-экономического и правового развития страны.

Исходной посылкой для осмысления поставленной проблемы является методологически значимое положение: междисциплинарность юридической науки предопределена органично присущим праву свойством коммуникативности — его (права) включенностью в сеть социальных взаимосвязей, вне которых существование и функционирование права объективно невозможно. Соответственно, анализ проблемы позволяет обратить внимание на два типа объективируемых в сфере действия права фундаментальных связей, выступающих одновременно объектом анализа в юридической науке: имплицитные и эксплицитные связи. Первый тип связей отображает интеракции, наблюдаемые внутри правовой системы и, соответственно, порождающие имманентное этим связям междисциплинарное взаимодействие юридических отраслей знания. Имплицитные связи предопределены собственно фактором права: его природой, назначением, присущими ему специально-юридическими функциями и характерной только для права бинарностью — связью материальных и процессуальных, регулятивных и охранительных, публично-правовых и частноправовых отраслей и нормативных общностей права. Такие связи объективны и неустранимы, они сопровождают право на всех этапах его движения в социальном пространстве, а равно в возникших под влиянием

[33] См.: Летопись российской юридической науки : в 5 т. / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М., 2023. Т. 3. С. 137–158.

[34] Проблема конвергенции в праве, как и проблема правопонимания, — это одновременно и «сквозная» проблема (Л. А. Микешина) междисциплинарности в праве, вокруг которой, несмотря на, казалось бы, ее специальное значение, должен строиться диалог исследователей из разных областей знания.

[35] См.: *Червонюк В. И.* Структура права: теория, методология, технологии и практики формирования : монография. М., 2024. С. 71–78.

[36] Ср.: *Козлова Е. Б.* Развитие методологии цивилистических исследований в условиях цифровой трансформации экономики // Право и цифровая экономика. 2024. № 3. С. 5–14.

цифровизации виртуальной и дополненной реальности.

Одним из наиболее колоритных проявлений внутриструктурных взаимодействий в праве являются так называемые межотраслевые (межблоковые), или, если не сводить структуру права исключительно к отраслевому делению, интраструктурные связи — относительно новое научное направление, освоение которого находится в начальной стадии, между тем как практика испытывает острую потребность в результатах таких исследований. Очевидно, что восполнению пробелов теории относительно действия фактора целостности в праве «будет способствовать на практике устранение деформированных функциональных связей между различными подразделениями его (права), включая внеотраслевые нормативные общности»[37].

Показательно, что на значимость межотраслевых связей в правовой системе первоначально обратили внимание представители отраслевых научных дисциплин, в частности трудового и социального права. Отмечается, что формализация межотраслевых связей в сфере трудового права позитивируется посредством: а) норм-дефиниций; б) принципов права (в частности, закрепленный в ст. 2 ТК РФ принцип обязательного социального страхования формализует межотраслевую связь трудового права с институтом обязательного социального страхования права социального обеспечения); в) норм причинно-следственного характера, позиционирующих логическую модель социального отношения: соответственно, «между нормами права устанавливаются связи *содержания,* выражающие перенос содержания и информацию от одного элемента к другому»[38].

Презюмируется, что социально востребуемое сохранение устойчивой связи уголовного права с иными нормативными правовыми общностями обусловлено его принудительным характером, повышенной бланкетностью[39], публичностью, «зеркальностью» (требования к поведению в негативной форме), запретами[40]. Это также структурированность уголовно-правовой «материи» (выражение уголовно-правовых установлений, в особенности их санкций, в кодифицированном акте федерального уровня), высокая мотивационная сила уголовно-правовых предписаний, в том числе обусловленная их доступностью к восприятию массовым правовым сознанием и др. Несомненно, верно и то, что уголовно-правовые установления должны не только отвечать характеру регулируемых связей и отношений, но и быть согласованными с «нормами регулятивных отраслей права» (Ю. С. Жариков)[41], притом что связь регулятивных и охранительных отраслей — специфическая закономерность права.

Применение междисциплинарного подхода к исследованию интраструктурных связей в праве необходимо в том числе для оценки получившего распространение в практике законодательствования феномена «реинкарнации» института административной ответ-

---

[37] См.: *Червонюк В. И.* Структура права: теория, методология, технологии и практики формирования. С. 49.

[38] *Корсаненкова Ю. Б.* Взаимосвязь отраслей трудового права и права социального обеспечения через системно-структурные уровни права // Трудовое право в России и за рубежом. 2020. № 4. С. 11–14.

[39] Бланкетность, порожденная интраправовыми связями и требованием экономии нормативного материала, можно сказать, особенная (бланкетная) форма конструирования правовых установлений, содержанием которых (при наличии прямой, скрытой или подразумеваемой ссылки) инкорпорированы компоненты разноотраслевых установлений. При этом бланкетность в уголовном праве имеет особое значение. Как это многократно выражено в правовых позициях Конституционного Суда РФ, если диспозиция статьи уголовного закона является бланкетной, то эта статья подлежит применению в системном единстве с положениями иных нормативных правовых актов (постановления от 27.05.2008 № 8-П, от 13.07.2010 № 15-П, от 17.06.2014 № 18-П, от 16.07.2015 № 22-П). Сложности применения бланкетных уголовно-правовых предписаний, возникающие в этой связи многочисленные ошибки в правоприменении привели специалистов к убеждению, что усовершенствование уголовного законодательства находится в том числе в тренде понижения бланкетности его норм (А. В. Наумов). В то же время справедливо замечено, что отказ от бланкетности привел бы к тому, что «небланкетный» Уголовный кодекс превратился бы в многотомную энциклопедию.

[40] Уголовное право в системе межотраслевых связей: проблемы теории и правоприменения : материалы XIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 26–27 мая 2022 г. М. : Юрлитинформ, 2022. С. 25.

[41] Уголовное право в системе межотраслевых связей… С. 35.

ственности — ключевого механизма межотраслевого взаимодействия, при котором повторное совершение административного правонарушения является необходимым условием (предпосылкой) для привлечения к уголовной ответственности. При этом, по оценке Конституционного Суда РФ, криминализация оправданна, если многократное совершение административных проступков свидетельствует о возросшей общественной опасности деяния или личности правонарушителя, что переводит нарушение в категорию уголовно наказуемых (постановление от 10.02.2017 № 2-П). Как высшая форма проявления межотраслевых связей, «реинкарнация» ответственности действительно обращает внимание на условность границ между отраслями права, превращая право из набора изолированных запретов в гибкую систему, позволяющую реагировать как на факт деяния, так и на девиантное поведение личности, ее склонность к правонарушаемости. В указанном смысле преюдиция — основной фактор превенции нарушения законодательства в различных сферах, включая сферу предпринимательства, цифровую среду, основы публичного правопорядка[42]. Вместе с тем экспертное сообщество весьма сдержанно реагирует на криминализацию административной преюдиции, полагая, что это «тупиковый путь развития отрасли уголовного права»[43]. Нельзя также упускать из виду и возможность нарушения в подобной ситуации принципа non bis in idem.

Принимая во внимание многоуровневый характер структурной организации права, не следует абсолютизировать связи, складывающиеся исключительно между отдельными отраслями права, оставляя вне поля зрения комплексы внутриструктурных связей, формирующиеся между различными установлениями, институтами и нормативными общностями права, — первооснову его системности и жизнеспособности, условия перехода от простого перечня правил к целостности права, полноте и результативности регулирования, эффективно действующему организму. Учет интраструктурных связей экзистенциально значим в условиях цифровизации, когда в правовую систему вводятся ранее неизвестные правовые элементы, притом что введение в структуру права одного такого элемента инициирует возникновение его связей с уже существующими нормативными предписаниями и нормативными комплексами, указывает на необходимость законодательного восполнения обнаруживающихся при этом пробелов, как это характерно, например, для цифровых финансовых активов. Предусмотренные Федеральным законом от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте…» цифровые активы в структуре права играют роль связующего звена между традиционными правовыми институтами и технологическими реальностями и при этом выступают не просто новым объектом правового регулирования, а катализатором трансформации системных связей и структурной интеграции в праве: постановлением Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 № 2-П подтверждено право владельцев цифровой валюты на судебную защиту[44]; с 2025–2026 гг. действуют четкие правила обложения НДФЛ доходов от операций с цифровыми активами; в уголовное законодательство введена ответственность за повторные нарушения в области обращения цифровых активов и персональных данных; с недавних пор цифровые финансовые активы в условиях санкций начинали играть роль в трансграничных расчетах и, таким образом, включены в сферу международно-правовых связей.

Соответственно, интраструктурные, включая межотраслевые, связи в праве — это обусловленное (детерминируемое) многоуровневым строением, титульными свойствами, осуществляемыми функциями и реальным действием права взаимодействие между различными его подразделениями, возникающее в процессе регуляторного воздействия на поведение и деятельность, интересы и ценностные ориентации коммуницирующих в социально-правовой сре-

[42] Заметим, что действующее уголовное законодательство содержит 15 составов преступлений с административной преюдицией, в том числе против прав личности (ст. 116.1, 151.1, 157, 158.1), в сфере экономики и собственности (ст. 171.4, 180, 178), против общественной безопасности и порядка (ст. 212.1, 232.1, 264.1, 280.3, 284.2); с 2026 г. вводятся в действие новые составы преступлений, включая ст. 282 (возбуждение ненависти либо вражды).

[43] *Богданов А. В.* Административная преюдиция в уголовном праве России. М. : Юрлитинформ, 2021.

[44] СЗ РФ. 2026. № 4.

де и вовлеченных в сложные социально-правовые интеракции субъектов[45].

Действие права в новых условиях предполагает хорошо организованную, устойчивую и рациональную структуру. Исследование интраструктурных связей права означает включение в фокус внимания межотраслевых нормативных общностей, существенно уточняющих и расширяющих представление о структуре современного права[46].

Особый интерес представляет осмысление интраструктурных связей между наиболее крупными подразделениями права — правом публичным и частным, охранительным и регулятивным, материальным и процессуальным, уяснение оснований, процедур, форм и пределов этих связей. В новых реалиях актуализация связей между этими составляющими правовой системы обусловлена процессами конвергенции в праве (в определенной мере стирающими границы между частным и публичным правом), появлением новых объектов правового регулирования (цифровой рубль, цифровые активы, искусственный интеллект, иностранные агенты и др.), внедрением «гибридных» установлений и правовых режимов (например, в экологической сфере, в сфере финансовых услуг в связи с использованием финансовых технологий), которые при нарушении юридически определенных технологических параметров призваны «срабатывать» автоматически; необходимостью создания национальных правовых режимов для искусственного интеллекта и блокчейна (что требует так называемой бесшовной связи между гражданским кодексом и техническими регламентами), рационализации правового инструментария, включая экономию мер уголовно-правовой репрессии, процессуализации материальных прав (и материализации процесса), налаживанием связей между традиционными и инновационными правовыми регуляторами, что особенно характерно для цифровой среды, и др. Очевидно, что междисциплинарный анализ является основным инструментом исследования интраструктурных связей, так как традиционная методология, применяемая в юридических исследованиях, не способна исчерпывающе объяснить причины интеграционных процессов в сфере действия права[47].

Эксплицитный тип связей и соответствующий ему тип междисциплинарного взаимодействия в современной юридической науке указывает на внешний контур интеракций права, или его взаимодействие на метаправовом уровне с компонентами среды его действия, позиционируя взаимодействие права и экономики, права и политики, права и морали и т.д.

Исследование проблемы позволяет обобщенно обратить внимание на следующие формы взаимодействия права во внешней среде его действия. Это, *во-первых*, применение в юридическом исследовании инструментария

---

[45] Под воздействием комплекса факторов, меняющихся условий среды действия права и прочего интраструктурные связи принимают самые разнообразные формы: находят проявление в форме субсидиарного правоприменения в случае необходимости восполнения пробелов, когда, как это часто случается, нормы Гражданского кодекса применяются к семейным или трудовым отношениям в части имущественных сделок; в ситуации действия бланкетных предписаний охранительных актов законодательства, например когда для определения состава преступления бланкетные предписания Уголовного кодекса отсылают к нормам экологического, трудового права; в случаях установленного в судебном правоприменении действия преюдициальности. Это также связано с действием в праве так называемых комплексных институтов, правил разрешения коллизий и др.

[46] *Червонюк В. И.* Структура права: теория, методология, технологии и практики формирования. С. 113–130.

[47] Видимо, практика законодательствования не должна оставаться безучастной к отмеченным новациям, в связи с чем представляется целесообразным уже в пояснительной записке на представляемый в Государственную Думу законопроект не только приводить перечень нормативных правовых актов, в которые потребуется внести изменения, но и представлять обоснованный прогноз воздействия проектируемого закона на уже урегулированные сферы отношений — среду действия права. В нынешних условиях отмеченное не является предметом оценки для инициатора законопроекта, регламентные нормы не обязывают обсуждать данный вопрос на стадии реализации права законодательной инициативы. В то же время в практику законодательствования, пусть и весьма избирательно, внедряется правотворческий эксперимент, в том числе имеющий своим назначением устранять в позитивном праве внутриструктурные рассогласования (см.: *Червонюк В. И.* Правотворческий эксперимент в структуре прикладной юриспруденции и в инструментарии законодательных стратегий в условиях цифровизации // Юридическая техника : ежегодник. 2024. № 19. С. 45–60).

(языка, понятийного аппарата, методов и концепций) одной или нескольких неюридических смежных научных дисциплин для исследования одного и того же объекта юридического анализа. Такой формат исследования применяется во всех случаях, когда того требуют объект и обусловленный целью исследования предмет анализа. Это, в частности, осмысление фундаментальной проблемы личности в праве и права в личности; исследование феномена восприятия права, не получившего сколько-нибудь обстоятельного анализа, притом что его познание требует привлечения инструментария разных наук — антропологии, общей и социальной психологи, социологии и социобиологии, политологии, нейролингвистики, равно как и современных цифровых (умных) технологий, в частности технологий big data (больших данных). Несмотря на то обстоятельство, что в правовой доктрине восприятие права рассматривается как структурная часть, цикл действия права[48], оценка восприятия принимаемого закона не является обязательным условием реализации права законодательной инициативы, а равно вводимых в цифровую среду регуляторов, не является предметом анализа мониторинга законов, не вовлечена в научный дискурс.

Междисциплинарный формат характерен для исследования взаимосвязей права и интересов — доминантного правообразующего фактора[49]. Это комплексная проблема, исследование которой требует привлечения возможностей множества дисциплин, притом не только обществоведческого характера. Пока правовая мысль застряла на уровне познания проблемы в формате исторического материализма, между тем как все сферы действия права находятся под определяющим влиянием интересов. Методологическое значение интереса для сущностного понимания права, равно как и объяснения природы правообразования и действия права, заключено собственно в свойствах интересов: их объективно-субъективной природе, динамизме, подвижности и изменчивости, противоречивости, аффилированности, или зависимости, а также взаимосвязи, взаимопроникновении с другими интересами, способности к сочетанию, выражению и реализации. Присущие интересам свойства указывают на то, что именно они являются доминантой правового развития[50].

В этой же связи требует комплексного анализа феномен ценностей в праве. Располагающиеся за интересами ценности хотя и стали объектом внимания юристов, но нередко исследуются отвлеченно, часто не адаптированно к действительным потребностям развивающейся практики, равно как и к действительной

---

[48] См.: *Гойман В. И.* Действие права. Методологический анализ : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 1992. С. 9, 21–22.

[49] *Червонюк В. И.* Интерес как первопричина правообразования и доминанта изменений законодательства // Юридическая техника. 2023. № 16. С. 456–470.

[50] Современный тип (теоретическая конструкция) правопонимания и соответствующая ему модель организации законодательной деятельности не могут отвлекаться от закономерных взаимосвязей права и интересов. Если государство стремится к тому, чтобы регулятивный потенциал права не сводился исключительно к формам принудительного обеспечения поведенческих актов людей, в содержании законов должны найти воплощение жизненно важные интересы, реализация которых имеет объективное основание. В ином случае право рискует превратиться в абстрактно-умозрительный регулятор, никак не связанный с реальной жизнью, а сила права будет подменена силовыми действиями государства по обеспечению его действия (см.: *Червонюк В. И.* Идея права и право в идеях : монография : в 2 т. М. : Юстицинформ, 2021. Т. 1 : Теория, философия и методология права. С. 142, 111–157). Воздействуя на право, интересы подчиняют своему влиянию предмет правового регулирования и таким образом совокупно выражают его. Соответственно, интересы, а не абстракция «общественные отношения» выступают предметом правового регулирования. Имплицитно существующая связь интересов с правами человека — формирующийся интерес, идентифицируемый в качестве социального притязания, составляет первооснову всякого права (свободы), указывает на то, что интересы становятся частью идеи права. Эту социогуманитарную сущность права — связь с интересами и правами человека — интернализует и выражает современный тип правопонимания. Интересы, являясь причиной действий и поступков, деятельности социального субъекта, получают выражение в праве при условии их уравновешивания с другими, в том числе несовпадающими интересами. Необходимость выражения в праве согласованного интереса формирует особенный метод правового регулирования — метод согласования интересов (см.: *Червонюк В. И.* Структура права. С. 792–824).

природе ценностей[51]. Это, в частности, касается разрешения достаточно сложной проблемы выражения в законе баланса интересов. При этом имеется в виду, что при определении в законе баланса интересов взвешиванию подлежат не являющиеся предметом правового регулирования интересы, а ценности. Методологию, технику и технологии взвешивания ценностей, определения их веса (иерархии) каждый раз определяет законодатель, полагаясь на собственную дискрецию в данном вопросе. Понятно, что асимметрия интересов в принятом законе вовсе не исключена[52]. Свои коннотации в данную проблему привносит цифровизация. В условиях стремительно внедряемых в различные области жизни цифровых технологий всё заметнее становится, как искусственный интеллект начинает с легкостью оперировать «материальными интересами» и «нормами-алгоритмами» (эта действительная природа — метафизика — интереса (ценности) сложно поддается формальному взвешиванию и оцифровке), формализуя реальный интерес до такой степени, что его суть, объективно присущие ему свойства выхолащиваются. Ценности, в том числе конституционно признанная экономическая, политическая и социальная солидарность как критерий формализуемых интересов[53], при этом не принимаются в расчет. Симптоматично, что в последние годы высшие суды в принимаемых ими решениях (в основном в мотивировочной части) кратно увеличили отсылки к ценностям, что, несомненно, важно. Но ведь в такой же пропорции данное обстоятельство должно привести к повышению предсказуемости и/или справедливости выносимых решений. Очевидно, что осмысление с позиции междисциплинарного анализа феномена интересов во взаимосвязи с конституционно определенными ценностями позволило бы совершенно по-иному расставить акценты.

Междисциплинарного освоения требует проблема правогенеза в широком социокультурном и историческом контексте, позволяющая познать фактическую («социальную») нормативность и механизм ее легитимации, включая формально-юридическое признание, равно как и нахождение в этой связи так называемой нормы признания, необходимой для позитивации уже обнаружившихся в правовой действительности регуляторов. Это принципиально новое научное направление нуждается в специальном многоформатном анализе, в том числе в контексте «заявления США о порядке, основанном на правилах»[54], безусловно поддерживаемого союзниками США и воспринятого многими западными теоретиками, придерживающимися той позиции, что

---

[51] Приведем в пример одну из работ, в которой достаточно известный автор весьма размашисто представляет оценку концепта ценностей права, равно как и ценности права (см.: *Белов С. А.* Ценность права и ценности права // Российский юридический журнал. 2025. № 2 (161). С. 7–30). При этом предложенное в публикации определение ценности права (с. 9) уже представлено в компетентной литературе, то есть имеет своего автора. Видимо, убеждая самого себя в том, что «почти ничего не сказано о ценности самого права…» (с. 9), цитируемый автор решительно оппонирует академику С. С. Алексееву, искренне полагая, что свойства права не позиционируют его инструментальную ценность, и утверждает, что «правовые ценности — это те социальные ценности, которые в определенных социальных условиях воплощаются в правовом регулировании, отражаются в содержании правовых норм или принимаемых на их основе решений» (с. 10). Как говорится, без комментариев.

[52] *Червонюк В. И.* Баланс интересов как идея права, общеправовой концепт (правовая ценность), юридическая конструкция и технологии обеспечения // Криминологический журнал. 2021. № 3. С. 37–43.

[53] См.: *Червонюк В. И.* Солидарность как основа общегражданского согласия — парадигмы современного конституционного развития // Право и государство. 2023. № 10. С. 56–61.

[54] В понимании Д. Миршаймера, профессора Чикагского университета, такой порядок представляет собой организованную группу международных институтов, помогающую могущественным державам декларировать «правила» и направлять действия слабых государств таким образом, чтобы они удовлетворяли их интересы. «Когда правила не соответствуют интересам тех же доминирующих государств, они игнорируют или переписывают эти правила». Таким образом, заключает Д. Миршаймер, подобная процедура международного нормотворчества разрушает представление о согласительном характере создания норм международного права, основанном на суверенном равенстве государств. Соответственно, «это никак не предоставляет данным правилам качества универсального регулятора международной системы в целом» (*Mearsheimer J.* Bound to Fail: the Rise and Fall of the Liberal Intemadona J Order // International Security. 2019. Vol. 43. No. 4. P. 7–11).

«международное право лежит в основе такого порядка»[55]. Требуют оценки обнаружившиеся в этой связи в западной политической и правовой науке «новые» теоретические подходы к поиску источников нормативности за рамками международного права[56]. Следуя отмеченной «парадигме», представители западных научных центров настойчиво продвигают (точнее: навязывают) мысль о том, что в современном международном нормотворчестве регулятивное (обязательное) значение приобретают не отличающиеся конвенциональностью решения субъектов международного общения, а цели, задачи международного сотрудничества и служащие индикаторами их достижения количественные показатели[57]. Постулируемое положение агрессивно внедряется в международно-правовую доктрину. Мысль о том, что именно цели, задачи и их количественные показатели приобретают самостоятельное значение в межгосударственном взаимодействии, привнося в него собственную «нормативность», становится идеологией и философией государств, для которых международный правопорядок есть порядок, основанный на декларируемых ими правилах. Противники такого подхода в среде западных исследователей отмечают, что «проблемой является не только подмена сложного, в том числе нормативно-правового, контекста крайне упрощенными техническими показателями, но и завуалированность политического выбора в решениях, принимаемых на основе индикаторов, отстранение от процедур его правового оформления»[58].

Понятно, что предложенная квазиконструкция нормативности международного правопорядка, основанная на отрицающих всякую легитимность «правилах», также должна быть в оптике междисциплинарного анализа.

Во-вторых, следствием более высокой степени междисциплинарного взаимодействия, в сравнении с отмеченными его формами, является возникновение новой междисциплинарной отрасли юридического знания. Так, на стыке двух или более научных дисциплин сформировалась юридическая конфликтология — междисциплинарная отрасль знания, предметом изучения которой является природа юридических конфликтов, обоснование правовых средств их предупреждения и локализации. Это также сформировавшаяся на основе общей антропологии и правоведения юридическая антропология — область знания, обращенная к человеку, его правовой жизни (правовому бытию). Своего рода ответом науки на социальные вызовы современного общества можно считать появление в последней четверти XX в. легиспруденции, или учения о

---

[55] См.: *Jorgensen M.* The Jurisprudence of the Rules-Based Order: the Power of Rules Consistent with but not Binding under International Law // Melbourne Journal of International Law. 2022. Vol. 22. No. 2. P. 221–259 ; *Bashfield S.*, *Katselli Proukaki E.* The Rules-Based Order, International Law and the British Indian Ocean Territory. Do as I Say, not as I Do // German Law Journal. 2022. Vol. 23. No. 5. P. 713–718 ; *Dugard J.* The Choice Before Us: International Law or a «Rules-Based International Order»? // Leiden Journal of International Law. 2023. Vol. 36. No. 2. P. 223–224 ; *Lake D.*, *Martin L.*, *Risse T.* Challenges to the Liberal Order: Reflections on International Organization // International Organization. 2021. Vol. 75. No. 2. P. 225–257.
Описание западной аргументации в пользу «порядка, основанного на правилах», представлено также в работе: *Vylegzhanin A. N.*, *Neverov B. I.*, *Voronin E. R.*, *Magomedova O. S.*, *Zotova P. K.* The Term «Rules-Based International Order» in International Legal Discourses Law // Moscow Journal of International Law. 2021. No. 2. P. 40–42, 47–57.

[56] См., например: *Lake D.*, *Martin L.*, *Risse T.* Op. cit. P. 225–257 ; *Vylegzhanin A. N.*, *Neverov B. I.*, *Voronin E. R.*, *Magomedova O. S.*, *Zotova P. K.* Op. cit.

[57] См.: *Захаров Т. В.* К вопросу о трансформации современного международного правового порядка. (Обзорная статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Серия «Государство и право». 2024. № 3. С. 194–205 ; *Duvic-Paoli L.* International Law: a Discipline of Ambition // Leiden Journal of International Law. 2023. Vol. 36. No. 2. P. 235–237 ; *Ellis J.*, *Edmonds D.* Coming to Terms with the SDGs: A Perspective from Legal Scholarship // Leiden Journal of International Law. 2023. Vol. 36. No. 2. P. 251–252.

[58] См.: *Захаров Т. В.* Указ. соч. С. 200 ; *Bashfield S.*, *Katselli Proukaki E.* Op. cit. P. 718 ; *Dugard J.* Op. cit. P. 223–224.
Парадоксально, но «правовая основа» для легализации правил представлена в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 19.09.2015 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». Цели в области устойчивого развития определены как «дорожная карта» — план построения устойчивого глобального общества.

законе (лексологии), — интердисциплинарной отрасли знания, объединившей как юридические, так и множество академических дисциплин, занимающихся различными аспектами законодательной деятельности[59]. Точно так же на пересечении экономики и права (преимущественно конституционного) сложилась научная дисциплина, получившая название конституционной экономики. Очевидно также, что к междисциплинарным отраслям знания следует отнести и утверждающуюся (в сознании юристов, ибо практика давно уже признала необходимость и ценность таковой) прикладную юриспруденцию[60] и наиболее значимые ее составляющие — правовую диагностику, правовые технологии, теорию социально-правовых рисков. В литературе дружественных стран высказана мысль о целесообразности институционализации юридической квалиметрии как науки и специфической области научного знания, в основе которой находится квалиметрическое право[61]. Обращено внимание, что в современных реалиях *определение особенностей и перспектив трансформации культуры правоприменения возможно в том числе посредством нового междисциплинарного направления — правовой меметики*[62]. Пробивает себе дорогу идея политологии права[63]; к междисциплинарным отраслям знания предлагается относить юридическое управление — научное направление, которое институционализируется на стыке юридических и экономических наук, а также наук в области управления[64]. Предложена аргументация признания синтетической отраслью знания юридической историографии[65].

В сферу междисциплинарного анализа исследователей из разных стран (Австралии, Бельгии, Бразилии, Германии, Ирландии, Италии, Канады, Польши, США, Японии) вовлекается проблема эстетики права, исследуемая в зарубежной литературе и в последнее время привлекшая внимание в отечественном дискурсе; эстетика права изучает взаимосвязь между правом и красотой, выявляет эстетические ценности в праве, искусстве и культуре, позволяет рассматривать право как инструмент эстетизации в том смысле, что закон не функционирует отдельно от средств его выражения, которые подлежат эстетической интерпретации[66].

На стыке экономики и права активно развивается такое научное направление, как Law and Economics, которое, по мнению основателей этой теории, воспринимает право и экономику в качестве равноправных элементов системы социальных отношений при двусторонности их отношений[67]. С этой точки зрения право по меньшей мере нуждается в экономической теории для понимания и оценки его «поведенческих последствий», в то время как «экономическая теория нуждается в праве для понимания подоплеки рынков»[68]. Существуют, правда, и вполне обоснованные возражения относительно научности такой теории, притом что связи права и экономики отнюдь не отрицаются[69]. В данном контексте использование метода экономической экстраполяции, соединяющего методы познания права и экономики,

---

59 См.: *Червонюк В. И.* Теория государства и права : учебник для вузов. М. : Инфра-М, 2006. С. 211.

60 *Червонюк В. И.* Прикладная юриспруденция и прикладные методы научного исследования в юридической отрасли науки. М. : Моск. ун-т МВД России, 2017.

61 См.: *Бондаренко Н. Л.*, *Конаневич Ю. Г.*, *Лысаковская Ю. О.* Квалиметрическое право как подотрасль кондиционного права (на материалах Республики Беларусь) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 2. С. 231–256.

62 *Залоило М. В.* Правовая меметика в исследовании правоприменения // Журнал российского права. 2024. № 11. С. 19–32.

63 Политология права : кол. монография / под ред. М. Ю. Мизулина и А. Ю. Сунгурова. СПб. : Алетейя, 2025.

64 *Стегостенко Е. В.* Юридическое управление : учеб. пособие. СПб., 2022.

65 См., например: *Кодан С. В.* Юридическая историография: общее понимание, направления исследований, междисциплинарные взаимодействия // Российский юридический журнал. 2024. № 6. С. 14–24.

66 См.: Эстетика права: от методологии к формам проявления = Aesthetics of Law: From Methodology to Manifestations / ed. K. Zeidler, J. Kamien. Cham : Springer, 2024. 430 p.

67 *Познер Р. А.* Экономический анализ права : в 2 т. СПб., 2004. Т. 1 : Экономический анализ права. С. 30–38.

68 *Кутер А.*, *Улен Т.* Право и экономика. М. : Дело ; РАНХиГС, 2018. С. 12.

69 *Синицын С. А.* Экономический анализ права: возможности и ограничения, риски абсолютизации подхода // Журнал российского права. 2022. № 1. С. 47–60.

несомненно, приобретает инструментальную ценность в научном исследовании, притом не только при формировании «выводов, лежащих в области гражданского права»[70]. В новейшей политической лексике используется понятие «политическая география», обозначающее соответствующую отрасль политической науки, находящуюся на стыке с географией и презюмирующую базовую мысль (гипотезу) о том, что пространственная организация Земли предопределяет территориальную расстановку политических сил[71]. Очевидно, что положения и выводы указанной отрасли междисциплинарного знания могут и должны рассматриваться в том числе и в контексте конституционной географии — феномена, в такой же мере пребывающего в зоне действия междисциплинарного знания[72].

Поскольку право в конечном счете подчинено общей цели — согласованию поведения наделенного правосубъектностью человека с императивными требованиями закона, а равно диспозитивными и рекомендательными правоположениями, особую актуальность представляет становление и развитие правовой антропоэтологии как научного направления, призванного на базе современного знания обслуживать процессы восприятия права и его перевода в реальное социально востребуемое поведение[73]. Возникшая в русле развивающейся в отечественном правоведении социологии права в 80-е гг. XX в. поведенческая проблематика по прошествии немногим десяти лет, по сути, угасла. Современная же социология права не встроена в обслуживание механизмов действия права, между тем как, в частности, бурно развивающаяся цифровая реальность властно напоминает о злободневности такого рода исследований.

В-третьих, это требующие приложения методологии междисциплинарного анализа, объективно возникающие в новой реальности междисциплинарные области, или пространства, например цифровая экономика, цифровая среда вообще, миграция. В таких особо значимых и масштабных областях, в зависимости от цели исследования, выделяется приоритетная сфера базового юридического знания, приложимая к той части освоения междисциплинарного пространства, которая связана с компетентностью исследователя (исследователей); гибридизация полученных в таком формате знаний обеспечивает достижение общей задачи, сформулированной в актах стратегического планирования, и при этом не ведет к образованию новых научных дисциплин. Как справедливо замечено, синтез применяемого знания имеет сугубо академическое значение[74].

В-четвертых, специальный, трансдисциплинарный формат методологии междисциплинарного анализа — преобразование юридической науки, приобретение качеств, ранее неспецифичных для нее. Для такого преобразования теория права прежде всего должна воспринять и использовать базовые принципы современной эпистемологии («новой» методологии): принципы детерминизма, соответствия и дополнительности[75].

Очевидно, что существует множество других факторов, требующих вовлечения в сферу юридических исследований методологии междисциплинарного анализа. Так, на стыке практически всех отраслей научного знания, которые в той или иной мере направлены на изучение человека и человеческой цивилизации, — исто-

---

[70] *Козлова Е. Б.* Развитие методологии цивилистических исследований в условиях цифровой трансформации экономики // Право и цифровая экономика. 2024. № 3. С. 5–14.

[71] География мира : учебник и практикум для вузов : в 3 т. 2-е изд., пер и доп. / Н. В. Каледин, С. С. Лачинский [и др.]. М. : Юрайт, 2019. Т. 1 : Политическая география и геополитика. 390 с. ; *Окунев Н. Ю.* Политическая география : учебник для вузов. 3-е изд., доп. и испр. М. : Аспект-Пресс, 2025. С. 10, 11.

[72] См.: *Червонюк В. И.* Сравнительное конституционное право. М., 2025. С. 178, 1364.

[73] Среди инновационных механизмов влияния на восприятие права заметна роль внедряемых в последние годы в законодательствование зарубежных стран нейролингвистических технологий; сконструированный на основе их применения закон более всего воспринимается массовым правосознанием, вследствие чего уже в момент введения его в действие у адресатов формируется к нему позитивное отношение (*Червонюк В. И.* Идея права и право в идеях. Т. 1. С. 820).

[74] *Затонский В. А.* Междисциплинарный подход — методологическая основа определения эффективности права и правоприменения // Государственно-правовые исследования. 2020. Вып. 3. С. 392–397.

[75] См.: *Червонюк В. И.* Методология подготовки научного исследования в юридической отрасли науки. М., 2017. С. 126–134.

рии, археологии, психологии и антропологии, социологии, этнологии и др. — находится проблема символизации и символов в праве[76]. Осмысления требуют различные по своему характеру, но вместе с тем органично между собой связанные вопросы: 1) символическая реальность и символизация в праве[77]; 2) правовые символы как вид правовых регуляторов, а также иные вопросы, ранее не попадавшие в оптику отечественной и зарубежной теоретической юриспруденции[78]. Осмысление правовой составляющей поставленной проблемы требует привлечения нового методологического ресурса, принципиально отличающегося от того, который воспринят традиционной теорией права, смены исследовательской парадигмы.

Пределы междисциплинарности. Использование методологии междисциплинарности не ослабляет и не отменяет требования точности и определенности результатов и характера научного исследования, не размывает понимания его научной ценности и связанной с этим практической результативности и действительной значимости формулируемых выводов и обобщений, обоснованных рекомендаций. В этой связи задача обеспечения валидности и надежности полученных результатов в междисциплинарном исследовании не снимается с повестки дня, приобретая особое значение.

Вместе с тем в контексте обсуждаемой проблемы логичен вопрос «экзистенциальной» значимости — сохранение чистоты, или дисциплинарного статуса, юридических ветвей научного знания и, соответственно, их самостоятельности в структуре научного знания. Можно было бы согласиться с предположением о том, что, создавая новые отрасли научного знания, исследователи хотя и выходят за дисциплинарные рамки, однако не ставят перед собой цели упразднять предметные и методологические границы между дисциплинами, образующими новую отрасль знания[79]. Здесь, видимо, уместной будет аналогия с такой наукой, как биохимия: синтез химии и биологии никак не устраняет самостоятельного (дисциплинарного) статуса ни химии, ни биологии. В то же время вывод о том, что при «гибридизации научного знания… теоретические конструкции, используемые специалистами, не допускают чужеродных терминов и не пропускают их в предметное пространство своей дисциплины»[80], специфичен исключительно для междисциплинарного взаимодействия социальных (и гуманитарных) дисциплин с естественными (и техническими) дисциплинами.

Отсюда вопрос о пределах дисциплинарных границ и, соответственно, пространстве междисциплинарной интервенции в сферу теоретической юриспруденции остается открытым, притом что он не решается по принципу «или-или»: заключены дисциплинарные границы только в предмете или только в методе исследования. Очевидно, что поиск правильного ответа требует в одинаковой мере не только погружения в предмет и метод исследования, но и обращения к личности исследователя, его предпочтениям, компетентности; равным образом справедливым будет и вывод о том, что «ответ на эти и другие вопросы состоит в определении фундаментальных оснований юридической науки в целом и составляющих ее единиц»[81].

Пределы междисциплинарности — это такие красные линии, которые, несмотря на активное заимствование методов других наук, призваны обеспечить сохранение автономии

---

[76] Так называемый лингвистический поворот в науке, давший толчок развитию феноменологии, герменевтики и лингвистической философии, обусловлен изменяющимся характером правовой реальности и буквально вынуждает исследователя при анализе символического в праве использовать методологический ресурс семиотики и лингвистики, методы и принципы феноменологии и герменевтики.

[77] *Червонюк В. И.* Символизация (не-симуляция символического) в механизме действия права: традиционная оценка и нарративы эпохи метамодерна // Юридическая техника. 2026. № 18. Представляется, что к концептуальным «поворотам» в науке, наряду с визуальным, в такой же мере следует относить и символьный «поворот».

[78] См.: *Червонюк В. И.* Правовые символы в структуре правовых регуляторов // Евразийский юридический журнал. 2025. № 11. С. 103–109.

[79] *Пржиленский В. И.* Идея права в контексте эволюции техносоциальных систем // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 8. С. 11–19.

[80] *Пржиленский В. И.* Идея права в контексте эволюции техносоциальных систем.

[81] *Веденеев Ю. А.* Юридическая наука в системе междисциплинарных связей // Lex russica. 2017. № 6. С. 18.

права, его собственной внутренней логики и инструментальной ценности, не позволяя праву полностью раствориться в экономике, социологии или цифровых алгоритмах, исключая тем самым утрату своей экзистенциальности и качества наиболее эффективного регулятора в социальной (и виртуальной) среде.

Таким образом, с утверждением в юридической науке методологии междисциплинарности возникает вполне логичный вопрос о пределах междисциплинарного влияния на предмет отдельной отрасли знания, или о чистоте науки. Это и вопрос о том, в чем же действительно был прав Г. Кельзен, отстаивая чистоту теории права. Не соглашаясь с основоположником нормативистского учения относительно его вывода об отчужденности права и даже солидаризуясь с постулатом новейших правовых учений о том, что познание государства и права не является исключительно монополией теоретической юриспруденции и государствоведения, можно было бы резюмировать: познание сущности права находится за его пределами, имеет сугубо метаправовое значение. Речь идет о поиске ответа на основной вопрос правовой науки — о правопонимании. Казалось бы, понятны часто раздающиеся призывы к тому, что, для того чтобы уяснить сущность права, нужно «отойти от права». Вполне уместны вопросы о том, насколько далеко надо «уйти от права», чтобы его суть открылась; в какую сторону должно быть движение от права, где эта локация, которая скрывает сущность (силу) права. Если не погружаться в мир иллюзий (вроде сказки о Кощее Бессмертном), то вопрос о том, в какой части «социальной материи» заключена сила (сущность) права, остается открытым, притом не только для истых последователей постнеклассики. Право, действительно, субстанция, которая погружена в социальную действительность, вплетена во многие социальные структуры, эти связи принципиально важны для оценки регулирующего воздействия — силы права. Междисциплинарное проникновение в существо проблемы все-таки имеет больше шансов на успех.

Проблема пределов междисциплинарного взаимодействия в праве имеет непосредственное значение для юридической практики, поскольку выбор средств правового регулирования определенной предметной сферы, в частности экономических отношений, должен основываться как на общих (междисциплинарных) принципах, так и на собственно отраслевых[82]. Неоправданное смешение частноправовых и публично-правовых средств регуляции способно повлечь необоснованное сужение возможностей правопользователей, возложение на них дополнительных обременений; хуже того, если в юрисдикционной деятельности вместо средств административного принуждения применяются уголовно-правовые средства, в частности в ситуации административной преюдиции[83]; это также наблюдаемая в практике налоговых органов квалификация налоговых правонарушений (административно-правовых составов), в том числе посредством привлечения уголовно-процессуальных средств доказывания, а равно материалов оперативно-разыскных мероприятий, что «стирает грани между налоговым, административным и уголовным процессами»[84] и противоречит принципу разумных (законных) ожиданий.

Последствия смешения в правовом регулировании частноправовых (основанных на равенстве и автономии воли) и публично-правовых (основанных на власти и подчинении) методов регулирования — одна из самых острых проблем правоприменения, игнорирование которой приводит к публицизации частного права и/или, соответственно, коммерциализации публичного управления. При смешении методов (например, в налоговых спорах с элементами гражданского права) налогоплательщик часто лишается защиты, так как государство использует гражданско-правовые инструменты (взыскание убытков), сохраняя за собой властные полномочия публичного органа. Смешение ведет к появлению межотраслевых санкций, например, за нарушение частного договора может автоматически последовать публичный запрет на профессию или блокировка цифровых счетов.

---

[82] *Сморчкова Л. Н.* К вопросу о методологии административно-правового регулирования в сфере экономики // Административное право и процесс. 2024. № 6. С. 15–18.

[83] Важно, чтобы сформулированные в этой связи Конституционным Судом РФ правовые позиции (постановления от 21.12.2011 № 30-П, от 10.02.2017 № 2-П) приобрели качество конституционно-судебной доктрины и стали нормой для судов общей юрисдикции.

[84] *Султанов А. Р.* Борьба с пробелами в Налоговом кодексе Российской Федерации и фиксированными идеями в налоговых спорах : монография. М., 2022.

Предельный по своему уровню вопрос о том, порождает ли междисциплинарность новый тип юридической науки, которая, сохраняя ядро специально-юридического знания, в то же время существенно мигрирует в область неправового знания (исторического, культурологического, информационного, технического), указывая одновременно на ранее недоступные для традиционного взгляда сферы правового познания. В этой связи в тренде утверждающейся в современной юридической науке методологии междисциплинарного анализа можно сделать вывод о том, что новую версию социологии права, появление которой обусловлено потребностями объяснения фундаментальных трансформаций в системах нормативного регулирования социальных отношений, отличает собственный предмет — «изменения не формальных, а онтологических и культурно-исторических оснований права и определение новых дисциплинарных кластеров или группировок взаимосвязанных понятий и конструкций»[85]. Понятно, что в том виде, как предложены далеко не отдельные версии предмета и содержания социологии права, это не может удовлетворять потребностям современного уровня развития знания и уж тем более оставляет безучастными к такой «социологической мысли» в праве сферу обеспечения законодательствования, правоприменения и правоохраны.

Вместо заключения

Как отмечалось, междисциплинарность имеет разные уровни проявления — от ее простых форм (вроде информационного обмена между науками) до таких форм ее объективации, как трансдисциплинарность и кроссдисциплинарность. Вполне возможно, что именно на этих уровнях юридическая наука существенным образом меняет свой «облик», не отчуждаясь от действительного своего объекта, в ее оптику попадает анализ культурно-исторического контекста, в том формате, как это далеко не общим образом уже представлено в компетентной литературе. Речь идет об «образовании в составе юридической науки комплексной научной дисциплины со своим предметом, языком и методами исследования права — культурно-исторической юриспруденции в системе определений новой социологии и антропологии права»[86]. В данном контексте, если междисциплинарность (предполагающая контекстуальность) есть имплицитно присущее юридической науке свойство, то теорию права одновременно с полным основанием следует квалифицировать в статусе метатеории социокультурного и правового пространства.

Гипотетически можно предположить, что под влиянием междисциплинарности и трансдисциплинарности правовая наука, не расставаясь с ее приверженностью к правовым текстам, трансформируется, всё более приобретая черты науки о сложных социальных и технологических системах. Трансдисциплинарный подход властно напоминает, что право — это одна из регулятивных систем, притом что в зоны его действия активно вовлекаются новые регуляторы, в особенности программный код (Code is Law) и биоэтика. Не изменяя своей сути и социального назначения, право всё более будет призвано координировать действия других регуляторов, тем самым обеспечивая защиту прав человека в цифровой среде. В ситуации, когда алгоритмы могут принимать решения, именно правовая наука должна дать ответ на вопрос, почему определенные сферы жизни — правосудие, образование и воспитание, медицина — должны оставаться исключительно под контролем человека (а право и практика отличаться человекоцентричностью), притом что машина (техническое устройство) работает «эффективнее». Существенного обновления потребует методологический ресурс юридической науки: в новых условиях оценка качества и эффективности действия закона, равно как и исследование имплицитных и эксплицитных связей в праве, неизбежно повлекут за собой использование возможностей big data, привлечения методов эмпирического анализа и математического моделирования; конструирование регуляторных песочниц и моделей опережающего регулирования в новых условиях становятся непременными задачами развивающейся правовой доктрины. В оптике методологии междисциплинарного анализа — ревизия фундаментальных понятий, в частности концептов вины, субъекта, объекта, имущества и др. В то же время нельзя сказать, что изолированное от политики, экономики и психологии

[85] *Веденеев Ю. А.* Указ. соч. С. 21–22.
[86] *Веденеев Ю. А.* Указ. соч. С. 21.

«чистое учение о праве» становится нежизнеспособным. Но в контексте новых реалий оно требует радикального переосмысления и переоценки, недоступных для эпохи основателя нормативистского учения. В этих условиях точность (научность) теории права измеряется не ее «стерильностью» (отсутствием примесей других наук), но отсутствием ошибок в регуляторном воздействии, управлении социальной (и виртуальной) реальностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Богданов А. В. Административная преюдиция в уголовном праве России : монография. М. : Юрлитинформ, 2021. 166 с.

Бондаренко Н. Л., *Конаневич Ю. Г.*, *Лысаковская Ю. О.* Квалиметрическое право как подотрасль кондиционного права (на материалах Республики Беларусь) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 2. С. 231–256.

Бушковская Е. А. Феномен междисциплинарности в зарубежных исследованиях // Вестник Томского университета. 2010. № 330. С. 152–155.

Веденеев Ю. А. Юридическая наука в системе междисциплинарных связей // Lex russica. 2017. № 6. С. 9–31.

География мира : учебник и практикум для вузов : в 3 т. Т. 1 : Политическая география и геополитика / Н. В. Каледин, С. С. Лачинский [и др.]. 2-е изд., пер. и доп. М. : Юрайт, 2019. 390 с.

Доронина Н. Г., *Семилютина Н. Г.*, *Цирина М. А.* Значение коллизионного и сравнительного метода исследования для правового регулирования науки и научной деятельности // Международное публичное и частное право. 2021. № 2. С. 13–18.

Залоило М. В. Правовая меметика в исследовании правоприменения // Журнал российского права. 2024. № 11. С. 19–32.

Захаров Т. В. К вопросу о трансформации современного международного правового порядка. (Обзорная статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Серия «Государство и право». 2024. № 3. С. 194–205.

Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. / отв. ред. О. В. Воробьева, З. А. Чеканцева. М. : ИВИ РАН, 2012. 406 с.

Клюканова Л. Г. Интерпретативные характеристики российского экологического права // Экологическое право. 2024. № 3. С. 7–13.

Кодан С. В. Юридическая историография: общее понимание, направления исследований, междисциплинарные взаимодействия // Российский юридический журнал. 2024. № 6. С. 14–24.

Козлова Е. Б. Развитие методологии цивилистических исследований в условиях цифровой трансформации экономики // Право и цифровая экономика. 2024. № 3. С. 5–14.

Корсаненкова Ю. Б. Взаимосвязь отраслей трудового права и права социального обеспечения через системно-структурные уровни права // Трудовое право в России и за рубежом. 2020. № 4. С. 11–14.

Летопись российской юридической науки : в 5 т. / кол. авторов ; отв. ред. Т. Я. Хабриева. Т. 3. М. : ИЗиСП при Правительстве РФ, 2023. 282 с.

Междисциплинарность в науках и философии / отв. ред. И. Т. Касавин. М. : ИФРАН, 2010. 205 с.

Микешина Л. А. Современная эпистемология гуманитарного знания: междисциплинарные синтезы. М. : Политическая энциклопедия, 2016. 436 с.

Моисеева А. П., *Ланкин В. Г.*, *Кондратьева И. В.* Социальная инженерия в контексте трансдисциплинарности : монография. Томск : Изд-во ТПУ, 2012. 239 с.

Окунев Н. Ю. Политическая география : учебник для вузов. 3-е изд., доп. и испр. М. : Аспект-Пресс, 2025. 506 с.

Политология права : кол. монография / под ред. М. Ю. Мизулина и А. Ю. Сунгурова. СПб. : Алетейя, 2025. 416 с.

Правовое обеспечение безопасного использования генетической и геномной информации : учебник для вузов / под ред. Л. Н. Берг, А. В. Лисаченко. М. : Юрайт, 2025. 123 с.

Пржиленский В. И. Идея права в контексте эволюции техносоциальных систем // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 8. С. 11–19.

Пржиленский В. И. Междисциплинарность — методология инновационной деятельности // Трансформация моделей правового регулирования объектов инновационной инфраструктуры в современном праве: российский и зарубежный опыт : монография. М. : Проспект, 2021.

Саямов Ю. Н. Биоэтика и глобальные вызовы современности. Документы и размышления. М. : Вече, 2020. 766 с.

Синицын С. А. Экономический анализ права: возможности и ограничения, риски абсолютизации подхода // Журнал российского права. 2022. № 1. С. 47–60.

Степин В. С. История и философия науки : учебник. 6-е изд. М. : Академический проект, 2024. 487 с.

Трансформация моделей правового регулирования объектов инновационной инфраструктуры в современном праве: российский и зарубежный опыт : монография. М. : Проспект, 2021. 592 с.

Уголовное право в системе межотраслевых связей: проблемы теории и правоприменения : материалы XIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 26–27 мая 2022 г. М. : Юрлитинформ, 2022. 536 с.

Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии / отв. ред. и сост. Г. А. Комарова. М. : ИЭА РАН, 2016. 458 с.

Хакен Г. Синергетика как мост между естественными и социальными науками / пер. Е. Н. Князевой // Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. М. : Прогресс-Традиция, 2003. С. 106–111.

Червонюк В. И. Сравнительное конституционное право : учебник. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2025. 1527 с.

Червонюк В. И. Структура права: теория, методология, технологии и практики формирования : монография. М. : Юстицинформ, 2024. 942 с.

Черникова И. В. Междисциплинарные и трансдисциплинарные методологии и технологии современной науки : учеб. пособие. Томск : Изд. дом Томск. гос. ун-та, 2018. 83 с.

REFERENCES

Berg LN, Lisachenko AV, (eds.). Legal support for the safe use of genetic and genomic information. Moscow: Yurayt Publ.; 2025. (In Russ.).

Bogdanov AV. Administrative prejudice in Russian criminal law. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2021. (In Russ.).

Bondarenko NL, Konanevich YuG, Lysakovskaya YuO. Qualimetric Law as a Sub-Branch of Conditional Law (a Case Study of the Republic of Belarus). *Perm University Herald*. *Juridical Sciences*. 2023;2(60):231-256. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2023-60-231-256.

Bushkovskaya EA. The phenomenon of interdisciplinarity in foreign studies. *Tomsk State University Journal*. 2010;330:152-155. (In Russ.).

Chernikova IV. Interdisciplinary and transdisciplinary methodologies and technologies of modern science. Tomsk: Tomsk State University Publ; 2018. (In Russ.).

Chervonyuk VI. Comparative constitutional law. Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot; 2025. (In Russ.).

Chervonyuk VI. Structure of law: theory, methodology, technologies and practices of formation: monograph. Moscow: Justicinform Publ.; 2024. (In Russ.).

Criminal Law in the System of Intersectoral Relations: Problems of Theory and Law Enforcement: Proceedings of the 13th Russian Congress of Criminal Law held on May 26–27, 2022. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2022. (In Russ.).

Doronina NG, Semilyutina NG, Tsirina MA. The Importance of the conflict of laws and comparative research method for the legal regulation of science and scientific activity. *Public International and Private International Law*. 2021;2:13-18. (In Russ.).

Haken G. Synergetics as a bridge between natural and social sciences. Trans. by E.N. Knyazeva. In: Synergistic paradigm. Man and society in instability. Moscow: Progress-Tradition Publ.; 2003. (In Russ.).

Kaledin NV, Lachinsky SS, et al. Geography of the World. In 3 vols. Vol. 1. Political Geography and Geopolitics. 2nd ed. Textbook and study guide for universities. Moscow: Yurayt Publ.; 2019. (In Russ.).

Kasavin IT, (ed.). Interdisciplinarity in the Sciences and Philosophy. Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy. Moscow: IFRAN Publ.; 2010. (In Russ.).

Khabrieva TYa, (ed.). Chronicle of Russian Legal Science. In 5 vols. Vol. 3. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 2023. (In Russ.).

Klyukanova LG. Interpretative Characteristics of Russian Ecological Law. *Environmental Law*. 2024;3:7-13. (In Russ.).

Kodan SV. Legal historiography: general understanding, areas of research, interdisciplinary interactions. *Russian Juridical Journal*. 2024;6:14-24. (In Russ.).

Komarova GA, (ed.). The phenomenon of interdiplinarity in domestic ethnology. Moscow: IEA PAN Publ.; 2016. (In Russ.).

Korsanenkova YuB. Relationship of Branches of Labor Law and Social Security Law through System-Structural Levels of Law. *Labor Law in Russia and Abroad*. 2020;4:11-14. (In Russ.).

Kozlova EB. Development of the Methodology of Civil Research in the context of Digital Transformation of the Economy. *Law and the Digital Economy*. 2024;3:5-14. (In Russ.).

Mikeshina LA. Modern Epistemology of Humanitarian Knowledge: Interdisciplinary Syntheses. Moscow: Politicheskaya Encyclopedia Publ.; 2016. (In Russ.).

Mizulin MYu, Sungurov AYu, (eds.). Political science law. St. Petersburg: Aletheya Publ.; 2025. (In Russ.).

Moiseeva AP, Lankin VG, Kondratyeva IV. Social Engineering in the context of Transdisciplinarity. Tomsk: TPU Publ.; 2012. (In Russ.).

Okunev NYu. Political Geography. 3rd ed. Moscow: Aspect-Press Publ.; 2025. (In Russ.).

Przhilensky VI. Interdisciplinarity as a Methodology of Innovation. Transformation of Models of legal regulation of innovative infrastructure in modern law: Russian and foreign experience. Moscow: Prospect Publ.; 2021. (In Russ.).

Przhilensky VI. The Idea of Law in the context of the Evolution of Technosocial Systems. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;8:11-19. (In Russ.).

Sayamov YuN. Bioethics and global challenges of our time. Documents and reflections. Moscow: Veche Publ.; 2020. (In Russ.).

Sinitsyn SA. Economic analysis of law: opportunities and limitations, risks of absolutization of the approach. *Journal of Russian Law*. 2022;1:47-60. (In Russ.).

Stepin VS. History and philosophy of science. 6th ed. Moscow: Academicheskiy proyekt Publ.; 2024. (In Russ.).

Transformation of models of legal regulation of innovative infrastructure in modern law: Russian and foreign experience. Moscow: Prospect Publ.; 2021. (In Russ.).

Vedeneev YuA. Legal Science in the System of Interdisciplinary Relations. *Lex russica*. 2017;6:9-31. (In Russ.).

Vorobyova OV, Chekantseva ZA, (eds.). Historical knowledge and historiographic situation at the turn of the 20th–21st centuries. Moscow: IVI RAS Publ.; 2012. (In Russ.).

Zakharov TV. On the transformation of the modern international legal order. (Review article). *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 4: State and Law*. 2024;3:194-205. (In Russ.).

Zaloilo MV. Legal memetics in the study of law enforcement. *Journal of Russian Law*. 2024;11:19-32. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Червонюк Владимир Иванович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права Московского ордена Почета университета МВД России имени В.Я. Кикотя
д. 12, ул. Академика Волгина, г. Москва 117997, Российская Федерация
v.chervonyuk@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir I. Chervonyuk, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Constitutional and International Law, Moscow Order of Honor University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot, Moscow, Russian Federation
v.chervonyuk@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 19 декабря 2025 г.
Статья получена после рецензирования 28 января 2026 г.
Принята к печати 15 сентября 2026 г.

Received 19.12.2025.
Revised 28.01.2026.
Accepted 15.09.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.239.10.031-041

Т. П. Шишмарева
Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Правовой статус кредиторов, требования которых субординированы в процедурах банкротства

Резюме. В статье исследован правовой статус кредиторов, требования которых могут быть понижены в очередности арбитражным судом, рассматривающим дело о банкротстве должника. Выявлены основания понижения очередности требований кредиторов: предписания Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», соглашения с кредиторами, а также положения, которые выработаны судебной практикой при толковании норм, регулирующих статус конкурсных кредиторов. Приведены признаки конкурсных кредиторов, требования которых, как правило, понижаются в очередности в судебной практике. Особое внимание уделено статусу конкурсного кредитора, заключившего с должником, находящимся в имущественном кризисе, договор компенсационного займа, в результате чего такой кредитор рискует утратить статус конкурсного кредитора, если по отношению к должнику он является контролирующим его или аффилированным с ним лицом. Установлено, что Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 23.12.2025 № 41 высказывает правовую позицию о понижении в очередности вследствие предоставления должнику компенсационного финансирования, если он находится в состоянии имущественного кризиса. Произведено сравнение с законодательством Германии, где субординация регулируется нормами закона. Сделан вывод о статусе субординированного кредитора как послеочередного кредитора, который не может обладать правами конкурсного кредитора после установления его требования судом, поскольку понижение очередности следует рассматривать как санкцию за недобросовестное поведение.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство); кризис должника; конкурсный кредитор; субординация; статус кредитора; послеочередные кредиторы; компенсационное финансирование; договор займа
Для цитирования: Шишмарева Т. П. Правовой статус кредиторов, требования которых субординированы в процедурах банкротства. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 10. С. 31–41. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.239.10.031-041

The Legal Status of Creditors whose Claims are Subordinated in Bankruptcy Proceedings

Tatyana P. Shishmareva
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper examines the legal status of creditors whose claims may be subordinated by the arbitrazh court hearing the debtor's bankruptcy case. It identifies the grounds for subordinating creditors' claims: pursuant to the provisions of the Federal Law on Insolvency (Bankruptcy); on the basis of agreements with creditors; and on grounds developed in judicial practice through the interpretation of rules governing the status of unsecured bankruptcy creditors. The study identifies the defining characteristics of an unsecured bankruptcy creditor whose claims are generally subordinated in judicial practice. Particular attention is paid to determining the status of

© Шишмарева Т. П., 2026

an unsecured bankruptcy creditor that has provided rescue financing to a debtor experiencing a financial crisis. Such a creditor may risk losing its status as an unsecured bankruptcy creditor where it is a person controlling the debtor or a person is affiliated with the debtor. The author analyzes the grounds for subordination set out in Resolution No. 41 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 23 December 2025. It concludes that the Plenum has articulated a legal position under which claims are subordinated where rescue financing is provided to a debtor in financial distress. The study compares German law, under which subordination is regulated by statute. The author concludes that a subordinated creditor should be regarded as a post-priority creditor and should not retain the rights of an unsecured bankruptcy creditor after its claim has been allowed by the court, because subordination should be treated as a sanction for the creditor's bad-faith conduct.
Keywords: insolvency (bankruptcy); debtor's financial crisis; unsecured bankruptcy creditor; subordination; creditor status; post-priority creditors; rescue financing; loan agreement
Cite as: Shishmareva TP. The Legal Status of Creditors whose Claims are Subordinated in Bankruptcy Proceedings. *Lex russica*. 2026;79(10):31-41. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.239.10.031-041

Введение

В российском законодательстве о несостоятельности (банкротстве) не полностью урегулированы правила субординации требований кредиторов, предоставивших займы юридическому лицу: хотя в судебной практике подходы к субординации сравнительно недавно сформировались, однако целостной концепции субординации не сложилось, несмотря на достаточно устойчивые правовые позиции Верховного Суда РФ, высказанные в Обзоре практики от 20.01.2020[1] и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2025 № 41[2]. При этом правовой статус кредитора, требования которого понижены в очередности арбитражным судом, в том числе и в силу предписаний закона или на основе соглашения, не исследован обстоятельно в доктрине. Требуется осмысление правового статуса субординированного кредитора.

Основания субординации

Термин «субординация» произошел от позднелатинского subordinatio в значении «подчинение», «приведение в порядок», т.е. применение иерархии к каким-либо отношениям[3]. Понятие «субординация» используется в институте несостоятельности (банкротства) применительно к иерархии требований кредиторов в значении понижения в очередности удовлетворения определенных требований.

Обращаясь к понижению очередности, укажем, что основания могут быть установлены: а) законом; б) договором, а также в случае предоставления компенсационного займа в) сложившейся судебной практикой посредством толкования понятия «конкурсный кредитор».

Во-первых, основания для понижения предусмотрены в Федеральном законе от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» для конкурсных кредиторов и уполномоченных органов, предъявивших требования после истечения установленного срока (п. 4 ст. 142); для требований недобросовестных контрагентов по оспоренному подозрительному действию (сделке), совершенному с целью причинения имущественного вреда кредиторам (п. 2 ст. 61.2, п. 2 ст. 61.6), а также действию (сделке) с предпочтительностью, совершенному за шесть месяцев до принятия заявления о признании должника банкротом (абз. 1, 2 п. 1, п. 3 ст. 61.3, п. 2 ст. 61.6); для учредителей (участников) юридического лица из корпоративных правоотношений (абз. 8 ст. 2) и т.д.

Не понижаются в очередности требования кредиторов, заявленные до истечения шестимесячного срока со дня закрытия реестра требований кредиторов, если между должником

[1] Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29 января 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2025 № 41 «Об установлении в процедурах банкротства требований контролирующих должника лиц и аффилированных лиц должника» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2026. № 2.

[3] См.: *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка : ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М. : Мир и Образование, 2019.

и кредитором не разрешен спор в суде или не вынесен акт иного государственного органа, которым подтверждается задолженность, согласно абз. 3 п. 4 ст. 142 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», а заявленные с просрочкой требования таких кредиторов признаются поданными в установленный срок.

Не подлежат субординации реституционные требования по недействительной ничтожной сделке, которую совершил должник в процедуре реализации имущества с имуществом, включенным в конкурсную массу, без согласия финансового управляющего. Согласно абз. 3 п. 5 ст. 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» требования контрагентов не подлежат удовлетворению из конкурсной массы. А. Малютин, оценивая указанное последствие в качестве специального, отмечает, что в судебной практике не признают требования приобретателя имущества ни в качестве текущих, ни в качестве реестровых, и приводит устоявшуюся судебную практику[4]. Действительно, в абз. 3 п. 5 ст. 213.25 установлен запрет на удовлетворение требований приобретателя имущества за счет конкурной массы. Однако при поступлении имущества по ничтожной сделке в состав конкурсной массы она увеличивается за счет его цены, полученной должником. Представляется, что вполне можно было бы применять основания для субординации таких требований.

Во-вторых, основания для понижения могут устанавливаться договором о субординации, заключение которого предусмотрено статьей 309.1 ГК РФ.

В-третьих, при введении процедуры несостоятельности (банкротства) в отношении имущества юридического лица всегда можно выделить круг кредиторов, связанных с должником, и независимых кредиторов, интересы которых явно противоположны. Независимые кредиторы, вступая в правоотношения с должником, не имеют возможности каким-либо образом определять его деятельность или влиять на нее, равно как и лишены возможности получать достоверную информацию о его финансовом состоянии, за исключением общедоступных источников. В ином положении находятся связанные с должником кредиторы. Среди них следует особо выделить учредителей (участников) юридического лица, а также иных контролирующих его и аффилированных с ним лиц, имеющих возможность влиять на принятие решений должником, на совершение им сделок, на деятельность подконтрольного должника в составе предпринимательской группы. При вхождении должника в группу лиц ее деятельность может быть организована таким образом, что имущественные интересы отдельного члена группы могут не учитываться в целях создания центров прибыли и убытков, что вскрывается при анализе предпринимательской деятельности арбитражными судами в случае возбуждения дела о несостоятельности (банкротстве) одного из членов группы.

Если анализировать основания субординации требований кредиторов по компенсационным займам, то следует отметить, что они не регулируются Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)», а разработаны судебной практикой в целях справедливого и соразмерного удовлетворения требований кредиторов на основе толкования правового положения конкурсного кредитора, действующего с нарушением принципа добросовестности.

В других правопорядках субординация требований из капиталозамещающих и компенсационных займов регламентирована. Так, в Германии ранее регулировались капиталозамещающие займы в § 32a Закона об ООО[5], в силу которого учредители (участники) отвечали за последствия финансирования юридического лица. В 2008 г. в результате фундаментальных изменений[6] § 39 Закона о несостоятельности (InsO[7]) дополнен предписаниями о субординации требований всех займов, предоставленных обществу. Согласно предл. 5 абз. 1 § 39

---

[4] *Малютин А.* Сделки с банкротом в процедуре реализации: последствия недействительности и судьба требований покупателя // URL: https://zakon.ru/blog/2026/04/23/sdelka_s_bankrotom_v_procedure_realizacii_posledstviya_nedejstvitelnosti_i_sudba_trebovaniya_pokupat (дата обращения: 04.05.2026).

[5] GmbH-Gesetz (Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung) vom 20.04.1892 (RGBl. I S. 477) zuletzt geändert durch Gesetz vom 23.10.2024 (BGBl. I S. 323) m.w.V. 01.01.2025.

[6] Gesetz zur Modernisierung des GmbH-Rechts und zur Bekämpfung von Missbrauchen (MoMiG) vom 01.10.2008 (BGBl. I S. 2026).

[7] Insolvenzordnung vom 05.10.1994 (BGBl. I S. 2866), in Kraft getreten am 19.10.1994 bzw. 01.01.1999 zuletzt geändert durch Gesetz vom 15.07.2024 (BGBl. I S. 236) m.w.V. 01.01.2025.

InsO любой заем, предоставленный обществу, а также требование из правовых действий, экономически соответствующих займу, подлежит удовлетворению в качестве требования послеочередного кредитора (nachrangige Gläubiger). При этом исключена тотальная субординация для всех требований учредителей (участников) общества[8].

При внесении новелл в законодательство о несостоятельности в Германии отказались от использования такого критерия получения займа, как имущественный кризис должника[9]. Цель введения предписаний о субординации вызывает споры, а предписания относятся и к займам иных лиц[10].

В Обзоре 2020 г. и в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2025 № 41, напротив, используется понятие имущественного кризиса, поскольку выявленная неплатежеспособность должника влечет иной порядок разрешения конфликта с кредиторами, нежели избранная контролирующим или аффилированным лицом модель поведения, позволяющая причинить имущественный вред кредиторам.

Так, по делу о банкротстве ООО «УХБК»[11] понижены в очередности требования залогодателя по одному из кредитных договоров — «ТВК Аркаим-Экспо» (члена одной с должником предпринимательской группы), который приобрел установленное судом право требования к должнику у независимого кредитора. Конкурсный управляющий представил доказательства имущественного кризиса у должника в момент заключения обеспечительной сделки. Основанием понижения в очередности послужило приобретение аффилированным лицом права требования у независимого кредитора, которое квалифицируется в п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2025 № 41 в качестве компенсационного финансирования.

Определение статуса кредитора при установлении требований

Субординация требований кредиторов производится в процедуре установления требований кредиторов как при обращении с заявлением о признании должника несостоятельным (банкротом), так и при вступлении в дело на более поздних этапах.

Определение очередности удовлетворения требования кредитора производится арбитражным судом с учетом различных обстоятельств, в том числе могущих свидетельствовать о недобросовестном поведении кредитора.

Прежде всего арбитражный суд определяет статус кредитора для подтверждения его права на инициирование производства по делу, если кредитор выступает заявителем, что возможно для конкурсных кредиторов, уполномоченных органов, чьи требования могут быть субординированы по тем или иным причинам.

Д. О. Османова признает, что независимые кредиторы (реестровые и зареестровые) образуют простое товарищество в процедурах банкротства[12]. Тем не менее каждый из них в отдельности устанавливает свое требование.

В качестве требований конкурсных кредиторов могут быть признаны те, которые отвечают следующим признакам: 1) денежный характер; 2) обязательства между должником и кредитором возникли до момента принятия заявления о признании должника банкротом; 3) основания возникновения обязательств предусмотрены в ГК РФ или бюджетном законодательстве (частноправовые обязательства); 4) требования личного кредитора.

Указанные признаки понятия «конкурсный кредитор» закреплены в легальном определении в абз. 4 и 8 ст. 2, п. 1 ст. 5 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», за исключением такого признака, как личный кредитор. Его выделяют иногда в доктрине[13], он предусмотрен в законодательстве Германии, в

---

[8] Münchener Kommentar zur Insolvenzordnung / hrsg. R. Stürner, H. Eidenmüller, H. Schoppmeyer. München : Verlag C. H. Beck, 2021. Bd. 1. § 39. S. 1181.

[9] Münchener Kommentar zur Insolvenzordnung. S. 1181.

[10] Münchener Kommentar zur Insolvenzordnung. S. 1182.

[11] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 20.04.2026 № Ф09-1776/19 по делу № А07-21746/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

[12] *Османова Д. О.* Правовой режим основных множественностей в процедурах банкротства // Lex russica (Русский закон). 2021. № 74 (11). С. 18.

[13] См.: *Шершеневич Г. Ф.* Конкурсное право. Казань : Типография Имп. ун-та, 1898. С. 192 ; Гражданское и торговое право капиталистических государств : учебник / под ред. Р. Л. Нарышкиной. М., 1984. С. 205.

§ 38 InsO. В учебниках по гражданскому праву зарубежных стран также подчеркивают этот признак и подтверждают сложившуюся судебную практику и в том случае, если этот признак не легализован[14].

Личными являются кредиторы, которые притязают на все имущество должника. Исходя из этого, личными кредиторами не могут быть признаны залогодержатели, которые притязают лишь на предмет залога, а также кредиторы, которые удерживают имущество должника, поскольку для права удержания подлежат применению в субсидиарном порядке нормы о залоге согласно ст. 360 ГК РФ.

Именно такое регулирование содержалось в ст. 479–482 Устава судопроизводства торгового[15].

Если признавать у понятия «конкурсный кредитор» анализируемый признак, то залогодержатели и кредиторы, которые удерживают имущество должника, не должны признаваться конкурсными кредиторами, имеющими право на обращение с заявлением в арбитражный суд о признании должника несостоятельным (банкротом). Однако в п. 2 ст. 18.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» залогодержатели в силу прямого указания закона признаны конкурсными кредиторами, их требования подлежат включению в реестр в третью очередь, хотя они имеют обособленный статус и очередность удовлетворения их требований иная, нежели у конкурсных кредиторов.

Понижение в очередности, как указано ранее, допускается по различным основаниям для конкурсных кредиторов и уполномоченных органов.

В пункте 4 ст. 142 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» содержатся предписания о субординации требований конкурсных кредиторов и уполномоченных органов, предъявленных с нарушением установленного срока или в случае отказа судом в восстановлении пропущенного срока.

Установленный двухмесячный срок для предъявления требований в конкурсном производстве в случае пропуска по уважительным причинам может быть восстановлен арбитражным судом при наличии уважительных причин согласно абз. 3 п. 1 ст. 142 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». Указанная норма появилась при внесении изменений в Закон от 24.05.2024[16]. В пункте 63 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 40 среди уважительных причин пропуска срока названа, в частности, ситуация, когда обстоятельства (материальные и (или) процессуальные условия), необходимые для предъявления требования к должнику, не наступили на день закрытия реестра[17].

Ранее в судебной практике формировались правовые позиции относительно статуса кредиторов, пропустивших срок для предъявления требований по уважительным причинам, и указывались причины пропуска, признаваемые уважительными[18].

Наибольшую сложность представляет субординация, которая производится в отношении контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, предоставивших должнику компенсационный заем. При этом необходимо разграничивать требования из корпоративных и из гражданско-правовых отношений, что оказывает существенное влияние на субординацию.

Из числа конкурсных кредиторов по прямому указанию законодателя (абз. 8 ст. 2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)») исключены учредители (участники) юридического лица с требованиями из корпоративных отношений, которые формально подпадают под понятие конкурсного креди-

---

[14] См.: Гражданское и торговое право капиталистических государств : учебник. С. 205.

[15] Свод законов Российской империи : в 5 кн. / под ред. и с примечаниями И. Д. Мордухай-Болтовского. СПб. : Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. Кн. 4. Т. 11. Ч. II–XII.

[16] Федеральный закон от 29.05.2024 № 107-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 23 (ч. II). Ст. 3045.

[17] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 40 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Федерального закона от 29.05.2024 № 107-ФЗ “О внесении изменений в Федеральный закон ‘О несостоятельности (банкротстве)’ и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации”» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2025. № 2.

[18] См. об этом подробнее: Правовое регулирование банкротства : учебник / отв. ред. Е. Е. Енькова. М. : Проспект, 2021. С. 397–398 ; *Шишмарева Т. П.* Установление требований кредиторов в процедурах несостоятельности в России и Германии // Вестник гражданского процесса. 2021. Т. 11. № 6. С. 183.

тора, поскольку они определяют деятельность юридического лица и не могут конкурировать с независимыми кредиторами.

При этом законодатель не уточняет, вправе ли такие кредиторы приобрести статус послеочередных. О приобретении статуса послеочередных кредиторов учредителями (участниками) высказана правовая позиция Верховным Судом РФ. В пункте 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2025 № 41 указаны такого рода требования: а) участников о выплате распределенной прибыли; б) акционеров о выплате объявленных дивидендов; в) требование о распределении ликвидационной квоты.

Требования участников о выплате распределенной прибыли, требования акционеров о выплате объявленных дивидендов, на наш взгляд, не подлежат удовлетворению в процедурах несостоятельности (банкротства) ввиду запретов, установленных абзацем 9 п. 1 ст. 63 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

Иначе решена проблема выплаты ликвидационной квоты. Пунктом 2 ст. 148 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» предусмотрена особая процедура передачи непроданного в ходе конкурсного производства или оставшегося после завершения расчетов с кредиторами имущества несостоятельного должника его учредителям (участникам). В абзаце 8 п. 35 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2025 № 41 указывается возможность удовлетворения корпоративных требований в составе требований послеочередных кредиторов после требований кредиторов об осуществлении должником первоначального предоставления согласно ст. 328 ГК РФ.

Особо выделено в судебной практике и нашло подтверждение в абз. 5 п. 35 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2025 № 41 требование учредителей (участников) общества с ограниченной ответственностью, вышедших из общества до возникновения признаков неплатежеспособности, о выплате действительной стоимости доли в уставном капитале, которое отнесено к числу требований послеочередных кредиторов. Оно подлежит удовлетворению после требований контролирующих должника лиц или аффилированных лиц должника, которые удовлетворяются в очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты.

Пленум Верховного Суда РФ стремился восстановить справедливость для тех участников юридического лица, которые не доводили его до несостоятельности (банкротства) и при этом не получили денежной компенсации стоимости доли (пая), и определил очередность удовлетворения таких требований ранее, чем иных корпоративных требований. Уточним, что в процедурах несостоятельности процент удовлетворения требований конкурсных кредиторов незначителен: в 2021 г. — 3,5 %, в 2022 г. — 6,8 %, в 2023 г. — 9,9 %, в 2024 г. — 7,9 %[19]. Отсюда становится понятно, что их требования, как правило, не удовлетворяются.

Конкурсный кредитор, требования которого могут быть субординированы судом при их установлении, вступает с должником, как правило, в правоотношения займа либо иные экономически приравненные к нему. При этом в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2025 № 41 разграничивается внутреннее и компенсационное финансирование, оцениваемое по критерию предоставления займа в зависимости от имущественного состояния должника — до и после имущественного кризиса.

Займы, предоставляемые при недокапитализации юридического лица на начальных этапах деятельности юридического лица, также могут квалифицироваться в качестве компенсационного финансирования (п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2025 № 41).

Например, участник ООО С. заключил с обществом в 2019 г. договор займа на сумму 50 млн руб. для оплаты платежа обществом по договору купли-продажи земельного участка, затем еще два договора займа на сумму 3 млн руб. Впоследствии договоры займа были новированы в вексельное обязательство с учетом процентов за пользование в размере 57 млн руб. со сроком платежа в 2024 г. Участник ООО С. выступил в договорах займа, соглашении о новации и при оформлении векселя на стороне ООО и одновременно на стороне займодавца, векселедержателя. Уставный капитал ООО не превышает минимального размера, установленного корпоративным законодательством, что оценено судом как явно недостаточ-

[19] Банкротство в России. Статистический бюллетень Федресурса. Итоги 2024 года // URL: https://download.fedresurs.ru/news/Статбюллетень%202024.pdf (дата обращения: 15.04.2026).

ное для осуществления предпринимательской деятельности в сфере строительства. Требование участника, которое он предъявил в процедуре банкротства в качестве конкурсного кредитора, субординировано судом[20].

Анализируя этот случай, обратимся к п. 15 постановления от 23.12.2025 № 41, в котором Пленум Верховного Суда РФ уточняет, что предоставление компенсационного финансирования может выражаться в выдаче займа, в том числе и предоставленного учредителями (участниками, акционерами) должнику на начальном этапе его деятельности, или передаче денежных средств по иному гражданско-правовому договору, а также при реализации планов по существенному изменению или расширению предпринимательской деятельности, если в нарушение абз. 2 п. 4 ст. 65.2 ГК РФ фактического размера уставного капитала было заведомо недостаточно для нормального функционирования должника исходя из планируемых предмета и масштаба его деятельности в гражданском обороте. Именно поэтому требования участника о возврате долга по договору займа надлежит субординировать. Контролирующие и аффилированные с должником лица предоставляют юридическому лицу займы для преодоления имущественного кризиса, преследуя цель восстановить его платежеспособность вместо обращения в арбитражный суд с заявлением о признании должника несостоятельным (банкротом). При этом признаются также компенсационным финансированием приобретение контролирующим лицом у независимых кредиторов их требований к должнику посредством заключения договора цессии или купли-продажи имущественных прав, исполнение ими в качестве третьего лица обязательств должника или предоставление обеспечения поручительством, залогом или независимой гарантией (абз. 1 п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2025 № 41).

В качестве заемных учитываются и иные типы договоров. Так, в п. 3.3 Обзора 2020 г. указаны, наряду с договором займа, иные конструкции, по которым предоставление контролирующим лицом, осуществившим неденежное исполнение, отсрочки, рассрочки платежа подконтрольному должнику по договорам купли-продажи, подряда, аренды и т.д. квалифицируется в качестве финансирования. Относительно распространения правил субординации на требования, вытекающие из иных договоров, экономически соответствующих займу, следует отметить, что такую же практику применяют и в Германии, на что указано в комментарии к § 39 InsO[21].

Законодательством РФ подобные сделки не запрещены, а добросовестные кредиторы, предоставившие заем, вправе принять участие в деле.

Требования уполномоченных органов и работников не подлежат субординации ввиду отсутствия между должником и ними гражданско-правовых отношений, исходя из которых можно было бы сделать вывод о связанности и контроле между ними, хотя работник должника вполне может иметь статус контролирующего лица, если он является учредителем и (или) единоличным исполнительным органом юридического лица. Но отношения связанности и контроля определяются в рамках гражданско-правовых связей между субъектами, что характерно для правоотношений, возникающих между должником и конкурсным кредитором.

В целях определения статуса кредиторов обратимся к § 38 InsO, содержащему предписания о такого рода кредиторах, которые появились при реформе института несостоятельности. Как известно, институт несостоятельности базируется на принципе равенства кредиторов, а имеющиеся в институте привилегии и квоты удовлетворения требований кредиторов по-разному оценивались в конкурсном праве. Так, привилегии удовлетворения требований отдельных кредиторов приводили к невозможности удовлетворения требований иных конкурсных кредиторов. Конституционный суд Германии подчеркивал исключительный характер отступления от принципа равенства кредиторов и требовал осторожного применения позволяющих это норм[22].

---

[20] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27.05.2026 № Ф05-4632/2026 по делу № А41-49651/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

[21] InsO. Kommentar zur Insolvenzordnung / hrsg. B. M. Kübler, H. Prütting, R. Bork. Köln, 2015. Bd. 1. S. 13.

[22] См. подробнее об этом в решении Конституционного суда Германии от 19.10.1983 (InsO. Kommentar zur Insolvenzordnung).

Права и обязанности субординированного кредитора

Прежде всего укажем, что Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» не регулирует статус субординированных кредиторов, в том числе и по причине пропуска срока для предъявления требования. Законодатель лишь определяет очередность удовлетворения требования. На наш взгляд, кредиторы, требования которых субординированы, не могут быть признаны конкурсными.

О моменте приобретения статуса конкурсного кредитора говорит А. В. Егоров, связывая его с вынесением судебного акта об установлении требования арбитражным судом, а отдельные правомочия — с обращением в суд с заявлением о включении требования в реестр, например заявлением возражения против требований иных кредиторов[23]. Аналогичными правами обладают и уполномоченные органы.

Относительно статуса кредиторов, требования которых подлежат понижению в очередности в силу предписаний Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», можно высказать следующие суждения. Поскольку понижение в очередности, установленное статьей 142 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», возможно после введения процедуры конкурсного производства, такие кредиторы не воспользовались своим правом на обращение в суд с заявлением о признании должника несостоятельным (банкротом). Относительно возражений против требований других кредиторов также следует отметить невозможность реализации такого права ввиду закрытия реестра. Должен ли конкурсный управляющий включать их требования в реестр? Представляется, что требования не подлежат включению в реестр, поскольку он закрыт и арбитражный суд не восстановил пропущенный срок. Соответственно, такие кредиторы, на наш взгляд, не должны наделяться правами конкурсных кредиторов и уполномоченных органов, они утратили свой статус ввиду пропуска срока. Вследствие этого они не обладают правами конкурсных кредиторов и уполномоченных органов. Они по своему статусу — послеочередные кредиторы. Тем не менее сохраняется неопределенность их статуса по закону.

Учредители (участники) из корпоративных отношений не могут приобрести статус конкурсных кредиторов в силу прямых предписаний абз. 8 ст. 2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», поэтому правами конкурсных кредиторов не обладают. В этом случае требования участников не субординируются, поскольку они не имеют статуса конкурсного кредитора, а, напротив, учитываются при распределении имущества, оставшегося после расчетов с текущими и реестровыми кредиторами. Необходимо отметить, что в судебной практике требования учредителей (участников) о выплате действительной стоимости доли в уставном капитале ООО учитывают как послеочередные, например по делу № А40-23687/2017[24]. При этом в постановлении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ указывается, что такой кредитор обладает комплексом прав лица, участвующего в деле о банкротстве. Верховный Суд РФ распространил действие п. 14 Обзора 2020 г. на участников (учредителей) юридического лица.

Сложность представляет определение статуса субординированного кредитора, предоставившего должнику внутреннее или компенсационное финансирование из договора займа и приравненных к нему договоров. Изначально такие кредиторы входят в круг конкурсных кредиторов, однако при установлении требований арбитражный суд вправе при наличии оснований понизить очередность, возложив на них дополнительные неблагоприятные риски при несостоятельности должника в отличие от независимых кредиторов.

Поскольку субординация применяется на стадии установления требований, кредитор вправе воспользоваться свои правом на подачу заявления о признании должника банкротом. После субординации требования, на наш взгляд, вследствие недобросовестности кредитора, повлекшей причинение имущественного вреда иным кредиторам, можно утверждать о наступлении неблагоприятных последствий для этих кредиторов.

Субординацию требований кредиторов, предоставивших заем, А. А. Шайдуллин квали-

[23] *Егоров А. В.* Установление требований кредиторов при банкротстве // Хозяйство и право. 2019. № 3. С. 23.

[24] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 10.08.2023 № 305-ЭС19-22252(4) по делу № А40-23687/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

фицирует в качестве риска[25]. А. А. Тарасенко и А. А. Яковенко рассматривают субординацию в качестве меры ответственности. Так, А. А. Тарасенко обозначает ее как банкротную ответственность[26], а А. А. Яковенко — как нетипичную форму гражданско-правовой ответственности, которую он описывает как особую форму конкурсной ответственности, сочетающей имущественные и неимущественные начала[27]. Н. В. Родина также указывает на вину и совершение вредоносной сделки, характеризуя субординацию как способ защиты прав кредиторов[28].

Между тем в п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2025 № 41 субординированные кредиторы приравнены по статусу к конкурсным и содержится уточнение, что они обладают такими же правами, как и конкурсные кредиторы.

Не вполне можно согласиться с этим утверждением. Во-первых, в разделе постановления Пленума о полномочиях субординированных кредиторов уточняется, что контролирующие и аффилированные лица из требований по компенсационному финансированию не обладают правом оспаривать сделки по специальным основаниям и обращаться с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности (абз. 1 п. 26). В то же время для них не исключается возможность оспаривания сделок по корпоративным основаниям и привлечения к корпоративной ответственности (абз. 2 п. 26). Подтверждает Пленум Верховного Суда РФ и сложившуюся практику отсутствия у субординированных кредиторов права голоса на собрании кредиторов (абз. 1 п. 28), в том числе при голосовании по кандидатуре арбитражного управляющего.

По сути дела, у субординированного кредитора отсутствует комплекс прав конкурсного кредитора, который может определять и контролировать производство по делу о банкротстве в составе сообщества кредиторов, хотя по размеру имеющегося у него требования он вполне способен осуществлять такой контроль. Субординированный кредитор исключен из сообщества кредиторов. Он претерпевает негативные последствия произведенной субординации. В то же время лишенному права голоса на собрании кредиторов позволено предъявлять ходатайство о введении внешнего управления как лицу, участвующему в деле о банкротстве, и представлению плана внешнего управления (п. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2025 № 41).

Во-вторых, его требования не включаются в реестр в качестве требований третьей очереди, что предопределяет его статус, о чем также упоминается в п. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2025 № 41.

В-третьих, произведенная субординация, если ее рассматривать в качестве меры гражданско-правовой ответственности, предполагает лишение права, а именно прав конкурсного кредитора ввиду недобросовестного поведения, что, собственно, и составляет содержание произведенной субординации, вследствие чего и происходит утрата статуса конкурсного кредитора.

Выводы

Кредиторы, требования которых были субординированы вследствие недобросовестного поведения при предоставлении займа юридическому лицу, не являются по статусу конкурсными кредиторами и лишаются соответствующих прав.

Субординация, произведенная из-за пропуска срока для предъявления требований, также предполагает наступление негативных последствий, которые можно отнести к разряду санкций за пропуск срока для предъявления требований.

Субординация, предусмотренная соглашением между кредиторами, не может быть отнесена к мерам ответственности или санкциям, поскольку старшинство кредиторов определялось не в связи с нарушениями, а по иным основаниям.

---

[25] *Шайдуллин А. И.* Субординация обязательственных требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц в делах о банкротстве хозяйственных обществ : дис. … канд. юрид. наук. М., 2022. С. 17.

[26] *Тарасенко А. А.* Ответственность в правоотношениях несостоятельности (банкротства): понятие и механизм правового регулирования : дис. … канд. юрид. наук. М., 2024. С. 16.

[27] *Яковенко А. А.* Гражданско-правовая ответственность лиц, участвующих в деле о банкротстве : дис. … канд. юрид. наук. М., 2026. С. 17.

[28] *Родина Н. В.* Механизм субординации требований кредиторов в процессе несостоятельности (банкротства) юридических лиц: проблемы правовой регламентации : дис. … канд. юрид. наук. М., 2022. С. 13.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гражданское и торговое право капиталистических государств : учебник / под ред. Р. Л. Нарышкиной. М., 1984. 301 с.

Егоров А. В. Установление требований кредиторов при банкротстве // Хозяйство и право. 2019. № 3. С. 22–41.

Малютин А. Сделки с банкротом в процедуре реализации: последствия недействительности и судьба требований покупателя // URL: https://zakon.ru/blog/2026/04/23/sdelka_s_bankrotom_v_procedure_realizacii_posledstviya_nedejstvitelnosti_i_sudba_trebovaniya_pokupat.

Османова Д. О. Правовой режим основных множественностей в процедурах банкротства // Lex russica (Русский закон). 2021. № 74 (11). С. 17–29.

Правовое регулирование банкротства : учебник / отв. ред. Е. Е. Енькова. М. : Проспект, 2021. 720 с.

Родина Н. В. Механизм субординации требований кредиторов в процессе несостоятельности (банкротства) юридических лиц: проблемы правовой регламентации : дис. … канд. юрид. наук. М., 2022. 238 с.

Тарасенко А. А. Ответственность в правоотношениях несостоятельности (банкротства): понятие и механизм правового регулирования : дис. … канд. юрид. наук. М., 2024. 214 с.

Шайдуллин А. И. Субординация обязательственных требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц в делах о банкротстве хозяйственных обществ : дис. … канд. юрид. наук. М., 2022. 251 с.

Шершеневич Г. Ф. Конкурсное право. Казань : Типография Императорского университета, 1898. 498 с.

Шишмарева Т. П. Установление требований кредиторов в процедурах несостоятельности в России и Германии // Вестник гражданского процесса. 2021. Т. 11. № 6. С. 179–195.

Яковенко А. А. Гражданско-правовая ответственность лиц, участвующих в деле о банкротстве : дис. … канд. юрид. наук. М., 2026. С. 191.

InsO. Kommentar zur Insolvenzordnung / hrsg. B. M. Kübler, H. Prütting, R. Bork. Bd. 1. Köln, 2015.

Münchener Kommentar zur Insolvenzordnung / hrsg. R. Stürner, H. Eidenmüller, H. Schoppmeyer. Bd. 1. München : Verlag C. H. Beck, 2021.

REFERENCES

Egorov AV. Establishment of creditors' claims in bankruptcy. *Economy and Law*. 2019;3:22-41. (In Russ.).

Enkova EE. Bankruptcy legal regulation: textbook. Moscow: Prospect Publ.; 2021. (In Russ.).

InsO. Kommentar zur Insolvenzordnung / hrsg. B. M. Kübler, H. Prütting, R. Bork. Bd. 1. Köln, 2015. Available at: www.kpd-inso.de. (In Germ.).

Malyutin A. Transactions with bankruptcy in the implementation procedure: consequences of invalidity and the fate of the buyer's claims. Available at: zakon.ru. (In Russ.).

Münchener Kommentar zur Insolvenzordnung / hrsg. R. Stürner, H. Eidenmüller, H. Schoppmeyer. Bd. 1. München: Verlag C. H. Beck; 2021. (In Germ.).

Naryshkina RL, (ed.). Civil and Commercial Law of Capitalist States. Moscow; 1984. (In Russ.).

Osmanova DO. The Legal Regime of Basic Multiplicities in Bankruptcy Proceedings. *Lex russica*. 2021;74(11):17-29. (In Russ.).

Rodina NV. Mechanism of subordination of creditors' claims in the process of insolvency (bankruptcy) of legal entities: problems of legal regulation. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2022. (In Russ.).

Shaidullin AI. Subordination of liability claims controlling the debtor and persons affiliated with him in bankruptcy cases of business companies. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2022. (In Russ.).

Shershenevich GF. Bankruptcy Law. Kazan: Imperial University Publ.; 1898. (In Russ.).

Shishmareva TP. Establishment of creditors' claims in insolvency proceedings in Russia and Germany. *Herald of Civil Procedure*. 2021;11(6):179-195. (In Russ.).

Tarasenko AA. Liability in legal relations of insolvency (bankruptcy): concept and mechanism of legal regulation. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2024. (In Russ.).

Yakovenko AA. Civil liability of persons participating in the bankruptcy case. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2026. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шишмарева Татьяна Петровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
tpshishmareva@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana P. Shishmareva, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Business and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
tpshishmareva@msal.ru

Материал поступил в редакцию 6 июля 2025 г.
Статья получена после рецензирования 26 августа 2026 г.
Принята к печати 15 сентября 2026 г.

Received 06.07.2025.
Revised 26.08.2026.
Accepted 15.09.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.239.10.042-064

С. Ю. Чашкова
Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Регулятивные и исполнительские возможности соглашения об уплате алиментов

Резюме. Статья посвящена теоретическому и практическому осмыслению соглашения об уплате алиментов как специфичного договора сложной правовой природы, служащего целям исполнения одной из важнейших семейных обязанностей — содержания нуждающихся и нетрудоспособных членов семьи. Автор обосновывает вывод о том, что соглашение об уплате алиментов является семейно-правовой сделкой, влекущей частноправовые и публично-правовые последствия, а именно порождающей алиментное обязательство, где субъективное право нетрудоспособных и несовершеннолетних членов семьи на получение алиментов гарантируется принудительным исполнением путем нотариального удостоверения данного соглашения, тогда как закрепленное в законе право на получение содержания (материальной поддержки, алиментов) лишь элемент правоспособности лица, которую можно отнести к специальной, так как она возникает у членов семьи при наличии (появлении) определенных правовых характеристик, установленных в законе. Для перевода абстрактной правовой возможности в разряд субъективного семейного права требуется вынесение судебного акта или заключение соглашения об уплате алиментов.
Ключевые слова: соглашение об уплате алиментов; правовая природа соглашения об уплате алиментов; исполнительная сила соглашения об уплате алиментов; размер и порядок взыскания алиментов
Для цитирования: Чашкова С. Ю. Регулятивные и исполнительские возможности соглашения об уплате алиментов. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 10. С. 42–64. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.239.10.042-064

The Regulatory and Enforcement Potential of a Maintenance Payment Agreement

Svetlana Yu. Chashkova
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper provides a theoretical and practical analysis of a maintenance payment agreement, a distinctive type of contract with a complex legal nature that serves to fulfill one of the most important family obligation: the duty of family members to support other family members who are in need and unable to work. The author substantiates the conclusion that, by its legal nature, a maintenance payment agreement is a family-law transaction giving rise to both private-law and public-law consequences. Specifically, it creates a maintenance obligation in which the subjective right of minor and incapacitated family members to receive maintenance is secured through compulsory enforcement by virtue of the agreement's notarization. At the same time, the statutory right to receive support — financial support or maintenance — constitutes only an element of an individual's legal capacity, which may be characterized as special legal capacity because it arises for family members only upon the existence or acquisition of specific legal characteristics established by law. The transformation of this abstract legal possibility into a subjective family-law right requires either a judicial decision or the conclusion of an agreement on the payment of maintenance.
Keywords: agreement on the payment of maintenance; legal nature of an agreement on the payment of maintenance; enforceability of an agreement on the payment of maintenance; amount and procedure for the recovery of maintenance payments

© Чашкова С. Ю., 2026

Cite as: Chashkova SYu. The Regulatory and Enforcement Potential of a Maintenance Payment Agreement. *Lex russica*. 2026;79(10):42-64. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.239.10.042-064

Обращение к исследованию любого вопроса, связанного с алиментными обязательствами, неизбежно приводит к рассуждениям о проблемах их исполнения, а точнее, неисполнения. Подчас складывается впечатление, что масштабы данной проблемы способны превратить в декларацию принцип семейного права о приоритетной защите несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи. Осмысление возможных причин такого положения показывает, что этому способствует не только недобросовестное уклонение плательщиков, но и целый ряд факторов, связанных как с недостаточной гибкостью действующего в России механизма взыскания и уплаты алиментов, так и с использованием не в полном объеме возможностей их взыскания на договорных основаниях.

Появление в семейном законодательстве норм о соглашении об уплате алиментов как договорном способе их уплаты ознаменовало усиление диспозитивных начал в регулировании семейных отношений. Ранее, в советский период, также допускалась уплата алиментов на основании соглашения между родителем, обязанным уплачивать алименты, и вторым родителем ребенка, в пользу которого они уплачивались. Однако такая договоренность, несмотря на письменную форму совершения, была рассчитана исключительно на добровольное исполнение обязанностей, принятых на себя плательщиком; судебный способ защиты прав, предусмотренных таким соглашением, был исключен. При этом плательщик, добросовестно исполнивший свои обязанности согласно достигнутому между сторонами соглашению, вопреки здравому смыслу мог быть привлечен к уплате алиментов в судебном порядке.

Закрепив действующую модель соглашения об уплате алиментов, законодатель не только позволил членам семьи самим избирать наиболее удобные для них размер, способ и порядок их уплаты, но и наделил соглашение об уплате алиментов силой исполнительного документа. Наличие у данного юридического акта таких характеристик придает данной сделке уникальные качества, кардинально отличающие ее от иных сделок, известных нашему правопорядку.

В статье обратимся к исследованию правовой природы, необходимого и допустимого содержания соглашения об уплате алиментов, а также его регулятивных и исполнительских возможностей.

Правовая природа соглашения об уплате алиментов

Как указывал С. С. Алексеев, юридическая (правовая) природа представляет собой юридические характеристики правового явления, позволяющие увидеть его структуру, место и роль среди других правовых явлений в соответствии с его социальной природой[1]. Отталкиваясь от данной посылки, постараемся определить место соглашения об уплате алиментов в той или иной классификационной группе, в ряду сходных с ним правовых явлений.

В научной литературе о правовой природе соглашения об уплате алиментов чаще всего дискутируют на предмет его отраслевой принадлежности, в результате чего сформировались две противоположные позиции. Сторонники первой из них рассматривают алиментное соглашение в качестве гражданско-правового договора[2]. Как отмечает М. В. Антокольская, «по своей правовой природе алиментное соглашение… следует относить к гражданско-правовым договорам, так как оно соответствует всем признакам гражданского договора»[3]. При этом ряд представителей данной позиции аргументирует ее тем, что, несмотря на наличие в СК РФ специальных правил об алиментном

---

1 *Алексеев С. С.* Общие дозволения и запреты в советском праве. М. : Юридическая литература, 1998. С. 227.

2 См.: *Крайнова Т. К.* Соглашения об уплате алиментов в нотариальной практике // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2002. С. 158 ; Гражданское право : учебник : в 3 т. 3-е изд. / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М. : ТК Велби, Проспект, 2001. Т. 3. С. 485 ; *Кружалова Л. В., Морозова И. Г.* Справочник юриста по семейному праву. СПб. : Питер, 2007. С. 149 ; *Грехнева В. И., Нестолий В. Г.* Исполнительная надпись нотариуса и нотариальное соглашение об уплате алиментов (этюды начинающих) // Нотариус. 2017. № 6. С. 30–34.

3 *Антокольская М. В.* Семейное право : учебник. М. : Юрист, 1996. С. 252.

соглашении, данный нормативный акт прямо отсылает к общему гражданско-правовому порядку заключения, изменения, расторжения, признания недействительными договоров, а также допускает возможность применения к регулированию семейных отношений по аналогии гражданского законодательства (ст. 4, 5). Однако приведенные доводы в большей степени относятся к установлению вида (отрасли) законодательства, регламентирующего такие отношения. Тогда как решение вопроса об отраслевой квалификации соглашения об уплате алиментов напрямую зависит от ответа на ключевой вопрос в теории права: является семейное право самостоятельной отраслью или лишь частью гражданского права? В частности, М. В. Антокольская, квалифицируя соглашение об уплате алиментов как гражданско-правовой договор, исходит из гражданско-правовой природы алиментных обязательств[4].

Представители второй позиции полагают, что «соглашение об уплате алиментов представляет собой яркий пример семейно-правового договора, отличающегося от гражданско-правовых договоров, опосредующих предоставление содержания»[5]. Такого взгляда на отраслевую природу соглашения об уплате алиментов придерживаются О. Ю. Косова[6], Ю. Ф. Беспалов[7], О. Н. Низамиева[8], Д. С. Ксенофонтова[9], Е. А. Чефранова[10] и многие другие авторы[11].

Квалификация соглашения об уплате алиментов в качестве семейно-правовой сделки (договора) представляется более взвешенной. Поддерживая точку зрения о самостоятельности отрасли семейного права[12] и рассматри-

---

4 *Антокольская М. В.* Указ. соч. С. 254.

5 *Ксенофонтова Д. С.* Правовые гарантии в сфере алиментирования : монография. М. : Статут, 2018. С. 140.

6 *Косова О. Ю.* Соглашения об уплате алиментов: вопросы содержания и применения // Российская юстиция. 2004. № 2.

7 О семейно-правовой природе соглашения об уплате алиментов см.: *Беспалов Ю. Ф.* Семейно-правовое положение ребенка в Российской Федерации : монография. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2015. С. 44.

8 См.: *Низамиева О. Н.* Договорное регулирование имущественных отношений в семье. Казань : «Таглимат» Института экономики, управления и права, 2005. С. 161 ; *Она же.* Юридико-фактическая функция семейно-правового договора // Lex russica (Русский закон). 2022. Т. 75. № 4 (185). С. 19–36.

9 *Ксенофонтова Д. С.* Указ. соч. С. 140.

10 *Чефранова Е. А.* Имущественные отношения супругов : науч.-практ. пособие. М. : Эксмо, 2008. С. 239.

11 См., например: *Богданова Г. В.* Проблемы правового регулирования личных и имущественных отношений между родителями и детьми : дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 135, 138 ; *Казанцева А. Е., Титаренко Е. П.* Правовая природа семейного соглашения // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2009. № 13. С. 105–107 ; *Капитова О. В.* Правовая природа механизма алиментирования в семейном праве Российской Федерации : монография. М. : Юриспруденция, 2010. С. 55 ; *Чашкова С. Ю.* Система договорных обязательств в российском семейном праве : дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. С. 128–129 ; *Дзюбровская Л. В.* Соглашение об уплате алиментов — самостоятельный семейно-правовой институт // Семейное и жилищное право. 2012. № 6. С. 11–13 ; Семейное право : учебник для бакалавров / под ред. Е. А. Чефрановой. М. : Юрайт, 2013. С. 238 (автор главы — Н. В. Тригубович) ; *Ульянова М. В.* Пределы осуществления семейных прав // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 4. С. 658–682.

12 Опуская содержание дискуссии о месте семейного права в российской системе права, обратим внимание, что на его самостоятельность указывается в следующих работах: *Белякова А. М., Ворожейкин Е. М.* Советское семейное право. М. : Юридическая литература, 1974. С. 36–37 ; *Косова О. Ю.* Предмет семейного права и семейное законодательство // Государство и право. 2000. № 7. С. 72 ; *Максимович Л.* Брачный договор // Закон. 1997. № 11. С. 35 ; *Малинова А. Г.* Семейное право : учебник / под общ. ред. Е. В. Вавилина. М. : Проспект, 2023. С. 5 ; *Нечаева А. М.* Семейное право : учеб. пособие. 5-е изд. М. : Юрайт, 2012. С. 11–20 ; *Низамиева О. Н.* Договорное регулирование имущественных отношений в семье ; *Рабец А. М.* Семейное право : курс лекций. Белгород : Везелица, 1998. С. 9 ; *Тарусина Н. Н.* Семейное право: очерки из классики и модерна : монография. Ярославль : ЯрГУ, 2009. С. 4–45 ; *Чефранова Е. А.* Имущественные отношения супругов. С. 53 ; Семейное право : учебник для бакалавров. С. 21 (автор главы — С. Ю. Чашкова) ; *Шерстнева Н. С.* Принципы семейного права. Тверь : Лилия Принт, 2007. С. 106 ; *Яковлев В. Ф.* Структура семейного права. Семейное право в системе социалистического

вая алиментные обязательства как семейные правоотношения, в качестве их отраслевых особенностей можно обозначить: особую юридическую связь субъектов (например, наличие между ними отношений родства, супружества, свойства) и их специфические социальные характеристики (возраст, нетрудоспособность, нуждаемость и т.п.), ограничение действия требований юридического равенства сторон, автономии их воли, а также безвозмездный и личный характер алиментных правоотношений. Учитывая сказанное, логично предположить, что порождаемая ими сделка также носит семейно-правовой характер. Как уже отмечалось в литературе, алиментное соглашение, основываясь на указанных отраслевых признаках алиментных обязательств, обладает рядом правовых черт (ограниченное применение принципа свободы договора при его заключении, специальный субъектный состав, наличие специальных оснований изменения и прекращения соглашения), совокупность которых не позволяет квалифицировать его в качестве гражданско-правового договора.

Как отметил В. В. Кулаков, кауза (causa) сделки есть «типовой юридический результат, установленный законом, с которым стороны конкретной сделки должны соотносить свои конкретные цели и имеющие правовое значение мотивы. Последнее указание на конкретные цели сторон позволяет сказать, что кауза даже близких договоров должна отличаться, если закон по-разному регулирует отношения из них»[13]. Каузой соглашения об уплате алиментов, обусловливающей его видовую принадлежность, является безвозмездное предоставление содержания нуждающемуся в этом члену семьи. Такая правовая цель при кажущемся сходстве с каузой некоторых гражданско-правовых договоров не тождественна им, а также не согласуется с общими целями гражданско-правового регулирования.

Так, учитывая, что в рамках выявленной каузы присутствует указание как на содержание, так и на безвозмездный характер его предоставления, соглашение об уплате алиментов в доктрине зачастую сравнивают с такими гражданско-правовыми договорами, как рента (постоянная и пожизненная, пожизненное содержание с иждивением), безвозмездное пользование (ссуда), дарение[14]. Вместе с тем кауза соглашения об уплате алиментов сущностно отличается от правовых целей названных договоров. Гражданско-правовые договоры призваны прежде всего опосредовать динамику гражданского оборота, а непосредственно договоры, направленные на передачу имущества, регулируют основание и порядок перехода прав на имущество от одного лица к другому. Два из перечисленных гражданско-правовых договоров (рента и дарение) в качестве правовой цели преследуют передачу имущества в собственность, а один — ссуда — направлен на передачу имущества в пользование. Будучи возмездным, договор ренты имеет и некоторый социальный окрас, особенно если речь идет о договоре пожизненного содержания с иждивением. Однако предоставление содержания в данном случае является следствием передачи имущества в собственность под выплату ренты (т.е. в полной мере действует принцип «ты — мне, я — тебе»). А потому природа такого содержания имеет мало общего с содержанием, предоставляемым на основании соглашения об уплате алиментов. Что же касается безвозмездных договоров — дарения и безвозмездного пользования (ссуды), отождествление их с алиментным соглашением также невозможно, поскольку в основе безвозмездных предоставлений в рамках данных гражданских договоров лежат исключительно воля субъектов на безвозмездную передачу имущества и их интерес в этом, не обусловленные иными установленными законом обязанностями. Тогда как заключение соглашения об уплате алиментов есть способ осуществления права на получение алиментов как необходимых средств на содержание. Отсутствие договорных отношений позволит реализовать данное право в судебном порядке, т.е. принудительно, на основании принципа семейного права — приоритетной защиты прав нетрудоспособных и нуждающихся членов

права // Советское семейное право : учебник / под ред. В. А. Рясенцева. М. : Юридическая литература, 1982. С. 20–23.

[13] *Кулаков В. В.* Обязательственное право : учеб. пособие. М. : РГУП, 2016.

[14] См., например: *Капитова О. В.* Указ. соч. С. 55 ; *Гончаренко Е. В.* Соглашения об уплате алиментов: правовая природа, соотношение с иными договорами // Семейное и жилищное право. 2006. № 3 ; *Ксенофонтова Д. С.* Указ. соч. С. 140 ; *Матвеева Н. А.* Значение нотариальных действий при заключении семейно-правовых сделок // Нотариус. 2019. № 8. С. 21–24.

семьи, — не имеющего ничего общего с принципами гражданско-правового регулирования.

То обстоятельство, что наличие права на алименты предшествует заключению соглашения об уплате алиментов, дает повод порассуждать о присутствии у него функций юридического факта: порождает ли соглашение об уплате алиментов алиментное правоотношение, является ли правопорождающим юридическим фактом или не может быть квалифицировано в качестве такового.

Так, отстаивая семейно-правовую природу соглашения об уплате алиментов, О. А. Давыдова отмечает: «…в отличие от гражданско-правовых договоров алиментное соглашение не порождает прав и обязанностей, а всего лишь закрепляет (оформляет) и конкретизирует с учетом различных обстоятельств те права и обязанности, которые уже четко определены законом»[15]. Аналогичная позиция высказана Е. П. Титаренко: «Соглашения в семейном праве не являются источником права и, соответственно, регулятором семейных отношений, потому что, как отмечалось, они определяют порядок и способы исполнения членом семьи уже существующей обязанности и не выступают в качестве его юридического факта»[16]. Отказывая соглашению об уплате алиментов в материально-правовом воздействии на общественные отношения, О. Н. Шеменева полагает, что «алиментному соглашению не в полной мере свойственен основной признак договора — оно не обязательно должно служить основанием для возникновения, изменения или прекращения материально-правовых отношений его сторон»[17].

Вряд ли приведенные суждения заслуживают поддержки. Учитывая ранее высказанную в науке точку зрения об отсутствии у договоров в семейном праве качества самостоятельного (исключительного, единственного) основания возникновения прав и обязанностей[18], отрицать их правовую природу как правопорождающего юридического факта невозможно.

О. А. Красавчиков определял юридические факты как обстоятельства, с наличием или отсутствием которых норма права связывает возникновение, изменение или прекращение правоотношения[19]. При этом юридический факт «прочно связывает правовую форму с движением фактической основы общественных отношений, акцентирует внимание правоприменителей на тщательном анализе явлений реальных социальных связей, нацеливает на поиск материальных корней правообразования и правореализации»[20].

Представляется, что соглашение об уплате алиментов в механизме правового регулирования, наряду с судебными актами, является юридическим фактом, без которого невозможно возникновение алиментного правоотношения. Будучи обязательственным и относительным, данное правоотношение содержит не общую обязанность по уплате алиментов, а обязанность по их уплате на установленных условиях (как уплатить, когда уплатить, сколько уплатить) определенным лицом конкретному лицу. Тогда как общая обязанность по предоставлению содержания присутствует, например, в качестве элемента родительского правоотношения. В иных случаях обязанность члена семьи или иного лица по предоставлению содержания[21]

---

[15] *Давыдова О. А.* Правовое регулирование алиментных отношений в семейном праве РФ : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2005. С. 6.

[16] *Титаренко Е. П.* Понятие и характеристика соглашений в семейном праве // Семейное и жилищное право. 2005. № 2. С. 7–9.

[17] *Шеменева О. Н.* Роль соглашений сторон в гражданском судопроизводстве. М. : Инфотропик Медиа, 2017.

[18] См., например: *Чашкова С. Ю.* Система договорных обязательств в российском семейном праве. С. 95.

[19] *Красавчиков О. А.* Юридические факты в советском гражданском праве. М. : Госюриздат, 1958. С. 28.

[20] *Синюков В. Н.* Юридические факты как реальность и правовая категория // Юридические факты и их влияние на отраслевые институты права: проблемы и направления развития : монография / под общ. ред. В. Н. Синюкова, М. А. Егоровой. М. : Проспект, 2023. С. 13.

[21] Обязанность по предоставлению именно содержания закреплена в положениях ст. 80, 85, 87 СК РФ, регулирующих алиментные обязательства родителей и детей.

(материальной поддержки[22]) или алиментов[23] также входит в содержание специальной правоспособности соответствующих субъектов, так как в силу указанных в законе оснований противостоящие им субъекты (нетрудоспособные и нуждающиеся члены семьи) наделены соответствующим правом на получение от них содержания (материальной поддержки, алиментов).

Наличие общей обязанности по предоставлению содержания (уплате алиментов) наделяет ее носителя правом выбора — исполнить ее добровольно, самому определив форму, способ и порядок предоставления содержания. Либо в случае отказа исполнить обязанность добровольно управомоченное лицо (его законный представитель) может перевести данную обязанность в алиментное правоотношение, предприняв действия по взысканию алиментов в судебном порядке или заключению соглашения об их уплате, совершив таким образом выход за рамки, например, родительского правоотношения или правоотношения супругов и породив тем самым новое факультативное правоотношение. Как ранее отмечал О. С. Иоффе, разграничивая понятия «содержание» и «алименты», «обязанности по содержанию существуют до отказа добровольного предоставления, а алиментное обязательство возникает после такого отказа»[24]. Факультативность алиментного обязательства заключается в том, что даже при наличии права на алименты, оно может не возникать: либо содержание будет предоставляться добровольно, либо не будет, но при этом имеющие право на получение содержания лица (их законные представители) не станут предпринимать действий, влекущих возникновение алиментного обязательства (обращаться в суд за защитой нарушенного права, заключать соглашение об уплате алиментов).

Следовательно, трансформация общей обязанности по содержанию (уплате алиментов) в алиментную обязанность как содержание обязательственного правоотношения возможна лишь при появлении актов применения права (индивидуальных юридических актов) — судебных актов или соглашения об уплате алиментов[25]. Таким образом, соглашение об уплате алиментов выступает юридическим фактом, порождающим правоотношение, но как элемент фактического состава при наличии иных юридических фактов, в частности определяющих правовой статус его участников (например, состояние родства или иной юридически значимой связи, наличие установленных оснований для уплаты алиментов). Аналогичная позиция была высказана, в частности, Б. М. Гонгало[26], Д. А. Медведевым[27].

При этом соглашение об уплате алиментов является сделкой, влекущей не только материально-правовые, но и процессуально-правовые последствия. Согласно п. 3 ст. 100 СК РФ нотариальное удостоверение соглашения об уплате алиментов придает ему силу исполнительного документа, а согласно ст. 12 Федерального закона «Об исполнительном производстве»[28] соглашение об уплате алиментов и его нотариально удостоверенные копии являются исполнительными документами.

Нотариально удостоверенное соглашение было квалифицировано в литературе в качестве

---

[22] Обязанность по оказанию материальной поддержки закреплена в положениях ст. 89 СК РФ в рамках алиментных обязанностей супругов. В статье 92 СК РФ применительно к супругам использован термин «содержание».

[23] Право на получение алиментов несовершеннолетними братьями (сестрами), внуками, а также бабушками (дедушками), совершеннолетними нетрудоспособными братьями (сестрами) закреплены в ст. 93, 94, 95 СК РФ. В то же время в ст. 96, 97 Кодекса предусмотрено право отчима, мачехи, а также фактических воспитателей на получение содержания.

[24] *Иоффе О. С.* Советское гражданское право : курс лекций : в 3 ч. Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1965. Ч. 3 : Правоотношения, связанные с продуктами творческой деятельности. Семейное право. Наследственное право / отв. ред. А. К. Юрченко. С. 260–261.

[25] Данное значение соглашения об уплате алиментов отмечено в учебной и научной литературе. См., например: *Ксенофонтова Д. С.* Указ. соч. С. 85–85 ; Семейное право : учебник для бакалавров. С. 213 (автор главы — Н. В. Тригубович).

[26] *Гонгало Б. М.* Алиментное обязательство // Семейное и жилищное право. 2016. № 5. С. 15–18.

[27] Гражданское право : учебник : в 3 т. Изд. 4-е, перераб. и доп. / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М. : ТК Велби, Проспект, 2005. Т. 3. С. 566 (автор главы — Д. А. Медведев).

[28] Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «Об исполнительном производстве» // Российская газета. № 223. 06.10.2007.

внесудебной мировой сделки[29], обладающей силой исполнительного листа. На двойственную правовую природу соглашения об уплате алиментов как договора и исполнительного документа, оказывающую влияние на его содержание, указывала также Л. В. Дзюбровская[30]. Исследуя роль соглашений сторон в гражданском судопроизводстве, О. Н. Шеменева делает вывод: «Соглашение об уплате алиментов представляет собой как соглашение материально-правового характера, так и процессуальное соглашение»[31], — и видит его уникальность в том, что это «единственное внесудебное соглашение частноправового характера, которому сразу же после его нотариального удостоверения придается свойство исполнимости с применением принудительной силы государства»[32].

Специфика порождаемых соглашением об уплате алиментов правовых последствий как материально-правового, так и процессуального характера позволяет ставить вопрос о правовой природе возникающих из него правоотношений. Например, О. В. Капитова полагает, что алиментные обязательства из соглашений об уплате алиментов не являются договорными. Как следует из контекста, термин «договорный» употребляется ею как синоним слова «регулятивный». В частности, автор пишет: «Такие обязательства трудно отнести к договорным, поскольку СК РФ императивно определяет круг участников алиментного правоотношения, лишает участников алиментного соглашения договорной свободы, свойственной участникам гражданско-правовых договоров, не признает равенства участников алиментного правоотношения. С точки зрения цели эти обязательства можно рассматривать как регулятивно-охранительные (выплата алиментов по соглашению) или охранительные (выплата алиментов по решению суда)»[33]. Иными словами, согласно приведенному подходу, если алиментное обязательство возникло из договора, то, будучи по своему характеру охранительным правоотношением, оно проявляет черты, свойственные регулятивным правоотношениям.

Для того чтобы оценить обоснованность приведенного суждения, следует обратиться к доктринальному делению правоотношений на регулятивные и охранительные. Как известно, в теории права и цивилистике отсутствует единый подход как к целесообразности, так и к практическому значению такой классификации. Вместе с тем, отдавая дань проведенным исследованиям и частому использованию указанной классификации, постараемся разобраться, насколько справедливо вышеупомянутое утверждение о смешанной, регулятивно-охранительной природе алиментных обязательств, возникающих из соглашений об уплате алиментов.

Представляется, что уважаемые теоретики права и цивилисты, признавая наличие такого деления, в целом сходились в том, что регулятивными являются правоотношения, «в которых нет неправомерных посягательств на субъективные права и интересы их участников. В этих отношениях участники совершают те или иные правомерные действия или, напротив, воздерживаются от совершения неправомерных действий, приобретая и реализуя гражданские права и обязанности без какого-либо принуждения, в том числе со стороны государства»[34]. В противоположность им охранительные правоотношения содержат обязанности, требующие принудительной реализации. «Охранительными принято называть такие гражданские правоотношения, содержание которых состоит в применении к правонарушителю мер государственного принуждения»[35]. Таким образом, две разновидности правоотношений существуют условно сепарированно друг от друга, например, нарушение субъективного права в регуля-

[29] *Воеводов К. С., Нестолий В. Г.* Соглашение об уплате алиментов, судебная мировая сделка и мировое соглашение // Нотариус. 2022. № 4. С. 31–35.

[30] *Дзюбровская Л. В.* Содержание соглашения об уплате алиментов как исполнительного документа // Семейное и жилищное право. 2010. № 2. С. 32–34.

[31] *Шеменева О. Н.* Указ. соч.

[32] *Шеменева О. Н.* Указ. соч.

[33] *Капитова О. В.* Указ. соч.

[34] *Белоножкин А. Ю.* К вопросу об охранительных гражданских правоотношениях // Цивилист. 2022. № 2. С. 43–48.

[35] *Белоножкин А. Ю.* Указ. соч.

тивном отношении влечет появление охранительного правоотношения[36].

Если же исходить из того, что любое субъективное право содержит правомочие на защиту[37], что нам более близко, то деление правоотношений на регулятивные и охранительные утрачивает актуальность. «Если придерживаться теории охранительных гражданских правоотношений, то надо будет признать, что право на защиту возникает лишь после возникновения охранительного правоотношения. Однако это противоречит правовой действительности. Субъективное право на защиту является элементом правового статуса субъекта гражданского права. В силу этого каждый субъект гражданского права может рассчитывать на принудительную реализацию и защиту его нарушенных субъективных прав вне зависимости от того, является он участником гражданского правоотношения или не является»[38].

Вместе с тем, продолжая мысль О. В. Капитовой о возникновении регулятивно-охранительного правоотношения из соглашения об уплате алиментов в отличие от охранительного алиментного обязательства, происходящего из судебного акта, логично взглянуть на соглашение об уплате алиментов как на отражающее и частноправовую природу договора, и публичный интерес в защите нуждающихся лиц, присутствующий в семейно-правовом регулировании.

Как уже было сказано, субъективное право на получение алиментов, будучи содержанием алиментного обязательства, возникает одновременно с ним. И не имеет значения, что является основанием — судебный акт или соглашение об уплате алиментов. В силу публичного интереса, присутствующего в регулировании алиментных отношений, и принципа приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи правомочие притязания, входящее в содержание субъективного права на получение алиментов, непосредственно защищено принудительным исполнением[39].

Тем не менее лишь в соглашении об уплате алиментов содержание алиментного обязательства сформировано его участниками по их усмотрению, т.е. является результатом проявления согласованной воли получателя алиментов и их плательщика. Сказанное означает, что соглашение об уплате алиментов, как и любой договор, выступает средством индивидуального регулирования, в чем проявляется его частноправовая природа как правопорождающего юридического факта.

Придание частной договоренности силы исполнительного документа в науке было квалифицировано как выполнение алиментным соглашением гарантирующей функции. Как указывает Д. С. Ксенофонтова, соглашение об уплате алиментов «своей задачей имеет обес-

---

[36] Данный подход в современном праве был наиболее последовательно обоснован Д. Н. Кархалевым (*Кархалев Д. Н.* Охранительное гражданское правоотношение. М. : Статут, 2009. С. 20). Подобной позиции придерживались: О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский (*Иоффе О. С., Шаргородский М. Д.* Вопросы теории права. М. : Юридическая литература, 1961. С. 193–194); С. С. Алексеев (*Алексеев С. С.* Проблемы теории права : в 2 т. Свердловск, 1972. Т. 1. С. 382–383); Е. Я. Мотовиловкер (*Мотовиловкер Е. Я.* Природа деликтного охранительного гражданско-правового отношения // Проблемы понятийного аппарата наук гражданского и гражданского процессуального права. Ярославль : ЯрГУ, 1987. С. 36).

[37] Именно из такого содержания субъективного гражданского права исходили представители науки, отрицающие деление правоотношений на регулятивные и охранительные (см., например: *Братусь С. Н.* Юридическая ответственность и законность. М., 1976. С. 104–107 ; *Гурвич М. А.* Право на иск. М. ; Л. : Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1949. С. 142 ; *Смирнов В. Т., Собчак А. А.* Общее учение о деликтных обязательствах / ЛГУ имени А.А. Жданова. Л. : Изд-во ЛГУ, 1983. С. 26 ; *Тархов В. А.* Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов, 1973. С. 18 ; *Филиппов П. М.* Судебная защита и правосудие в СССР. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1987. С. 69 ; *Чеговадзе Л. А.* Структура и состояние гражданского правоотношения. М. : Статут, 2004. С. 532.

[38] *Белоножкин А. Ю.* Указ. соч. С. 46.

[39] Если смотреть на уплату алиментов на основании соответствующего соглашения через такую призму, становится очевидным, что это не добровольный способ предоставления содержания. Появление возможности принудительного исполнения не всегда влечет действия принудительного характера. Наличие алиментного соглашения как исполнительного документа позволяет предъявить его непосредственно к источнику выплаты заработной платы и (или) иного дохода плательщика, что уже квалифицируется как принудительное исполнение.

печение, гарантирование осуществления права на получение содержания и исполнения корреспондирующей с ним обязанности»[40]. Аналогичная позиция высказана Г. В. Богдановой: смысл алиментного соглашения как семейно-правового акта состоит лишь в предоставлении его участникам гарантии принудительного взыскания алиментов без обращения в суд[41].

Подытоживая вышеприведенный срез научных взглядов на многогранную правовую природу соглашения об уплате алиментов, можно заключить следующее:

1) соглашение об уплате алиментов по своей правовой природе является семейно-правовой сделкой, влекущей частноправовые и публично-правовые последствия, а именно порождающей алиментное обязательство, где субъективное право нетрудоспособных и несовершеннолетних членов семьи на получение алиментов гарантируется принудительным исполнением путем нотариального удостоверения данного соглашения;

2) закрепленное в законе право на получение содержания (материальной поддержки, алиментов) лишь элемент правоспособности лица, которую можно отнести к специальной, так как она возникает у членов семьи при наличии (появлении) определенных, установленных в законе правовых характеристик. Для перевода абстрактной правовой возможности в разряд субъективного семейного права требуется вынесение судебного акта или заключение соглашения об уплате алиментов.

Предмет соглашения об уплате алиментов и обусловленные им регулятивные возможности

Как уже указывалось, каузой соглашения об уплате алиментов выступает безвозмездное предоставление содержания нуждающемуся в этом члену семьи. Именно правовая цель находит отражение в предмете любого соглашения и оказывает влияние на его содержание и определение пределов правового регулирования.

Обращение к исследованию предмета соглашения об уплате алиментов, как и предмета любого договора, имеет сущностное значение. Кроме того, наличие у соглашения об уплате алиментов исполнительной силы требует более внимательного изучения данного вопроса.

Как известно, правовая категория «предмет договора» или «предмет сделки» является одной из неоднозначно воспринимаемых и толкуемых в доктрине[42] и на практике. Не ставя целью провести анализ всех имеющихся воззрений, под предметом договора в рамках настоящего исследования будем понимать «действия сторон для достижения правовой цели, ради которой они вступают в договорные отношения»[43].

Согласно п. 1 ст. 432 ГК РФ договор считается заключенным, если стороны достигли соглашения по всем его существенным условиям, одним из которых выступает его предмет. Даже если бы СК РФ не содержал отсылок к правилам ГК РФ о заключении, изменении и расторжении договора, общие положения гражданского законодательства о договоре подлежат применению в субсидиарном порядке в части, не противоречащей существу семейных отношений. Правила о порядке заключения договора (как и любого соглашения) как процедуре согласования сторонами встречных волей и достижения консенсуса по всем его существенным условиям носят межотраслевой характер.

Согласно ст. 99 СК РФ соглашение об уплате алиментов — это соглашение о размере, условиях и порядке уплаты алиментов. Закрепление в анализируемой статье этих трех составляющих является указанием лишь на примерное содержание договора, но не на его существенные условия. Таким образом, отсутствие в положениях семейного законодательства требований о наличии в соглашении об уплате алиментов иных существенных или необходимых условий означает, что единственным существенным условием, требующим согласования в силу закона (а не по заявлению одной из сторон), будет его предмет (п. 1 ст. 432 ГК РФ).

Поскольку следствием заключения соглашения об уплате алиментов является возникновение алиментного обязательства, логично предположить, что предмет данного договора

[40] *Ксенофонтова Д. С.* Указ. соч. С. 36.

[41] *Богданова Г. В.* Указ. соч. С. 12.

[42] В меньшей степени близко отождествление предмета договора с объектом прав, которое достаточно распространено в современной науке (см., например: *Романец Ю. В.* Система договоров в гражданском праве России : монография. М. : Норма : Инфра-М, 2013. С. 208).

[43] *Ершов О. Г.* О предмете гражданско-правового договора // Современная наука. 2011. № 4. С. 18.

будет считаться согласованным, если он позволит определить размер алиментов, форму, способ и порядок их уплаты, т.е. содержание такого обязательства. Например, в соответствии с условиями соглашения об уплате алиментов плательщик обязывается уплачивать алименты получателю в размере 10 000 руб. в месяц путем перечисления 60 000 руб. в безналичной форме на номинальный счет получателя не позднее 10 числа каждого первого и седьмого месяцев года.

По сути, сформулированное алиментное обязательство является достаточно определенным и для целей принудительного исполнения. Хотя в ряде случаев достаточно закрепить размер и способ уплаты алиментов, так как отсутствие порядка уплаты алиментов, т.е. указания на срок, форму передачи денег, реквизиты банковского счета для перечисления, может быть восполнено, в частности, презюмированием ежемесячной периодичности взыскания алиментов у источника выплат, в безналичной или наличной денежной форме, с последующим размещением взысканных сумм на депозитном счете Федеральной службы судебных приставов[44].

В случае если соглашение об уплате алиментов содержит такой способ уплаты алиментов, как предоставление имущества в собственность или в пользование, для наделения его свойством исполнимости потребуется не только определить размер алиментов в месяц, но и индивидуализировать передаваемое имущество. При этом отсутствие у плательщика соответствующего имущества на момент принудительного истребования в натуре может повлечь прекращение алиментного обязательства в соответствии со ст. 416 ГК РФ[45], если только в соглашении не будет предусмотрено иное альтернативное исполнение.

Передача индивидуально-определенной вещи в собственность потребует не только установления в соглашении об уплате алиментов размера алиментов и индивидуализации объекта, но и определения стоимости последнего, что влияет на срок действия соглашения и исключает отождествление безвозмездной передачи имущества на основании соглашения об уплате алиментов с передачей дара в договоре дарения.

Если же речь идет о передаче в качестве алиментов совокупности вещей, определяемых родовыми признаками, то разумно предусмотреть в качестве альтернативного порядка исполнения уплату денежной суммы, соответствующей стоимости таких вещей. Хотя альтернативный характер, выстроенный по общим правилам ст. 308.1 ГК РФ, в принципе, не противоречит существу алиментных обязательств.

Смоделированные выше лишь некоторые варианты возможных условий соглашения об уплате алиментов позволяют сделать вывод, что на определение его предмета и формирование содержания оказывают влияние как частноправовые интересы сторон (выбор наиболее удобных для них условий уплаты

---

[44] Вывод о ежемесячном взыскании алиментов следует из сложившейся практики предоставления средств на содержание: во-первых, алименты в судебном порядке взыскиваются ежемесячно; во-вторых, заработная плата, из которой чаще всего удерживаются алименты, также выплачивается лицу ежемесячно; в-третьих, пенсии и пособия выплачиваются с ежемесячной периодичностью; в-четвертых, рента также подлежит выплате по общему правилу ежемесячно.
Если речь идет о долевом способе уплаты алиментов, то удержания будут производиться с каждой выплаты (аванс, заработная плата, иные выплаты, входящие в систему оплаты труда). В том случае, если алименты выплачиваются в твердой денежной сумме, — с любой из выплат в течение месяца или в соответствующих частях с каждой из них.
Отсутствие данных о номере счета для безналичного перечисления может быть также восполнено непосредственным получением этих сведений от взыскателя.

[45] Есть мнение, что общие правила об обязательствах, в частности о специальных основаниях прекращения обязательств, не подлежат применению при регулировании отношений между членами семьи. Такая позиция представляется ошибочной. Наличие обязательственных отношений между частными лицами, с допущениями, установленными в ст. 4 и 5 ГК РФ, напротив, делает необходимым применение соответствующих положений в субсидиарном порядке с учетом существа семейных отношений. В рамках алиментного обязательства одно лицо обязуется передать другому имущественное предоставление, а потому порядок исполнения такой обязанности может быть урегулирован гражданско-правовыми нормами, если отсутствуют специальные правила об этом в положениях семейного законодательства.

алиментов), так и публично-правовые интересы (наличие силы исполнительного документа и необходимость защиты прав лиц, не обладающих полным объемом дееспособности)[46]. Невозможно себе представить соглашение об уплате алиментов, в котором не установлен их размер как сумма, подлежащая уплате в месяц, независимо от избираемого способа их уплаты, что необходимо для согласования предмета договора. В то же время появление в соглашении об уплате алиментов иных условий во многом зависит от избранного сторонами способа их уплаты. При этом отсутствие некоторых из таких условий может быть восполнено в процессе реализации, исходя из общих положений об исполнении обязательств и правил об исполнительном производстве, тогда как отсутствие других способно сделать соглашение неисполнимым. «Говоря о содержании соглашения об уплате алиментов, необходимо учитывать его двойственную природу, где, с одной стороны, оно выступает как перечень условий, необходимых для соглашения как договора, с другой стороны, перечень реквизитов, характеризующих соглашение об уплате алиментов как исполнительный документ»[47].

Требование об обязательном нотариальном удостоверении алиментного соглашения как способе придания ему принудительного характера возлагает обязанность на нотариуса как на правоприменителя, выполняющего публичные функции, активно содействовать сторонам в формировании содержания соглашения. Удостоверение нотариусом сделки может последовать лишь в том случае, если он будет убежден, что предмет соглашения об уплате алиментов согласован (т.е. договор заключен), и содержание удостоверяемого соглашения позволяет в последующем произвести его исполнение в принудительном порядке. В статье 13 Федерального закона «Об исполнительном производстве» предусмотрены требования к исполнительному документу. При этом установлено, что для соглашения об уплате алиментов такие требования определяются специально семейным законодательством.

Анализ правовой природы соглашения об уплате алиментов и содержание гл. 16 СК РФ позволяют прийти к выводу, что во всех случаях предмет соглашения об уплате алиментов считается согласованным, если в нем закреплены размер алиментов в месяц и способ их уплаты. Кроме того, разумеется, должны быть сведения о взыскателе (получателе) и должнике (плательщике) алиментов. Все иные условия зависят от конкретного вида алиментного обязательства, избранного сторонами порядка и способа уплаты алиментов: отсутствие некоторых из них может означать отсутствие предмета, а следовательно, повлечь незаключенность соглашения об уплате алиментов, тогда как отсутствие других может быть восполнено в процессе принудительного исполнения. Кроме того, стороны соглашения об уплате алиментов могут закрепить в нем иные условия, не противоречащие предмету соглашения.

На формирование условий соглашения об уплате алиментов о размере алиментов оказывает влияние публичный интерес, направленный на защиту прав недееспособных членов семьи. «Свобода усмотрения сторон при формировании условий семейно-правовых договоров (соглашений) ограничивается на основе закрепленного в п. 3 ст. 1 Семейного кодекса Российской Федерации… принципа обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи. Так, усмотрение сторон при определении содержания соглашения об уплате алиментов родителями на содержание несовершеннолетних детей строго ограничивается законом: размер алиментов, устанавливаемый по такому соглашению, не может быть ниже размера алиментов, которые дети могли бы получить при взыскании алиментов в судебном порядке (п. 2 ст. 103 СК РФ)»[48].

Проверка указанного ограничения возложена на нотариуса при удостоверении им соглашения. Однако положения п. 2 ст. 103 СК РФ не всеми одинаково трактуются — как среди нотариусов, так и в доктрине встречается чрезмерно узкое толкование данного правила: при заклю-

[46] Более подробно об этом см.: *Чашкова С. Ю.* О тенденциях развития договорного регулирования семейных имущественных отношений супругов с учетом развития законодательства и судебной практики // Lex russica (Русский закон). 2021. Т. 74. № 5. С. 63–73.

[47] *Дзюбровская Л. В.* Содержание соглашения об уплате алиментов как исполнительного документа. С. 32–34.

[48] *Чефранова Е. А.* Непоименованные договоры как основание регулирования семейных отношений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 7. С. 48–54.

чении соглашения об уплате алиментов «их размер не может быть ниже минимума, предусмотренного статьей 81 СК РФ»[49]. Так, в литературе отмечалось, что применение ст. 81 СК РФ не позволяет устанавливать размер алиментов менее размера тех долей, которые определены в п. 1 этой статьи: «Плательщик алиментов ежемесячно должен перечислять на содержание ребенка одну четвертую от всех своих доходов. В противном случае на его стороне образуется неосновательное сбережение»[50]. Кроме того, О. А. Федорова в развитие данной мысли высказала мнение, что «обязанность предоставлять содержание ребенку на сумму не меньшую, чем одна четвертая от всех доходов, лежит на обоих родителях, независимо от того, проживает ребенок вместе с данным родителем или отдельно от него, ибо ребенок с каждым из родителей находится в состоянии родства»[51].

Впрочем, представляется, что приведенные позиции о необходимости установления размера алиментов не менее тех, которые указаны в п. 1 ст. 81 СК РФ, не соответствуют ни буквальному толкованию п. 2 ст. 103 СК РФ, ни интересам участников алиментных соглашений, ни сути регулируемых отношений. Согласно п. 2 ст. 103 СК РФ размер алиментов, устанавливаемый по соглашению об уплате алиментов на несовершеннолетних детей, не может быть ниже размера алиментов, которые они могли бы получить при взыскании в судебном порядке. Как справедливо отметила Д. С. Ксенофонтова, «нотариус в целом должен предположить вероятный размер алиментов, который бы имел место при обращении с соответствующим требованием в суд, и исходить из него при удостоверении соглашения об уплате алиментов»[52]. Отсылка в данном пункте к ст. 81 СК РФ ориентирует нотариуса на порядок определения размера алиментов при их взыскании по долевому принципу, в том числе с учетом возможности уменьшения или увеличения размера долей, предусмотренного в п. 1 ст. 81 СК РФ. Сегодня порядок применения данных положений разъяснен в п. 19, 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 56 и должен в силу п. 2 ст. 103 СК РФ приниматься во внимание нотариусами при удостоверении данных соглашений, так как представляет собой образец ситуационного регулирования в семейном праве и ориентирует не на формальное применение ст. 81 СК РФ, а на учет всех заслуживающих внимания обстоятельств, материального и семейного положения обеих сторон алиментного правоотношения.

Данный критерий определения размера алиментов на несовершеннолетних детей действует независимо от избираемого сторонами соглашения способа их уплаты. В том случае, если алименты взыскиваются не по долевому принципу, проверка соответствия их размера требованиям п. 2 ст. 103 СК РФ производится на основании истребуемых нотариусом сведений о доходах плательщика. Однако невозможность предоставления таких сведений не является основанием к отказу в удостоверении соглашения об уплате алиментов: добросовестность и разумность действий участников гражданского оборота предполагаются и могут быть распространены на участников алиментных отношений, так как это не противоречит существу семейных отношений.

Способ уплаты алиментов как вторая составляющая предмета соглашения об уплате алиментов должен быть также согласован сторонами, иначе оно будет считаться незаключенным. Положения ст. 104 СК РФ, в отличие от правил о размере алиментов, устанавливаемых в соглашении об уплате алиментов, не дифференцируют и не ограничивают выбор способов уплаты алиментов в зависимости от того, кто является их получателем. Кроме того, п. 2 ст. 104 СК РФ оставляет перечень таких способов открытым, а также позволяет устанавливать их сочетание. Иными словами, стороны соглашения формально достаточно свободны в формировании условия о предмете.

Впрочем, такая свобода не абсолютна. При выборе способов уплаты алиментов нельзя упускать из виду, что соглашение есть исполни-

---

[49] См.: *Карпов М. В.* О некоторых вопросах заключения соглашения об уплате алиментов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 4. С. 80–83.

[50] См., например: Гражданское право : учебник : в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева. М. : Проспект, 2016. Т. 3. С. 511 (автор главы — А. А. Павлов) ; *Федорова О. А.* Определение размера алиментов, уплачиваемых на несовершеннолетних детей (комментарий к п. 2 ст. 103 СК РФ) // Семейное и жилищное право. 2018. № 1. С. 84–85.

[51] *Федорова О. А.* Указ. соч.

[52] *Ксенофонтова Д. С.* Указ. соч. С. 151.

тельный документ, а потому избранный сторонами способ уплаты должен обладать свойством исполнимости.

Несмотря на это, на практике приходится встречаться с самыми невероятными способами уплаты алиментов, закрепленными сторонами в соглашении. Так, по условиям одного из соглашений об уплате алиментов, ставшего в последующем предметом судебного спора, «алименты на содержание Ф. Н. и К. уплачиваются плательщиком алиментов в следующем порядке: плательщик алиментов обязуется приобрести у третьих лиц за свой счет на имя К. и Ф. Н. трехкомнатную квартиру в городе Москве в 1/2 доли каждому, в районе Южное Бутово»[53]. Приведенные условия свидетельствуют о неисполнимости подобного соглашения, что в конечном итоге констатировал суд. Представляется, что такой порок следует квалифицировать как несогласованность предмета соглашения об уплате алиментов, а следовательно, его незаключенность.

В последнее время в нотариальной практике стали всё чаще появляться проекты соглашений об уплате алиментов, предлагающие в качестве способа уплаты алиментов на несовершеннолетних детей единоличное исполнение плательщиком алиментов обязанностей по кредитному договору, где оба родителя (супруги) выступали созаемщиками, а кредитные средства направлялись на приобретение жилого помещения для семьи. При этом авторы проектов сделок исходят из того, что таким образом ребенку — получателю алиментов обеспечивается стабильное место постоянного проживания, тогда как непосредственно содержит ребенка родитель, проживающий с ним и освобожденный плательщиком алиментов от фактического исполнения обязанностей перед банком. Кроме того, предполагается, что наличие соглашения на таких условиях должно предшествовать последующему заключению родителями ребенка соглашения о разделе общего имущества супругов, по которому жилое помещение, приобретенное за счет кредитных средств, станет общедолевым имуществом супругов (или личным имуществом супруга, с которым проживает ребенок), а потенциальный плательщик алиментов примет на себя обязанность по выплате всего долга с соблюдением требований п. 2 ст. 391 ГК РФ.

Представляется, что данная схема не может быть квалифицирована как иной способ уплаты алиментов, так как освобождение родителя, проживающего с ребенком, от обязанностей по кредитному договору не является предоставлением средств на содержание ребенка, так как ни юридически, ни фактически ребенок ничего не получает. Потребность в жилье у него уже обеспечена проживанием в квартире родителей, тогда как описанный способ уплаты алиментов не исключает возможности обращения взыскания на жилое помещение как на предмет залога, так как не влечет никаких дополнительных гарантий надлежащего исполнения кредитных обязательств.

Подобного рода пожелания под вывеской «способ уплаты алиментов» есть уход от исполнения обязанности по их уплате, причем сложно сказать, кто здесь больше злоупотребляет родительскими правами, нарушая таким образом права несовершеннолетних детей, — плательщик алиментов или проживающий с ребенком родитель. По сути, родители регулируют таким образом свои имущественные отношения как супруги, преследуя и удовлетворяя свои интересы, освобождая одного из родителей от обязанности по содержанию ребенка, по существу, лишая ребенка права на получение алиментов, что противоречит основным началам семейного законодательства. Кроме того, обсуждаемые условия в качестве способа уплаты алиментов не соответствуют целям алиментного обязательства: ребенок выступает в роли лишь номинального взыскателя.

Вместе с тем относительно недавно в семейном законодательстве получили закрепление так называемые жилищные алименты, под которыми понимают дополнительное возложение на плательщика алиментов обязанности по несению расходов, например по уплате платежей по ипотечному жилищному кредиту или платежей по договору найма жилого помещения, совершаемых родителем, с которым проживает ребенок, при наличии такого исключительного обстоятельства, как отсутствие у ребенка (детей) пригодного для постоянного проживания жилого помещения[54]. Добавление в положения ст. 86 СК РФ соответствующего основания для взыскания дополнительных расходов повлекло появление исков о взыскании в качестве таких расходов части фактически произведенных

[53] Определение Московского городского суда от 28.11.2014 № 4г/9-11838/14 // СПС «КонсультантПлюс».

[54] См.: Как получить жилищные алименты на ребенка? // Азбука права : электрон. журн. 2023.

выплат на исполнение обязанностей по кредитным договорам, обеспеченным ипотекой жилых помещений, приобретенных для проживания в том числе и ребенка[55]. В настоящее время суды отказывают в удовлетворении подобных требований, ссылаясь на отсутствие условий, при которых допускается взыскание дополнительных расходов, в частности отсутствие исключительности обстоятельств.

Анализируя позиции судебной практики по применению новых положений ст. 86 СК РФ, Е. А. Чефранова пришла к выводу, что «к дополнительным расходам, которые суд вправе возложить на второго родителя ребенка, по основаниям, предусмотренным пунктом 1 ст. 86 ГК РФ, наряду с расходами по найму жилого помещения, могут быть при прочих равных отнесены следующие затраты:

— понесенные по сделке, направленной на приобретение жилого помещения в собственность ребенка (индивидуальную или долевую);

— на оплату займа, в том числе ипотечного кредита на приобретение жилого помещения (доли) в собственность ребенка или обязательством по оформлению права собственности ребенка в будущем»[56].

Допуская возможность включения в соглашение об уплате алиментов обязанностей по выплате дополнительных расходов, в том числе в случаях, предлагаемых Е. А. Чефрановой, полагаем невозможным закрепление таких выплат в соглашении именно в качестве способа уплаты алиментов, так как исключен постоянный характер такого предоставления, а его направленность не может быть определена как «средства на содержание». Вместе с тем, разумеется, нельзя отказать при заключении соглашения об уплате алиментов в выборе такого способа, как предоставление плательщиком жилого помещения в собственность или в пользование непосредственно получателю алиментов, в том числе и несовершеннолетнему ребенку.

Следует отметить, что способы уплаты алиментов, избираемые сторонами при заключении соглашения об уплате алиментов, должны удовлетворять постоянные и необходимые потребности получателя алиментов в содержании (в питании, одежде, обуви, проживании, а применительно к детям — в воспитании, образовании, занятиях спортом, музыкой и т.п.), а также быть исполнимыми.

По итогам исследования в данной части можно заключить следующее:

— предмет соглашения об уплате алиментов представляет собой алиментное обязательство. Предмет соглашения как его единственное существенное условие, установленное законом, считается согласованным, если позволяет установить размер и способ уплаты алиментов. При этом в зависимости от способа уплаты алиментов может потребоваться согласование и иных условий алиментного обязательства (порядка, формы их уплаты) как необходимых элементов предмета;

— критерии определения размера алиментов на несовершеннолетних детей императивно установлены законом в целях защиты прав последних, но в отношении иных получателей размер алиментов определяется исключительно по усмотрению сторон;

— определение способов уплаты алиментов в соглашении нормативно не ограничено, независимо от получателей, но они должны соответствовать требованиям исполнимости, а также привести к удовлетворению необходимых потребностей в содержании получателей алиментов.

Содержание соглашения об уплате алиментов и пределы его правового регулирования

Наличие у соглашения об уплате алиментов силы исполнительного документа требует уяснения его регулятивных пределов: возможно ли включение в него правил поведения сторон, прямо выходящих за рамки его предмета, т.е. прав и обязанностей, составляющих содержание алиментного обязательства. Иными словами, необходимо ответить на вопросы: могут ли стороны что-то еще дополнительно согласовать в соглашении об уплате алиментов кроме закрепления содержания алиментного обязательства, будет ли такое соглашение носить смешанный характер (ст. 421 ГК РФ) и допустимо ли это?

---

[55] См., например: определения Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 25.11.2021 № 88-10220/2021 ; Второго кассационного суда общей юрисдикции от 12.05.2022 по делу № 88-9685/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

[56] *Чефранова Е. А.* «Жилищные алименты» — миф или новая правовая реальность? // Семейное и жилищное право. 2023. № 3. С. 22–26 ; № 4. С. 22–25.

На практике достаточно часто возникают пожелания о включении в содержание соглашения об уплате алиментов условий: об определении места жительства ребенка — получателя алиментов и (или) об определении порядка его общения с отдельно проживающим родителем — плательщиком алиментов; о выплате имеющейся задолженности по алиментным платежам.

Представляется, что сегодня вопрос о пределах правового регулирования соглашения об уплате алиментов является одним из самых важных и требует ответа, прежде всего для целей практического применения, а значит, соблюдения прав получателей алиментов на их взыскание. Договорная природа соглашения об уплате алиментов не исключает действия принципа свободы договора, независимо от ограничения публичными интересами, о которых говорилось выше.

Прежде всего сто́ит поразмышлять о возможности включения в соглашение об уплате алиментов условий, направленных на регулирование неимущественных отношений (отношений между родителями по определению места жительства и воспитанию ребенка). Речь идет об алиментном соглашении, получателем по которому является ребенок в возрасте от 0 до 14 лет, сам не участвующий в заключении соглашения в силу п. 1 ст. 28 ГК РФ и ст. 99 СК РФ, место жительство которого определяется по правилам п. 2 ст. 20 ГК РФ и п. 3 ст. 65 СК РФ. Родители, заключая соглашение об уплате алиментов, выступают соответственно как плательщик алиментов и законный представитель получателя алиментов, одновременно могут желать урегулировать отношения между собой по поводу места жительства ребенка и порядка осуществления прав плательщика алиментов как отдельно проживающего родителя.

Аргументы против такого совмещения, с одной стороны, лежат на поверхности:

1) данные соглашения имеют различный субъектный состав: сторонами соглашения об уплате алиментов являются родитель (плательщик алиментов) и ребенок, действующий в лице своего законного представителя (получатель алиментов); сторонами соглашения о порядке осуществления родительских прав являются исключительно родители ребенка;

2) соглашения об осуществлении родительских прав не защищены особой исполнительской силой, а потому их нотариальное удостоверение не позволяет распространять на них силу исполнительного документа. Обусловленность уплаты алиментов исполнением условий соглашений между родителями об осуществлении родительских прав может привести к необоснованному усложнению исполнения соглашения в части предоставления средств на содержание или сделает такое исполнение невозможным в связи с неопределенностью условий.

Вместе с тем регулятивная функция соглашения об уплате алиментов, направленная на учет особенностей отношений и конкретной жизненной ситуации, приведших стороны к его заключению, предполагает, что порядок уплаты алиментов может зависеть от договоренности родителей по поводу осуществления своих прав. Ввиду вышеизложенных аргументов против совмещения алиментного обязательства и родительского соглашения можно предположить, что интерес родителей при заключении соглашения об уплате алиментов может быть учтен лишь как условие возникновения или прекращения действия во времени обязанностей в алиментном обязательстве (ст. 157 ГК РФ). Например, при заключении соглашения об уплате алиментов стороны исходят из того, что местом жительства ребенка является место жительства матери, однако в период временного проживания ребенка с отцом данное соглашение прекращает действие. Так, Конституционный Суд РФ в одном из определений указал следующее: «Пункт 2 статьи 107 Семейного кодекса Российской Федерации, рассматриваемый в системной взаимосвязи с пунктом 2 статьи 80 того же Кодекса, согласно которому в случае, если родители не предоставляют содержание своим несовершеннолетним детям, средства на содержание несовершеннолетних детей (алименты) взыскиваются с родителей в судебном порядке, не предполагает взыскания алиментов за период, в который ответчиком исполнялась обязанность по предоставлению содержания, в том числе при совместном проживании с ребенком»[57].

Более сложной видится ситуация, когда родители желают связать исполнение обязанности по выплате алиментов с возможностью

[57] Определение Конституционного Суда РФ от 24.09.2013 № 1259-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ананьева Дмитрия Вячеславовича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 статьи 107 Семейного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

беспрепятственного осуществления права родителя — плательщика алиментов на общение с ребенком — получателем алиментов. С одной стороны, ребенок имеет безусловное право на получение алиментов и право на общение с обоими родителями, и конфликтная ситуация между родителями не должна затрагивать осуществление таких прав. С другой стороны, нельзя не уважать право плательщика алиментов на общение с ребенком. Но, по нашему мнению, любые договоренности подобного рода в соглашении об уплате алиментов представляют собой манипуляцию родителями названными правами ребенка, а следовательно, являются сделкой, нарушающей требования закона (ст. 10, 168, 169 ГК РФ).

В настоящее время наиболее часто встречается запрос на включение в соглашение об уплате алиментов обязанностей по предоставлению содержания за предыдущий период, в частности за три года, предшествовавшие заключению соглашения, когда право на алименты имелось, но не было реализовано. Представляется, что такая ситуация может быть квалифицирована как придание договорной силы ранее возникшим отношениям (п. 2 ст. 425 ГК РФ, п. 2 ст. 107 СК РФ), что не противоречит ни существу семейных отношений, ни природе алиментного соглашения, и может быть обеспечена принудительным исполнением.

В тех случаях, когда задолженность образовалась на основании не исполненных полностью или частично требований судебных актов о взыскании алиментов и подтверждается постановлением судебного пристава-исполнителя, заключение соглашения об уплате алиментов также целесообразно, если стороны хотят изменить форму погашения задолженности с денежной на натуральную или установить в соглашении рассрочку и отсрочку погашения задолженности. Поскольку постановление судебного пристава о взыскании задолженности является исполнительным документом, сведения о заключенном соглашении об уплате алиментов, предусматривающем изменение порядка и способа погашения задолженности, должны быть доведены до судебного пристава-исполнителя для прекращения им исполнения в соответствующей части.

Может показаться, что перечисленные договорные возможности вступают в некоторую коллизию с положениями законодательства об исполнительном производстве. По сути, соглашение об уплате алиментов призвано заменить мировое соглашение в исполнительном производстве. Но, принимая во внимание наличие у соглашения об уплате алиментов природы процессуальной сделки, думаем, что это вполне резонно. При этом соглашение об уплате алиментов не прекратит действие ни судебного акта, ни постановления судебного пристава-исполнителя, хотя является основанием для пересмотра возможности их принудительного исполнения.

Обращаясь к данному вопросу, необходимо рассмотреть обоснованность заключения соглашения об уплате алиментов при наличии судебных актов о взыскании алиментов (исполнительного производства о взыскании алиментов). Речь идет о ситуации, когда заключаемое соглашение об уплате алиментов направлено на изменение размера, порядка и (или) способа исполнения алиментного обязательства, возникшего из судебных актов, и не предполагает появления дополнительного алиментного обязательства к уже возникшему. Хотя по желанию сторон, вариант с «задвоением» алиментных обязательств, безусловно, допустим.

Как следует из п. 1 ст. 119 СК РФ, если при отсутствии соглашения об уплате алиментов после установления в судебном порядке размера алиментов изменилось материальное или семейное положение одной из сторон, суд вправе по требованию любой из сторон изменить установленный размер алиментов или освободить лицо, обязанное уплачивать алименты, от их уплаты. «Сформулированное таким образом правило позволяет дать следующее его толкование: если алименты взыскиваются в размере, установленном судом, то такой размер может быть изменен судом, если между сторонами алиментного обязательства отсутствует соглашение об уплате алиментов, то есть соглашение, которым стороны сами изменили размер взыскиваемых алиментов»[58]. Следовательно, данная норма прямо допускает возможность заключения соглашения об уплате алиментов при наличии судебного акта об их взыскании.

Если у сторон алиментного обязательства, возникшего из судебного акта, есть желание изменить форму уплаты алиментов, например перейти с денежной формы на натуральную,

[58] Применение семейного законодательства в нотариальной практике : науч.-практ. пособие / Е. А. Чефранова, С. Ю. Чашкова. М., 2014. С. 118 (автор главы — С. Ю. Чашкова).

то в соответствии со ст. 4 СК РФ и ст. 409 ГК РФ ранее возникшее алиментное обязательство может быть прекращено предоставлением взамен исполнения отступного (уплатой денег, передачей имущества и т.п.) с учетом реального характера соглашения об отступном. «Таким образом, соглашение об уплате алиментов при уже имеющемся алиментном обязательстве, возникшем на основании судебного акта, заключается в качестве особого отступного (что согласуется с семейно-правовой природой регулируемых отношений), на основании которого прекращается существование прежнего алиментного обязательства и возникает новое алиментное обязательство между теми же субъектами, но с другим предметом)»[59]. При этом следует учитывать, что в отличие от правил о зачете однородных требований (ст. 411 ГК РФ) в законодательстве отсутствует прямой запрет на применение отступного как способа прекращения алиментного обязательства, что согласуется с положениями СК РФ, допускающими различные способы его исполнения.

Приведенная позиция, по сути, поддерживается и судебной практикой. Так, в определении Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 29.07.2021 № 88-6472/2021 по делу № 2-1214/2020 указано следующее: «…родители самостоятельно разрешают вопрос о содержании своих несовершеннолетних детей и вправе заключить в этих целях соответствующее соглашение, и лишь в случаях, когда такое соглашение не заключено, вопрос о взыскании алиментов на детей разрешается судом (ст. 80, 81 СК РФ). В этой связи возникновение ситуации, при которой… имеются обязательства по выплате алиментов на содержание… по двум исполнительным документам (при установленном законом приоритете соглашения о выплате алиментов), может служить основанием для его освобождения в установленном законом порядке от выплаты алиментов, взысканных по судебному акту (ст. 119 СК РФ), но не влечет расторжение соглашения…»[60]

Как отмечает Л. Б. Максимович, на практике «содержание алиментного соглашения не ограничивается договоренностью сторон об алиментах, а содержит также условия, обязывающие плательщика алиментов осуществлять дополнительные расходы на ребенка (например, расходы по оплате основного и/или дополнительного образования, добровольного медицинского страхования, летнего отдыха ребенка и др.). В связи с этим возникает вопрос о правомерности расширения границ алиментного соглашения за счет включения в него обязательства о дополнительных расходах, своеобразном “социальном пакете”, предоставляемом ребенку помимо алиментов… При этом остается неясным, распространяется ли сила исполнительного листа на соглашение в полном объеме, включая содержащиеся в нем положения о дополнительных расходах, или только на те положения соглашения, которыми установлены размер, условия и порядок выплаты алиментов»[61].

Иными словами, Л. Б. Максимович квалифицирует расходы по оплате основного и/или дополнительного образования, добровольного медицинского страхования, летнего отдыха ребенка и т.п. в качестве дополнительных, в связи с чем и задается вопросом об обоснованности включения условий о таких выплатах в соглашение об уплате алиментов с обеспечением их взыскания силой принудительного исполнения.

Как совершенно справедливо заметил И. В. Матвеев, «при внешней идентичности алиментных обязательств и обязательств по несению дополнительных расходов рассматриваемые выплаты обладают различной правовой природой. Правовая природа алиментных обязательств определяется как осуществление периодических денежных выплат (за исключением алиментов, уплачиваемых единовременно и в натуральной форме в силу соглашения на основании ст. 104 СК РФ) с целью обеспечения нормальной жизни получателя алиментов (его содержания) и не связана с какими-либо исключительными обстоятельствами»[62]. Основываясь на разделении понятий «алименты» и «дополнительные расходы» и учитывая, что дополнительные расходы не носят системати-

[59] Применение семейного законодательства в нотариальной практике.

[60] СПС «КонсультантПлюс».

[61] *Максимович Л. Б.* Алиментное соглашение: проблемы законодательства и правоприменения // Семейное и жилищное право. 2020. № 3. С. 11–12.

[62] *Матвеев И. В.* Правовая природа участия родителей в дополнительных расходах на детей и совершеннолетних детей в дополнительных расходах на родителей // Семейное и жилищное право. 2022. № 2. С. 12–15.

ческого характера и определяются исключительными обстоятельствами, нельзя отказать во включении условий о дополнительных расходах в алиментное соглашение.

Согласно ст. 86 СК РФ под исключительными обстоятельствами следует понимать: тяжелую болезнь, увечье несовершеннолетних детей или нетрудоспособных совершеннолетних нуждающихся детей, необходимость оплаты постороннего ухода за ними, отсутствие пригодного для постоянного проживания жилого помещения и др. Установленные семейным законодательством основания и порядок определения размера дополнительных расходов приводят к мысли, что они появляются наряду с привычным содержанием ребенка как субсидиарные, нерегулярные и незапланированные выплаты. Например, при наличии у ребенка устойчивого заболевания его регулярное (обычное) содержание будет включать в себя необходимые расходы на лекарства и реабилитацию, что будет учтено при определении размера алиментов. Если же состояние здоровья и иные указанные обстоятельства носят непредвиденный и при этом временный и (или) эпизодический характер, то связанные с этим расходы не учитываются при определении размера алиментов. Тогда как выплаты, направленные на их покрытие, могут быть учтены и взысканы на основании соглашения об уплате алиментов именно как дополнительные расходы, если вызывающие их обстоятельства произошли к моменту заключения алиментного соглашения.

Присоединяясь к ранее высказанному в научной литературе мнению[63] о природе дополнительных расходов, Е. А. Чефранова отмечает: «…средства, предоставляемые на покрытие дополнительных расходов, нами рассматриваются в качестве разновидности алиментных платежей. Такой вывод подтверждается фактом включения норм об участии алиментообязанных лиц в дополнительных расходах (ст. 86 и 88 СК РФ) в главу 13 СК РФ “Алиментные обязательства родителей и детей”. Кроме того, п. 41 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 56 “О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов”… взыскание дополнительных расходов также трактуется как разновидность алиментных платежей»[64]. Судебная практика последовательно поддерживает обозначенную позицию[65].

В этой связи Д. С. Ксенофонтовой еще ранее было замечено, что «отношения по участию в несении дополнительных расходов, как правило, возникают в рамках алиментных отношений, то есть алиментное обязательство включает в себя обязанность по участию в несении дополнительных расходов. Поэтому такие дополнительные (субсидиарные) отношения по содержанию могут быть формализованы и урегулированы сторонами не только специальным соглашением об участии в несении дополнительных расходов, вызванных исключительными обстоятельствами, но и соглашением об уплате алиментов»[66].

Таким образом, не противоречит императивным нормативным требованиям и природе соглашения об уплате алиментов включение в него условий о дополнительных расходах и об уплате задолженности по алиментным платежам, а также об определении места жительства ребенка с одним из родителей исключительно для установления фигуры плательщика алиментов. Кроме того, представляется допустимым заключение соглашения об уплате алиментов при наличии иных исполнительных документов о взыскании алиментов (задолженности по уплате алиментов). Введение в соглашение об уплате алиментов названных дополнительных условий не означает появления смешанного характера регулирования, и такое соглашение сохранит силу исполнительного документа исключительно в отношении требований о

---

[63] См.: *Ахметьянова З. А.*, *Ковалькова Е. Ю.*, *Низамиева О. Н.* и др. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации : постатейный / отв. ред. О. Н. Низамиева. М. : Проспект, 2010. С. 324 ; Семейный кодекс Российской Федерации и федеральные законы «Об опеке и попечительстве», «Об актах гражданского состояния» : постатейный комментарий / под ред. П. В. Крашенинникова. М. : Статут, 2012.

[64] *Чефранова Е. А.* «Жилищные алименты» — миф или новая правовая реальность?

[65] См., например: кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 16.11.2022 по делу № 88-38088/2022 ; определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 08.09.2022 № 88-20048/2022 ; кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 18.10.2021 № 88а-26192/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

[66] *Ксенофонтова Д. С.* Указ. соч. С. 145.

взыскании средств на содержание. Вместе с тем введение каких-либо иных положений, не направленных на уплату алиментов и дающих возможность квалифицировать соглашение об уплате алиментов как смешанный договор, недопустимо.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев С. С. Общие дозволения и запреты в советском праве. М. : Юридическая литература, 1998. 286 с.

Алексеев С. С. Проблемы теории права : в 2 т. Т. 1 : Основные вопросы общей теории социалистического права. Свердловск, 1972. 396 с.

Антокольская М. В. Семейное право : учебник. М. : Юрист, 1996.

Ахметьянова З. А., *Ковалькова Е. Ю.*, *Низамиева О. Н.* и др. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации : постатейный / отв. ред. О. Н. Низамиева. М. : Проспект, 2010.

Белоножкин А. Ю. К вопросу об охранительных гражданских правоотношениях // Цивилист. 2022. № 2. С. 43–48.

Белякова А. М., *Ворожейкин Е. М.* Советское семейное право. М. : Юридическая литература, 1974. 304 с.

Беспалов Ю. Ф. Семейно-правовое положение ребенка в Российской Федерации : монография. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Проспект, 2014. 240 с.

Богданова Г. В. Проблемы правового регулирования личных и имущественных отношений между родителями и детьми : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1999.

Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность. М. : Юридическая литература, 1976. 215 с.

Воеводов К. С., *Нестолий В. Г.* Соглашение об уплате алиментов, судебная мировая сделка и мировое соглашение // Нотариус. 2022. № 4. С. 31–35.

Гонгало Б. М. Алиментное обязательство // Семейное и жилищное право. 2016. № 5. С. 15–18.

Гончаренко Е. В. Соглашения об уплате алиментов: правовая природа, соотношение с иными договорами // Семейное и жилищное право. 2006. № 3.

Гражданское право : учебник : в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. Т. 3. 3-е изд. М. : ТК Велби, Проспект, 2001. 778 с.

Гражданское право : учебник : в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. Т. 3. Изд. 4-е, перераб. и доп. М. : ТК Велби, Проспект, 2005. 784 с.

Гражданское право : учебник : в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева. Т. 3. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Проспект, 2016. 736 с.

Грехнева В. И., *Нестолий В. Г.* Исполнительная надпись нотариуса и нотариальное соглашение об уплате алиментов (этюды начинающих) // Нотариус. 2017. № 6. С. 30–34.

Гурвич М. А. Право на иск. М. ; Л. : Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1949. 216 с.

Дзюбровская Л. В. Соглашение об уплате алиментов — самостоятельный семейно-правовой институт // Семейное и жилищное право. 2012. № 6. С. 11–13.

Дзюбровская Л. В. Содержание соглашения об уплате алиментов как исполнительного документа // Семейное и жилищное право. 2010. № 2. С. 32–34.

Ершов О. Г. О предмете гражданско-правового договора // Современная наука. 2011. № 4.

Иоффе О. С. Советское гражданское право: правоотношения, связанные с продуктами творческой деятельности : курс лекций : в 3 ч. Ч. 3 : Семейное право. Наследственное право / отв. ред. А. К. Юрченко. Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1965. 347 с.

Иоффе О. С., *Шаргородский М. Д.* Вопросы теории права. М. : Юридическая литература, 1961. 381 с.

Казанцева А. Е., *Титаренко Е. П.* Правовая природа семейного соглашения // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2009. № 13. С. 105–107.

Как получить жилищные алименты на ребенка? // Азбука права : электрон. журн. 2023.

Капитова О. В. Правовая природа механизма алиментирования в семейном праве Российской Федерации : монография. М. : Юриспруденция, 2011. 133 с.

Карпов М. В. О некоторых вопросах заключения соглашения об уплате алиментов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 4. С. 80–83.

Кархалев Д. Н. Охранительное гражданское правоотношение. М. : Статут, 2009. 329 с.

Косова О. Ю. Предмет семейного права и семейное законодательство // Государство и право. 2000. № 7. С. 71–78.

Косова О. Ю. Соглашения об уплате алиментов: вопросы содержания и применения // Российская юстиция. 2004. № 2. С. 36–38.

Крайнова Т. К. Соглашения об уплате алиментов в нотариальной практике // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Томск : Изд-во Томского университета, 2002.

Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве. М. : Госюриздат, 1958. 183 с.

Кружалова Л. В., *Морозова И. Г.* Справочник юриста по семейному праву. СПб. : Питер, 2007. 239 с.

Ксенофонтова Д. С. Правовые гарантии в сфере алиментирования : монография. М. : Статут, 2018. 207 с.

Кулаков В. В. Обязательственное право : учеб. пособие. М. : РГУП, 2016. 186 с.

Максимович Л. Брачный договор // Закон. 1997. № 11. С. 35–39.

Максимович Л. Б. Алиментное соглашение: проблемы законодательства и правоприменения // Семейное и жилищное право. 2020. № 3. С. 11–12.

Матвеев И. В. Правовая природа участия родителей в дополнительных расходах на детей и совершеннолетних детей в дополнительных расходах на родителей // Семейное и жилищное право. 2022. № 2. С. 12–15.

Матвеева Н. А. Значение нотариальных действий при заключении семейно-правовых сделок // Нотариус. 2019. № 8. С. 21–24.

Мотовиловкер Е. Я. Природа деликтного охранительного гражданско-правового отношения // Проблемы понятийного аппарата наук гражданского и гражданского процессуального права. Ярославль : ЯрГУ, 1987. 147 с.

Низамиева О. Н. Договорное регулирование имущественных отношений в семье. Казань : «Таглимат» Института экономики, управления и права, 2005. 215 с.

Низамиева О. Н. Юридико-фактическая функция семейно-правового договора // Lex russica (Русский закон). 2022. Т. 75. № 4 (185). С. 19–36.

Рабец А. М. Семейное право : курс лекций. Белгород : Везелица, 1998. 192 с.

Романец Ю. В. Система договоров в гражданском праве России : монография. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2013. 495 с.

Семейное право : учебник для бакалавров / под ред. Е. А. Чефрановой. М. : Юрайт, 2013. 393 с.

Семейное право : учебник / под общ. ред. Е. В. Вавилина. М. : Проспект, 2023. 440 с.

Семейный кодекс Российской Федерации и федеральные законы «Об опеке и попечительстве», «Об актах гражданского состояния» : постатейный комментарий / под ред. П. В. Крашенинникова. М. : Статут, 2012. 653 с.

Синюков В. Н. Юридические факты как реальность и правовая категория // Юридические факты и их влияние на отраслевые институты права: проблемы и направления развития : монография / под общ. ред. В. Н. Синюкова, М. А. Егоровой. М. : Проспект, 2023. С. 10–42.

Смирнов В. Т., *Собчак А. А.* Общее учение о деликтных обязательствах : учеб. пособие / ЛГУ имени А.А. Жданова. Л. : Изд-во ЛГУ, 1983. 152 с.

Советское семейное право : учебник / под ред. В. А. Рясенцева. М. : Юридическая литература, 1982. 256 с.

Тарусина Н. Н. Семейное право: очерки из классики и модерна : монография. Ярославль : ЯрГУ, 2009. 616 с.

Тархов В. А. Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1973. 456 с.

Титаренко Е. П. Понятие и характеристика соглашений в семейном праве // Семейное и жилищное право. 2005. № 2. С. 7–9.

Ульянова М. В. Пределы осуществления семейных прав // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 4. С. 658–682.

Федорова О. А. Определение размера алиментов, уплачиваемых на несовершеннолетних детей (комментарий к п. 2 ст. 103 СК РФ) // Семейное и жилищное право. 2018. № 1. С. 84–85.

Филиппов П. М. Судебная защита и правосудие в СССР. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1987. 181 с.

Чашкова С. Ю. О тенденциях развития договорного регулирования семейных имущественных отношений супругов с учетом развития законодательства и судебной практики // Lex russica (Русский закон). 2021. Т. 74. № 5. С. 63–73.

Чашкова С. Ю. Система договорных обязательств в российском семейном праве : дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. 197 с.

Чеговадзе Л. А. Структура и состояние гражданского правоотношения. М. : Статут, 2004. 539 с.

Чефранова Е. А. «Жилищные алименты» — миф или новая правовая реальность? // Семейное и жилищное право. 2023. № 3. С. 22–26 ; № 4. С. 22–25.

Чефранова Е. А. Имущественные отношения супругов : науч.-практ. пособие. М. : Эксмо, 2008. 270 с.

Чефранова Е. А. Непоименованные договоры как основание регулирования семейных отношений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 7. С. 48–54.

Чефранова Е. А., Чашкова С. Ю. Применение семейного законодательства в нотариальной практике : науч.-практ. пособие. М., 2014. 152 с.

Шеменева О. Н. Роль соглашений сторон в гражданском судопроизводстве. М. : Инфотропик Медиа, 2017. 312 с.

Шерстнева Н. С. Принципы семейного права. Тверь : Лилия Принт, 2007. 415 с.

REFERENCES

Akhmetyanova ZA, Kovalkova EYu, Nizamieva ON, et al. Nizamieva ON, (ed.). Commentary to the Family Code of the Russian Federation. Moscow: Prospect Publ.; 2010. (In Russ.).

Alekseev SS. General permissions and prohibitions in Soviet law. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1998. (In Russ.).

Alekseev SS. Problems of the theory of law. In 2 vols. Vol. 1. The main questions of the general theory of socialist law. Sverdlovsk; 1972. (In Russ.).

Antokolskaya MV. Family Law. Moscow: Yurist Publ.; 1996. (In Russ.).

Belonozhkin AYu. On the issue of protective civil legal relations. *Civilist*. 2022;2:43-48. (In Russ.).

Belyakova AM, Vorozheikin EM. Soviet family law. Moscow; 1974. (In Russ.).

Bespalov YuF. Family and legal status of a child in the Russian Federation. 2nd ed. Moscow: Prospect Publ.; 2014. (In Russ.).

Bogdanova GV. Problems of legal regulation of personal and property relations between parents and children. Cand. Sci. (Law) Diss. Saratov; 1999. (In Russ.).

Bratus SN. Legal Responsibility and Legality. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1976. (In Russ.).

Chashkova SYu. System of contractual obligations in Russian family law. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2004. (In Russ.).

Chashkova SYu. Trends in the Development of Contractual Regulation of Family Property Relations of Spouses, Taking into account the Development of Legislation and Judicial Practice. *Lex russica*. 2021;74(5):63-73. (In Russ.).

Chefranova EA, (ed.). Family Law. Moscow; 2013. (In Russ.).

Chefranova EA, Chashkova SYu. Application of family law in notarial practice. Moscow; 2014. (In Russ.).

Chefranova EA. «Housing alimony» — a myth or a new legal reality? *Family and Housing Law*. 2023;3:22-26; (4):22-25. (In Russ.).

Chefranova EA. Property relations of spouses. Moscow: Eksmo Publ.; 2008. (In Russ.).

Chefranova EA. Unnamed contracts as the basis for regulating family relations. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2021;7:48-54. (In Russ.).

Chegovadze LA. Structure and state of civil legal relations. Moscow: Statute Publ.; 2004. (In Russ.).

Dzyubrovskaya LV. Content of the agreement on the payment of alimony as an executive document. *Family and Housing Law*. 2010;2:32-34. (In Russ.).

Dzyubrovskaya LV. The agreement on the payment of alimony is an independent family legal institution. *Family and Housing Law*. 2012;6:11-13. (In Russ.).

Ershov OG. On the subject of a civil law contract. *Modern Science*. 2011;4. (In Russ.).

Fedorova OA. Determination of the amount of alimony paid for minor children (commentary to paragraph 2 of article 103 of the RF IC). *Family and Housing Law*. 2018;1:84-85. (In Russ.).

Filippov PM. Judicial protection and justice in the USSR. Saratov: Saratov State University Publ.; 1987. (In Russ.).

Goncharenko EV. Agreements on the payment of alimony: legal nature, relationship with other contracts. *Family and Housing Law*. 2006;3. (In Russ.).

Gongalo BM. Alimony obligation. *Family and Housing Law*. 2016;5:15-18. (In Russ.).

Grekhneva VI, Nestoliy VG. Notary's executive inscription and notarial agreement on the payment of alimony (studies of beginners). *Notary.* 2017;6:30-34. (In Russ.).

Gurvich MA. The Right to Claim. Moscow; Leningrad: Publishing house and 2nd Typography of the Academy of Sciences of the USSR; 1949. (In Russ.).

How to get housing alimony for a child? *Azbuka prava e-journal*; 2023. (In Russ.).

Ioffe OS, Shargorodsky MD. Questions of the theory of law. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1961. (In Russ.).

Ioffe OS. Soviet civil law: legal relations related to the products of creative activity. Part 3: Family law. Yurchenko AK, (ed.). Hereditary Law. Course of Lectures. Leningrad: Leningrad University Publ.; 1965. (In Russ.).

Kapitova OV. The legal nature of the alimony mechanism in family law of the Russian Federation. Moscow: Yurisprudentsiya; 2011. (In Russ.).

Karkhalev DN. Protective civil legal relationship. Moscow: Statute Publ.; 2009. (In Russ.).

Karpov MV. On some issues of concluding an agreement on the payment of alimony. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice.* 2013;4:80-83. (In Russ.).

Kazantseva AE, Titarenko EP. The legal nature of the family agreement. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2009;13:105-107. (In Russ.).

Kosova OYu. Agreements on the payment of alimony: issues of content and application. *Russian Justice.* 2004;2:36-38. (In Russ.).

Kosova OYu. Subject of family law and family legislation. *State and Law.* 2000;7:71-78. (In Russ.).

Krainova TK. Agreements on the payment of alimony in notarial practice. In: Legal Problems of Strengthening Russian Statehood. Tomsk: Publishing House of Tomsk University; 2002. (In Russ.).

Krasavchikov OA. Legal facts in Soviet civil law. Moscow: Gosyurizdat Publ.; 1958. (In Russ.).

Krasheninnikov PV, (ed.). Family Code of the Russian Federation and federal laws «On guardianship and guardianship», «On acts of civil status»: Family Code of the Russian Federation: article-by-article commentary. Moscow: Statute Publ.; 2012. (In Russ.).

Kruzhalova LV, Morozova IG. Handbook for a lawyer on family law. St. Petersburg: Piter Publ.; 2007. (In Russ.).

Ksenofontova DS. Legal guarantees in the field of alimony. Moscow: Statute Publ.; 2018. (In Russ.).

Kulakov VV. Law of Obligations. Moscow: RGUP Publ.; 2016. (In Russ.).

Maksimovich L. Marriage Contract. *Zakon*. 1997;11:35-39. (In Russs.).

Maksimovich LB. Alimony agreement: problems of legislation and law enforcement. *Family and Housing Law*. 2020;3:11-12. (In Russ.).

Matveev IV. The legal nature of parents' participation in additional expenses for children and adult children in additional expenses for parents. *Family and Housing Law*. 2022;2:12-15. (In Russ.).

Matveeva NA. Significance of notarial actions when concluding family legal transactions. *Notary.* 2019;8:21-24. (In Russ.).

Motovilovker EYa. Nature of tort protective civil law relations. In: Problems of the conceptual apparatus of the sciences of civil and civil procedure law. Yaroslavl; 1987. (In Russ.).

Nizamieva ON. Contractual regulation of property relations in the family. Kazan: Taglimat Institute of Economics, Management and Rights; 2005. (In Russ.).

Nizamieva ON. Legal and Factual Function of a Family Legal Contract. *Lex russica*. 2022;75(4)(185):19-36. (In Russ.).

Rabets AM. Family law: a course of lectures. Belgorod: Vezelitsa Publ.; 1998. (In Russ.).

Romanets YuV. The system of contracts in civil law of Russia. 2nd ed. Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2013. (In Russ.).

Ryasentsev VA, (ed.). Soviet Family Law. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1982. (In Russ.).

Sergeev AP, (ed.). Civil Law. 2nd ed. Vol. 3. Moscow: Prospect Publ.; 2016. (In Russ.).

Sergeev AP, Tolstoy YuK, (eds.). Civil Law. 3rd ed. Vol. 3. Moscow: Prospect Publ.; 2001. (In Russ.).

Sergeev AP, Tolstoy YuK, (eds.). Civil Law. 4th ed. Vol. 3. Moscow: Prospect Publ.; 2005. (In Russ.).

Shemeneva ON. The role of agreements of the parties in civil proceedings. Moscow: Infotropic Media Publ.; 2017. (In Russ.).

Sherstneva NS. Principles of Family Law. Tver: Liliya Print Publ.; 2007. (In Russ.).

Sinyukov VN. Sinyukov VN, Egorova MA, (eds.). Legal facts as reality and legal category. In: Legal facts and their impact on sectoral institutions of law: problems and directions of development. Moscow: Prospect Publ.; 2023. (In Russ.).

Smirnov VT, Sobchak AA. General doctrine of tort obligations. Leningrad: Leningrad State University Publ.; 1983. (In Russ.).

Tarkhov VA. Responsibility under Soviet civil law. Saratov: Saratov University Publ.; 1973. (In Russ.).

Tarusina NN. Family Law: Essays from Classics and Art Nouveau. Yaroslavl: YarGU Publ.; 2009. (In Russ.).

Titarenko EP. Concept and characteristics of agreements in family law. *Family and Housing Law*. 2005;2:7-9. (In Russ.).

Ulyanova MV. Limits of the exercise of family rights. *Herald of Perm University. Legal Sciences*. 2022;4:658-682. (In Russ.).

Vavilin EV, (ed.). Family Law. Moscow: Prospect Publ.; 2023. (In Russ.).

Voevodov KS, Nestoliy VG. Agreement on the payment of alimony, judicial world transaction and amicable agreement. *Notary.* 2022;4:31-35. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чашкова Светлана Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры нотариата, доцент кафедры семейного и жилищного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
syuchashkova@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana Yu. Chashkova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Notary Office; Department of Family and Housing Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
syuchashkova@msal.ru

Материал поступил в редакцию 5 июня 2025 г.
Статья получена после рецензирования 5 июня 2026 г.
Принята к печати 15 сентября 2026 г.

Received 05.06.2025.
Revised 05.06.2026.
Accepted 15.09.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.239.10.065-080

А. В. Анисимов
Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Гражданско-правовой режим данных умного транспорта

Резюме. Статья посвящена исследованию гражданско-правового режима данных, формируемых и используемых в системе умного транспорта как элемента инфраструктуры умного города. Рассматривается трансформация транспортного средства из традиционного материального объекта в программно-аппаратный комплекс, являющийся одновременно источником значительных массивов технических, геолокационных, персональных, инфраструктурных и производных данных. Анализируется место таких данных в системе объектов гражданских прав, и обосновывается ограниченность применения к ним вещно-правовой модели и конструкции исключительных прав. Особое внимание уделяется проблеме распределения юридических возможностей между собственником транспортного средства, пользователем, производителем, оператором цифровой платформы, поставщиками сервисов и публичными субъектами. Исследуются договорные механизмы оборота транспортных данных и их ограничения, обусловленные технологическим контролем держателя данных. На основе анализа российского законодательства, зарубежной доктрины и европейского регулирования обосновывается переход от концепции принадлежности данных к модели доступа к данным. Рассматривается возможность выделения городских данных в качестве самостоятельной правовой категории. Предлагается модель функционально распределенного контроля, предполагающая разграничение источника и держателя данных, субъекта и цели доступа, способов использования информации и установленных законом ограничений. Делается вывод о необходимости развития в российском гражданском праве специальных механизмов доступа к данным вместо установления универсального абсолютного права на них.

Ключевые слова: умный транспорт; умный город; данные; гражданско-правовой режим; доступ к данным
Для цитирования: Анисимов А. В. Гражданско-правовой режим данных умного транспорта. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 10. С. 65–80. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.239.10.065-080

Благодарности. Статья подготовлена в рамках выполнения работ по государственному заданию на тему «Развитие правовой системы в условиях обеспечения технологического лидерства Российской Федерации: национальные приоритеты и международные вызовы (FSMW-2026-0005)». Регистрационный номер: 126022017763-1.

The Civil-Law Regime Governing Smart Transportation Data

Alexey V. Anisimov
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. This article examines the civil-law regime governing data generated and used within smart transportation systems as an element of smart-city infrastructure. It considers the transformation of a vehicle from a traditional tangible object into an integrated hardware-and-software system that simultaneously generates substantial volumes of technical, geolocation, personal, infrastructure-related, and derived data. The article analyzes the place of such data within the system of objects of civil rights and demonstrates the limited applicability of both the property-law model and the framework of exclusive rights to such data. Particular attention is given to the

© Анисимов А. В., 2026

allocation of legal entitlements among the vehicle owner, user, manufacturer, digital-platform operator, service providers, and public authorities. The article examines contractual mechanisms governing transactions involving transportation data, as well as their limitations arising from the data holder's technological control. Drawing on Russian legislation, foreign scholarship, and European regulatory approaches, the article supports a shift from a concept of data ownership to a data-access model. It also considers whether urban data should be recognized as an autonomous legal category. The article proposes a model of functionally distributed control, distinguishing between the data source and the data holder, the person entitled to access data and the purpose of access, the permitted means of using information, and statutory restrictions. It concludes that Russian civil law should develop specialized mechanisms for access to data rather than establish a universal absolute right in data.
Keywords: smart transportation; smart city; data; civil-law regime; access to data
Cite as: Anisimov AV. The Civil-Law Regime Governing Smart Transportation Data. *Lex russica*. 2026;79(10):65-80. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.239.10.065-080

Acknowledgements. The paper was prepared as part of research conducted under the state-funded research assignment «Development of the Legal System in the Context of Ensuring the Russian Federation's Technological Leadership: National Priorities and International Challenges (FSMW-2026-0005)». Registration No. 126022017763-1.

Введение

Цифровая трансформация городской среды приводит к изменению не только способов организации общественных отношений, но и состава объектов, по поводу которых такие отношения возникают. Одно из наиболее показательных проявлений данного процесса — формирование концепции «умный город» (smart city), предполагающей интеграцию физических объектов городской инфраструктуры, информационных систем, средств связи, цифровых платформ и технологий автоматизированного управления. Существенное место в указанной системе занимает умный транспорт, функционирование которого во всё большей степени основывается на непрерывном создании, сборе, передаче и анализе данных.

Интеллектуальные транспортные системы, единые билетные решения, сервисы «мобильность как услуга» (Mobility-as-a-Service), геоаналитика, биометрическая оплата, алгоритмическое управление маршрутами и цифровые двойники образуют взаимосвязанную инфраструктуру. Транспортная стратегия Российской Федерации прямо связывает развитие отрасли с цифровизацией инфраструктуры, созданием платформ и обменом юридически значимыми данными[1]. Стратегическое направление цифровой трансформации транспорта до 2030 г. также исходит из необходимости бесшовных перевозок, интеграции информационных систем и активной роли государственных корпораций и компаний с государственным участием[2].

Ключевым элементом интеллектуальной транспортной системы является транспортное средство. Современное транспортное средство постепенно перестает быть исключительно материальным объектом, предназначенным для перемещения людей и грузов. Подключенные автомобили (connected vehicles), системы помощи водителю, высокоавтоматизированные и беспилотные транспортные средства, каршеринг, цифровые сервисы общественного транспорта, интеллектуальные системы организации дорожного движения одновременно становятся источниками значительных массивов данных. Современный автомобиль нередко характеризуется в зарубежной литературе как своего рода компьютер на колесах, непрерывно

[1] Распоряжение Правительства РФ от 27.11.2021 № 3363-р «О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года» // URL: https://mintrans.gov.ru/documents/2/11577 (дата обращения: 10.09.2026).

[2] Распоряжение Правительства РФ от 19.12.2025 № 3887-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации транспортной отрасли Российской Федерации до 2030 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 10.09.2026).

создающий, хранящий и передающий данные[3]. Они могут касаться технического состояния транспортного средства, его местонахождения, маршрута, характера движения, состояния дорожной инфраструктуры, действий водителя и иных лиц, взаимодействия автомобиля с физическими объектами и элементами цифровой среды. Данные в случае умного транспорта являются не только побочным результатом функционирования материального объекта, но и необходимым ресурсом для функционирования всей транспортной системы. В результате данные приобретают самостоятельную экономическую ценность. Они могут использоваться для технического обслуживания транспортных средств, совершенствования программного обеспечения, организации дорожного движения, страхования, предоставления цифровых услуг, разработки новых продуктов, прогнозирования транспортных потоков и управления городской инфраструктурой. Экономическая значимость массивов данных обусловливает необходимость определения их режима и включения в гражданский оборот[4].

Впрочем, признание экономической ценности данных еще не дает ответа на вопрос об их гражданско-правовом режиме. Более того, именно в сфере умного транспорта особенно отчетливо проявляется несоответствие между фактическим контролем над информационным ресурсом и традиционными представлениями о юридической принадлежности объектов. В отечественной цивилистике проблема данных является частью более широкой дискуссии о трансформации системы объектов гражданских прав в условиях цифровизации[5]. При этом применительно непосредственно к цифровым данным проблема заключается в их природе: они не обладают рядом признаков, характерных для материальных вещей, и одновременно далеко не всегда представляют собой охраняемый результат интеллектуальной деятельности. В статье намеренно опускается изучение публично-правового режима данных с целью концентрации на гражданско-правовом аспекте.

В связи с этим центральным становится вопрос не столько о том, кому «принадлежат» данные умного транспорта, сколько о том, какие права возникают у различных участников транспортной экосистемы: кто вправе получать к данным доступ, использовать их, передавать третьим лицам, извлекать из них экономическую ценность и ограничивать отдельные способы их использования другими субъектами.

Цель настоящего исследования состоит в определении основных элементов гражданско-правового режима данных, создаваемых и используемых в системе умного транспорта, а также в разработке модели распределения прав на такие данные между участниками инфраструктуры умного города.

Данные как основа функционирования умного транспорта

Концепция умного города основывается на взаимодействии физической и цифровой инфраструктуры. Ее принципиальная особенность заключается в том, что функционирование традиционных городских объектов (дорог, транспортных средств, систем освещения, коммунальной инфраструктуры, зданий) дополняется средствами автоматизированного получения, передачи и обработки информации. Для гражданского права умный город не техническая, а институциональная конструкция: он порождает новые связи между публичными субъектами, операторами инфраструктуры, разработчиками ПО и пользователями, опосредуемые данными и алгоритмическими решениями, для которых

---

[3] *Schulze K.* Competition, Security, and Transparency: Data in Connected Vehicles // Designing Data Spaces: The Ecosystem Approach to Competitive Advantage. Cham : Springer, 2022. P. 513.

[4] См.: *Савельев А. И.* Гражданско-правовые аспекты регулирования оборота данных в условиях попыток формирования цифровой экономики // Вестник гражданского права. 2020. Т. 20. № 1. С. 60–92.

[5] См., например: *Василевская Л. Ю.*, *Подузова Е. Б.*, *Тасалов Ф. А.* Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование) : монография. Т. 1. М. : Проспект, 2022 ; *Вавилин Е. В.* Статус искусственного интеллекта: от объекта к субъекту правовых отношений // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 45. С. 147–158 ; *Он же.* Искусственный интеллект как участник гражданских отношений: трансформация права // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 42. С. 135–146. DOI: 10.17223/22253513/42/11 ; *Он же.* Трансформация гражданско-правовых и процессуальных отношений с использованием искусственного интеллекта: формирование новых правовых режимов // Вестник гражданского процесса. 2021. № 6. Т. 11. С. 13–35.

традиционный юридический инструментарий создавался без учета автоматизированного принятия решений.

Устоявшегося определения умного транспорта не существует, однако под ним чаще всего понимается совокупность транспортных средств, инфраструктурных объектов и цифровых сервисов с признаком связности (connectivity) и различной степенью автоматизации управления движением — от систем помощи водителю до беспилотных транспортных средств, — а также платформ интеллектуальных транспортных систем, обеспечивающих «мобильность как услугу». Умный транспорт неотделим от иных элементов умного города, видеонаблюдения, умного освещения, платформ городского планирования, поскольку функционирование автономных транспортных средств технически невозможно без обмена данными с этой инфраструктурой в реальном времени. Это формирует специфический предмет регулирования — не отдельное транспортное средство, а экосистему с множественностью участников и распределенной ответственностью.

Российское законодательство не содержит единого определения понятий «умный транспорт» или «умный город», используя узкую категорию «высокоавтоматизированное транспортное средство» из постановления Правительства РФ от 26.11.2018 № 1415 «О проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств»[6]. Аналогичная фрагментация наблюдается за рубежом: британский законодатель использует понятие automated vehicle (Automated and Electric Vehicles Act 2018 и Automated Vehicles Act 2024)[7], германский — конструкцию hoch- oder vollautomatisierte Fahrfunktionen в Straßenverkehrsgesetz[8], а японский — термин «устройство автоматизированного управления», введенный поправками 2019 г.[9] Ни одно законодательство в мире не формирует понятия «умный транспорт» как системы технических средств, а редуцирует соответствующее явление до «беспилотного/автоматизированного транспортного средства». Однако при такой редукции упускается одна важная особенность умного транспорта. Современный автомобиль способен одновременно взаимодействовать с производителем, оператором программного обеспечения, навигационным сервисом, оператором связи, страховой организацией, объектами дорожной инфраструктуры и городской информационной системой. Развитие технологий V2X (Vehicle-to-Everything) усиливает значение обмена информацией между автомобилем и другими транспортными средствами, объектами инфраструктуры и сетями связи. Материальный объект встраивается в сложную модель взаимоотношений, соединяющую как субъектов, так и в определенной мере объекты (см. схему на с. 69).

Ключевым связующим элементом в этой модели являются именно данные. Применительно к умному транспорту они выполняют по меньшей мере три функции: 1) техническую, обеспечивая функционирование устройства и связанных с ним сервисов; 2) информационную, позволяя получать сведения о транспортном средстве, пользователе и окружающей среде; 3) экономическую, поскольку соответствующие массивы становятся ресурсом для создания новых продуктов и услуг.

Данные, генерируемые системой умного транспорта, целесообразно разделить на группы по критерию идентифицируемости субъекта. Во-первых, это *персональные данные* в значении Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»[10] — сведения о конкретном пассажире или водителе (история поездок, платежные реквизиты, биометрия при доступе через распознавание лица). Во-вторых, *геоданные и телеметрия транспортных средств*, которые обычно обезличе-

[6] СЗ РФ. 2018. № 49 (ч. VI). Ст. 7619.

[7] Automated and Electric Vehicles Act 2018 // UK Public General Acts. 2018. C. 18. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2018/18 (дата обращения: 05.09.2026) ; Automated Vehicles Act 2024 // UK Public General Acts. 2024. C. 10. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2024/10 (дата обращения: 05.09.2026).

[8] Achtes Gesetz zur Änderung des Straßenverkehrsgesetzes vom 16. Juni 2017 // Bundesgesetzblatt. 2017. Nr. 38. Teil I. S. 1648. URL: https://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start.xav?start=%2F%2F*%5B%40attr_id%3D%27bgbl117s1648.pdf%27%5D (дата обращения: 05.09.2026).

[9] Automated Driving // National Police Agency of Japan. URL: https://www.npa.go.jp/english/bureau/traffic/selfdriving.html (дата обращения: 05.09.2026).

[10] СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.

Структура элементов умного транспорта

ны, но при привязке трека к личности арендатора каршеринга вновь приобретают характер персональных данных. В-третьих, *инфраструктурные данные* (показания дорожных датчиков, камер, светофорных систем), не связанные с личностью напрямую, но способные к ней привести при сопоставлении с иными массивами (проблема реидентификации). В-четвертых, *производные аналитические данные* операторов платформ, чей режим приближается к режиму коммерческой тайны и секретов производства без однозначного законодательного решения. Общей рамкой оборота информации служит Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[11], закрепляющий право на поиск, получение и распространение информации, однако не учитывающий специфику данных, порождаемых машинным взаимодействием объектов городской инфраструктуры. В-пятых, можно выделить *технические данные*, которые подразделяются на технические данные транспортного средства, динамические данные о движении, данные о поведении водителя.

Применение Федерального закона № 152-ФЗ к сервисам умного транспорта осложняется тем, что оператором персональных данных выступает не единственное лицо, а целая цепочка субъектов — агрегатор, перевозчик, банк, проводящий эквайринг, оператор навигационной платформы, каждый из которых осуществляет собственные операции обработки, что требует четкого распределения статусов оператора и обработчика в условиях договора между ними. Значительная часть данных транспортных сервисов (маршрут поездки, время посадки и высадки, платежная информация) образует уязвимый профиль поведения субъекта, позволяющий делать выводы о месте работы и социальных связях, что, по существу, сближает такие данные со специальными категориями персональных данных, хотя формально Федеральный закон № 152-ФЗ геолокационные и транзакционные сведения к таковым не относит. Требование о локализации баз персональных данных граждан на территории России, применяемое к операторам глобальных платформ, создает дополнительное регуляторное затруднение при интеграции российских городских сервисов с международными картографическими платформами. Практика Роскомнадзора в этой сфере пока фрагментарна и не выработала единых подходов к квалификации транспортной телеметрии как персональных данных.

Геопространственные данные лежат в основе большинства сервисов умного транспорта —

[11] СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

от навигации и динамического ценообразования каршеринга до управления светофорным циклом. Формально обезличенные треки движения при сопоставлении с иными источниками (данными операторов связи, камер, платежных систем) поддаются деобезличиванию — признанная в литературе техническая проблема, для которой российское законодательство не предусматривает специальных гарантий, ограничиваясь общими требованиями к обезличиванию персональных данных по Федеральному закону № 152-ФЗ. Геоданные городской инфраструктуры (треки транспорта общего пользования) зачастую не являются персональными данными в строгом смысле, но обладают самостоятельной коммерческой ценностью как объект аналитики трафика, что ставит вопрос об их правовом режиме sui generis — ни как об объекте интеллектуальных прав, ни как об информации ограниченного доступа. Отсутствие в российском праве отдельной категории «данные о городской мобильности» приводит к тому, что операторы либо избыточно применяют к таким данным режим коммерческой тайны, ограничивая их оборот, либо обрабатывают их вовсе вне какого-либо специального режима.

Данные, накапливаемые операторами платформ умного транспорта, представляют собой самостоятельный экономический актив (продажа аналитики девелоперам и ритейлерам, платный доступ к API, таргетированная реклама, обмен данными с органами власти в рамках ГЧП-соглашений). Действующее законодательство не содержит специальной договорной конструкции для оборота данных: стороны прибегают к смешанным договорам, сочетающим элементы возмездного оказания услуг (гл. 39 ГК РФ) и лицензионных соглашений, что порождает неопределенность в вопросах ответственности за достоверность данных и распределения рисков при утечке. Значительная часть массивов данных формируется в рамках эксплуатации инфраструктуры, созданной за счет бюджетных средств (дорожные камеры, светофоры, парковочные системы), в связи с чем встает вопрос о праве публичного собственника на долю выгоды от монетизации данных частным оператором, прямого ответа на который законодательство пока не содержит. При этом очевидно, что указанная категория данных попадает в так называемые большие данные, которые, к сожалению, также требуют специального правового регулирования.

Таким образом, понятие «данные умного транспорта» охватывает различные категории информации, которые не могут иметь полностью идентичный правовой режим.

Данные в системе объектов гражданских прав

Исходной точкой цивилистического анализа является категория объекта гражданских прав. В отечественной цивилистике объект традиционно связывается с определенным благом, по поводу которого устанавливаются гражданско-правовые связи. В. А. Лапач, исследуя систему объектов гражданских прав, обращал внимание на необходимость учитывать признаки дискретности, юридической привязки и системности соответствующих благ[12]. Особенность современного российского законодательства заключается в том, что оно признает существование различных нематериальных и цифровых объектов, однако вопрос о самостоятельном месте собственно цифровых данных в системе объектов гражданских прав остается дискуссионным.

При этом необходимо разграничивать категории «информация» и «данные». Если информация характеризует прежде всего содержательную сторону сведений, то категория данных применительно к цифровой экономике позволяет акцентировать внимание на форме представления, допускающей автоматизированную обработку.

Подобное разграничение особенно значимо для умного транспорта. Большая часть данных возникает без непосредственного интеллектуального участия человека: датчики автомобиля автоматически фиксируют температуру, скорость, координаты, состояние агрегатов и множество иных параметров.

В российской науке возможность гражданско-правовой квалификации информации исследовалась задолго до современного этапа цифровизации. В частности, В. М. Богданов рассматривал общий и специальные гражданско-правовые режимы информации, отмечая необходимость учитывать особенности ее не-

[12] *Лапач В. А.* Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2002. С. 140.

материальной природы[13]. В современной литературе вопрос получил новое развитие уже применительно к массивам цифровых данных. А. И. Савельев обоснованно ставит проблему возможной квалификации массива данных в качестве базы данных, ноу-хау, услуги либо иного имущества, одновременно показывая ограниченность каждой из этих конструкций[14]. Дискуссия о характере таких данных в связи с кратным увеличением источников их формирования смещается к определению данных умного транспорта как больших данных (big data)[15].

С экономической точки зрения создается впечатление, что данные необходимо рассматривать как аналогию вещей. Они обладают стоимостью, могут выступать предметом договорных отношений (что, правда, является дискуссионным вопросом) и использоваться для получения дохода. Однако распространение режима вещей на данные невозможно по целому ряду причин. Так, вещь предполагает возможность установления фактического господства над объектом и исключения других лиц из его использования. Данные обладают иной природой. Передача копии данных другому лицу не лишает первоначального обладателя возможности использовать исходный массив. Если производитель передает диагностическую информацию независимому сервисному центру, сведения у производителя не исчезают. Аналогичным образом пользователь, получающий историю поездок, не лишает цифровую платформу технической возможности продолжать хранить идентичный массив. Экономисты характеризуют это свойство как неконкурентность (non-rivalry) использования данных. Несколько субъектов способны одновременно использовать один информационный ресурс, причем его полезность для одного лица необязательно уменьшается вследствие использования другим[16].

Помимо этого, в западной литературе[17] часто критикуется подход data ownership — установления собственности на данные. В российской доктрине такой подход изначально не представляется возможным, так как право собственности может возникать только на имущество, а данные нельзя к нему отнести. А вот позиция выбора режима доступа к данным видится более обоснованной.

Помимо невозможности распространить на данные режим вещей, необходимо разграничивать права на данные и права на результаты интеллектуальной деятельности. Отдельные фактические сведения, например скорость автомобиля, температура аккумулятора или координаты, не являются результатом творческой деятельности. Вместе с тем массив таких сведений может быть систематизирован в базе данных, а программное обеспечение, посредством которого осуществляются сбор и анализ информации, выступает самостоятельным объектом правовой охраны. Отсюда следует принципиально важный вывод: наличие исключительных прав на программу, информационную систему или базу данных не должно автоматически означать исключительного права на каждый факт, который такая система фиксирует. Данная проблема широко обсуждается в европейской доктрине[18] в связи с соотношением режимов интеллектуальной собственности, правовой защиты баз данных, коммерческой тайны и установлением режима доступа к информации.

---

[13] *Богданов В. М.* Информация как объект гражданских прав : дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 8.

[14] *Савельев А. И.* Указ. соч.

[15] Подробнее см.: *Аюшеева И. З.* Большие данные: проблемы определения гражданско-правового режима // Lex russica (Русский закон). 2023. № 10. С. 125–134.

[16] *Duch-Brown N.*, *Martens B.*, *Mueller-Langer F.* The Economics of Ownership, Access and Trade in Digital Data : JRC Digital Economy Working Paper 2017-01. Seville : European Commission ; Joint Research Centre, 2017. P. 13.

[17] См., например: *Determann L.* No One Owns Data // Hastings Law Journal. 2019. Vol. 70. P. 1–44 ; *Drexl J.*, *Hilty R. M.*, *Desaunettes L.,* et al. Data Ownership and Access to Data — Position Statement of the Max Planck Institute for Innovation and Competition of 16 August 2016 on the Current European Debate : Max Planck Institute for Innovation & Competition Research Paper No. 16-10 // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2833165 (дата обращения: 05.09.2026).

[18] См., например: *Leistner M.* The Existing European IP Rights System and the Data Economy — An Overview with Particular Focus on Data Access and Portability // Data Access, Consumer Interests and Public Welfare. Baden-Baden : Nomos, 2021.

Для умного транспорта это особенно важно. Производитель автомобиля может обладать исключительными правами на встроенное программное обеспечение, однако из этого само по себе не следует право полностью исключить собственника или владельца транспортного средства из доступа ко всем техническим данным, создаваемым в процессе его эксплуатации.

Проблема принадлежности транспортных данных

В отношениях по поводу транспортных данных одновременно могут участвовать собственник транспортного средства, водитель, пассажир, изготовитель, разработчик программного обеспечения, оператор цифровой платформы, перевозчик, оператор связи, страховая организация, поставщик навигационных услуг, сервисные организации, оператор транспортной инфраструктуры и публичное образование.

Каждый из указанных субъектов способен иметь самостоятельный интерес в отношении одного информационного массива. Так, производитель заинтересован в анализе эксплуатации автомобилей для совершенствования продукции и обеспечения безопасности. Собственник — в контроле технического состояния принадлежащей ему вещи. Водитель — в контроле информации о своем поведении и перемещениях. Страховщик — в данных, позволяющих индивидуализировать страховой риск. Ремонтная организация — в диагностической информации. Город / муниципальное образование — в агрегированных данных о транспортных потоках. Эта множественность интересов является еще одним фактором невозможности и методологической нецелесообразности распространения концепции собственности и принадлежности на транспортные данные.

При этом одной из наиболее интересных цивилистических проблем является соотношение права собственности на материальный объект и прав на создаваемые им данные. Сам факт нахождения датчика внутри принадлежащей лицу вещи еще не дает очевидного ответа на вопрос о правовом режиме автоматически создаваемых им сведений. Современный автомобиль может формировать информацию посредством программно-аппаратных средств, часть которых технологически контролируется изготовителем. Данные при этом могут непосредственно передаваться на сервер производителя без формирования доступной пользователю копии. Возникает парадоксальная ситуация: лицо обладает правом собственности на материальный объект, однако не имеет фактического доступа к части информации о функционировании своей вещи. Особую остроту эта проблема приобретает тогда, когда доступ к данным необходим для нормального ремонта или обслуживания автомобиля.

Спорным представляется и решение о признании за субъектом, собирающим и хранящим данные, полного объема прав на них. Фактический держатель информационной инфраструктуры обладает очевидными преимуществами: он определяет способы сбора сведений, формат хранения, технические интерфейсы и условия передачи. Однако технологический контроль над информацией не должен автоматически превращаться в абсолютное субъективное гражданское право на нее. В противном случае мы ставим в зависимость от архитектуры устройства распределение прав между участниками гражданских правоотношений. Представляется, что для решения проблемы сто́ит в целом отказаться от категории принадлежности и перейти к дифференцированному анализу отдельных юридических возможностей: доступа, извлечения, использования, передачи, коммерческой эксплуатации.

Доступ к данным — субъективное право требования управомоченного лица к держателю данных совершить действия, обеспечивающие возможность ознакомления с определенным массивом и/или получения его в установленном формате. Корреспондирующая обязанность держателя состоит в предоставлении технически реализуемого доступа. Основанием возникновения такого требования может выступать договор или нормативный акт. Именно поэтому право доступа не следует конструировать как абсолютное право, действующее против неопределенного круга лиц. Извлечение данных необходимо отличать от доступа. Доступ может ограничиваться ознакомлением с информацией, тогда как извлечение предполагает получение данных из информационной системы во владение управомоченного субъекта в машиночитаемой форме с возможностью их дальнейшего самостоятельного использования. В гражданско-правовом смысле это содержание обязанности по предоставлению данных: предметом исполнения является передача индивидуализированного массива. Обра-

ботка данных также не самостоятельное право на объект, а предусмотренный законом или договором способ использования полученного массива. Объем допустимой обработки определяется основанием получения данных и целью их предоставления.

Следовательно, получение доступа необязательно означает право на любые способы последующей обработки. Передача данных третьему лицу должна квалифицироваться как самостоятельное правомочие получателя, существование которого также не презюмируется из факта доступа. Возможны две модели: держатель передает данные третьему лицу по требованию пользователя либо пользователь, уже получивший данные, передает их самостоятельно. Договор или закон должен определить допустимость такой передачи, ее объем и цель. Коммерческое использование (или эксплуатация) данных представляет собой не самостоятельное абсолютное право, а разрешенный способ использования законно полученных данных, в том числе путем предоставления аналитических услуг, формирования производной информации или возмездного предоставления доступа. Правомерность коммерческого использования должна зависеть от основания первоначального доступа и наличия специальных ограничений.

Самым простым способом регулирования таких прав является гражданско-правовой договор. В системе умного транспорта к таким договорам могут относиться: договоры купли-продажи транспортного средства, перевозки, пользовательские и лицензионные соглашения, договоры каршеринга, страхования, техобслуживания и других услуг. В рамках договорной конструкции стороны могут определить перечень собираемых сведений, цели использования, порядок доступа, возможность передачи третьим лицам, условия коммерческого использования, требования конфиденциальности и судьбу данных на случай прекращения договора. Однако свобода договора в рамках транспортных отношений имеет несколько существенных ограничений. Так, пользователь обычно не способен вести переговоры с производителем о режиме телематических данных. И чаще всего применяется конструкция договора присоединения, в котором условия использования программного обеспечения и связанных с автомобилем сервисов уже сформулированы. Можно сделать вывод, что в этом случае договорное закрепление распределения прав всего лишь будет направлено на фиксацию превосходства одной из сторон. В связи с этим невозможно говорить о договоре как единственном и оптимальном инструменте формирования режима данных. Там, где контроль одного лица над информационной инфраструктурой создает устойчивую зависимость остальных участников, могут потребоваться императивные права доступа, что тоже будет изменять гражданско-правовой режим.

«Доступ к данным» как категория частноправового регулирования

Вопрос доступа к данным как механизма регулирования распределения и защиты прав в основном рассматривается в западной литературе в контексте формирования конкуренции и противопоставления проприетарной модели. Такой подход особенно актуален в связи с внедрением так называемых connected devices (включающих и транспортные средства), потому что пользователь и производитель таких устройств нередко имеют различные, но одновременно правомерные интересы в отношении данных[19]. Для большинства участников отношений в рамках системы умного транспорта важна не абстрактная принадлежность всего массива данных, а возможность совершения конкретного действия. Собственнику автомобиля необходимо получить технические сведения о принадлежащей ему вещи, независимой ремонтной организации с согласия клиента, страховой организации — обработать определенный набор телематической информации для оценки риска, а городскому оператору — использовать агрегированные сведения о движении. Ни одному из этих субъектов для достижения цели не требуется установления монопольного контроля над всем массивом данных. Поэтому право доступа представляется более гибким и адекватным инструментом регулирования.

[19] Подробнее см.: *Drexl J.* Connected Devices — an Unfair Competition Law Approach to Data Access Rights of Users // Data Access, Consumer Interests and Public Welfare. P. 477–527 ; *Idem.* Designing Competitive Markets for Industrial Data — Between Propertisation and Access // Journal of Intellectual Property, Information Technology and Electronic Commerce Law (JIPITEC). 2017. Vol. 8. No. 4. P. 257–292.

Показательным примером является послепродажное обслуживание автомобилей. Так, B. Martens и F. Mueller-Langer отмечают, что концентрация цифровых данных автомобиля у производителя способна изменять конкурентную структуру рынка технического обслуживания. Получая в режиме реального времени информацию о состоянии автомобиля, изготовитель и связанные с ним сервисы приобретают информационное преимущество перед независимыми поставщиками услуг[20]. Следовательно, проблема доступа к автомобильным данным выходит за рамки индивидуального интереса собственника вещи и непосредственно затрагивает конкуренцию на смежных рынках. Если диагностические сведения доступны исключительно производителю, независимый сервис объективно поставлен в менее благоприятное положение. Аналогичные проблемы могут возникать в сфере страхования, инфраструктуры зарядных станций, навигационных и иных цифровых сервисов.

Право доступа поэтому выполняет одновременно частноправовую и конкурентную/публичную функции.

В системе умного города публичные субъекты являются также значимыми участниками отношений. Агрегированные данные множества транспортных средств могут обладать существенной общественной ценностью. Они позволяют анализировать интенсивность транспортных потоков, определять наиболее загруженные участки дорожной сети, оптимизировать работу светофоров, общественного транспорта и парковочной инфраструктуры. Тем самым данные, создаваемые первоначально в частной сфере, способны приобретать инфраструктурное значение. Однако из общественной полезности информации не следует возможность неограниченного доступа публичного субъекта к массивам, находящимся у частных компаний. Вмешательство должно иметь законное основание, конкретную цель и соответствовать принципу пропорциональности. Для выполнения большинства задач городской транспортной политики предпочтительно использование агрегированных и обезличенных данных. Муниципальному оператору для управления транспортными потоками обычно необходимо знать количество транспортных средств на конкретном участке дороги, но не личность каждого водителя. Следовательно, в инфраструктуре умного города формируется еще один уровень правового режима — использование транспортных данных в публично значимых целях, что формирует соответствующий режим доступа к данным.

«Городские данные» как правовая категория

Следует прямо констатировать наличие системного пробела: российское законодательство не знает «городских данных» (urban data) как специальной категории данных с дифференцированным режимом доступа. Существующая триада режимов информации — персональные данные (Федеральный закон № 152-ФЗ), информация ограниченного доступа (Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ, законодательство о тайнах) и общедоступная информация — не рассчитана на данные, которые не идентифицируют физическое лицо, созданы за счет эксплуатации публичной инфраструктуры и обладают самостоятельной ценностью именно в силу масштаба агрегированного массива. Отсутствие такой категории приводит к тому, что операторы выбирают наиболее выгодный для себя режим по своему усмотрению (чаще всего необоснованно относят данные к коммерческой тайне), муниципалитеты не имеют законных оснований требовать от концессионеров предоставления данных в открытом формате, а единый стандарт форматов и интерфейсов доступа отсутствует. Устранение пробела требует введения самостоятельной категории городских (публично-инфраструктурных) данных с дифференцированным режимом доступа в зависимости от источника финансирования инфраструктуры и степени агрегации данных.

Европейский Союз выстраивает регулирование на основе трехуровневой системы. Первый, базовый, уровень — защита персональных данных по Общему регламенту о защите данных (General Data Protection Regulation)[21], закрепляющему принципы обработки геолокационных данных, в том числе институт защиты данных на этапе проектирования. Второй

[20] *Martens B.*, *Mueller-Langer F.* Access to Digital Car Data and Competition in Aftermarket Maintenance Services // Journal of Competition Law & Economics. 2020. Vol. 16. No. 1. P. 116–141.

[21] Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data,

уровень — Регламент об управлении данными (Data Governance Act)[22], создающий механизмы для повторного использования данных государственного сектора, включая городскую мобильность как приоритетный сектор европейских пространств данных. Третий уровень — Регламент о данных (Data Act)[23], который закрепил право пользователя подключенного устройства, в частности транспортного средства с телематикой, на доступ к порожденным им данным и их передачу третьим лицам, ограничив монопольное распоряжение данными со стороны платформы. Принципиально иной подход демонстрирует Китай: вступивший в силу 1 ноября 2021 г. Закон КНР о защите личной информации (Personal Information Protection Law, PIPL)[24] сочетает защиту персональных данных со строгими требованиями к трансграничной передаче и обязательной локализацией операторами критической информационной инфраструктуры, к которой отнесены и системы интеллектуального транспорта. При этом данные о мобильности активно интегрируются в государственные платформы для централизованного управления движением.

Показательный пример открытой модели — политика Transport for London (TfL): оператор безвозмездно предоставляет разработчикам через унифицированный API данные о движении транспорта, что обеспечивает функционирование свыше 600 приложений и используется более чем 42 % жителей Лондона[25]; правовая основа — специальная лицензия Transport Data Service Licence на базе Open Government Licence[26]. Барселона реализует иной подход, создав единую платформу управления данными City OS, аккумулирующую данные датчиков городской инфраструктуры, включая транспортные, в едином «озере данных» с последующей публикацией в каталоге Open Data Barcelona под лицензией Creative Commons[27]. Сингапур посредством платформы DataMall Управления наземного транспорта (Land Transport Authority) предоставляет доступ к статическим и динамическим наборам данных на основании персональных ключей, сочетая открытость с контролем идентификации потребителей данных[28]. Сопоставление моделей показывает, что зарубежная практика идет по пути дифференцированного регулирования открытости городских данных в зависимости от степени персонализации и источника финансирования инфраструктуры, тогда как российское законодательство соответствующего инструментария пока не выработало, что делает этот участок одним из наиболее перспективных направлений реформирования на стыке информационного и гражданского права.

Если говорить о закреплении городских данных в законодательстве Российской Федерации, то оптимальной представляется модель функционально распределенного контроля над данными. Она представляет собой систему

and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) // Official Journal of the European Union. 2016. L 119. P. 1–88. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj/eng (дата обращения: 05.09.2026).

22 Regulation (EU) 2022/868 of the European Parliament and of the Council of 30 May 2022 on European data governance and amending Regulation (EU) 2018/1724 (Data Governance Act) // Official Journal of the European Union. 2022. L 152. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/868/oj/eng (дата обращения: 05.09.2026).

23 Regulation (EU) 2023/2854 of the European Parliament and of the Council of 13 December 2023 on harmonised rules on fair access to and use of data and amending Regulation (EU) 2017/2394 and Directive (EU) 2020/1828 (Data Act) // Official Journal of the European Union. 2023. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/2854/oj/eng (дата обращения: 05.09.2026).

24 Personal Information Protection Law of the People's Republic of China: adopted at the 30th Session of the Standing Committee of the 13th National People's Congress on August 20, 2021, effective from November 1, 2021 // URL: https://personalinformationprotectionlaw.com/ (дата обращения: 05.09.2026).

25 Open data policy // Transport for London. URL: https://tfl.gov.uk/info-for/open-data-users/open-data-policy (дата обращения: 05.09.2026).

26 Transport Data Service // Transport for London. URL: https://tfl.gov.uk/corporate/terms-and-conditions/transport-data-service (дата обращения: 05.09.2026).

27 CityOS // Barcelona Digital City. URL: https://ajuntament.barcelona.cat/digital/en/technology-accessible-everyone/accessible-and-participatory/accessible-and-participatory-0 (дата обращения: 05.09.2026).

28 DataMall. Land Transport Authority (Singapore). URL: https://datamall.lta.gov.sg/content/datamall/en.html (дата обращения: 05.09.2026).

относительных гражданских правоотношений, возникающих по поводу индивидуализированного массива данных между его фактическим держателем и субъектами, обладающими законным или договорным интересом в получении и использовании таких данных. Содержанием соответствующих правоотношений выступают права требования предоставления данных и корреспондирующие им обязанности держателя, а также договорно или законодательно определенные пределы их дальнейшего использования, обработки и передачи.

Исходным положением такой модели является отказ от необходимости определять единственного собственника информационного массива. Вместо этого применительно к конкретным данным необходимо устанавливать несколько юридически значимых элементов:

1) источник данных — из какого источника произошли данные;

2) держатель данных — лицо, фактически имеющее доступ к данным;

3) субъект защищаемого интереса. Если данные позволяют идентифицировать физическое лицо, необходимо учитывать его самостоятельный интерес и ограничения, установленные законодательством о персональных данных;

4) субъект доступа — им может быть пользователь транспортного средства или третье лицо, которому информация необходима для оказания услуги;

5) основание и цель доступа. Использование одних и тех же данных для ремонта автомобиля, страхования, научного исследования либо организации дорожного движения требует различного объема юридических возможностей;

6) содержание предоставляемой возможности. Необходимо различать просмотр, извлечение, копирование, обработку, передачу и самостоятельное коммерческое использование;

7) ограничения. Доступ должен учитывать персональные данные, коммерческую тайну, кибербезопасность, исключительные права и иные законные интересы.

Преимущество данной конструкции заключается в том, что она позволяет учитывать множественность законных интересов. Такой подход больше соответствует цифровой экономике, чем создание универсальной конструкции права собственности на данные или защита через установление режима результата интеллектуальной деятельности.

Определение городских данных могло бы выглядеть следующим образом: сведения, формируемые при функционировании объектов транспортной и цифровой инфраструктуры населенного пункта, независимо от формы собственности оператора. Городские данные подразделяются на персональные (по смыслу Федерального закона № 152-ФЗ), деперсонализированные агрегированные и технические.

В российской цивилистике уже сформировалась значительная дискуссия относительно расширения системы объектов гражданских прав вследствие цифровизации. В частности, исследуются цифровые права, цифровые активы и различные формы цифрового имущества[29]. Однако представляется оптимальным установление модели прав доступа к данным, которая могла бы строиться на следующих положениях:

1) собственник или иной законный пользователь подключенного устройства должен обладать правом на получение определенного круга данных, непосредственно создаваемых при эксплуатации данного устройства;

2) пользователь при наличии законного основания должен иметь возможность определять третьих лиц, которым предоставляется доступ к соответствующим данным, в частности для ремонта, диагностики или оказания иной связанной услуги;

3) обязанность предоставить доступ должна связываться не с абстрактной принадлежностью данных, а с фактом технического контроля над ними;

4) законом должны устанавливаться пределы соответствующего права, связанные с персональными данными, коммерческой тайной, кибербезопасностью и интеллектуальной собственностью;

5) условия доступа не должны использоваться держателем данных для необоснованного ограничения конкуренции на связанных рынках;

[29] См., например: *Лаптев В. А.* Цифровые активы как объекты гражданских прав // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). С. 199–204 ; *Вавилин Е. В.* Искусственный интеллект как участник гражданских отношений ; *Он же.* Статус искусственного интеллекта… ; *Он же.* Принцип сочетания частных и общественных интересов в законодательстве о цифровой валюте // Юрист. 2022. № 9. С. 54–57 ; *Он же.* Цифровой рубль: формирование механизма правового регулирования // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 489. С. 201–206.

6) применительно к данным, имеющим существенное значение для городской инфраструктуры, возможно формирование специальных оснований доступа публичных субъектов при строгом соблюдении принципов необходимости, пропорциональности и целевого использования.

Подобный подход согласуется с более общей тенденцией, отмечаемой в зарубежных исследованиях data economy: правовое регулирование постепенно смещается от попытки установить всеобъемлющее право собственности к поиску оптимальных механизмов доступа и обмена[30].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что данные умного транспорта сами по себе не образуют самостоятельного поименованного объекта гражданских прав, в отношении которого действующим российским законодательством установлено абсолютное имущественное право. Особенности данных (возможность их воспроизведения без утраты первоначальным держателем, одновременного использования несколькими субъектами, зависимость юридического режима от содержания и контекста обработки) препятствуют механическому распространению на них режима права собственности. Не следует отождествлять данные и с результатами интеллектуальной деятельности: охрана программы для ЭВМ, базы данных или иной информационной системы не создает исключительного права на каждый содержащийся в них фактический информационный элемент.

Вместе с тем отсутствие абсолютного права на данные не означает их нахождения за пределами гражданско-правового регулирования. Индивидуализированный массив данных, определяемый посредством содержания, источника формирования, временно́го периода, формата либо иных признаков, может выступать объектом конкретного гражданского правоотношения, предметом которого являются предоставление доступа к нему и совершение определенных действий с полученной информацией. Гражданско-правовой режим таких данных имеет преимущественно обязательственно-правовой характер и выражается в системе прав требования, корреспондирующих обязанностей и установленных законом или договором пределов использования данных.

В рамках указанного режима необходимо разграничивать доступ, извлечение, обработку, передачу и коммерческое использование данных. Таким образом, гражданско-правовой режим данных умного транспорта сто́ит понимать как совокупность установленных законом и договором относительных прав и обязанностей, определяющих основания и порядок предоставления индивидуализированного массива данных, субъектов доступа, допустимые способы его извлечения, обработки, передачи и коммерческого использования, а также пределы осуществления соответствующих возможностей, обусловленные правами и законными интересами других лиц. Предлагаемая модель функционально распределенного контроля представляет собой не особое абсолютное право на данные, а систему взаимосвязанных гражданских правоотношений. Один информационный массив способен одновременно находиться в сфере законных интересов нескольких субъектов, однако содержание их юридических возможностей различается в зависимости от основания и цели участия в конкретных отношениях. Фактический держатель данных несет обязанность предоставить их управомоченному субъекту в предусмотренных законом или договором случаях; пользователь получает право требования доступа и, при наличии соответствующего основания, передачи данных выбранному третьему лицу; третье лицо приобретает возможность обработки полученного массива исключительно в пределах цели и основания его предоставления.

Применительно к данным умного транспорта такой подход позволяет отделить право собственности на транспортное средство от режима создаваемых при его эксплуатации данных и одновременно не допустить превращения технологического контроля производителя или оператора платформы в юридическую монополию на информационный ресурс. Поэтому перспективным направлением развития российского гражданского законодательства является не введение универсального права собственности на данные, а нормативное закрепление специальных обязательственных требований предоставления доступа к определенным категориям данных и корреспондирующих обязанностей их фактических держателей.

[30] См.: *Duch-Brown N., Martens B., Mueller-Langer F.* Op. cit.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аюшеева И. З. Большие данные: проблемы определения гражданско-правового режима // Lex russica (Русский закон). 2023. № 10. С. 125–134.

Богданов В. М. Информация как объект гражданских прав : дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 187 с.

Вавилин Е. В. Искусственный интеллект как участник гражданских отношений: трансформация права // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 42. С. 135–146. DOI: 10.17223/22253513/42/11.

Вавилин Е. В. Принцип сочетания частных и общественных интересов в законодательстве о цифровой валюте // Юрист. 2022. № 9. С. 54–57.

Вавилин Е. В. Статус искусственного интеллекта: от объекта к субъекту правовых отношений // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 45. С. 147–158.

Вавилин Е. В. Трансформация гражданско-правовых и процессуальных отношений с использованием искусственного интеллекта: формирование новых правовых режимов // Вестник гражданского процесса. 2021. Т. 11. № 6. С. 13–35.

Вавилин Е. В. Цифровой рубль: формирование механизма правового регулирования // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 489. С. 201–206.

Василевская Л. Ю., *Подузова Е. Б.*, *Тасалов Ф. А.* Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование) : монография. Т. 1. М. : Проспект, 2022.

Лапач В. А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2002. 544 с.

Лаптев В. А. Цифровые активы как объекты гражданских прав // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). С. 199–204.

Мефодьева К. А. Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России : дис. … канд. юрид. наук. М., 2019. 228 с.

Савельев А. И. Гражданско-правовые аспекты регулирования оборота данных в условиях попыток формирования цифровой экономики // Вестник гражданского права. 2020. Т. 20. № 1. С. 60–92.

Транспортное право в условиях цифровой трансформации : монография / под общ. ред. Е. В. Вавилина. М. : Проспект, 2026.

Determann L. No One Owns Data // Hastings Law Journal. 2019. Vol. 70. P. 1–44.

Drexl J. Connected Devices — an Unfair Competition Law Approach to Data Access Rights of Users // Data Access, Consumer Interests and Public Welfare / German Federal Ministry of Justice and Consumer Protection ; Max Planck Institute for Innovation and Competition. Baden-Baden : Nomos, 2021. P. 477–527.

Drexl J. Designing Competitive Markets for Industrial Data — Between Propertisation and Access // Journal of Intellectual Property, Information Technology and Electronic Commerce Law (JIPITEC). 2017. Vol. 8. No. 4. P. 257–292.

Drexl J., *Hilty R. M.*, *Desaunettes-Barbero L.,* et al. Data Ownership and Access to Data — Position Statement of the Max Planck Institute for Innovation and Competition of 16 August 2016 on the Current European Debate : Max Planck Institute for Innovation & Competition Research Paper No. 16-10. 2016 // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2833165 (дата обращения: 05.09.2026).

Duch-Brown N., Martens B., Mueller-Langer F. The Economics of Ownership, Access and Trade in Digital Data : JRC Digital Economy Working Paper 2017-01. Seville : European Commission ; Joint Research Centre, 2017.

Leistner M. The Existing European IP Rights System and the Data Economy — An Overview with Particular Focus on Data Access and Portability // Data Access, Consumer Interests and Public Welfare / German Federal Ministry of Justice and Consumer Protection ; Max Planck Institute for Innovation and Competition. Baden-Baden : Nomos, 2021.

Martens B., *Mueller-Langer F.* Access to Digital Car Data and Competition in Aftermarket Maintenance Services // Journal of Competition Law & Economics. 2020. Vol. 16. No. 1. P. 116–141.

Schulze K. Competition, Security, and Transparency: Data in Connected Vehicles // Designing Data Spaces: The Ecosystem Approach to Competitive Advantage. Cham : Springer, 2022. P. 513–520.

REFERENCES

Ayusheeva IZ. Big Data: Problems of Determining the Civil Law Regime. *Lex russica*. 2023;10:125-134. (In Russ.).

Bogdanov VM. Information as an object of civil rights. Cand. Sci. (Law) Diss. Yekaterinburg; 2005. (In Russ.).

Determann L. No One Owns Data. *Hastings Law Journal*. 2019;70:1-44.

Drexl J, Hilty RM, Desaunettes L, Greiner F, Kim D, Richter H, Surblytė G, Wiedemann K. Data Ownership and Access to Data: Position Statement of the Max Planck Institute for Innovation and Competition of 16 August 2016 on the Current European Debate. Max Planck Institute for Innovation & Competition Research Paper No. 16-10; 2016.

Drexl J. Connected Devices — an Unfair Competition Law Approach to Data Access Rights of Users. In: Data Access, Consumer Interests and Public Welfare. Edited by German Federal Ministry of Justice and Consumer Protection, Max Planck Institute for Innovation and Competition. Baden-Baden: Nomos Publ.; 2021.

Drexl J. Designing Competitive Markets for Industrial Data — Between Propertisation and Access. *Journal of Intellectual Property, Information Technology and Electronic Commerce Law (JIPITEC).* 2017;8(4):257-292.

Duch-Brown N, Martens B, Mueller-Langer F. The Economics of Ownership, Access and Trade in Digital Data (February 17, 2017). *JRC Digital Economy Working Paper*; 2017-01.

Lapach VA. Civil Rights Object System: Theory and Jurisprudence. St. Petersburg: Yuridicheskiy Tsentr-Press Publ.; 2002. (In Russ.).

Laptev VA. Digital assets as objects of civil rights. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018;2(42):199-204. (InRuss.).

Leistner M. The Existing European IP Rights System and the Data Economy — An Overview with Particular Focus on Data Access and Portability. In: Data Access, Consumer Interests and Public Welfare. Edited by German Federal Ministry of Justice and Consumer Protection, Max Planck Institute for Innovation and Competition. Baden-Baden: Nomos; 2021.

Martens B, Mueller-Langer F. Access to Digital Car Data and Competition in Aftermarket Maintenance Services. *Journal of Competition Law & Economics*. 2020;16(1):116-141.

Methodieva KA. Digital data as an object of civil law regulation in Germany, the USA and Russia. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2019. (In Russ.).

Savelyev AI. Civil law aspects of regulating data circulation in the context of attempts to form a digital economy. *Herald of Civil Law*. 2020;20(1):60-92. (In Russ.).

Schulze K. Competition, Security, and Transparency: Data in Connected Vehicles. Designing Data Spaces: The Ecosystem Approach to Competitive Advantage. Cham: Springer; 2022. P. 513–520.

Vasilevskaya LYu, Poduzova EB, Tasalov FA. Digitalization of civil circulation: problems and development trends (civil research). Vol. 1. Moscow: Prospect Publ.; 2022. (In Russ.).

Vavilin EV, (ed.). Transport law in digital transformation. Moscow: Prospect Publ.; 2026. (In Russ.).

Vavilin EV. Artificial intelligence as a participant in civil relations: transformation of law. *Tomsk State University Journal of Law*. 2021;42:135-146. (In Russ.). DOI: 10.17223/22253513/42/11.

Vavilin EV. Digital ruble: the formation of a legal regulation mechanism. *Tomsk State University Journal of Law*. 2023;489:201-206. (In Russ.).

Vavilin EV. Status of artificial intelligence: from object to subject of legal relations. *Tomsk State University Journal of Law*. 2022;45:147-158. (In Russ.).

Vavilin EV. The principle of combining private and public interests in the legislation on digital currency. *Yurist*. 2022;9:54-57. (In Russ.).

Vavilin EV. Transformation of civil law and procedural relations using artificial intelligence: the formation of new legal regimes. *Herald of Civil Procedure*. 2021;6(11):13-35. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анисимов Алексей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
avanisimov@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey V. Anisimov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
avanisimov@msal.ru

Материал поступил в редакцию 6 сентября 2025 г.
Статья получена после рецензирования 9 сентября 2026 г.
Принята к печати 15 сентября 2026 г.

Received 06.09.2025.
Revised 09.09.2026.
Accepted 15.09.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.239.10.081-095

Н. Г. Жаворонкова
Счетная палата Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация

Ю. Г. Шпаковский
Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Глобальное управление в Большой Евразии: транспортные и экологические аспекты правового регулирования

Резюме. Исследование посвящено анализу правовых аспектов проблемы глобального управления в рамках Большой Евразии как нового явления экономического развития, основанного на проведении государствами региона скоординированной, согласованной политики в основных отраслях экономики, в том числе на применении гармонизированных или унифицированных правовых норм. Основными смысловыми блоками статьи стали правовая природа глобального управления в сфере транспорта и охраны окружающей среды, стратегическое планирование развития транспортной системы Российской Федерации, уточнение иерархии документов стратегического планирования в рассматриваемой области, проблемы внутрисистемного соотношения и перспективные направления совершенствования правового регулирования развития транспорта с учетом обеспечения экологической безопасности. Особое внимание уделено анализу Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2035 г. В статье показано, что стратегическое планирование развития транспортной системы является важной составляющей управления целостностью и связанностью экономического пространства как Российской Федерации и ее регионов, так и Большой Евразии. Необходимость новой редакции Транспортной стратегии обусловлена появлением новых угроз и вызовов, уточнением задач и условий функционирования национальной транспортной системы в соответствии с актуальными социально-экономическими и социально-политическими сценариями развития России, а также объективной необходимостью обеспечения экологической безопасности транспортной инфраструктуры.

Ключевые слова: Большое Евразийское партнерство; Большая Евразия; Евразийский экономический союз; транспортная стратегия России; логистика; экологическая безопасность; мировая транспортная система; экономические санкции; глобальное управление; национальная безопасность; пространственное развитие

Для цитирования: Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г. Глобальное управление в Большой Евразии: транспортные и экологические аспекты правового регулирования. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 10. С. 81–95. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.239.10.081-095

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

© Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г., 2026

Global Governance in Greater Eurasia: Transportation and Environmental Aspects of Legal Regulation

Natalya G. Zhavoronkova
Accounts Chamber of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

Yuriy G. Shpakovskiy
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The study examines the legal aspects of global governance within the Greater Eurasian Partnership, understood as an emerging model of economic development based on coordinated and consistent policies pursued by the states of the region in key sectors of the economy, including the application of harmonized or unified legal rules. The paper addresses the legal nature of global governance in transportation and environmental protection; strategic planning for the development of the Russian Federation's transportation system; the hierarchy of strategic-planning documents in this field; issues concerning their internal coherence; and prospective directions for improving the legal regulation of transportation development while ensuring environmental security. Particular attention is devoted to the current the Transport Strategy of the Russian Federation through 2030 with a forecast through 2035, regarded as a key strategic-planning instrument. The study demonstrates that strategic planning for the development of the transportation system is an important component of governance aimed at preserving the integrity and connectivity of the economic space of the Russian Federation and its regions, as well as of the Greater Eurasia. The need for a revised version of the Transport Strategy is preconditioned by new threats and challenges, the need to clarify the objectives and operating conditions of the national transportation system in light of current socioeconomic and sociopolitical development scenarios in Russia, and the objective necessity of ensuring the environmental security of transportation infrastructure.
Keywords: Greater Eurasian Partnership; Greater Eurasia; Eurasian Economic Union; Russian Transport Strategy; logistics; environmental security; global transportation system; economic sanctions; global governance; national security; spatial development
Cite as: Zhavoronkova NG, Shpakovskiy YuG. Global Governance in Greater Eurasia: Transportation and Environmental Aspects of Legal Regulation. *Lex russica*. 2026;79(10):81-95. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.239.10.081-095

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program.

Введение

Современный мир переживает фазу интенсивной трансформации, характеризующуюся перестройкой экономических связей, появлением новых полюсов роста и ревизией парадигм международного сотрудничества и глобального управления. В этих условиях особенно востребован всесторонний научный анализ будущей конфигурации межгосударственного взаимодействия в основных сферах жизнедеятельности.

Одним из главных итогов состоявшегося в китайском Тяньцзине с 31 августа по 1 сентября 2025 г. саммита ШОС стало выдвижение председателем КНР Си Цзиньпином инициативы создания «более справедливой и равноправной системы глобального управления». В соответствии с инициативой Китая все страны, независимо от экономического потенциала и геостратегического положения, должны иметь равное участие и возможности в вопросах глобального управления. Кроме того, важно соблюдать принцип верховенства международного права, в том числе воздерживаться от двойных стандартов и навязывания «домашних устоев» отдельных стран другим.

Важно отметить: идея глобального управления коррелирует с концепцией «Большое Евразийское партнерство»[1], которая исходит из того, что первые шаги должны быть сделаны не в политической или военной сферах, а в архитектуре экономики Евразийского континента.

[1] Впервые была озвучена Президентом России В. В. Путиным в конце 2015 г.

Выдвигая еще более 10 лет назад инициативу по созданию Большого Евразийского партнерства и Большой Евразии, Российская Федерация преследовала ряд целей: во-первых, ускорение общей региональной экономической интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В этих условиях Россия, опираясь на ЕАЭС, реализует более масштабный план интеграции, содействуя экономическому сотрудничеству и созданию зоны свободной торговли между ЕАЭС и другими странами. Во-вторых, развитие инициативы Китая «Один пояс, один путь», в рамках которой всё больше стран и организаций достигли соглашений о сотрудничестве с Китаем[2].

Конечно, консолидация Евразии — самый амбициозный интеграционный проект XXI в. Известный политолог С. Караганов предложил научное определение понятия «Большая Евразия»: концептуальная рамка, задающая вектор экономического, политического и культурного взаимодействия государств региона, которая подразумевает движение к новой геостратегической общности, к так называемому общеевразийскому пространству развития, что может привести к превращению Евразии в центр мировой экономики и политики, созданию геоэкономической общности, которая обусловлена тенденцией «Азия для Азии» и нацелена на формирование цивилизационной общности[3].

Многие ученые[4] считают, что Большая Евразия — это объективная реальность, отражающая фундаментальные процессы в мировой политике, которая выстраивается на основе многостороннего сотрудничества[5]. К числу основных объектов глобального управления можно отнести международную безопасность, торговлю, валютно-финансовую сферу, Интернет, энергетику, природные ресурсы, экологическую безопасность, климат, транспорт, связь и др.[6] По мнению специалистов, пока неясно, какая сфера регулирования станет первым объектом воздействия глобальной системы управления. Но логично предположить, что это будут, во-первых, транспорт и логистика, а во-вторых, экология.

Актуализация Транспортной стратегии Российской Федерации

Почему первая сфера — транспорт и логистика? Это общая проблема, ее все понимают и оценивают как межгосударственную и очень капиталоемкую. Пока только глобальная система международного регулирования и координации в сфере транспорта и логистики может быть представлена в виде юридически очерченного сочетания национальных и международных транспортных систем. Кроме того, транспортная переориентация Большой Евразии в 2022–2025 гг. сделала Центральную Азию реальным транспортным узлом континента.

Почему мы называем экологию вторым важным элементом интеграции? Наряду с геополитическими параметрами коалиционного взаимодействия должны присутствовать и объединяющие все эти страны общие нормы социоприродного взаимодействия. Объективно необходимо сформулировать экологические императивы, общие для взаимодействия общества и природы в этих странах Большой Евразии.

Исходя из того, что транспорт и логистика могут стать основой для формирования системы глобального управления в данной сфере, зададимся вопросом: возможно ли на сегодняшний день говорить о формировании транспортной стратегии Большой Евразии? И да и нет.

В современных условиях можно говорить только о некоем координирующем органе по

---

[2] *Виноградов А.* Что такое проект «Один пояс, один путь» и каковы перспективы его «сопряжения» с Евразийским союзом // URL: https://www.sonar2050.org/publications/chto-takoe-kitayskiy-proekt-odin-poyas-odin-put-i-perspektivy-ego-sopryajeniya-s-rossiyskim-proekt/ (дата обращения: 29.04.2026).

[3] *Караганов С. А.* От поворота на Восток к Большой Евразии // Россия в глобальной политике. URL: https://globalaffairs.ru/articles/ot-povorota-na-vostok-k-bolshoj-evrazii/ (дата обращения: 29.04.2026).

[4] См., например: *Хорбаладзе Э. Л.* Концепция «Большая Евразия» как модель сетевого трансрегионализма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2022. № 4. С. 117–123.

[5] Однако реальная картина интеграционных и дезинтеграционных процессов имеет в настоящее время сложный и противоречивый характер.

[6] Глобальное управление: возможности и риски / отв. ред. В. Г. Барановский, Н. И. Иванова. М. : ИМЭМО РАН, 2015.

стратегической логистике, так как международные транспортные коридоры требуют серьезного планирования и гарантий безубыточной эксплуатации. Не зря вопросы глобального управления нашли отражение в работе Международного транспортно-логистического форума в Санкт-Петербурге в апреле 2026 г. Выступая с видеообращением, Президент РФ отметил, что Россия готова предложить решения для формирования новой архитектуры глобальной логистики, делая акцент на диверсификации потоков и снижении рисков.

Необходимо отметить, что в контексте санкционного давления Российская Федерация стала объектом многоуровневой изоляционной политики, направленной, в частности, на ограничение доступа к воздушному пространству, портовой инфраструктуре и железнодорожным маршрутам через Европу. Эти меры оказали мощное воздействие на устойчивость и эффективность транспортной системы России, вызвав необходимость коренной переориентации логистических потоков[7].

В 2001 г. была принята Транспортная стратегия Российской Федерации до 2030 г. и на прогнозный период до 2035 г.[8] Возникает вопрос: как будет меняться идеология Транспортной стратегии России в условиях введения широкого спектра экономических санкций со стороны недружественных государств и курса на глобальное управление в рамках Большой Евразии? Всё это должно найти отражение в обновленном варианте Транспортной стратегии России.

Необходимость уточнения Транспортной стратегии России очевидна: изменились условия работы не только транспортного комплекса, но и в целом экономики Российской Федерации, что привело к изменению потребностей населения и бизнеса в объемах и направлениях перевозок. Кроме того, по итогам 2025 г. почти половина индикаторов Транспортной стратегии не достигла целевых значений[9]. В то же время Транспортная стратегия — документ стратегического планирования и преследует преимущественно национальные цели развития отрасли. Следовательно, поставленные выше вопросы должны решаться исключительно в контексте достижения целевых показателей Стратегии.

Согласно Федеральному закону «О стратегическом планировании в Российской Федерации»[10] происходит формирование новой архитектуры и методологии стратегического планирования в сфере транспорта и обеспечения экологической безопасности, что базируется на признании новых экономических, логистических, технологических, экологических, внешнеполитических и иных обстоятельств. Это связано, во-первых, с развитием инновационных технологий в обеспечении транспортной и экологической безопасности, появлением новых вызовов и угроз; во-вторых, с актуальностью пересмотра долгосрочной стратегии системного развития транспорта, поиска новых решений в области пространственно-логистических, экологических, технологических задач; в-третьих, с появлением нового законодательства как в области экологической политики, так и в области транспортного стратегирования; в-четвертых, с быстро меняющимися технологиями, конкурентоспособностью нашей страны в мире и новыми вызовами, стоящими перед государственным планированием и управлением[11].

При этом транспорт и логистика (с учетом особенностей и масштаба территории России) являются одним из факторов, позволяющих нашей стране стать важнейшим звеном в глобальных торговых коммуникациях Большой Евразии.

В настоящее время в Министерстве транспорта РФ осуществляется работа по подготовке

---

7 *Пискунов К. В.* Воздействие односторонних санкций на международные транспортные перевозки // Академическая наука. 2025. № 4. С. 12–15.

8 Распоряжение Правительства РФ от 27.11.2021 № 3363-р «О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года» // СЗ РФ. 2021. № 50 (ч. IV). Ст. 8613.

9 Доклад о реализации Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года / Министерство транспорта Российской Федерации. М., 2026.

10 Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 26 (ч. I). Ст. 3378.

11 До 2030 г. закончится срок деятельности многих действующих документов стратегического планирования, принятых в 2017–2021 гг. Подведение итогов реализации документов стратегического планирования, на наш взгляд, должно быть обязательным этапом стратегирования и носить ярко выраженную правовую, экономическую и методико-организационную окраску.

новой Транспортной стратегии с горизонтом планирования до 2050 г. Новый документ направлен на создание единой транспортной системы с учетом развития экономики, укрепления суверенитета и эволюции техносферы. Необходимо отметить, что действующая Транспортная стратегия Российской Федерации стала фундаментом для системного развития транспортного сектора, однако некоторые важные аспекты не получили должного развития, например вопросы обеспечения экологической безопасности. При этом важно, что в настоящее время экологические проблемы превратились из фактора ограничения экономики и технологии в фактор стимулирования новых подходов. Это существенным образом влияет на всю парадигму Транспортной стратегии.

Кроме того, в 2023 г. Правительство РФ утвердило стратегические направления в области цифровой трансформации отрасли экологии и природопользования, в которых выделяется еще один аспект влияния экологии на развитие транспорта — экологическая безопасность[12].

С учетом появления принципиально новых вызовов и угроз в мире и в стране Транспортная стратегия России является краеугольным камнем экономики и постепенно становится важным документом стратегического планирования, оказывающим влияние на все стороны жизнедеятельности государства[13].

В свете реализации Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» и решений Президента России по этому вопросу для нашего анализа важен не только нормативно-правовой срез стратегического планирования в сфере транспорта, но и логика, архитектура законодательства о стратегическом планировании, в том числе нашедшая отражение в действующей Транспортной стратегии России.

Своеобразной проверкой правильности идей и стратигемы (а следовательно, и нашего подхода к анализу эффективности основных положений) Транспортной стратегии явилось принятие Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации[14], где обозначены вызовы и угрозы, имеющие прямое и непосредственное отношение к транспортной сфере: во-первых, трансформация миропорядка, сопровождающаяся перестройкой глобальных финансовых, логистических и производственных систем, ростом геополитической и экономической нестабильности, международной конкуренции и конфликтности; во-вторых, исчерпание возможностей экономического роста России, основанного на экстенсивной эксплуатации сырьевых ресурсов; в-третьих, необходимость эффективного освоения и использования пространства, в том числе путем преодоления диспропорций в социально-экономическом развитии территории страны, и др.[15]

Отметим, что вопросы транспорта в действующей Стратегии научно-технологического развития непосредственно не выделены, однако они сопряжены с вопросами охраны окружающей среды, в том числе «возрастанием антропогенных нагрузок на окружающую среду до масштабов, угрожающих воспроизводству природных ресурсов, и связанным с их неэффективным использованием ростом рисков для жизни и здоровья граждан, изменением климата и влиянием последствий его изменения на различные отрасли экономики, население и окружающую среду»[16].

При этом экологическая проблематика уже рассматривается не только как охрана окружающей среды, но и как важная и неотъемлемая часть политики, экономики, национальной безопасности в самом широком смысле слова.

Красной линией через весь документ проходит идея о «необходимости эффективного освоения и использования пространства, в том числе путем преодоления диспропорций в социально-экономическом развитии территории страны»[17], перехода к экологически чистой и ресурсосберегающей энергетике, повышения

---

[12] Распоряжение Правительства РФ от 15.12.2023 № 3664-р «О стратегическом направлении в области цифровой трансформации отрасли экологии и природопользования, относящейся к сфере деятельности Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 52. Ст. 9681.

[13] *Пархоменко Р. Н., Быкова И. В.* Большое Евразийское партнерство — «большой» шанс для транспортной отрасли России? // Мир транспорта. 2024. Т. 22. № 2 (111). С. 92–95.

[14] Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 10. Ст. 1373.

[15] П. 15 Указа Президента РФ от 28.02.2024 № 145.

[16] Пп. «г» п. 15 Указа Президента РФ от 28.02.2024 № 145.

[17] Пп. «з» п. 15 Указа Президента РФ от 28.02.2024 № 145.

эффективности добычи и глубокой переработки углеводородного сырья, формирования новых источников энергии, способов ее передачи и хранения[18]. Это очень важный тезис для понимания транспортно-логистических проблем восприятия «пространства» в документах стратегического планирования как категории — экономической, политической — и как сферы национальных интересов и развития.

С научной точки зрения пространство может рассматриваться в контексте величины, пригодной для использования и освоения, но может восприниматься как огромный (живой, наполненный сущностью) природно-экономический и социальный организм в его многообразии и потенциальной ценности, что для транспортной стратегии имеет принципиальное значение.

В законодательстве об основах стратегического планирования дан перечень документов, который имеет руководящий характер для стратегического планирования транспорта, так как представляет собой целостное ви́дение государственного управления, где на уровне прогнозов, проектов, планов делается попытка создания эффективной «машины государственного управления»[19].

Хотелось бы обратить внимание на тот факт, что стратегирование в Российской Федерации — это последовательная, целенаправленная, опробованная на практике политика государственного регулирования во всех сферах жизнедеятельности, что и нашло отражение в Стратегии научно-технологического развития: «Особую значимость приобретает создание эффективной, целостной и сбалансированной системы стратегического целеполагания, планирования и прогнозирования научно-технологического развития, изменения приоритетов в данной области и на этой базе обеспечение и укрепление основы для реагирования на новые вызовы».

Другими словами, документы стратегического планирования должны представлять собой единую, целостную, эффективную систему стратегического целеполагания, способную адекватно реагировать на новые вызовы, поэтому рассматриваемая в настоящем исследовании Транспортная стратегия должна быть органической частью документов стратегического планирования в сфере национальной безопасности, экологической безопасности, а также национальных проектов и программ. Следовательно, необходимо определить ее место и значение в системе стратегического планирования в силу принципиально возросшего значения внешних и внутренних факторов пространственного и экономического развития страны.

Экономические санкции ЕС и США потребовали взглянуть по-новому на роль отечественного транспорта не только в экономике России, но и в мировой транспортной системе[20]. Поэтому эффективность и практическую значимость Транспортной стратегии можно измерять не только соответствием целей и прогнозов (они могут меняться), но и способностью оказывать долгосрочное управляющее воздействие на всю систему государственного планирования, способностью предвидеть и предотвращать возникающие угрозы и риски, в том числе экологические.

Как уже отмечалось, в действующей Транспортной стратегии тема окружающей среды и экологической безопасности несколько заужена — до вопросов климата — и требует развития. Тем более что в Стратегии научно-технологического развития прямо говорится о «переходе к развитию природоподобных технологий, воспроизводящих системы и процессы живой природы в виде технических систем и технологических процессов, интегрированных в природную среду и естественный природный ресурсооборот, создании в научно-технологической и производственной сферах согласованной системы правового регулирования, обеспечивающей эффективность и своевременность принимаемых управленческих решений».

Экологический императив как перспективный вектор развития транспорта

По нашему мнению, все документы стратегического планирования, в том числе и обновленная Транспортная стратегия России, должны прежде

[18] Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145.

[19] Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

[20] Мировая транспортная система представляет собой сложный комплекс инфраструктурных объектов, маршрутов и логистических процессов, обеспечивающих перемещение людей и грузов в глобальном масштабе. При этом в современных условиях значение транспортной системы постоянно возрастает, а ее развитие становится критически важным фактором конкурентоспособности отдельных регионов и стран.

всего быть нацелены на повышение глобальной конкурентоспособности и развитие российской экономики на основе новой технологической политики в стратегической перспективе. В Федеральном законе «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» четко определены ее основные цели: во-первых, обеспечение технологического лидерства страны; во-вторых, обеспечение конкурентоспособности высокотехнологичной продукции, созданной на основе отечественных технологий, и эффективности ее создания за счет внедрения технологических инноваций; в-третьих, ускоренное внедрение технологических инноваций во все сферы[21].

Таким образом, как никогда ранее, с учетом ускоряющегося процесса технологических изменений и долгосрочной (преимущественно санкционной) западной политики в отношении нашей страны, целесообразность и практическую ценность Транспортной стратегии и других документов стратегического планирования при выработке направлений долгосрочного развития и принятии государственных управленческих решений сложно переоценить.

Для этого необходимо взглянуть на Транспортную стратегию России как на составную часть ранее принятых документов стратегического планирования: Стратегии национальной безопасности[22], Стратегии экономической безопасности[23], Стратегии экологической безопасности[24], Стратегии пространственного развития[25] и др., акцентировав внимание как на правовых и социально-экономических аспектах, практических итогах, так и на необходимости принятия новых документов стратегического планирования, имеющих нормативный правовой характер.

Экологические проблемы различных видов транспорта, как их законодательное (правовое) оформление, сопровождение (в том числе при помощи документов стратегического планирования), нельзя сводить в единый процесс эколого-правового регулирования, однако именно стратегический подход позволяет выделить принципиальные, узловые, системные, долгосрочные проблемы, затрагивающие экономику, технологии, территории (пространство), охватывающие весь транспорт и всю транспортную инфраструктуру.

Отметим: документы стратегического планирования — это особый вид правового регулирования, до конца не раскрытый в нашей стране, но имеющий огромный потенциал, создающий платформу для увязки целей на макро- и микроуровне, в территориальном и отраслевом срезах экономики, позволяющий предвидеть и устранить множественные диспропорции в процессе государственного индикативного и директивного планирования, а также противоречия как во внутреннем, так и во внешнем контуре государственного управления. В частности, экологические проблемы всегда были и, видимо, на какое-то время останутся для традиционной экономики своеобразным обременением и ограничением, но перспективное, стратегическое планирование может и должно менять традиционные экономические подходы к достижению долговременного (стратегического) эффекта.

Например, в рамках законодательной и экономической политики Евросоюза экологические проблемы давно служат основанием и предлогом для радикальных изменений в политике, экономике и технологиях. Принятие объемного пакета законов и стандартов в рамках реализации климатической доктрины и целей устойчивого развития — сначала как документов ООН, имеющих международное значение, а затем как документов Евросоюза — показывает, как именно можно использовать экологиче-

---

[21] Федеральный закон от 28.12.2024 № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 53 (ч. I). Ст. 8533.

[22] Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

[23] Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.

[24] Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2017. № 17. Ст. 2546.

[25] Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» // СПС «КонсультантПлюс».

ские (в том числе климатические) лозунги для изменения экономической и технологической политики в целях продвижения собственных государственных интересов[26].

Поэтому так важен анализ скрытых и выявленных возможностей Транспортной стратегии как планировочного акта и юридического (нормативного) документа с точки зрения связанности транспортных и экологических задач, их влияния на смежные отрасли, на постановку новых эколого-технологических и эколого-экономических целей и задач.

Особая роль и значение Транспортной стратегии представляются в попытке консолидации многочисленных проблем и принципиальной возможности реального прогнозирования будущих вызовов и угроз и на их основе формирования технологической политики государства, обеспечивающей достижение технологического лидерства. Перечень новых проблем и задач в принципе бесконечен. Но с точки зрения права и тем более экологической безопасности все или почти все назревающие проблемы должны иметь опережающее (а не догоняющее) правовое оформление.

Эколого-правовые аспекты в действующей Транспортной стратегии почему-то в большей степени отражают позиции (цели, задачи, идеологию), закрепленные не в Стратегии национальной безопасности России и иных документах стратегического планирования, а в некоторых зарубежных документах стратегического уровня, например климатической доктрине ЕС[27], в части углеродного регулирования. Так, в Транспортной стратегии записано: «…необходимость выполнения глобальных целей Парижского соглашения по климату становится одним из значимых драйверов трансформации транспортной отрасли».

На наш взгляд, это несколько ограничивает само понимание экологических проблем в сфере транспорта. Краткий анализ целей, задач, позиций Транспортной стратегии России показывает несколько декларативный и непоследовательный подход, отраженный в невнятности экологических целей, достижимых до 2030 г. Например, Транспортная стратегия предусматривает реализацию следующих долгосрочных целей развития транспортной системы до 2030 г. и на прогнозный период до 2035 г.:

— повышение пространственной связанности и транспортной доступности территорий;

— повышение мобильности населения и развитие внутреннего туризма;

— цифровая и низкоуглеродная трансформация отрасли и ускоренное внедрение новых технологий;

— создание благоприятных условий для жизни будущих поколений, включая минимизацию негативного воздействия транспортного комплекса на окружающую среду.

Из этих целей, пожалуй, только цифровая и низкоуглеродная трансформация отрасли является относительно новой. Все остальные цели присутствуют десятилетиями в документах стратегического планирования. Это свидетельствует о нерешенных и нерешаемых проблемах.

Что же касается более конкретных, эколого-экономических целей или, несколько в ином контексте, проблем экологической безопасности, то выделим закрепленную в Транспортной стратегии экологичность транспортного комплекса — характеристику транспортного комплекса, отражающую его соответствие установленным требованиям в области охраны окружающей среды от воздействия видов транспорта и транспортной инфраструктуры. Что конкретно представляет собой экологичность, непонятно. Тем более что у различных видов транспорта она принципиально различается. В Транспортной стратегии ни слова не сказано по поводу экологической логистики, тем более по поводу реакции на новые виды транспорта и их влияния на экологическую и социальную безопасность.

Особое внимание, на наш взгляд, следует уделить разделу «Принципы» Транспортной стратегии, где формулируются не только цели, но и идеология документа. К сожалению, мы не можем полностью принять эту идеологию без обоснования ее применимости и реализуемости (практичности) для нашей страны. Например, принцип 4 «Вклад в достижение

[26] Правовые механизмы формирования единого устойчивого пространства развития в рамках Евразийского экономического союза: природные и техногенные аспекты : монография / под ред. Ю. Г. Шпаковского. М. : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2026.

[27] Регламент Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 30.06.2021 2021/1119 об установлении правовых рамок для достижения климатической нейтральности и о внесении изменений в регламенты (ЕС) 401/2009 и (ЕС) 2018/1999 (Европейский климатический закон).

целей устойчивого развития, определенных Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций, и соответствие принципам качественного экологического, социального и корпоративного управления» говорит о том, что реализация целей и задач Стратегии напрямую связана с устойчивым развитием. Далее, в Транспортной стратегии среди долгосрочных целей развития транспортной системы представляет интерес в рамках нашего анализа цель 4 «Цифровая и низкоуглеродная трансформация отрасли и ускоренное внедрение новых технологий», в рамках которой решается задача 17 «Снижение негативного воздействия транспортного комплекса на окружающую среду и климат в соответствии с принципами устойчивого развития».

Безусловно, цели устойчивого развития имеют большое значение, и мы понимаем важность их достижения, но необходим критический взгляд на решения ООН, климатическую стратегию ЕС или другие международные документы по экологии и климату, которые не всегда преследуют цели охраны окружающей среды, но зачастую являются способом решения ЕС своих социально-экономических, политических, глобалистских, иных корпоративных проблем.

Эти цели, задачи и принципы, обозначенные в Транспортной стратегии, несомненно, применимы и/или могут быть одобрены как принципы, направленные в будущее, но документ стратегического планирования — это прежде всего планировочный нормативный акт, взвешенный, прогнозируемый и доказанный после конкретизации внутренних и внешних условий, тщательного анализа соответствия этих целей другим документам стратегического планирования.

Другое замечание: Транспортная стратегия — это прежде всего внутренний документ долгосрочного планирования. Поэтому включение в него или ссылка на международно-правовые акты, а тем более прямое заимствование целей и задач глобального уровня требуют как минимум «приземления» (привязки к национальным интересам).

Очевидно, что в настоящее время для нашей страны главными являются не столько чисто транспортные или экологические стратегии, сколько включенность отраслевых стратегий в более широкий контекст, связанный с военно-политическими, экономическими, технологическими, информационными и глобальными проблемами.

Глобальная цель Транспортной стратегии России

Глобальной целью Транспортной стратегии, на наш взгляд, является формирование уникального правового и стратегического продукта — особого документа, способствующего экономическому процветанию страны, быстрому переходу от ресурсной направленности экономики к инновационной. В этом ряду транспортные, инфраструктурные, логистические и эколого-экономические проблемы имеют приоритетный характер.

Известные тренды современного развития указывают на совершенно новый, можно сказать, кризисный контекст планирования и стратегирования в транспортной отрасли. Что это означает на практике?

1. Транспортная стратегия России — это, помимо всего прочего, удобный и надежный «каркас» развития территории, экономики, промышленных кластеров, национальной, экономической, экологической безопасности страны. С этой точки зрения данный документ становится важнейшей составляющей технологической, экономической, пространственной стратегий и основой экологической безопасности.

2. Рассматриваемая Стратегия является частью многих других документов стратегического планирования, но в ее тексте этого не просматривается, нет указания на конкретные связи и коммуникации с экологической, экономической и иными стратегиями и доктринами. А эти связи есть, и они обширны[28].

3. Транспортная стратегия России, несмотря на масштабность декларируемых целей и задач, не может быть эффективным планировочным инструментом при таком обилии целей, подцелей, задач и проектов. Транспортная политика, пространственное развитие, экономика должны иметь десятки (но не тысячи) глобальных и долгосрочных целей (проектов), которые свяжут воедино весь экономический и промышленный комплекс страны. Количество конкретных проектов должно быть небольшим, но они должны быть принципиально важными

[28] *Добкин А. Г.* Стратегическое планирование как функция органов исполнительной власти : дис. … канд. юрид. наук : 5.1.2. М., 2025.

для развития экономического и военно-технологического потенциала страны.

4. Поскольку Транспортная стратегия рассчитана до 2030 г., горизонт планирования получился совсем не стратегическим. Нет должного понимания роли искусственного интеллекта, средств малой авиации, роботизированных систем, информационных технологий, новых логистических коридоров и т.д. В Транспортной стратегии необходимо сделать основной акцент на быстрой смене технологий и внедрении новых идей с опорой на внутреннюю научно-технологическую базу, кадровый потенциал.

5. В Транспортной стратегии не предусмотрены процедура коррекции, строгой периодической отчетности, появление новых методов измерения общей эффективности, целесообразности, тем более экологической безопасности. Без законодательно принятых и опробованных процедур контроля Транспортная стратегия в нынешнем виде ближе к научному докладу, чем к нормативному акту планировочного характера.

6. Экологический компонент стратегии в настоящее время декларативен и не дает понимания целей и задач развития, инновационности изменений под воздействием экологических норм. Необходимо, чтобы в Транспортной стратегии были заявлены «дорожная карта» сопряженности стратегии экологической безопасности и транспорта, превращение экологической политики в области транспорта из сугубо природоохранного в экономико-технологический ресурс, более того, позволяющий сделать технологический и экономический рывок, исходя из переоценки экологических инноваций, признания новых возможностей использования уникального природно-ресурсного суверенитета России.

7. Эколого-правовой компонент Транспортной стратегии почти не обозначен. Экологические новации и технологии, которые либо уже появились, либо появятся в ближайшее время, требуют четкого правового осмысления и оформления именно в документах стратегического планирования. Чем технологии радикальнее, тем быстрее и сильнее должно меняться законодательство на базе принятой стратегии. А для этого нужен стратегический подход к планированию законотворческой работы и практики правоприменения по всей цепочке законотворческого процесса[29].

8. В Транспортной стратегии отражены опыт и достижения как отечественных, так и зарубежных аналогов, но она не дает ответ на острейшие вызовы в военно-политической, экономической, технологической, информационной, экологической сферах. Транспортные проблемы России, ввиду ее территории и схемы расселения, уникальны и обладают принципиально иными, чем, например, проблемы Европы или Азии, характеристиками, что делает необходимым поиск национальных концепций и подходов, отражающих культурно-исторический, экономический, социальный опыт именно нашей страны.

Происшедшие с момента появления первой (2008 г.) и второй (2021 г.) транспортных стратегий события показали, что важны не только и не столько правильно сформулированные задачи, но и предельно практичный вариант реализации поставленных целей. Резонно задать вопрос: какой практический смысл в исследовании эколого-правовых проблем Транспортной стратегии, если не решены многие технологические, технические, экономические проблемы?

Практический смысл в том, что объединение категорий «транспорт», «инфраструктура» и «экологическая безопасность» является не чем иным, как попыткой выработки некоего интегрального показателя эффективности развития страны в краткосрочной и долгосрочной перспективе. Развитие транспорта, его технологические параметры, вся транспортная инфраструктура — это всегда самые острые экологические проблемы. Даже если не рассматривать тот неоспоримый факт, что транспорт, дороги, коммуникации выступают в качестве признака развития и появления условий для роста любой территории, экологическая безопасность — самая важная составляющая Транспортной стратегии.

Необходимо помнить, что Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» и Основы государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 08.11.2021 № 633) достаточно четко обозначили иерархию документов стра-

[29] Время внедрения инноваций, в том числе в законотворчестве, сократилось кратно, поэтому практически все инфраструктурные, технологические, экологические проекты и программы устаревают раньше, чем десятилетия назад.

тегического планирования, их обязательную координацию и взаимоувязку, определив Стратегию национальной безопасности главным документом стратегического планирования, в том числе и для Транспортной стратегии[30].

Согласно п. 77–78 Стратегии национальной безопасности «в последние десятилетия интенсивный рост производства и потребления в мире сопровождается увеличением антропогенной нагрузки на окружающую среду и ухудшением ее состояния, что влечет существенное изменение условий жизни на Земле.

Хищническое использование природных ресурсов ведет к деградации земель и снижению плодородия почв, дефициту водных ресурсов, ухудшению состояния морских экосистем, уменьшению ландшафтного и биологического разнообразия. Усиливается загрязнение окружающей среды, что влечет за собой снижение качества жизни человека. Многие страны испытывают нехватку природных ресурсов».

Столь длинная цитата из Стратегии национальной безопасности помогает понять простую мысль: экологическая безопасность в понимании законодателя — это стратегия и транспорта, и логистики, и социально-экономического развития территорий.

Глобальное транспортное и экологическое регулирование

Можно поставить вопрос и в сугубо практическом ключе: что конкретно в условиях дефицита бюджета и кризисных мер в экономике, напряженности военно-политического и экономического характера мы ожидаем от новой редакции Транспортной стратегии России? Станет ли она практически фундаментом управления транспортной системой России и элементом мировой транспортной системы (в рамках Большой Евразии) или останется научным докладом?

Первое. Если речь идет о перечислении угроз и вызовов, как внутренних, так и внешних, то необходимо их четко, в иерархическом порядке обозначить; если говорится о фиксации некоторых тенденций в транспортной политике, то следует почти без изменений (или с незначительными изменениями) дать ссылку на Стратегию национальной безопасности. За прошедшее время все или почти все проблемы, цели, задачи, угрозы экологической безопасности не изменились. Другое дело — определить прагматическую, деловую, инструментальную цель и механизм реализации нового документа стратегического планирования в сфере транспорта.

Когда мы анализируем характер и степень изменений при оценке состояния системы логистики и транспорта России с учетом защиты окружающей среды, оценке внешних и внутренних угроз, опасностей, то, на наш взгляд, эти новые оценки и угрозы не лежат в плоскости традиционной проблематики нехватки финансирования (инвестиций), а состоят в отсутствии новых подходов, идей и проектов, выходящих за рамки традиционной транспортно-логистической инфраструктуры.

Это вызовы и угрозы экзистенционального порядка[31]. Изменения в Транспортной стратегии России должны учитывать и адаптировать следующие потенциальные угрозы и негативные тенденции:

— реальное изменение архитектуры международного сотрудничества — мирового порядка. Изменение правил торговли, перевозок и логистики на фоне санкционных режимов, поиска новых торговых путей, условий передвижения и др.;

— глобальную цифровизацию — новые контуры глобального цифрового мира и транспортной логистики;

— миграцию населения, в том числе в силу климатических изменений. Миграция как следствие изменения экономики, политики, климата, условий жизни, военных конфликтов, нехватки природных ресурсов, воды, земли и множества других причин меняет природное равновесие и непосредственным образом влияет на транспортные системы как внутри государств, так и вовне. Миграция в ближайшие годы будет одним из экологически и экономически сложных вызовов[32];

---

[30] *Шпаковский Ю. Г.*, *Жаворонкова Н. Г.* Экологическая безопасность устойчивого развития: стратегия и механизмы реализации // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 7 (164). С. 174–187.

[31] Экзистенциальный кризис (от лат. existentia — «существование») — потеря смысла жизни, тревога, депрессия. Кризис, вызванный сверхсложностью современного мира, невозможностью осмыслить его и влиять на многие процессы, отчуждением человека от природы как основы жизни.

[32] *Евтушенко В. И.*, *Шпаковский Ю. Г.* Миграция как способ реализации экологических прав граждан : монография. М. : Норма, 2020.

— результаты научно-технологических инноваций, которые могут с неизбежностью привести к значительным изменениям в транспортной системе (особенно в логистике), пространственном развитии и др.

Поэтому задачей документа стратегического планирования в области транспорта и логистики является формулирование национальных интересов на основе описанных вызовов и угроз. Не следует думать, что Транспортная стратегия — это сугубо отраслевой документ. Если транспорт — кровеносная система экономики, то все перечисленные и многие иные аспекты стратегического характера, имеющие как бы экзистенциональный смысл, должны быть учтены при ее доработке.

Ключевым вопросом Транспортной стратегии является само понимание угроз и опасности в логике (системе) транспортных проблем, их параметров, влияния на жизненно важные процессы в социально-экономическом, политическом, культурно-историческом и ином контексте. Учитывая переход (с марта 2024 г.) на единую методологию и шестилетние сроки стратегического планирования, принципиально важно представлять, что подлежит немедленному и/или постепенному изменению в экологическом и транспортном планировании. Необходимо осознать роль и место планирования транспортной безопасности в государственном управлении, как одного из значимых факторов развития[33].

Нельзя не учитывать как опыт реализации уже принятых и действующих стратегий безопасности, так и необходимость реагировать на «вновь открывшиеся обстоятельства» во внешней и внутренней экологической политике. Для этого, возможно, потребуется пересмотр методологии стратегирования в области транспорта. Тем более что в Основах государственной политики в сфере стратегического планирования объяснена необходимость создания новых механизмов и методологии: «Необходимо принятие мер правового и организационного характера, направленных на повышение эффективности взаимодействия органов публичной власти в сфере стратегического планирования, его научно-методологического, информационно-аналитического и кадрового обеспечения, что позволит создать условия для достижения целей и реализации задач социально-экономического развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации».

Второе. В системе стратегического планирования расплывчато и неконкретно были обозначены механизмы, инструменты и архитектура планирования. При этом стратегии развития не совпадали со стратегиями безопасности, а те, в свою очередь, — с национальными проектами и государственными программами.

Слабым местом почти всех документов стратегического планирования всегда были показатели и критерии оценки эффективности, часто не согласующиеся друг с другом и не отражающие общую стратегию и единство политики[34]. Поэтому в Основах государственной политики в сфере стратегического планирования подчеркивается: «Показатели, используемые в процессе стратегического планирования, определяются на основе принципов измеримости целей и соответствия показателей целям, характеризуют степень и динамику достижения целей и реализации задач социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности».

На наш взгляд, потенциал стратегического планирования в области развития транспорта и его организационно-правовые возможности очень мало использованы. В новых условиях формирования системы стратегического планирования в сфере транспорта (поскольку эта система только создается) важно понимать: период подготовки и принятия в целом интересных в научном и прогностическом плане и необязательных к исполнению документов закончился. Научные доклады в форме своеобразных нормативных актов уже не могут быть документами стратегического планирования.

В этой связи роль документов стратегического планирования в сфере транспорта и экологической безопасности может быть как недооцененной, так и наоборот. Мы уже неоднократно высказывали мнение[35] об избыточности стратегий, которые во многом дублируют, назовем их, «стратегии развития». Это связано со многими факторами, важнейшим из них является отсутствие объективных данных для оценки эффек-

[33] *Шпаковский Ю. Г.*, *Жаворонкова Н. Г.* Экологическая безопасность устойчивого развития.

[34] *Шпаковский Ю. Г.*, *Жаворонкова Н. Г.* Экологическая безопасность устойчивого развития.

[35] *Жаворонкова Н. Г.*, *Шпаковский Ю. Г.* Экологическое законотворчество как часть социального планирования // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 6 (151). С. 142–157.

тивности для экономики, управления, планирования конкретного документа — Транспортной стратегии России.

«Измеримость» опасности и угроз в принципе — методологически непростая категория, но если она должна быть связана с оценкой затрат, альтернатив, эффективности (а она непременно должна быть оценена экономически и ресурсно), то построенная на такой всесторонней оценке транспортная экологическая эффективность — чрезвычайно сложная, политически и экономически громоздкая и тем не менее скорее эмпирическая задача[36].

Третье. Транспортная стратегия носит прежде всего территориальный (пространственно-временной) характер. Поэтому рациональное и экологически безопасное использование пространства является одной из основных задач Стратегии.

Из части 1 ст. 9 Конституции РФ следует, что охрана и обеспечение использования земли и других природных ресурсов как основы жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующих территориях, являются обязанностью государства в лице федеральных и региональных органов власти[37]. Можно ли трактовать конституционную формулу «основа жизни и деятельности народов» как основу (рациональную и природоохранную) развития транспорта? Этот вопрос требует отдельного исследования.

Четвертое. Сегодняшние реалии формирования долгосрочных планов и стратегий чрезвычайно запутанны и нуждаются в четкой правовой регламентации. Наличие огромного числа стратегий развития неоправданно и не имеет практического смысла. Выделение в иерархии документов стратегического планирования главного — Стратегии национальной безопасности — объективно обусловливает необходимость включения в единый стратегический план обеспечения национальной безопасности и социально-экономического развития России разделов по видам безопасности[38].

Пятое. В последние годы проблема Большой Евразии обсуждается в контексте обострения отношений между условными Западом и Востоком; попыток реализации трансатлантического, транстихоокеанского, торговых и инвестиционных партнерств и иных проектов, частично замороженных США в настоящий момент; усиливающейся регионализации мировой экономики; технологической трансформации; кризиса системы мировой политической и экономической регуляторики; ужесточения глобальной конкуренции во всех сферах жизнедеятельности, и особенно в инициации и практическом осуществлении ряда планетарно значимых программ. Реальная картина интеграционных и дезинтеграционных процессов имеет в настоящее время сложный и противоречивый характер.

Заключение

В заключение уместно привести слова Президента РФ В. В. Путина на Международном форуме «Один пояс, один путь» 14 мая 2017 г.: «…Россия видит будущее евразийского партнерства не просто как налаживание новых связей между государствами и экономиками. Оно должно изменить политический и экономический ландшафт континента, принести Евразии мир, стабильность, процветание, принципиально новое качество жизни. <…> И в этом отношении большая Евразия — это не абстрактная геополитическая схема, а, без всякого преувеличения, действительно цивилизационный проект, устремленный в будущее»[39]. При этом инвестиционная и операционная скоординированность в глобальной логистике с учетом обеспечения экологической безопасности станет частью глобального управления.

---

[36] См., например: Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2020. № 6. Цели устойчивого развития ; *Шпаковский Ю. Г.*, *Жаворонкова Н. Г.* Экологическая безопасность устойчивого развития.

[37] Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru. 06.10.2022. № 0001202210060013.

[38] *Шпаковский Ю. Г.*, *Жаворонкова Н. Г.* Экологическая безопасность устойчивого развития.

[39] URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/54491 (дата обращения: 02.05.2026).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Глобальное управление: возможности и риски / отв. ред. В. Г. Барановский, Н. И. Иванова. М. : ИМЭМО РАН, 2015. 315 с.

Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2020. № 6. Цели устойчивого развития. 159 с.

Евтушенко В. И., *Шпаковский Ю. Г.* Миграция как способ реализации экологических прав граждан : монография. М. : Норма, 2020. 176 с.

Жаворонкова Н. Г., *Шпаковский Ю. Г.* Экологическое законотворчество как часть социального планирования // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 6 (151). С. 142–157.

Пархоменко Р. Н., *Быкова И. В.* Большое Евразийское партнерство — «большой» шанс для транспортной отрасли России? // Мир транспорта. 2024. Т. 22. № 2 (111). С. 92–95.

Пискунов К. В. Воздействие односторонних санкций на международные транспортные перевозки // Академическая наука. 2025. № 4. С. 12–15.

Правовые механизмы формирования единого устойчивого пространства развития в рамках Евразийского экономического союза: природные и техногенные аспекты : монография / под ред. Ю. Г. Шпаковского. М. : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2026. 172 с.

Хорбаладзе Э. Л. Концепция «Большая Евразия» как модель сетевого трансрегионализма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2022. № 4. С. 117–123.

Шпаковский Ю. Г., *Жаворонкова Н. Г.* Экологическая безопасность устойчивого развития: стратегия и механизмы реализации // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 7 (164). С. 174–187.

REFERENCES

Baranovsky VG, Ivanova NI, (eds.). Global Governance: Opportunities and Risks. Moscow: IMEMO RAS Publ.; 2015. (In Russ.).

Evtushenko VI, Shpakovskiy YuG. Migration as a way to realize the environmental rights of citizens. Moscow: Norma-M Publ.; 2020. (In Russ.).

Khorbaladze EL. The concept of «Greater Eurasia» as a model of network transregionalism. *Moscow State Regional University Bulletin. History and Political Science Series.* 2022;4:117-123. (In Russ.).

Parkhomenko RN, Bykova IV. Is the big Eurasian partnership a «big» chance for the Russian transport industry? *World of Transport*. 2024;22(2)(111):92-95. (In Russ.).

Piskunov KV. Impact of unilateral sanctions on international transport: legal aspect. In: Prospects and Key Trends of Science in Contemporary World. 2025. (In Russ.).

Shpakovskiy YuG, Zhavoronkova NG. Environmental safety of sustainable development: strategy and implementation mechanisms. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(7)(164):174-187.

Shpakovsky YuG. Legal mechanisms for the formation of a single sustainable development space within the Eurasian Economic Union: natural and technogenic aspects. Moscow: Publishing Center of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL); 2026. (In Russ.).

Sustainable Development Goals. *Bulletin of the Accounts Chamber of the Russian Federation*. 2020;6. 159 p. (In Russ.).

Zhavoronkova NG, Shpakovskiy YuG. Environmental lawmaking as part of social planning. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(6)(151):142-157. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Жаворонкова Наталья Григорьевна, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, член экспертного совета при Счетной палате Российской Федерации
д. 2, Зубовская ул., г. Москва 119121, Российская Федерация
jgshpakovskij@msal.ru

Шпаковский Юрий Григорьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
jgshpakovskij@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalya G. Zhavoronkova, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation; Member of the Expert Council under the Accounts Chamber of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
jgshpakovskij@msal.ru

Yuriy G. Shpakovskiy, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Environmental and Natural Resources Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
jgshpakovskij@msal.ru

Материал поступил в редакцию 8 июня 2025 г.
Статья получена после рецензирования 2 июля 2026 г.
Принята к печати 15 сентября 2026 г.

Received 08.06.2025.
Revised 02.07.2026.
Accepted 15.09.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.239.10.096-109

С. С. Зенин
Тюменский государственный университет
г. Тюмень, Российская Федерация

Сущностность народного суверенитета в концепциях «сильной» демократии и симбиотического народовластия

Резюме. Актуальность темы обусловлена неопределенностью в вопросе фундаментального обоснования конституционно-правового концепта народного суверенитета, подкрепляемой популяризацией идеи «сильной» демократии и расширительным осмыслением государственно-правового воздействия на формирование народной воли. Автором исследованы базовые положения Конституции РФ и современные теоретические проблемы в области установления носителя народного суверенитета в рамках доктринальных подходов конституционного права. Применение системного, формально-юридического и сравнительно-правового методов позволило изучить конструктивные особенности народного суверенитета, в том числе в контексте конституционно-правовой доктрины публичной власти. В работе проведен объективный анализ подхода, согласно которому государственный механизм наделяется правом стимулировать развитие демократических институтов и восполнять недостаточную политическую активность граждан. Автор приходит к выводу, что наделение государства возможностью определять формы и пределы народного волеизъявления, по сути, трансформирует народовластие из основы конституционного строя в усеченный концепт народного участия. В качестве альтернативного подхода предлагается симбиотическая модель народовластия, при которой кумулятивное формирование народной воли осуществляется через активность инициативных групп, территориального общественного самоуправления и местных сообществ. Роль государства в данной модели заключается в создании конституционно-правовых гарантий для самостоятельной деятельности местных сообществ, без вмешательства в содержательную сторону формирования воли народа. Отмечается, что государственное стимулирование «нужных» форм участия должно быть исключено; в противном случае это приведет к риску «фантомного» народовластия.

Ключевые слова: народный суверенитет; «сильная» демократия; симбиотическое народовластие; местные сообщества; кумулятивное формирование воли; публичная власть

Для цитирования: Зенин С. С. Сущностность народного суверенитета в концепциях «сильной» демократии и симбиотического народовластия. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 10. С. 96–109. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.239.10.096-109

The Essence of Popular Sovereignty in the Concepts of «Strong» Democracy and Symbiotic Popular Rule

Sergey S. Zenin
University of Tyumen
Tyumen, Russian Federation

Abstract. The relevance of the topic is due to the uncertainty in the fundamental justification of the constitutional-legal concept of popular sovereignty, reinforced by the popularization of the idea of «strong» democracy and the expansive understanding of state-legal influence on the formation of the popular will. The author examines the basic provisions of the Constitution of the Russian Federation and contemporary theoretical problems in determining the bearer of popular sovereignty in the doctrinal approaches of constitutional law. The application of systemic, formal-legal and comparative-legal methods allowed for the study of the constructive features of

© Зенин С. С., 2026

popular sovereignty, including in the context of the constitutional-legal doctrine of public authority. The paper provides an objective analysis of the approach according to which the state mechanism is endowed with the right to stimulate the development of democratic institutions and to compensate for the insufficient political activity of citizens. The author concludes that endowing the state with the ability to determine the forms and limits of popular will expression, in essence, transforms popular rule from a foundation of the constitutional order into a truncated concept of popular participation. As an alternative approach, the author proposes a symbiotic model of popular rule, in which the cumulative formation of the popular will is carried out through the activity of initiative groups, territorial public self-government and local communities. The role of the state in this model consists in creating constitutional-legal guarantees for the independent activity of local communities, refraining from interference in the substantive side of the formation of the will of the people. It is noted that state stimulation of «necessary» forms of participation should be excluded, otherwise it will lead to the risk of «phantom» popular rule.

Keywords: popular sovereignty; «strong» democracy; symbiotic popular rule; local communities; cumulative formation of will; public authority

Cite as: Zenin SS. The Essence of Popular Sovereignty in the Concepts of «Strong» Democracy and Symbiotic Popular Rule. *Lex russica*. 2026;79(10):96-109. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.239.10.096-109

Введение

В современной конституционно-правовой науке неоднократно возникали дискуссии по вопросам определения носителя народного суверенитета и пределов реализации народовластия в условиях трансформирующейся политической системы.

Проблема установления носителя народного суверенитета в конституционно-правовом поле непосредственным образом вытекает из попыток теоретико-правового обоснования концепции «сильной» демократии, в соответствии с которой государственный механизм наделен правовыми возможностями, для того чтобы стимулировать развитие демократических политических институтов, совершенствовать их деятельность в целях обеспечения гарантий безопасности личности и общества, невмешательства иностранных государств и иных третьих лиц в проводимую политику[1].

Главным аргументом в пользу названной концепции служит тезис о том, что степень регулирующего воздействия государства на общественные отношения определяется реально складывающимся балансом между частной инициативой и публичными потребностями, в котором недостаточному уровню социально полезной активности граждан и их объединений обязана противостоять деятельная, преобразующая роль государственных институтов[2]. Возрастающее значение государства в достижении этого баланса объясняется тем, что именно его элементы выполняют задачи, связанные с согласованием интересов различных социальных групп в структуре современного общества, «конституционно взвешенным» выстраиванием социально-экономических, политических, культурных взаимосвязей[3].

Особое внимание обращается на то, что производимое государством контролирующее и направляющее влияние далеко не всегда имеет негативный оттенок, может основываться на демократических принципах, вызывая к жизни те практики и институты народного волеизъявления, политической и правовой жизни общества, которые не были бы востребованными в ином случае[4]. Распространенной является также ценностная трактовка рассматриваемой концепции, в соответствии с которой усиление роли органов государственной власти в формировании и функционировании конституционно-правовой модели народовластия определяется принимаемым ими на себя обязательством по

[1] *Курбанов Э. Э.* Концептуальные и институциональные основы современной демократии // Research and Education. 2023. Т. 2. № 5. С. 338.

[2] *Лескова И. В.* Факторы демократического политического транзита: институциональные и национальные аспекты // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 5 (118). С. 24.

[3] *Антонченко В. В.* Право и демократия в политической системе общества // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 2. С. 149.

[4] *Линде А. Н.* Экзистенциальная демократия как модель демократии для развития человеческой личности // Общество: политика, экономика, право. 2024. № 2. С. 32.

защите базовых конституционных ценностей (в том числе народного и государственного суверенитета, незыблемости существующего конституционного строя и др.)[5].

В силу расширительного подхода к содержанию такой задачи интерпретация этих ценностей представляется одним из обязательных требований обеспечения их неприкосновенности, создания условий для сохранения конституционной идентичности в свете угрозы внешнеполитических и макроэкономических рисков. В качестве разумного ограничителя государственно-правового воздействия на демократические процессы обозначается обеспечение его соответствия «природе существующего политического режима», «логике демократического конституционного развития» и т.п.[6]

Теоретические основы концепции «сильной» демократии

В рамках описанного подхода, стремительно набирающего популярность в конституционно-правовой науке, в качестве субъекта народовластия воспринимается некий симбиоз народа и государства, условная «симфоническая личность»[7], в структуре которой обнаруживаются управляющие, управляемые и контролирующие (государство, народ на стадии учреждения основ конституционного правопорядка и др.), оценивающие, воздействующие, корректирующие компоненты (народности, отдельные компетентные государственные институты и т.д.).

Идея симбиотического восприятия, взаимозависимой системы в современной доктрине конституционного права находит свое обоснование как со стороны сторонников, так и со стороны противников концепции «сильной» демократии. В первом случае отмечается, что развитие теории и практики осуществления народовластия в России подвержено влиянию исторически обусловленных патерналистских традиций, однако сама по себе идея государства как «народного покровителя» не препятствует реализации принципа народовластия, при условии что административно-управленческие механизмы задействуются исключительно для того, чтобы достичь необходимого уровня участия граждан в политических процессах[8]. Баланс такой системы обеспечивается тем, что степень прямого управленческого воздействия закономерно снижается по мере роста самостоятельности общественных форм самоорганизации[9].

Вместе с тем в корне подобных рассуждений всегда лежит вопрос о том, как можно определить искомую степень вовлечения населения в управление делами государства, иначе — до какого предела возможно административное «стимулирование народовластия», не представляющее угрозы для народного суверенитета?

Ответ на указанный вопрос либо остается без внимания, либо отмечается, что интересы народа неравноценны интересам отдельной личности. Это означает, что, участвуя в формировании народного волеизъявления, каждый гражданин обязан опираться не на собственные устремления, а на унифицированное представление об общих интересах[10]. Поскольку задача выявить такие интересы, пусть и на основе конституционных ценностей, признается одной из важнейших задач государства, в приведенной аргументации обнаруживается явное логическое упущение — порочный круг, когда понятие раскрывается через само себя, а не через свои сущностные черты (признаки).

Можно предположить, что закономерности процесса формирования и выражения народного волеизъявления, адекватного принципу народовластия, следует искать на уровне взаимодействия отдельных элементов конституционно-правосубъектного народа; к их числу

---

5 *Бурла В. М.* «Конституционные ценности» как научная категория: проблемы дефиниции, формализации, систематизации // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 3 (160). С. 18.

6 *Чемшит А. А.* Стабильность государства в контексте соотношения авторитарного и демократического начал // Образование и право. 2022. № 10. С. 439.

7 *Кравченко О. А.* Категории «демократия», «конституционализм» и «народ»: теоретические подходы // Право и практика. 2024. № 4. С. 36.

8 *Галикеева И. Г.* Конституция как общественный договор и основной регулятор взаимоотношений между обществом и государством // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 1. С. 69.

9 *Аистов А. Г.* Саморегулирование: сущность и соотношение с государственным регулированием // Пролог: журнал о праве. 2024. № 3 (43). С. 17.

10 *Шабров О. Ф.* Национально-государственная идентичность в контексте глобального противостояния: проблема устойчивости социальных систем // Социально-политические науки. 2023. № 4. С. 22.

могут быть отнесены не только общественные объединения и политические партии, но и территориальное общественное самоуправление, инициативные группы граждан, любые допустимые формы самоорганизации на местах. Осознавая свои коллективные потребности, такие субъекты вступают в отношения друг с другом в масштабах государства, в результате чего из общей суммы их интересов и устремлений возникают некие «народные интересы», которые государство обязано выявить и учесть в рамках конституционно-правовых отношений по осуществлению прямого и представительного народовластия.

При описанном подходе пределы государственного влияния на отношения по реализации народного волеизъявления определяются в первую очередь созданием конституционно-правовых гарантий, обеспечивающих «запуск» процесса формирования воли народа, направленных преимущественно на признание и всемерную поддержку форм территориальной самоорганизации граждан. При этом государство обязано воздерживаться от вмешательства в данный процесс с содержательной стороны.

В подтверждение такой позиции в доктринальных источниках отмечается, что так называемые местные сообщества должны стать теми самыми коллективными индивидуумами, благодаря которым возможна реализация конституционной правоспособности народа[11]. Особый интерес на этом фоне представляет алгоритм преобразования воль названных субъектов в волю всего многонационального народа. В русле реализации концепции демократии участия предлагается использовать категорию «интегрированные проблемы жизнеобеспечения», понимая под ними такие проблемы территориальной организации жизнедеятельности населения, которые представляют актуальность для конкретного субъекта Российской Федерации исходя из заявленных местными сообществами интересов и потребностей[12]. «Интегрированные проблемы жизнеобеспечения» должны в обязательном порядке учитываться на федеральном уровне по аналогичному принципу[13].

Исходя из сказанного, симбиоз государства и народа видится в создании конституционно-правового механизма кумулятивного формирования и выражения народной воли на основе активной деятельности местных сообществ.

Симбиотическое народовластие и местные сообщества

Вместе с тем важно понимать, что проблемы трансформации непосредственного народовластия как основы конституционного строя России невозможно свести к отдельным организационно-правовым аспектам осуществления местного самоуправления, равно как и территориальной самоорганизации населения в широком смысле этого слова (включая деятельность инициативных групп граждан, неформальных объединений домохозяйств и т.п.). Как уже отмечалось, народовластие, даже непосредственное, может быть разным по существу с учетом его учредительных, участвующих и экспертных разновидностей. Значение данной основы конституционного строя обусловлено тем, что ею охвачен весь механизм учреждения и осуществления публичной власти.

Нельзя не заметить, что дискуссия о повышающейся роли территориальных форм самоорганизации граждан обязана своим возрождением в науке во многом обоснованной критике избирательного законодательства, оценке его как не соответствующего потребностям реального осуществления народовластия[14]. Однако общеизвестно, что в демократическом государстве свобода личности составляет незыблемый приоритет не только в части доступа к определенным правовым возможностям, но и в части принятия решения об их практической реализации. Иными словами, несмотря на то что базовый демократический принцип лежит в основе

[11] *Музалевская Е. А.* Конституционная ценность народовластия: практика государств — участников СНГ // Образование и право. 2023. № 11. С. 62.

[12] *Вульфович Р. М.* Проблемы и противоречия в процессе становления местного самоуправления на постсоветском пространстве (на примере стран Центральной Азии) // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 2 (36). С. 97.

[13] *Ходырев А. Н.* Социальное благополучие жителей как сфера компетенции местного самоуправления // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 3. С. 166.

[14] *Кондрашев А. А., Сидорова Н. А.* Избирательные цензы и ограничения пассивного избирательного права на выборах в России // Правоприменение. 2022. Т. 6. № 4. С. 59.

формирования и развития государственности, фактическая возможность его реализации всегда находится в непосредственной зависимости от активности населения, объединенного понятием «народ» в конституционно-правовом значении.

Поскольку проектирование и дальнейшее развитие конституционно-правового механизма публичной власти и управления являются безусловной необходимостью, возникает практический вопрос: достаточно ли принятия мер, направленных на повышение степени участия «социальных формирований»[15] в жизни государства и общества, для создания той специфической вариации соотношения народного и государственного суверенитета, которая не противоречит идее признания народа носителем и единственным источником власти?

Полагаясь на мнение целого ряда авторов, можно утверждать, что такие формы общественной и территориальной самоорганизации, как публичные слушания, сходы и общие собрания, коллективные обращения населения или инициативных групп, народные фронты и иные общественные структуры, действующие при органах государственной власти, составляют действительную и эффективную основу симбиотического взаимодействия государства и народа, при условии что действующий с их помощью народ является не объектом проводимой политики, а создателем правовых предписаний и защитником конституционного правопорядка[16]. Такая деятельность, на первый взгляд, архаичных социальных формирований препятствует узурпации государственной власти, обеспечивает преодоление правовых и организационных барьеров, возникающих между народными избранниками и народом, столь характерных для систем представительной демократии.

Между тем в развитии представлений об идейно-теоретических предпосылках реализации описанного подхода несложно увидеть весьма существенные, на наш взгляд, противоречия. В частности, наполнение системы взаимоотношений между государством и народом в лице местных сообществ новым содержанием базируется на понимании участниками таких отношений идейно-духовного характера власти, основывающегося на признании специфики менталитета народа, самобытного правосознания российской нации, традиционных семейных, культурных и других ценностей[17]. Симбиоз, рассматриваемый в таком значении, совершенно не исключает создания «фантомного» народовластия, в котором сильная государственная власть получает необходимую подпитку со стороны местных сообществ, приобретая информационную и ресурсную базу для придания легитимности своим структурам и демонстрации ее внешних характеристик.

Тем примечательнее позиция противников идеи «сильной» демократии, по мнению которых предоставление государству правовой или фактической возможности привлекать народ к осуществлению публичной власти в тех случаях и в тех формах, которые оно считает необходимыми в сложившихся конкретно-исторических условиях, трансформирует содержание народовластия из полноценной основы конституционного строя в некий усеченный концепт народного участия в реализации власти[18]. В качестве примера возможных теоретико-правовых последствий применения данного подхода в доктрине приводится популярная в советский период концепция, согласно которой народ (социально-политическую общность) следует считать субъектом общественных, а не конституционно-правовых отношений[19]. Произведенное изъятие оправдывалось, в частности, тем, что на народ не могут возлагаться конкретные обязанности в таких правоотношениях, ему присущи лишь некоторые специфические социальные права: на труд и отдых, получение бесплатного образования и др.[20]

---

[15] *Возьмитель А. А.*, *Куконков П. И.* Социальные факторы становления системы местного самоуправления в России // Власть. 2014. № 9. С. 88.

[16] *Кравчик Д. Э.* Теоретические основы современного народовластия // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 4. С. 76.

[17] *Качеев Д. А.* В поисках идеала общественного развития: евразийское понимание государства как альтернатива европейской демократии // Философский журнал. 2021. Т. 14. № 3. С. 98.

[18] *Ахъядов Э. С.*, *Абдулкадыров М. Д.* Народовластие как признак демократического общества России // Закон и право. 2021. № 4. С. 27.

[19] *Миронов О. О.* Субъекты советского государственного права. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1975. С. 55.

[20] *Кабышев В. Т.*, *Миронов О. О.* Категория «народ» в советском конституционном законодательстве // Правоведение. 1969. № 4. С. 38.

Одним из аргументов в пользу недопустимости административного влияния государства на процесс осуществления народовластия и его содержание может служить то, что этот процесс уже сбалансирован на конституционном уровне посредством сочетания институтов прямой и представительной демократии. Передаче отдельных властных полномочий представительным органам власти сопутствует сохранение за народом возможности непосредственного воздействия на принимаемые властные решения и их самостоятельной выработки в некоторых случаях.

Конечно, не исключается вероятность злоупотребления со стороны государства, однако фокус проблемности в возникающих правоотношениях смещен на область правового регулирования осуществления гражданами своих политических прав. Такое регулирование, создаваемое в рамках ординарного законотворческого процесса (т.е. без непосредственного участия населения, в рамках деятельности компетентного государственного органа), должно обеспечивать реальную возможность выражения и учета народного волеизъявления.

Соответственно, для симбиотической модели понимания народовластия характерно не только повышение роли структурных элементов народа, но и более концентрированное внимание к содержанию и порядку реализации представляемых им правовых возможностей, воплощающих в себе принципы конституционализма, учрежденные народом непосредственно, несмотря на то что конституционно-правовые механизмы, используемые в конкретных случаях выражения мнения населения (отдельных граждан), устанавливаются государством самостоятельно.

Риски «фантомного» народовластия

Важно отметить, что высказываемые в настоящее время пессимистические прогнозы развития народовластия в Российской Федерации в значительной степени основываются на тенденциях конституционно-правового регулирования статуса и деятельности органов местного самоуправления. Аргументируется, например, что включение таковых в единую систему публичной власти в соответствии с ч. 3 ст. 132 Конституции РФ является тем самым «красным флагом», который говорит о том, что государство привычным ему способом «избавляет» население от политической пассивности, подчиняя себе территориальные местные сообщества, ставя их в финансовую зависимость и лишая стимулов для активной преобразующей деятельности[21].

Дополнительным свидетельством этого служит новелла ч. 1.1 ст. 131 Конституции РФ, предусматривающая привлечение органов государственной власти к деятельности по формированию коллегиальных органов местного самоуправления, назначению отдельных должностных лиц данного уровня публичной власти[22]. Нельзя не обратить внимание и на примененный в ст. 32 Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» качественно новый подход к категоризации полномочий органов местного самоуправления по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения (здесь предусматриваются неотъемлемые полномочия органов местного самоуправления, полномочия, которые могут быть перераспределены для осуществления органами государственной власти субъекта Российской Федерации, и полномочия, которые последний вправе передать муниципальным органам).

На основе приведенных нормативных положений предпринимаются попытки обосновать, что конституционная реформа способствует потере интереса населения к непосредственным формам осуществления народовластия на местном уровне, обостряет конфликт между такими основами конституционного строя, как суверенитет государства и признание народа единственным источником власти[23]. С этим

[21] *Корсун К. И.* Местное самоуправление после поправок в Конституцию Российской Федерации 2020 года: курс на взаимодействие с государственной властью или встраивание в ее вертикаль? // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 1. С. 99.

[22] *Михеева Т. Н.* «Обновленная модель» местного самоуправления // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 1. С. 89.

[23] *Никоненко С. А.* Конституционная реформа 2020 года в России: перспективы трансформации партийно-политического спектра и новые тренды институционального развития // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 2-2 (104). С. 149.

подходом нельзя согласиться, поскольку само по себе провозглашение местного самоуправления одной из составляющих единой системы публичной власти совершенно неравнозначно его огосударствлению. Напротив, такой шаг может быть воспринят как признание особой роли и значения негосударственных компонентов в процессе реализации публичной власти, обеспечение «слышимости» воли народа, выражаемой в том числе с помощью инструментов непосредственного осуществления местного самоуправления[24].

Разумеется, конституционные изменения в данной части должны сопровождаться конкретизирующим нормативным правовым регулированием, предусматривающим публично-правовые механизмы информирования властных структур о потребностях населения, средства выражения и учета его юридически значимой воли на всех уровнях публичной власти. Немаловажно, что базовая статья 3 Конституции РФ в силу отнесения к числу тех, которые не могут быть пересмотрены Федеральным Собранием, не подверглась правкам в 2020 г. В то же время сопутствующая трансформация политико-правовых процессов обеспечивает фиксацию смыслового преобразования содержащихся в ней положений, ориентирующего отечественную конституционно-правовую модель непосредственного народовластия на изменения, протекающие в современном обществе.

В частности, «носительство» суверенитета многонациональным народом Российской Федерации (ч. 1 названной статьи) предполагает уже не только недопустимость осуществления учредительных функций какими-либо иными субъектами, помимо народа, но и понимание народовластия как охватывающего своим содержанием все доступные формы выражения и учета народного мнения (экспертные, участвующие), способного благодаря этому оперативно реагировать на глобальные вызовы конституционному правопорядку, обеспечивая согласованное изменение приоритетов государственного строительства, качественную обратную связь между народом и государством.

Признание референдума и выборов высшим непосредственным выражением власти народа (ч. 3 ст. 3 Конституции РФ) не оспаривается, однако толкуется в расширительном ключе на основе представления о том, что иные, не предусмотренные законом инструменты учета и признания народного волеизъявления могут применяться в ситуациях, когда отсутствуют конституционно-правовые основания для назначения референдума либо еще не истек срок полномочий законно избранного органа (должностного лица) публичной власти. При этом баланс между представительным и непосредственным народовластием (ч. 2 ст. 3 Конституции РФ) достигается благодаря развитию конституционно-правового механизма кумулятивного формирования и выражения народной воли, имеющего в своей основе активную созидательную деятельность отдельных элементов конституционно-правосубъектного народа (включая территориальные формы самоорганизации населения), а также стимулирование новых форм прямого выражения народного мнения.

Наконец, запрет на присвоение власти (ч. 1 ст. 3 Конституции) трансформируется в обязательство государства выявить и учесть народное волеизъявление даже в том случае, когда это не является нормативно обязательным для разработки и (или) принятия государственно-властного решения. Одним из условий для принятия таких мер является ситуация, при которой деятельность легитимных структур государственной власти влияет или может существенным образом повлиять на возможность существования государства, его место в мире, состояние защищенности базовых прав и свобод личности и др.

Еще один важный посыл для понимания концепции симбиотического народовластия имеет далеко не новая идея социально-партнерских отношений между государством и народом, которые представляются участниками некоего переговорного процесса. Целью переговоров является определение перечня интересов личности и основ социального, экономического, культурного, политического порядка, которые требуют безусловной защиты на конституционном уровне[25].

На первый взгляд, в этой концепции могут быть выделены четыре тождества с идеей об отсутствии у народа конституционной право-

[24] *Синюков В. Н.* Законодательство в России: проблемы социальной интеграции // Lex russica (Русский закон). 2018. № 10. С. 18–29.

[25] *Руденкин В. Н.* Социальное партнерство государства и гражданского общества: сущность, исторические типы, формы реализации // Вестник экономики, управления и права. 2011. № 4 (17). С. 87.

субъектности. И действительно, человеческое общество, отстаивающее частные интересы индивидов и интересы общественных объединений, признается здесь устоявшейся системой социальных связей, в рамках которой культивируются определенные ценности, формируются обычаи и традиции человеческого общежития[26]. Вместе с тем оно само по себе не заинтересовано в обеспечении национальной безопасности, защите государственного или конституционного строя[27], и лишь в процессе переговоров с государством согласуются те базовые принципы общественной жизни в различных ее сферах, которые нуждаются в охране на конституционном уровне, а также принципы выстраивания взаимоотношений между гражданами и государством, которые позволяют обеспечить такую охрану.

Именно поэтому, на наш взгляд, при попытках обоснования симбиотических начал народовластия столь пристальное внимание уделяется местным сообществам. На уровне территориальной самоорганизации граждан впервые проявляются так называемые коммунитарные обязанности личности, которые направлены на обеспечение интересов каждого за счет обеспечения интересов общности, реализуются совместными усилиями на началах солидарности и в рамках решения общезначимых задач. На этом уровне запускается процесс кумулятивного формирования народной воли; иначе говоря, только в рамках социально-партнерского взаимодействия с государством общество поэтапно становится народом в конституционно-правовом значении.

Дополнительный аргумент в пользу социально-партнерского подхода может быть обнаружен в том, что Конституция РФ не наделяет конституционной правосубъектностью общество, рассматривая лишь народ в качестве носителя публичной власти в ст. 3. Стремление к стабильности и взаимной поддержке в отношениях между народом и государством позволяет сформировать и поддерживать в работоспособном состоянии необходимые для управления государственными и общественными делами демократические институты, соизмерять деятельность органов публичной власти с волей народа посредством использования инструментов общественного контроля[28].

В контексте сказанного вполне справедливой представляется позиция С. А. Авакьяна, согласно которой суверенность демократии может означать лишь то, что публичная власть осуществляется народом в прямых и опосредованных формах. При этом деятельность органов государственной власти, базирующаяся на признании человека, его прав и свобод высшей ценностью, представляет собой вариант служения народу и подвержена контролю со стороны последнего[29]. Однако нельзя не согласиться и с другой важной мыслью, согласно которой определение базовой конституционной ценности народовластия находится в тесной связи со смысловым наполнением и конституционным закреплением категории публичной власти[30]. На наш взгляд, легализация этой категории в Конституции РФ в совокупности с последующим развитием законодательства служит одной из причин временно́й трансформации исследуемой основы конституционного строя.

Устоявшееся представление о «публичном», противопоставляемом «частному», позволяет утверждать, что публичная власть существует везде, где требуется формулировать властные предписания, определенным образом упорядочивать социально-экономические, культурные и иные общественные связи. Действующая Конституция РФ не раскрывает содержания этого понятия, однако в п. «г» ст. 71 в утилитарном порядке отмечается, что к ве́дению Российской Федерации относится организация публичной

---

[26] *Ильичева Л. Е.* Взаимодействие государства и гражданского общества: анализ оценок эффективности политики социального партнерства на основе опросов москвичей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 4 (182). С. 318.

[27] *Андреева И. А.* Инновационный потенциал социального партнерства в государственном управлении // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 2 (58). С. 27.

[28] *Литвинова А. А.* Народовластие как основа конституционного строя сильного государства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 1 (96). С. 79.

[29] *Авакьян С. А.* Конституционно-правовые проблемы централизма, демократии и децентрализации в современном государстве // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 8. С. 4.

[30] *Авакьян С. А.* О роли конституционного права в условиях новых задач и концептуальных решений для политического будущего России // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2023. № 1. С. 11 ; *Комарова В. В.* Идеи народовластия // Lex russica (Русский закон). 2016. № 3. С. 69–81.

власти в стране (совместно с установлением системы федеральных органов государственной власти). О смысловом отождествлении публичной власти с ее органами говорит также содержание части 1 ст. 2 Федерального закона от 08.12.2020 № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации», в соответствии с которой единую систему публичной власти в России образуют органы государственной власти всех уровней и органы местного самоуправления.

Означает ли приведенное регулирование, что условной сферой действия «власти народа» остается лишь ограниченное политическое участие, иначе говоря, что ценность народовластия воспринимается исключительно в контексте оказания содействия органам публичной власти со стороны отдельных граждан, общественных формирований, электорального корпуса и т.п.?

Разумеется, именно деятельность органов государственной власти и местного самоуправления сконцентрирована на решении большинства важнейших проблем жизнеобеспечения населения государства или его конкретной территории, а потому организационно-правовым аспектам такой деятельности и критериям ее эффективности обоснованно уделяется повышенное внимание. В то же время в силу современного подхода законодателя непосредственному народовластию, равно как и народовластию вообще, придается свойство субсидиарности (т.е. применимости в исключительных случаях в качестве дополнительного инструмента, используемого при осуществлении публичной власти). Примечательна в этой связи трактовка субсидиарности применительно к различным формам народовластия, предложенная В. Н. Руденко. По его мнению, если проблема не может быть эффективно решена органами власти, допускается обращение к дополнительным инструментам, к числу которых относятся институты прямой демократии. И только в определенных случаях гражданам может принадлежать право окончательного принятия решения по фундаментальным либо текущим вопросам жизни общества[31].

Из соображений практической целесообразности следует, что институты и формы прямого народного волеизъявления могут задействоваться только в том случае, когда это необходимо для обеспечения информационной и иной поддержки организованных властных структур, выработки качественно новой стратегии государственно-правового развития.

Народ, общество и публичная власть

Современное понимание конституционно-правового механизма осуществления публичной власти в стране, в сущности, предполагает, что учредивший организованную публичную власть народ в дальнейшем управляет делами государства преимущественно через ее органы, и лишь при необходимости и по инициативе последних могут быть использованы разнообразные формы непосредственного народного волеизъявления. Иными словами, непосредственное народовластие не является прямым, поскольку реализуется народом не по собственной инициативе, а по инициативе созданных им же органов публичной власти.

Впрочем, эта характеристика непосредственного народовластия как основы конституционного строя Российской Федерации, на наш взгляд, является проявлением не сущностных, а темпоральных трансформаций. В данном контексте особенно интересна идея о том, что консультативной является не форма непосредственного народовластия, а выполняемая им функция[32]. Симбиотический баланс в отношениях власти и народа подвижен и допускает усиление удельного веса одного из участников по мере роста заинтересованности в согласовании общих интересов и потребностей. Такие изменения не исключают получения взаимной выгоды в исследуемых отношениях. Для того чтобы они оставались полноценным симбиозом, необходимо, чтобы государство продолжало соизмерять с волей народа процесс построения и функционирования органов публичной власти, а общество кристаллизовывалось в народ, способный и желающий осознавать и отстаивать базовые конституционные ценности.

Нельзя не согласиться с тем, что в основе конституционной ценности народовластия лежит выбор основ государственного и общественного строя, модели государства, содержа-

[31] *Руденко В. Н.* Конституционно-правовые проблемы прямой демократии в современном обществе : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 23.

[32] *Комарова В. В.* Формы непосредственной демократии в России : учеб. пособие. М. : Проспект, 2010. С. 89.

ния Конституции и механизма ее изменения, персонального состава органов публичной власти или отдельных должностных лиц[33]. В то же время заслуживает критики тезис о том, что для государства народовластия всегда характерно активное участие граждан и их объединений в политической жизни, повсеместное распространение таких массовых форм выражения свободы слова, как митинги, политические собрания, шествия и т.п.[34]

Представляется, что высокая активность гражданского общества не может рассматриваться в качестве единственного и обязательного условия признания государства демократическим. В критических ситуациях, при наличии санкционного давления, военной, эпидемиологической и т.п. угроз основные усилия граждан и органов власти могут быть сконцентрированы на обеспечении стабильности, а иногда и консервации экономической и политической систем. При этом создание и надлежащее конституционно-правовое обеспечение возможностей для использования разнообразных форм прямого народовластия в таких условиях позволят сохранить избранный политический режим, демократические принципы взаимодействия общества и государства.

Вместе с тем претворить в жизнь «политический манифест» о народе как источнике и носителе публичной власти проблематично при существующем многоступенчатом понимании конституционной ценности народовластия. Устранение существующего противоречия, на наш взгляд, требует при дальнейшем конституционном нормотворчестве учитывать идею о том, что многонациональный народ Российской Федерации осуществляет власть в государстве непосредственно, а также через органы единой системы публичной власти. При этом в Российской Федерации должны находить свое содержательное развитие необходимые гарантии для дальнейшего совершенствования существующих конституционно-правовых механизмов и создания новых, отвечающих требованиям времени форм прямого народного волеизъявления, обеспечивающих гражданское участие в осуществлении публичной власти, выражение мнения населения о доверии избранному политическому курсу, контроль за деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления.

В данном контексте представляет интерес утверждение о том, что конституционная система власти народа отличается от конституционной системы государственной власти, поскольку первая основывается на принципе народного суверенитета, предполагающем выполнение только народом учредительных функций, а вторая реализует идею народовластия через выражение демократической сущности российского государства[35]. Представляется, что это справедливо именно для системы государственной, а не публичной власти. Нормы ст. 3 и 11 Конституции РФ даже в действующей редакции не дают оснований полагать, что последняя очерчена лишь организационным и притом государственным компонентом. Вряд ли обоснованно также считать, что народный суверенитет ограничивается правомочием на принятие решения о том, как должна быть организована государственная власть, и его конституционно-правовое закрепление. Это означало бы, что народовластие осуществимо только на этапе разработки или кардинального изменения Конституции.

Использование в современном конституционном праве термина «публичная власть» помогает определить реальную ценность народовластия, а не препятствует этому, поскольку создает необходимые конституционно-правовые предпосылки для обеспечения непосредственной разработки и принятия властных решений населением в различных правовых формах.

Вместо заключения

Подводя итог вышесказанному, отметим, что концепция «сильной» демократии, предполагающая наделение государственного механизма правовым потенциалом стимулировать модернизацию демократических институтов и восполнять недостаточную активность граждан, таит в

[33] *Зобов М. И.* Народовластие — высшая форма демократии // Оригинальные исследования. 2020. Т. 10. № 7. С. 182.

[34] *Головин А. Г.* О взаимосвязи гражданского общества и публичной власти в контексте концепции делегирования власти народом // Lex russica (Русский закон). 2022. № 5 (186). С. 76.

[35] *Кабышев В. Т.* Народовластие в системе конституционного строя России: конституционно-политическое измерение // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 5. С. 42.

себе внутреннее противоречие, препятствующее выявлению пределов административного вмешательства, нарушение которых лишает народный суверенитет подлинного содержания.

Достойную альтернативу представляет симбиотическая модель народовластия, при которой функционируют процессы кумулятивного формирования народной воли из суммы коллективных потребностей инициативных групп, общественных объединений и территориальных сообществ. Задача государства в рамках данной модели заключается в создании конституционно-правовых гарантий для самостоятельной деятельности местных сообществ, признании и поддержке форм территориальной самоорганизации; вместе с тем оно должно воздерживаться от вторжения в содержательные процессы формирования народной воли. Нарушение этого принципа создает риск вырождения народовластия, при котором государственная власть получает от местных сообществ информационную и ресурсную подпитку для придания своим структурам внешних характеристик легитимности, не учитывая реального народного мнения.

Сущность подлинного народовластия раскрывается через способность местных сообществ самостоятельно инициировать процесс формирования народной воли и добиваться ее учета на всех уровнях публичной власти. Дальнейшее развитие конституционно-правовой модели народовластия в России должно быть направлено на преодоление субсидиарности и формирование эффективных механизмов кумулятивного волеизъявления, где государство выступает не стимулятором или покровителем, а равноправным партнером в диалоге с кристаллизовавшимся в народ обществом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авакьян С. А. Конституционно-правовые проблемы централизма, демократии и децентрализации в современном государстве // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 8. С. 2–7.

Авакьян С. А. О роли конституционного права в условиях новых задач и концептуальных решений для политического будущего России // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2023. № 1. С. 3–21.

Аистов А. Г. Саморегулирование: сущность и соотношение с государственным регулированием // Пролог: журнал о праве. 2024. № 3 (43). С. 17–23.

Андреева И. А. Инновационный потенциал социального партнерства в государственном управлении // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 2 (58). С. 26–36.

Антонченко В. В. Право и демократия в политической системе общества // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 2. С. 148–157.

Ахъядов Э. С., Абдулкадыров М. Д. Народовластие как признак демократического общества России // Закон и право. 2021. № 4. С. 27–28.

Бурла В. М. «Конституционные ценности» как научная категория: проблемы дефиниции, формализации, систематизации // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 3 (160). С. 11–26.

Возьмитель А. А., Куконков П. И. Социальные факторы становления системы местного самоуправления в России // Власть. 2014. № 9. С. 88–93.

Вульфович Р. М. Проблемы и противоречия в процессе становления местного самоуправления на постсоветском пространстве (на примере стран Центральной Азии) // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 2 (36). С. 97–106.

Галикеева И. Г. Конституция как общественный договор и основной регулятор взаимоотношений между обществом и государством // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 1. С. 67–73.

Головин А. Г. О взаимосвязи гражданского общества и публичной власти в контексте концепции делегирования власти народом // Lex russica (Русский закон). 2022. № 5 (186). С. 71–88.

Зобов М. И. Народовластие — высшая форма демократии // Оригинальные исследования. 2020. Т. 10. № 7. С. 175–199.

Ильичева Л. Е. Взаимодействие государства и гражданского общества: анализ оценок эффективности политики социального партнерства на основе опросов москвичей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 4 (182). С. 315–332.

Кабышев В. Т. Народовластие в системе конституционного строя России: конституционно-политическое измерение // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 5. С. 42–47.

Кабышев В. Т., *Миронов О. О.* Категория «народ» в советском конституционном законодательстве // Правоведение. 1969. № 4. С. 39–45.

Качеев Д. А. В поисках идеала общественного развития: евразийское понимание государства как альтернатива европейской демократии // Философский журнал. 2021. Т. 14. № 3. С. 96–109.

Комарова В. В. Идеи народовластия // Lex russica (Русский закон). 2016. № 3. С. 69–81.

Комарова В. В. Формы непосредственной демократии в России : учеб. пособие. М. : Проспект, 2010. 408 с.

Кондрашев А. А., *Сидорова Н. А.* Избирательные цензы и ограничения пассивного избирательного права на выборах в России // Правоприменение. 2022. Т. 6. № 4. С. 59–74.

Корсун К. И. Местное самоуправление после поправок в Конституцию РФ 2020 года: курс на взаимодействие с государственной властью или встраивание в ее вертикаль? // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 1. С. 98–101.

Кравченко О. А. Категории «демократия», «конституционализм» и «народ»: теоретические подходы // Право и практика. 2024. № 4. С. 35–39.

Кравчик Д. Э. Теоретические основы современного народовластия // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 4. С. 74–80.

Курбанов Э. Э. Концептуальные и институциональные основы современной демократии // Research and Education. 2023. Т. 2. № 5. С. 336–343.

Лескова И. В. Факторы демократического политического транзита: институциональные и национальные аспекты // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 5 (118). С. 21–25.

Линде А. Н. Экзистенциальная демократия как модель демократии для развития человеческой личности // Общество: политика, экономика, право. 2024. № 2. С. 25–43.

Литвинова А. А. Народовластие как основа конституционного строя сильного государства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 1 (96). С. 76–80.

Миронов О. О. Субъекты советского государственного права. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1975. 81 с.

Михеева Т. Н. «Обновленная модель» местного самоуправления // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 1. С. 88–93.

Музалевская Е. А. Конституционная ценность народовластия: практика государств — участников СНГ // Образование и право. 2023. № 11. С. 60–66.

Никоненко С. А. Конституционная реформа 2020 года в России: перспективы трансформации партийно-политического спектра и новые тренды институционального развития // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 2-2 (104). С. 147–158.

Руденкин В. Н. Социальное партнерство государства и гражданского общества: сущность, исторические типы, формы реализации // Вестник экономики, управления и права. 2011. № 4 (17). С. 80–97.

Руденко В. Н. Конституционно-правовые проблемы прямой демократии в современном обществе : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2003. 46 с.

Синюков В. Н. Законодательство в России: проблемы социальной интеграции // Lex russica (Русский закон). 2018. № 10. С. 18–29.

Ходырев А. Н. Социальное благополучие жителей как сфера компетенции местного самоуправления // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 3. С. 166–176.

Чемшит А. А. Стабильность государства в контексте соотношения авторитарного и демократического начал // Образование и право. 2022. № 10. С. 438–448.

Шабров О. Ф. Национально-государственная идентичность в контексте глобального противостояния: проблема устойчивости социальных систем // Социально-политические науки. 2023. № 4. С. 16–26.

REFERENCES

Aistov AG. Self-regulation: Essence and correlation with state regulation. *Prolog: zhurnal o prave*. 2024;3(43):17-23. (In Russ.).

Akhyadov ES, Abdulkadyrov MD. Popular rule as a feature of a democratic society in Russia. *Zakon i pravo*. 2021;4:27-28. (In Russ.).

Andreeva IA. Innovative potential of social partnership in public administration. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*. 2021;2(58):26-36. (In Russ.).

Antonchenko VV. Law and democracy in the political system of society. *Vestnik Rossiyskoy pravovoy akademii*. 2023;2:148-157. (In Russ.).

Avakyan SA. Constitutional-legal problems of centralism, democracy and decentralization in the modern state. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*. 2005;8:2-7. (In Russ.).

Avakyan SA. On the role of constitutional law in the conditions of new tasks and conceptual solutions for the political future of Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11, Pravo.* 2023;1:3-21. (In Russ.).

Burla VM. «Constitutional values» as a scientific category: problems of definition, formalization, systematization. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(3)(160):11-26. (In Russ.).

Chemshit AA. Stability of the state in the context of the correlation of authoritarian and democratic principles. *Obrazovanie i pravo*. 2022;10:438-448. (In Russ.).

Galikeeva IG. The Constitution as a social contract and the main regulator of relations between society and the state. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost*. 2021;1:67-73. (In Russ.).

Golovin AG. Interrelationship between civil society and public power in the context of the concept of delegation of power by the people. *Lex russica*. 2022;5(186):71-88. (In Russ.).

Ilicheva LE. Interaction between the state and civil society: An analysis of assessments of the effectiveness of social partnership policy based on surveys of Muscovites. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny.* 2024;4(182):315-332. (In Russ.).

Kabyshev VT, Mironov OO. The category of «people» in Soviet constitutional legislation. *Pravovedenie*. 1969;4:39-45. (In Russ.).

Kabyshev VT. Popular rule in the system of the constitutional order of Russia: constitutional-political dimension. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*. 2012;5:42-47. (In Russ.).

Kacheev DA. In search of the ideal of social development: The Eurasian understanding of the state as an alternative to European democracy. *Filosofskiy zhurnal*. 2021;14(3):96-109. (In Russ.).

Khodyrev AN. Social well-being of residents as a sphere of competence of local self-government. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2014;(3):166-176. (In Russ.).

Komarova VV. Forms of direct democracy in Russia: A textbook. Moscow: Prospekt Publ.; 2010. (In Russ.).

Komarova VV. Ideas of the rule of the people (democracy). *Lex russica*. 2016;3:69-81. (In Russ.).

Kondrashev AA, Sidorova NA. Electoral qualifications and restrictions on passive electoral rights in elections in Russia. *Pravoprimenenie*. 2022;6(4):59-74. (In Russ.).

Korsun KI. Local self-government after the 2020 amendments to the Constitution of the Russian Federation: a course towards interaction with state authority or integration into its vertical? *Vestnik Uralskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 2021;1:98-101. (In Russ.).

Kravchenko OA. Categories «democracy», «constitutionalism» and «people»: theoretical approaches. *Pravo i praktika*. 2024;4:35-39. (In Russ.).

Kravchik DE. Theoretical foundations of modern popular rule. *Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik*. 2023;4:74-80. (In Russ.).

Kurbanov EE. Conceptual and institutional foundations of modern democracy. *Research and Education*. 2023;2(5):336-343. (In Russ.).

Leskova IV. Factors of democratic political transit: institutional and national aspects. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*. 2023;5(118):21-25. (In Russ.).

Linde AN. Existential democracy as a model of democracy for the development of the human personality. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo.* 2024;2:25-43. (In Russ.).

Litvinova AA. Popular rule as the foundation of the constitutional order of a strong state. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii.* 2014;1(96):76-80. (In Russ.).

Mikheeva TN. «Updated model» of local self-government. *Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik*. 2022;1:88-93. (In Russ.).

Mironov OO. Subjects of Soviet state law. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta; 1975. (In Russ.).

Muzalevskaya EA. The constitutional value of popular rule: CIS member states experience. *Obrazovanie i pravo.* 2023;11:60-66. (In Russ.).

Nikonenko SA. The 2020 constitutional reform in Russia: Prospects for transformation of the party-political spectrum and new trends in institutional development. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatelskiy zhurnal*. 2021;2-2(104):147-158. (In Russ.).

Rudenkin VN. Social partnership between the state and civil society: Essence, historical types, forms of implementation. *Vestnik ekonomiki, upravleniya i prava*. 2011;4(17):80-97. (In Russ.).

Rudenko VN. Constitutional-legal problems of direct democracy in modern society. The author's abstract of Dr. Diss. (Law). Ekaterinburg; 2003. (In Russ.).

Shabrov OF. National-state identity in the context of global confrontation: The problem of sustainability of social systems. *Sotsialno-politicheskie nauki*. 2023;(4):16-26. (In Russ.).

Sinyukov VN. Legislation in Russia: Challenges of social integration. *Lex russica*. 2018;10:18-29. (In Russ.).

Vozmitel AA, Kukonkov PI. Social factors of the formation of the local self-government system in Russia. *Vlast*. 2014;9:88-93. (In Russ.).

Vulfovich RM. Problems and contradictions in the process of formation of local self-government in the post-Soviet space (case study on Central Asian countries). *Evraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika*. 2021;2(36):97-106. (In Russ.).

Zobov MI. Popular rule — the highest form of democracy. *Originalnye issledovaniya*. 2020;107:175-199. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зенин Сергей Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, почетный работник науки и высоких технологий Российской Федерации, профессор академического департамента Школы права и управления Тюменского государственного университета
д. 6, Володарского ул., г. Тюмень 625003, Российская Федерация
s.s.zenin@utmn.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey S. Zenin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Honorary Worker of Science and High Technologies of the Russian Federation, Professor of the Academic Department, School of Law and Management, University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation
s.s.zenin@utmn.ru

Материал поступил в редакцию 17 июля 2025 г.
Статья получена после рецензирования 9 сентября 2026 г.
Принята к печати 15 сентября 2026 г.

Received 17.07.2025.
Revised 09.09.2026.
Accepted 15.09.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.239.10.110-125

С. А. Васильев
Тюменский государственный университет
г. Тюмень, Российская Федерация

Предпосылки формирования карбонового права в Российской Федерации

Резюме. Автор предпринимает попытку формулирования карбонового права как комплексного правового института, представляющего собой совокупность общеобязательных правил декарбонизации. Последний термин означает снижение вредных выбросов в атмосферу, их улавливание и повторное использование в производстве, а также расширение масштабов и качества поглотителей вредных веществ, содержащихся в воздухе. Такой поход необходим ввиду того, что нормативные правовые акты от международного до регионального уровня в большинстве случаев дублируют друг друга. Отечественные и зарубежные ученые сходятся во мнении, что вся совокупность обозначенных общеобязательных правил не работает, концентрация парниковых газов на планете только увеличивается, неизбежно приближая катастрофические последствия глобального потепления, к каковым относятся подтопления большинства приморских пространств, включая города, и засуха в Африке и ряде других местностей. Новая систематизация права, а также развитие организационно-правовых мероприятий могут существенно повлиять на замедление динамики экологических проблем.
Ключевые слова: карбоновое право; эмиссия парниковых газов; углеродные единицы; ограничение выбросов; правовая защита атмосферы; озоновый слой; состояние воздуха
Для цитирования: Васильев С. А. Предпосылки формирования карбонового права в Российской Федерации. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 10. С. 110–125. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.239.10.110-125

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках проекта «Тюменский карбоновый полигон» (FEWZ-2024-0016).

Prerequisites for the Formation of Carbon Law in the Russian Federation

Stanislav A. Vasiliev
University of Tyumen
Tyumen, Russian Federation

Abstract. The main result of this study is a comprehensive examination of the current normative legal regulation of topical issues related to limiting greenhouse gas emissions into the environment. The paper attempts to formulate carbon law as a complex legal institution representing a set of mandatory rules of decarbonization. The latter term implies the reduction of harmful emissions into the atmosphere, their capture and reuse in production, as well as the expansion of the scope and quality of airborne pollutants' absorbers. Such an approach is necessary because existing regulatory legal acts, from international to regional levels, mostly duplicate each other. Domestic and foreign scholars agree that the entire set of mandatory rules does not work, the concentration of greenhouse gases on the planet is only increasing, inevitably bringing catastrophic consequences of global warming closer, including flooding of most coastal areas, including cities, and drought in Africa and several other regions. New systematization of law, as well as the development of organizational and legal measures, can significantly influence slowing down environmental problems.
Keywords: carbon law; greenhouse gas emissions; carbon units; emission limitation; legal protection of the atmosphere; ozone layer; air condition

© Васильев С. А., 2026

Cite as: Vasiliev SA. Prerequisites for the Formation of Carbon Law in the Russian Federation. *Lex russica*. 2026;79(10):110-125. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.239.10.110-125

Acknowledgments. The research was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation within the framework of the project «Tyumen Carbon Polygon» (FEWZ-2024-0016).

Введение

В современном мире, когда международные противоречия усиливаются в самых широких масштабах, остается всего две проблемы, в которых все государства в той или иной степени солидарны друг с другом, — терроризм и негативное воздействие на окружающую природную среду. При этом можно наблюдать, что первую проблему каждый политический режим решает по-своему, далеко не всегда объединяясь в коалиции с другими субъектами международного права. Однако вопросы сохранения экологии, противодействия глобальному потеплению — единственное, что действительно одинаково заботит практически все страны мира.

Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды 1972 г.[1] в преамбуле констатирует, что уже ко второй половине XX в. человечество развилось до такой степени, что приобрело способность формировать окружающую среду вокруг себя. При этом формирование имеет как позитивный, так и негативный аспекты. Первый связан с развитием технологий, направленных на оздоровление природы, второй — с вредным антропогенным воздействием, которое накапливалось веками и уже повлекло за собой пагубные последствия для планеты.

Негативное воздействие на экологию дает существенный импульс природным изменениям, таким как глобальное потепление, учащающиеся стихийные бедствия и пр. Вместе с тем природа устроена так, что самостоятельно обеспечивает баланс температуры воздуха и воды, уровень атмосферного давления, химический состав окружающих человека элементов и т.д. Вся совокупность указанных факторов влияет на построение социальных отношений[2], которые, трансформируясь, неизбежно приводят и к изменению нормативного правового регулирования.

Принцип 10 Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию 1992 г.[3] ориентирован на открытость информации об экологическом состоянии, ее доступность для любого человека. На основе имеющихся данных государства-участники обязаны создавать на своей территории юридические механизмы восстановления нарушенных прав, в том числе путем судебного производства. Российская Федерация установила в ст. 42 Конституции право человека на благоприятную окружающую среду и возможность возмещения вреда, причиненного его имуществу или здоровью, если совершено экологическое преступление, а также на основании достоверной информации о состоянии экологии по месту его проживания или преимущественного пребывания. Эта норма на практике обеспечивает экологическое благополучие граждан. Например, в постановлении Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 13.06.2024 № Ф08-3885/2024 по делу № А61-840/2023 рассматривался вопрос об ограничении вредного воздействия на атмосферный воздух предприятия, производящего мебель[4]. Таким образом, в России конституционные и международно-правовые нормы, направленные на защиту окружающей природной среды, реализуются в соответствии с действующим, в том числе процессуальным, законодательством[5].

---

1 Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml (дата обращения: 13.08.2025).

2 *Коваль В. Н.*, *Лозо В. И.*, *Зенин С. С.* Смена парадигмы экологического права в условиях новой реальности // Lex russica. 2023. Т. 76. № 3. С. 114. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.196.3.110-123.

3 Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения: 13.08.2025).

4 СПС «КонсультантПлюс».

5 *Коваль В. Н.* Причинение вреда в гражданском праве и процессе: проблемы определения и возмещения // Вестник гражданского процесса. 2023. Т. 13. № 4. С. 13–35. DOI: 10.24031/2226-0781-2023-13-4-13-35.

Базовым документом международно-правового регулирования снижения эмиссии парниковых газов выступает Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата от 09.05.1992[6] (далее — Конвенция). Первые ее строки посвящены необходимости принятия срочных мер для снижения вредного воздействия на природу, что позиционируется как глобальная озабоченность человечества. Далее излагается техническая сторона вопроса: накопленные за века промышленного производства вредные вещества сконцентрировались в атмосфере, образовав своего рода барьер для естественной циркуляции воздуха и других физических элементов, в результате чего, с учетом теплового воздействия Солнца, на планете Земля происходит нагревание, приводящее к глобальному потеплению. Последнее негативным образом трансформирует другие экосистемы.

Транснациональный перенос вредного производства

Традиционно считается, что благоприятные условия проживания населения — в государствах с развитой экономикой ввиду больших возможностей обеспечения материального благосостояния[7]. Вместе с тем преамбула Конвенции фиксирует наибольшие угрозы экологии именно в этих странах. Объясняется это тем, что высокий уровень хозяйственного развития обеспечивается за счет функционирования вредных для атмосферы производств. Частью 1 ст. 3 данного международно-правового акта осуществлена попытка возложения на развитые страны дополнительной нагрузки, связанной со снижением негативного эффекта от причиненного атмосфере ущерба, хотя и сделано это через фиксацию за ними ведущей роли в общем деле — восстановлении природы, пострадавшей от негативного влияния жизнедеятельности человечества.

Поскольку анализируемый документ был принят в 1992 г., описываемое в нем положение дел действительно имело место в то время. Однако после введения его в действие развитые государства стали принимать активные меры для улучшения экологической обстановки. Делалось это не только путем снижения вредных выбросов[8] или переориентации производств на более экологически чистые технологии, но и посредством переноса вредных производств на территорию других, менее развитых государств[9], хотя это и запрещено принципом 14 Рио-де-Жанейрской декларации. Последние соглашались на такой шаг в силу необходимости создания рабочих мест, общего развития промышленных отраслей и т.д. Финансово обеспеченные страны могли себе это позволить, заработав предварительно капиталы и продолжая получать прибыль без ущерба для окружающей природной среды в пределах своей пространственной юрисдикции[10]. Еще одним важным экономическим фактором влияния на атмосферный воздух в государствах, концентрирующих на своих территориях обширные производства, являются инвестиции, которые также стимулируют рост темпов развития промышленности и, соответственно, выбросов вредных веществ[11]. Данное обстоятельство подчеркивалось и в записке Генерального секретаря ООН «Обзор и оценка хода осуществления Повестки дня на XXI в. Вклад Программы ООН по окружающей среде в проведение специальной сессии» 1997 г.[12]

---

6 Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml (дата обращения: 07.08.2025).

7 *Kucheriava K.*, *Korolyov A.* Standard of Living of the Population in Foreign Countries // SSP Modern Economics, State and Public Administration. 2023. Vol. 2. № 1. P. 1–10. DOI: 10.53933/mespa.v2i1.92.

8 *Панкова Л. Н.* Возобновляемые источники энергии как тренд развития глобальной экономики // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2021. Т. 11. № 9-1. С. 145–151. DOI: 10.34670/AR.2021.14.49.020.

9 *Witt M. A.,* et al. Decoupling in international business: Evidence, drivers, impact, and implications for IB research // Journal of World Business. 2023. Vol. 58. № 1. P. 101399. DOI: 10.1016/j.jwb.2022.101399.

10 *Чен Эньфу.* Мировая обстановка и китайская экономика в новую эпоху : монография. М. : ИНИР имени С.Ю. Витте : Центркаталог, 2023. 464 с.

11 *Song M.,* et al. Technology transfer for green investments: exploring how technology transfer through foreign direct investments can contribute to sustainable practices and reduced environmental impact in OIC economies // Environmental Science and Pollution Research. 2024. Vol. 31. № 6. P. 8812–8827. DOI: 10.1007/s11356-023-31553-x.

12 Официальный сайт ООН. URL: https://docs.un.org/ru/A/S-19/5 (дата обращения: 13.08.2025).

В результате некоторые из развивающихся стран за более чем 30 лет стали довольно состоятельными и также озаботились проблемами экологии. Однако заключенные договоры не позволяют им принять меры по переносу производств. Для выхода из этой ситуации они стремятся найти баланс между выполнением заключенных договоренностей, поддержанием национального хозяйства на должном уровне и сохранением окружающей природной среды[13]. В наименее развитых странах высказываются предложения по адаптации к плохим климатическим условиям[14].

Помимо перенесенных предприятий на территориях таких государств возникали собственные производства, что также усугубило проблему выброса вредных газов в атмосферу[15]. Вместе с тем пункт 2 ст. 3 Конвенции устанавливает принцип выравнивания ресурсного обеспечения различных стран, с тем чтобы на противодействие выбросам парниковых газов были направлены сбалансированные усилия одновременно во всем мире. Это позволяет экономически слабым государствам претендовать на дополнительное внешнее финансирование с целью создания условий для борьбы с глобальными экологическими угрозами на своей территории. Например, специально для этого учрежден Green Climate Fund[16]. Исследования показывают, что в долгосрочной перспективе дополнительное материальное обеспечение противодействия вредным выбросам в атмосферу показывает хорошие результаты[17].

Соотношение международного права и национальной политики государств в процессе декарбонизации

В процессе противодействия негативному экологическому влиянию на территории государства потенциально возможны определенные злоупотребления, связанные с тем, что для решения сложных задач могут быть необходимы значительные ресурсы (что предусматривает пункт 4 ст. 4 Конвенции), которых в распоряжении страны может не быть. Причем такое отсутствие должно быть обосновано, что чаще всего делается посредством проведения научных исследований. Аналогичным образом аргументируется невозможность проведения мероприятий по ограничению выбросов парниковых газов имеющимися средствами. Кроме того, принятие масштабных мер также требует доктринального обоснования, отсутствие которого, согласно п. 3 ст. 3 Конвенции, не должно служить причиной отказа от активных действий по нивелированию вредного для атмосферы влияния. В пункте 6 Климатической доктрины Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 26.10.2023 № 812[18], сходная позиция относительно взаимосвязи климатических научных исследований и политики изложена иным образом — принятие управленческих решений выступает обязательным условием внедрения результатов доктринальных разработок в практику. Данное обстоятельство актуализируется тем, что сфера общественных отношений очень проблемна ввиду поставленных публичной властью задач по декарбонизации, требующей дополнительных расходов, в том числе со стороны предпринимателей, все-

[13] *Wang S.*, *He Y., Song M.* Global value chains, technological progress, and environmental pollution: Inequality towards developing countries // Journal of Environmental Management. 2021. Vol. 277. P. 110999. DOI: 10.1016/j.jenvman.2020.110999.

[14] *Bedasa Y.*, *Deksisa K.* Food insecurity in East Africa: An integrated strategy to address climate change impact and violence conflict // Journal of Agriculture and Food Research. 2024. Vol. 15. P. 100978. DOI: 10.1016/j.jafr.2024.100978.

[15] *Bai C.*, *Xie D.*, *Zhang Y.* Industrial land transfer and enterprise pollution emissions: Evidence from China // Economic Analysis and Policy. 2024. Vol. 81. P. 181–194. DOI: 10.1016/j.eap.2023.11.029.

[16] Официальный сайт Green Climate Fund. URL: https://www.greenclimate.fund/ (дата обращения: 07.08.2025).

[17] *Bhat M. N.* The environmental damage: a disaggregated effect of financial structure, freedom dynamics and institutional sub-systems on CO2 emissions // Journal of Economic and Administrative Sciences. 2025. DOI: 10.1108/JEAS-05-2024-0149.

[18] СЗ РФ. 2023. № 44. Ст. 7865.

гда стремящихся сокращать любые издержки[19]. Подпункт «д» п. 59 Климатической доктрины РФ также позиционирует признанные на международном уровне российские исследования в области противодействия эмиссии парниковых газов как дополнительные аргументы для межгосударственного диалога.

В научной литературе отмечается, что ни развитые, ни развивающиеся государства не предпринимают достаточных усилий для достижения целей, поставленных в международно-правовом регулировании, итогом чего становится стремительное ухудшение климата на планете[20].

Противодействие эмиссии парниковых газов в атмосферу как благая цель также может служить предлогом для получения каким-либо государством экономической или иной выгоды — на предотвращение этого направлено положение п. 5 ст. 3 Конвенции. Все обозначенные негативные обстоятельства естественным образом становятся причиной конфликтов между государствами, вместо того чтобы объединять международное сообщество перед одинаково для всех актуальным вызовом[21].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что наиболее богатые страны и даже регионы[22] в некоторых из них предпринимают различные шаги по обеспечению экологически благоприятного для себя состояния. В результате происходит смещение вредного воздействия на атмосферу в наименее состоятельные в хозяйственном плане государства. Вместе с тем такое воздействие в любой точке Земли имеет пагубные последствия для всей планеты и опосредованно отражается на каждом ее жителе. В этой связи необходимо принимать меры международно-правового характера[23], направленные на недопущение решения экологических проблем логистическими способами; обязывать владельцев и управляющих производствами именно снижать уровень выбросов — без осуществления пространственной реструктуризации имущественного комплекса предприятия.

Предмет правового регулирования процесса декарбонизации

Согласно п. 4 ст. 1 Конвенции выбросами признается внедрение парниковых газов и/или их прекурсоров в атмосферу с привязкой к территории и времени реализации указанного процесса. Фактически нужно говорить о конкретном акте выпуска вредных веществ в окружающую среду конкретным лицом, если речь идет о негативном антропогенном воздействии на природу. Поэтому субъект права, загрязняющий воздух, чаще всего будет известен, если зафиксирован выброс. К тому же в большинстве случаев данные действия осуществляются законно, а сохранять природу необходимо мерами стимулирующего характера, не связанными с прямыми запретами любых выбросов.

Например, для того чтобы сохранить существующий уровень выбросов углекислых газов в атмосферу, можно ограничить темпы роста пространства крупных городов[24], которые не должны превышать темпов роста населения более чем в два раза[25].

В этом контексте значимым видится определение источника вредных выбросов, под

---

[19] *Shevtsov A.*, *Posnaya E.*, *Krichevets E.*, *Kaznova M.* Dynamics of green finance in the Russian Federation // BIO Web of Conferences. International Scientific and Practical Conference «Development and Modern Problems of Aquaculture» (Aquaculture 2023). EDP Sciences, 2024. P. 01014.

[20] *Rajamani L.,* et al. National «fair shares» in reducing greenhouse gas emissions within the principled framework of international environmental law // Climate Policy. 2021. Vol. 21. № 8. P. 983–1004. DOI: 10.1080/14693062.2021.1970504.

[21] *Di Bartolomeo G.*, *Fard B. M.*, *Semmler W.* Greenhouse gases mitigation: global externalities and short-termism // Environment and Development Economics. 2023. Vol. 28. № 3. P. 230–241. DOI: 10.1017/S1355770X22000249.

[22] *Rodríguez-Pose A.*, *Bartalucci F.* The green transition and its potential territorial discontents // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. 2024. Vol. 17. № 2. P. 339–358. DOI: 10.1093/cjres/rsad039.

[23] *Poorhashemi A.* International environmental law // Public International Law. Routledge, 2024. P. 453–466.

[24] *Таболин В. В.* Юридическая урбанология: новые концептуальные подходы к исследованию городов и урбанизированных территорий // Global and Regional Research. 2022. Т. 4. № 2. С. 165–169.

[25] *Liu X.*, *Xu H.*, *Zhang M.* The effects of urban expansion on carbon emissions: Based on the spatial interaction and transmission mechanism // Journal of Cleaner Production. 2024. Vol. 434. P. 140019. DOI: 10.1016/j.jclepro.2023.140019.

которым в п. 9 ст. 1 рассматриваемого международно-правового акта понимается процесс или деятельность, из-за которых в атмосферу поступают парниковые газы. На основании п. 4 и 9 Конвенции можно сделать вывод о таких элементах системы правоотношений, как субъекты вредного воздействия и их активные действия, которые приводят к вредному воздействию на атмосферу. Указанные элементы являются ключевыми объектами регуляторного воздействия карбонового права. Это обстоятельство представляется весьма важным в свете того, что принцип 16 Рио-де-Жанейрской декларации определяет необходимость возмещения ущерба тем субъектом, который его причинил.

Пункт 5 ст. 1 Конвенции определяет парниковые газы как те, которые поглощают и переизлучают инфракрасное излучение. Российская организационно-правовая практика дает четкий закрытый перечень парниковых газов[26], в отношении выброса которых компетентные государственные органы вводят различные ограничительные меры и стимулируют сокращение их попадания в атмосферу.

Приложение 1 к Венской конвенции об охране озонового слоя 1985 г.[27] также фиксирует некоторые из этих химических элементов в качестве вредных, но уже с точки зрения снижения естественного сдерживающего препятствия для вредного солнечного излучения. В результате одни и те же выбросы одновременно наносят двойной ущерб и интенсифицируют глобальное потепление — разрушают озоновый слой, повышая солнечное тепловое воздействие, и создают парниковый эффект, накапливая тепло внутри газообразной «капсулы», созданной человеком.

Конкретные действия государств, направленные на предотвращение выбросов парниковых газов, предусматриваются в ст. 4 Конвенции. Среди них ведение реестра выбросов, их источников и абсорбции поглотителями вредных веществ.

На территории Российской Федерации во исполнение этого положения действует Порядок подготовки кадастра антропогенных выбросов из источников и абсорбции поглотителями парниковых газов, утвержденный приказом Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 25.04.2022 № 298[28]. На основании п. 2 обозначенного акта данные для этого собираются Федеральной службой по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды ежегодно на основании информации от 11 федеральных органов исполнительной власти. После этого указанное ведомство проводит ряд аналитических мероприятий по полученной информации, формирует итоговый проект кадастра, который согласовывается со всеми 11 ведомствами, а потом направляется Министерством природных ресурсов и экологии РФ в специализированное структурное подразделение ООН. Оно собирает всю информацию от разных стран, систематизирует и дает общую оценку состоянию окружающей природной среды, а также тем усилиям, которые предпринимает международное сообщество.

Согласно принципу 21 Стокгольмской декларации от 16.06.1972[29] государства должны создавать на своей территории такие условия, чтобы тот экологический ущерб, который имеет место, не причинял вреда другим странам. Это касается в первую очередь опять же территорий развивающихся стран. Немаловажную роль здесь играют транснациональные корпорации, которые вместо реальных действий по сокращению выбросов парниковых газов используют информационные технологии для создания образа экологичности производства[30].

---

[26] Перечень парниковых газов, в отношении которых осуществляется государственный учет выбросов парниковых газов и ведение кадастра парниковых газов (утв. распоряжением Правительства РФ от 22.10.2021 № 2979-р) // Официальный сайт Правительства РФ. URL: http://government.ru/docs/all/137195/ (дата обращения: 07.08.2025).

[27] Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/ozone.pdf (дата обращения: 13.08.2025).

[28] Официальный портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206290012 (дата обращения: 07.08.2025).

[29] Действующее международное право. М. : Московский независимый институт международного права, 1997. Т. 3. С. 682–687.

[30] *Keresztúri J. L.*, *Berlinger E.*, *Lublóy Á.* Environmental policy and stakeholder engagement: Incident-based, cross-country analysis of firm-level greenwashing practices // Corporate Social Responsibility and Environmental Management. 2025. Vol. 32. № 1. P. 192–211. DOI: 10.1002/csr.2945.

В соответствии со ст. 4 Конвенции государства формируют, обновляют, обнародуют и реализуют национальные и в некоторых случаях региональные программы, направленные на смягчение последствий выбросов парниковых газов в атмосферу. В развитие упомянутого положения в России реализуется Национальный план мероприятий второго этапа адаптации к изменениям климата на период до 2025 года, утвержденный распоряжением Правительства РФ от 11.03.2023 № 559-р[31], на основании которого компетентными государственными органами вырабатываются возможные подходы к страхованию и перестрахованию рисков стихийных бедствий, выявляются потребности в предоставлении данных, получаемых при помощи космических аппаратов для управления климатическими рисками, исследуются модели оценки физических климатических рисков в зависимости от сферы хозяйственной деятельности и т.д. ГОСТ Р ИСО 14090-2019 «Национальный стандарт Российской Федерации. Адаптация к изменениям климата. Принципы, требования и руководящие указания», утвержденный приказом Росстандарта от 12.09.2019 № 674-ст[32], также провозглашает принцип параллельных мероприятий по созданию условий для адаптации и противодействия эмиссии парниковых газов в атмосферу.

Международное и национальное публично-правовое регулирование ориентирует на необходимость создания условий, которые позволят облегчить резкое изменение всех сфер жизни общества, после того как негативные последствия глобального потепления затронут человечество. Так, в статье 4 Конвенции прямо отмечается Африка, на территории которой многие пространства подверглись опустыниванию и сильнейшей засухе. В целом эта проблема охватывает более 1 млрд человек[33]. Негативное воздействие парниковых газов приводит и к повышению уровня Мирового океана[34], а следовательно — к подтоплению отдельных местностей. По смыслу публично-правового регулирования государства должны не просто быть готовыми к таким ситуациям, но и формировать необходимые условия для будущей нормальной жизни, исходя из примата того, что это обязательно произойдет. Практически все государства принимают соответствующие нормативные правовые акты, однако редко оценивают их эффективность по прошествии времени[35]. Необходимо заметить, что некоторые общественные отношения, урегулированные такими законами, еще просто не наступили, в связи с чем сложно оценить их эффективность. На данном этапе можно говорить только о прогнозировании.

Еще одним обязательством стран — участниц Конвенции по ее ст. 4 является обмен передовыми методиками и иной информацией, позволяющей эффективно бороться с вредным воздействием парниковых газов на атмосферу.

Наиболее передовые государства, в частности Дания, Коста-Рика и Швеция, добились нулевого или практически нулевого воздействия парниковых газов на атмосферу. Их опыт распространяется по всему миру, а организационно-правовые методики внедряются на территории других стран для достижения аналогичного результата[36].

Снижению негативного воздействия на атмосферу способствует экологическое просвещение, образование и проведение научных исследований в данной сфере, на что ориентирует статья 6 Конвенции. После конституцион-

---

[31] Официальный сайт Правительства РФ. URL: http://static.government.ru/media/files/DzVPGlI7JgT7QYRoogphpW69KKQREGTB.pdf (дата обращения: 07.08.2025).

[32] ГОСТ Р ИСО 14090-2019. Национальный стандарт Российской Федерации. Адаптация к изменениям климата. Принципы, требования и руководящие указания (утв. приказом Росстандарта от 12.09.2019 № 674-ст). М. : Стандартинформ, 2019.

[33] Обзор и оценка хода осуществления Повестки дня на XXI в. Вклад Программы ООН по окружающей среде в проведение специальной сессии 1997 г. // Официальный сайт ООН. URL: https://docs.un.org/ru/A/S-19/5 (дата обращения: 13.08.2025).

[34] *Griggs G.*, *Reguero B. G.* Coastal adaptation to climate change and sea-level rise // Water. 2021. Vol. 13. № 16. P. 2151. DOI: 10.3390/w13162151.

[35] *McDonald J.*, *McCormack P. C.* Rethinking the role of law in adapting to climate change // Wiley Interdisciplinary Reviews: Climate Change. 2021. Vol. 12. № 5. P. e726. DOI: 10.1002/wcc.726.

[36] *Filonchyk M.*, et al. Greenhouse gases emissions and global climate change: Examining the influence of CO2, CH4, and N2O // Science of The Total Environment. 2024. Vol. 935. P. 173359. DOI: 10.1016/j.scitotenv.2024.173359.

ной реформы 2020 г.[37] вопросы экологического образования и экологической культуры нашли свое отражение в п. «е.6» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ. На решение этой задачи направлена статья 74 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»[38], согласно совокупности норм которой практически все субъекты публичного права предпринимают меры по формированию культуры бережного отношения к природе, ее богатствам, их рациональному использованию. Применительно к организации образовательной деятельности приказом Минобрнауки России от 07.08.2020 № 894 утвержден федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования — бакалавриат по направлению подготовки 05.03.06 «Экология и природопользование»[39], на основании которого выпускники используют теоретические основы экологии, природопользования и охраны природы в профессиональной деятельности. Например, в Тюменском государственном университете указанное направление подготовки реализуется на базе Школы естественных наук. Образовательная деятельность в данной сфере имеет свои внушительные исторические корни и продолжает развиваться, обеспечивая кадрами Тюменскую область и близлежащие регионы. Кроме того, на кафедре экологии и генетики выполняются научные исследования, защищаются диссертации[40], что, помимо эффекта генерирования нового знания, выполняет воспитательную функцию, так как сложно изучать природу, относясь к ней в целом негативно.

Киотский протокол к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата от 11.12.1997[41] представляет собой своего рода дополнение к Конвенции, хотя в содержательной части довольно много норм дублируют положения Конвенции. На основании его п. «а» ч. 1 ст. 2 договаривающиеся стороны должны обеспечить на своей территории повышение эффективности использования энергии с последующим сокращением выбросов вредных веществ в атмосферу. Поощряются также переход на зеленую энергетику и рекуперация, предполагающая восстановление или возврат части энергии, которая обычно теряется в процессе ее генерации[42]. Помимо этого, государства должны обеспечивать ведение сельского хозяйства способами, не влияющими на изменение климата. Предусматривается запрет на предоставление налоговых льгот и иных преференций хозяйствующим субъектам, осуществляющим выбросы парниковых газов и не стремящихся к сокращению их объемов, и наоборот — введение таких стимулирующих мер в отношении тех, кто посильными средствами сокращает вредное воздействие на атмосферу. В отечественной юридической науке такой подход называется углеродным рынком[43]. Между тем на практике уже происходит торговля углеродными единицами[44], которую также можно использовать на благо улучшения состояния окружающей природной среды. В пункте 55 Климатической доктрины РФ содержится другой экономический инструмент противодействия большим объемам эмиссии парниковых газов — торговля квотами на выбросы.

Статьей 5 данного международно-правового акта предусмотрена необходимость принятия каждой страной-участницей национальной

---

[37] Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

[38] СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

[39] Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 07.08.2025).

[40] См: Из истории кафедры… // Официальный сайт Тюменского государственного университета. URL: https://www.utmn.ru/upload/medialibrary/600/c085k8fk90332xyowhx5s8v0689zg8bh/Iz-istorii-kafedry-genetiki.pdf (дата обращения: 07.08.2025).

[41] СЗ РФ. 2005. № 10. Ст. 764.

[42] *Комарова В. В.*, *Пастухова Н. Б.*, *Садовникова Г. Д.*, *Фадеев В. И.* Конституционные основы энергетического права : учеб. пособие. М. : Кнорус, 2016. 180 с.

[43] *Козлов А. В.* Правовое регулирование сокращения выбросов парниковых газов в России и во Франции // Международное право и международные организации. 2025. № 2. С. 39–49. DOI: 10.7256/2454-0633.2025.2.73802.

[44] *Барышников П. С.*, *Котова Е. В.*, *Логинов Д. А.* Правовая природа углеродных единиц как нового объекта гражданских прав // Закон. 2025. № 1. С. 135–142. DOI: 10.37239/0869-4400-2025-22-1-135-142.

системы оценки антропогенных выбросов парниковых газов. Во исполнение этого требования на территории России действует Методика количественного определения объема выбросов парниковых газов, утвержденная приказом Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 27.05.2022 № 371[45].

Экономика и экология: законодательные фронтиры

Конституция РФ является основой для принятия, реализации и развития законодательства[46]. Л. С. Булгакова констатирует не просто несистемность экологического, природоресурсного права и законодательства в сфере охраны окружающей природной среды, но и отсутствие единения в этом вопросе в отечественной юридической науке[47].

Однако применительно к карбоновому праву всё более или менее определено за счет действия Федерального закона от 02.07.2021 № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов»[48], хотя и категоризация такой подотрасли права вносит дополнительный аргумент в пользу тех, кто считает законодательство в области охраны природы несистемным. Данный нормативный правовой акт в ч. 3 ст. 1 также позиционирует в качестве своей основы Конституцию РФ.

Часть 2 ст. 1 названного Закона целью правового регулирования ставит прежде всего развитие экономики, но таким образом, чтобы постепенно снижать вредное воздействие на окружающую природную среду. Этот же приоритет установлен в качестве первого принципа, закрепленного в п. 1 ст. 3 рассматриваемого документа. Практика демонстрирует сильную зависимость экономических показателей от процессов сокращения эмиссии парниковых газов в самых различных отраслях народного хозяйства[49].

Связана с предыдущим и имеет большое значение обязательность отчетов о выбросах парниковых газов, произведенных хозяйствующими субъектами, которые обязаны их сокращать, доводя до целевых показателей, установленных компетентными органами публичной власти. В юридической литературе отмечается, что отдельные предприятия недостаточно добросовестно относятся к реализации данного законодательного положения. Это обстоятельство дает основание предлагать установление уголовной ответственности за умышленное сокрытие информации об объективности эмиссии парниковых газов, поскольку существующие цивилистические и административно-правовые меры ответственности не влекут за собой серьезных последствий[50], а соотношение соответствующих штрафов и получаемой прибыли расставляет приоритеты для руководства фабрик и заводов не в пользу экологизации производства.

К другим принципам статья 3 рассматриваемого Закона относит добровольность инициирования и участия в реализации климатических проектов, ориентированных на оздоровление экологии; проведение предварительных научных исследований до принятия общественно значимых решений, направленных на изменение правоотношений в области сокращения вредных выбросов.

Для реализации обозначенных принципов статьей 4 предусмотрены конкретные меры, которые принимает государство для сокращения вредного воздействия парниковых газов на атмосферу. К таковым относятся учет этих выбросов, установление целевых показателей, ориентированных на их сокращение, а также

---

[45] Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.08.2025).

[46] *Марченко М. Н.* Источники права : учеб. пособие. М. : Проспект, 2011. С. 172.

[47] *Булгакова Л. С.* О проблемах разграничения полномочий органов государственной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в области охраны окружающей среды // Административное право и процесс. 2023. № 4. С. 42–44. DOI: 10.18572/2071-1166-2023-4-42-44.

[48] СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. I). Ст. 5124.

[49] *Sobolewska A.*, *Bukowski M.* Consumption of nitrogen fertilizers in the EU — External costs of their production by country of application // Agriculture. 2025. Vol. 15. № 3. P. 224. DOI: 10.3390/agriculture15030224.

[50] *Перегудов Я. А.* Совершенствование законодательства в сфере ответственности за экологические преступления // Сборник материалов II Молодежной научно-практической конференции, посвященной Дню российской науки в Севастопольском государственном университете. Севастополь, 2024. С. 277–280. С. 278.

стимулирование такого сокращения и развитие практики увеличения объемов поглотителей вредных веществ. Основным стимулом в данной сфере, который использует государство, как правило, являются налоговые послабления[51].

Помимо организационно-правовых мер, таких как государственное финансирование, усиление отчетности предприятий по произведенному вредному воздействию на атмосферу и пр., Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 29.10.2021 № 3052-р[52], предполагает использование стимулирующих механизмов для снижения вредных выбросов в атмосферу — налоговых и иных льгот для хозяйствующих субъектов. Планируется активно вовлекать в этот процесс уже существующие специальные правовые режимы[53] на основании результатов анализа их экономической эффективности.

Примечательно, что в качестве одного из мероприятий по охране лесов в Стратегии указано развитие авиапарка не только для тушения пожаров, но и для мониторинга возгораний. Представляется, что с активным развитием беспилотных летательных аппаратов более эффективным и экономичным будет именно их применение для этих целей[54]. Соответствующее уточнение следует внести в Стратегию, а также иные документы программного характера федерального и регионального уровня.

Для аналогичных целей можно предусмотреть использование других современных технологий. Например, спутниковые данные, иные наблюдения из космоса, информационная платформа для анализа химических данных, системы искусственного интеллекта и т.д.[55] Относительно последней технологии нужно учитывать, что она оперирует большим количеством данных. Это само по себе требует существенных энергетических затрат, что в современных условиях предполагает увеличение выброса парниковых газов[56].

Не лишена Стратегия и иных недостатков. Так, она не предусматривает возможности экономического маневра при условии имеющихся ресурсов и хозяйственного потенциала. Не учтены и существенные трансформации, связанные с введением против России беспрецедентного количества мер негативного экономического характера («санкций»)[57], что в конечном итоге также негативно сказывается на эффективной реализации комплекса мер по противодействию выбросам парниковых газов в атмосферу.

Постановлением Правительства РФ от 30.04.2022 № 790 утверждены Правила создания и ведения реестра углеродных единиц, а также проведения операций с углеродными единицами в реестре углеродных единиц[58]. Данный нормативный правовой акт фактически оформляет углеродные единицы как объект, который внедрен в гражданско-правовой оборот. Для этого организация, реализующая климатический проект, регистрирует произведенный положительный эффект в виде улавливания парниковых газов или их абсорбции в специализированном реестре, который пред-

---

[51] *Копина А. А.* Налоговые стимулы энергетического перехода и реализации стратегий зеленой экономики // Финансовое право. 2021. № 12. С. 24–34. DOI: 10.18572/1813-1220-2021-12-24-34.

[52] СЗ РФ. 2021. № 45. Ст. 7556.

[53] *Мохов А. А.* Экспериментальный правовой режим как специальный правовой режим для драйверов инновационной экономики // Юрист. 2019. № 8. С. 19–25. DOI: 10.18572/1812-3929-2019-8-19-25 ; *Потапова Л. С.* Некоторые особенности соотношения правового регулирования «специальных» и «свободных» экономических зон как инструментов экономического развития территорий в Российской Федерации // Международное и отечественное право : сборник научных статей по итогам VII Севастопольского юридического форума. Тюмень : ТюмГУ-Press, 2025. С. 60–64.

[54] *Котенко Т. А.* Извержение вулкана Эбеко в 2023–2025 гг.: мониторинг с помощью беспилотного летательного аппарата (БПЛА) и фотокамер покадровой съемки // Вулканизм и связанные с ним процессы : материалы XXVIII Ежегодной научной конференции, посвященной Дню вулканолога. Петропавловск-Камчатский : Институт вулканологии и сейсмологии ДВО РАН, 2025. С. 81–84.

[55] *Лозо В. И.* Стратегический подход, обеспечение баланса факторов и управление риском в правовом обеспечении устойчивой окружающей среды // Международное и отечественное право. С. 11.

[56] *Alvi S.,* et al. The role of green finance, energy transition, and digitalization in OECD greenhouse gas emissions // Journal of Cleaner Production. 2025. Vol. 518. P. 145865. DOI: 10.1016/j.jclepro.2025.145865.

[57] *Козлов А. В.* Указ. соч.

[58] СЗ РФ. 2022. № 19. Ст. 3208.

полагает также ведение счета таких объектов. Впоследствии можно будет обмениваться ими или продавать их. Это полезно, например, для осуществления рекламной кампании с позиционированием организации как экологичного производителя[59]. Таким образом, создан стимулирующий механизм сокращения выброса вредных веществ в атмосферу, который необходимо развивать и дальше, например путем монетизации, распространения информации среди населения, постановки в реестр и т.д. в качестве условий получения государственного финансирования.

Дополнительно следует отметить, что уже существуют организационно-экономические механизмы технических инноваций в производство, которые позволяют делать технологии улавливания углерода выгодными для использующего его хозяйствующего субъекта[60].

Вместе с тем у предпринимателей, чья деятельность оказывает вредное воздействие на экологию, но приносит большую прибыль, появляется возможность купить репутационные блага. Ввиду этого не только реестр, но и информация о сделках в рамках его ведения обязательно должны быть открытыми. Тем не менее общий экологический эффект от данной инициативы для государства и мирового сообщества в целом видится весьма значимым.

Адресно ориентированным на участие субъектов РФ в деятельности, связанной с сокращением выбросов парниковых газов, является Федеральный закон от 06.03.2022 № 34-ФЗ «О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации»[61], который в ч. 1 ст. 1 предоставляет право проведения такого эксперимента любому из регионов, но по ч. 2 и 3 в обязательном порядке он проводится на территории Сахалинской области с 1 сентября 2022 г. по 31 декабря 2028 г. При этом углеродной нейтральности по п. 1 ч. 1 ст. 3 рассматриваемого законодательного акта необходимо достигнуть до 31 декабря 2025 г., что является целью всего проводимого мероприятия. Остается неясным, каким образом продолжится эксперимент в текущей редакции Закона.

Обращает на себя внимание норма п. 1 ч. 3 ст. 3 данного Закона, предполагающая приоритет для тех субъектов Федерации, которые фактически выступают участниками эксперимента в части содействия со стороны федеральной власти в развитии социально-экономических отношений на территории региона. Безусловно, все запланированные показатели должны быть достигнуты, для того чтобы рассчитывать на те или иные меры поддержки.

Статья 8 названного Закона подробно регулирует общественные отношения, связанные с квотированием вредных выбросов предприятиями. Так, на основании Методики определения проектируемых квот выбросов парниковых газов в рамках проведения эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации, утвержденной приказом Минэкономразвития России от 24.08.2022 № 452[62], органами исполнительной власти после согласования с юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями и ряда других процедур устанавливаются конкретные пределы тех выбросов, которые могут быть осуществлены в ходе хозяйственной деятельности. При этом должны быть учтены: имевшая место ранее эмиссия вредных веществ в атмосферный воздух, реальная прибыль компании, возможности экологизации производства и т.д. Перечисленных показателей необходимо достичь, в том числе путем покупки углеродных единиц. В противном случае придется внести плату за превышение квот. Согласно п. 1 постановления Правительства РФ от 18.08.2022 № 1441 «О ставке платы за превышение квоты выбросов парниковых газов в рамках проведения эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов на территории Сахалинской области»[63] за каждую лишнюю тонну диоксида углерода следует выплатить по 1 тыс. руб. Конкретные Правила исчисления и взимания платы за превышение квоты выбросов парниковых газов в рамках

[59] *Барышников П. С.*, *Котова Е. В.*, *Логинов Д. А.* Указ. соч.

[60] *Clark G.*, *Davis M.*, *Kumar A.* The development of a framework to compare carbon capture and storage technologies as a means of decarbonizing cement production // Renewable and Sustainable Energy Reviews. 2025. Vol. 214. P. 115556. DOI: 10.1016/j.rser.2025.115556.

[61] СЗ РФ. 2022. № 10. Ст. 1391.

[62] Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 27.08.2025).

[63] СЗ РФ. 2022. № 34. Ст. 5990.

проведения эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов на территории Сахалинской области утверждены постановлением Правительства РФ от 05.08.2022 № 1390[64]. При этом такая плата не пропадает в значительном числе статей регионального бюджета, а направляется на оптимизацию системы ограничения выброса и усиления поглощения парниковых газов. Помимо этого, за счет данных средств могут проводиться научные исследования, преследующие эту же цель на основании ч. 15 ст. 8 Закона о проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах РФ.

Таким образом, углеродная единица становится не учтенной действующим отечественным законодательством объектом гражданского права, который в юридической литературе[65] предлагается зафиксировать в ст. 128 ГК РФ[66].

На уровне субъектов РФ также принимаются нормативные правовые акты, направленные на ограничение выбросов парниковых газов. Так, на основании ст. 2 Закона Тюменской области от 28.12.2004 № 302 «Об охране окружающей среды в Тюменской области»[67] региональный парламент принимает и толкует необходимые законодательные акты, осуществляет контроль за их исполнением, выносит решение о формировании лесопаркового зеленого пояса, что является в своей сущности развитием поглощения парниковых газов. Органы исполнительной власти данного субъекта РФ организуют реализацию государственных программ, в том числе связанных с декарбонизацией, участвуют в экологическом мониторинге, контроле, определяют показатели благоприятной окружающей природной среды, которых необходимо достигать хозяйствующим субъектам и которые не должны быть ниже тех, что установлены на федеральном уровне. Если не удается согласовать позиции органов государственного управления с коммерческими организациями, то региональная исполнительная власть реализует претензионную и судебную практику. Помимо вышеуказанного, органы исполнительной власти Тюменской области создают условия для осуществления экологического образования и просвещения, а также для максимальной открытости информации об окружающей природной среде, ведут учет объектов, оказывающих негативное воздействие на атмосферный воздух. Примечательно и то, что в рамках мероприятий по снижению выбросов парниковых газов проводится экономическая оценка таких действий. Данный аспект еще раз подчеркивает приоритет хозяйственной составляющей в процессе улучшения состояния окружающей природной среды.

Заключение

В настоящем исследовании рассмотрено значительное количество нормативных правовых актов, но приведено далеко не полное содержание каждого из них. Сделано это по причине дублирования правовых норм в разных документах и отсутствия необходимости приводить их снова и снова в тексте научной работы. Представляется, что такое копирование общеобязательных правил поведения необходимо сокращать для систематизации публично-правового регулирования в области сокращения выбросов парниковых газов и оптимизации соответствующей правоприменительной практики.

Российская Федерация является одним из наиболее неблагополучных государств в сфере сокращения эмиссии парниковых газов в окружающую природную среду. На основании вышеизложенного видится перспективным именно ей инициировать изменение международно-правового регулирования, а также в границах собственной юрисдикции по-новому систематизировать карбоновое право. Такая деятельность, как и устранение уже накопленных юридических коллизий и пробелов, может положительным образом сказаться на качестве атмосферного воздуха и снизить скорость разрушительных процессов, ведущих человечество к экологической катастрофе, вызванной глобальным потеплением.

---

64 СЗ РФ. 2022. № 32. Ст. 5858.

65 *Барышников П. С.*, *Котова Е. В.*, *Логинов Д. А.* Указ. соч.

66 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

67 Официальный портал органов государственной власти Тюменской области. URL: https://admtyumen.ru/ogv_ru/more/docs.htm?id=230866@egDocs (дата обращения: 28.08.2025).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Барышников П. С., *Котова Е. В.*, *Логинов Д. А.* Правовая природа углеродных единиц как нового объекта гражданских прав // Закон. 2025. № 1. С. 135–142. DOI: 10.37239/0869-4400-2025-22-1-135-142.

Булгакова Л. С. О проблемах разграничения полномочий органов государственной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в области охраны окружающей среды // Административное право и процесс. 2023. № 4. С. 42–44. DOI: 10.18572/2071-1166-2023-4-42-44.

Коваль В. Н., *Лозо В. И.*, *Зенин С. С.* Смена парадигмы экологического права в условиях новой реальности // Lex russica. 2023. Т. 76. № 3. С. 110–123. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.196.3.110-123.

Коваль В. Н. Причинение вреда в гражданском праве и процессе: проблемы определения и возмещения // Вестник гражданского процесса. 2023. Т. 13. № 4. С. 13–35. DOI: 10.24031/2226-0781-2023-13-4-13-35.

Козлов А. В. Правовое регулирование сокращения выбросов парниковых газов в России и во Франции // Международное право и международные организации. 2025. № 2. С. 39–49. DOI: 10.7256/2454-0633.2025.2.73802.

Комарова В. В., *Пастухова Н. Б.*, *Садовникова Г. Д.*, *Фадеев В. И.* Конституционные основы энергетического права : учеб. пособие. М. : Кнорус, 2016. 180 с.

Копина А. А. Налоговые стимулы энергетического перехода и реализации стратегий зеленой экономики // Финансовое право. 2021. № 12. С. 24–34. DOI: 10.18572/1813-1220-2021-12-24-34.

Котенко Т. А. Извержение вулкана Эбеко в 2023–2025 гг.: мониторинг с помощью беспилотного летательного аппарата (БПЛА) и фотокамер покадровой съемки // Вулканизм и связанные с ним процессы : материалы XXVIII Ежегодной научной конференции, посвященной Дню вулканолога. Петропавловск-Камчатский : Институт вулканологии и сейсмологии ДВО РАН, 2025. С. 81–84.

Лозо В. И. Стратегический подход, обеспечение баланса факторов и управление риском в правовом обеспечении устойчивой окружающей среды // Международное и отечественное право : сборник научных статей по итогам VII Севастопольского юридического форума. Тюмень : ТюмГУ-Press, 2025. С. 6–12.

Мохов А. А. Экспериментальный правовой режим как специальный правовой режим для драйверов инновационной экономики // Юрист. 2019. № 8. С. 19–25. DOI: 10.18572/1812-3929-2019-8-19-25.

Панкова Л. Н. Возобновляемые источники энергии как тренд развития глобальной экономики // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2021. Т. 11. № 9-1. С. 145–151. DOI: 10.34670/AR.2021.14.49.020.

Перегудов Я. А. Совершенствование законодательства в сфере ответственности за экологические преступления // Сборник материалов II Молодежной научно-практической конференции, посвященной Дню российской науки в Севастопольском государственном университете. Севастополь, 2024. С. 277–280.

Потапова Л. С. Некоторые особенности соотношения правового регулирования «специальных» и «свободных» экономических зон как инструментов экономического развития территорий в Российской Федерации // Международное и отечественное право : сборник научных статей по итогам VII Севастопольского юридического форума. Тюмень : ТюмГУ-Press, 2025. С. 60–64.

Таболин В. В. Юридическая урбанология: новые концептуальные подходы к исследованию городов и урбанизированных территорий // Global and Regional Research. 2022. Т. 4. № 2. С. 165–169.

Чен Эньфу. Мировая обстановка и китайская экономика в новую эпоху : монография. М. : ИНИР имени С.Ю. Витте : Центркаталог, 2023. 464 с.

Alvi S., et al. The role of green finance, energy transition, and digitalization in OECD greenhouse gas emissions // Journal of Cleaner Production. 2025. Vol. 518. P. 145865. DOI: 10.1016/j.jclepro.2025.145865.

Bai C., *Xie D.*, *Zhang Y.* Industrial land transfer and enterprise pollution emissions: Evidence from China // Economic Analysis and Policy. 2024. Vol. 81. P. 181–194. DOI: 10.1016/j.eap.2023.11.029.

Bedasa Y., *Deksisa K.* Food insecurity in East Africa: An integrated strategy to address climate change impact and violence conflict // Journal of Agriculture and Food Research. 2024. Vol. 15. P. 100978. DOI: 10.1016/j.jafr.2024.100978.

Bhat M. N. The environmental damage: a disaggregated effect of financial structure, freedom dynamics and institutional sub-systems on CO2 emissions // Journal of Economic and Administrative Sciences. 2025. DOI: 10.1108/JEAS-05-2024-0149.

Clark G., *Davis M.*, *Kumar A.* The development of a framework to compare carbon capture and storage technologies as a means of decarbonizing cement production // Renewable and Sustainable Energy Reviews. 2025. Vol. 214. P. 115556. DOI: 10.1016/j.rser.2025.115556.

Di Bartolomeo G., *Fard B. M.*, *Semmler W.* Greenhouse gases mitigation: global externalities and short-termism // Environment and Development Economics. 2023. Vol. 28. № 3. P. 230–241. DOI: 10.1017/S1355770X22000249.

Filonchyk M., et al. Greenhouse gases emissions and global climate change: Examining the influence of CO2, CH4, and N2O // Science of The Total Environment. 2024. Vol. 935. P. 173359. DOI: 10.1016/j.scitotenv.2024.173359.

Griggs G., *Reguero B. G.* Coastal adaptation to climate change and sea-level rise // Water. 2021. Vol. 13. № 16. P. 2151. DOI: 10.3390/w13162151.

Keresztúri J. L., *Berlinger E.*, *Lublóy Á.* Environmental policy and stakeholder engagement: Incident-based, cross-country analysis of firm-level greenwashing practices // Corporate Social Responsibility and Environmental Management. 2025. Vol. 32. № 1. P. 192–211. DOI: 10.1002/csr.2945.

Kucheriava K., *Korolyov A.* Standard of Living of the Population in Foreign Countries // SSP Modern Economics, State and Public Administration. 2023. Vol. 2. № 1. P. 1–10. DOI: 10.53933/mespa.v2i1.92.

Liu X., *Xu H.*, *Zhang M.* The effects of urban expansion on carbon emissions: Based on the spatial interaction and transmission mechanism // Journal of Cleaner Production. 2024. Vol. 434. P. 140019. DOI: 10.1016/j.jclepro.2023.140019.

McDonald J., *McCormack P. C.* Rethinking the role of law in adapting to climate change // Wiley Interdisciplinary Reviews: Climate Change. 2021. Vol. 12. № 5. P. e726. DOI: 10.1002/wcc.726.

Poorhashemi A. International environmental law // Public International Law. Routledge, 2024. P. 453–466.

Rajamani L., et al. National «fair shares» in reducing greenhouse gas emissions within the principled framework of international environmental law // Climate Policy. 2021. Vol. 21. № 8. P. 983–1004. DOI: 10.1080/14693062.2021.1970504.

Rodríguez-Pose A., *Bartalucci F.* The green transition and its potential territorial discontents // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. 2024. Vol. 17. № 2. P. 339–358. DOI: 10.1093/cjres/rsad039.

Shevtsov A., *Posnaya E.*, *Krichevets E.*, *Kaznova M.* Dynamics of green finance in the Russian Federation // BIO Web of Conferences. International Scientific and Practical Conference «Development and Modern Problems of Aquaculture» (Aquaculture-2023). EDP Sciences, 2024.

Sobolewska A., *Bukowski M.* Consumption of nitrogen fertilizers in the EU — External costs of their production by country of application // Agriculture. 2025. Vol. 15. № 3. P. 224. DOI: 10.3390/agriculture15030224.

Song M., et al. Technology transfer for green investments: exploring how technology transfer through foreign direct investments can contribute to sustainable practices and reduced environmental impact in OIC economies // Environmental Science and Pollution Research. 2024. Vol. 31. № 6. P. 8812–8827. DOI: 10.1007/s11356-023-31553-x.

Wang S., *He Y., Song M.* Global value chains, technological progress, and environmental pollution: Inequality towards developing countries // Journal of Environmental Management. 2021. Vol. 277. P. 110999. DOI: 10.1016/j.jenvman.2020.110999.

Witt M. A., et al. Decoupling in international business: Evidence, drivers, impact, and implications for IB research // Journal of World Business. 2023. Vol. 58. № 1. P. 101399. DOI: 10.1016/j.jwb.2022.101399.

REFERENCES

Alvi S, et al. The role of green finance, energy transition, and digitalization in OECD greenhouse gas emissions. *Journal of Cleaner Production*. 2025;518:145865. DOI: 10.1016/j.jclepro.2025.145865.

Bai C, Xie D, Zhang Y. Industrial land transfer and enterprise pollution emissions: Evidence from China. *Economic Analysis and Policy*. 2024;81:181-194. DOI: 10.1016/j.eap.2023.11.029.

Baryshnikov PS, Kotova EV, Loginov DA. The legal nature of carbon units as a new object of civil rights. *Zakon*. 2025;1:135-142. (In Russ.). DOI: 10.37239/0869-4400-2025-22-1-135-142.

Bedasa Y, Deksisa K. Food insecurity in East Africa: An integrated strategy to address climate change impact and violence conflict. *Journal of Agriculture and Food Research*. 2024;15:100978. DOI: 10.1016/j.jafr.2024.100978.

Bhat MN. The environmental damage: A disaggregated effect of financial structure, freedom dynamics and institutional sub-systems on CO2 emissions. *Journal of Economic and Administrative Sciences*. 2025. DOI: 10.1108/JEAS-05-2024-0149.

Bulgakova LS. On the problems of delimitation of powers of state authorities of the Russian Federation and constituent entities of the Russian Federation in the field of environmental protection. *Administrativnoe pravo i protsess*. 2023;4:42-44. (In Russ.). DOI: 10.18572/2071-1166-2023-4-42-44.

Chen Enfu. The world situation and the Chinese economy in the new era: A monograph. Moscow: INIR imeni S.Yu. Vitte: Tsentrkatalog Publ.; 2023. (In Russ.).

Clark G, Davis M, Kumar A. The development of a framework to compare carbon capture and storage technologies as a means of decarbonizing cement production. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. 2025;214:115556. DOI: 10.1016/j.rser.2025.115556.

Di Bartolomeo G, Fard BM, Semmler W. Greenhouse gases mitigation: global externalities and short-termism. *Environment and Development Economics.* 2023;28(3):230-241. DOI: 10.1017/S1355770X22000249.

Filonchyk M, et al. Greenhouse gases emissions and global climate change: Examining the influence of CO2, CH4, and N2O. *Science of The Total Environment*. 2024;935:173359. DOI: 10.1016/j.scitotenv.2024.173359.

Griggs G, Reguero BG. Coastal adaptation to climate change and sea-level rise. *Water.* 2021;13(16):2151. DOI: 10.3390/w13162151.

Keresztúri JL, Berlinger E, Lublóy Á. Environmental policy and stakeholder engagement: Incident-based, cross-country analysis of firm-level greenwashing practices. *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*. 2025;32(1):192-211. DOI: 10.1002/csr.2945.

Komarova VV, Pastukhova NB, Sadovnikova GD, Fadeev VI. Constitutional foundations of energy law: A textbook. Moscow: Knorus Publ.; 2016. (In Russ.).

Kopina AA. Tax incentives for energy transition and implementation of green economy strategies. *Finansovoe pravo.* 2021;12:24-34. (In Russ.). DOI: 10.18572/1813-1220-2021-12-24-34.

Kotenko TA. Eruption of Ebeko Volcano in 2023–2025: Monitoring using unmanned aerial vehicle (UAV) and frame-by-frame cameras. In: Vulkanizm i svyazannye s nim protsessy. Proceedings of the 27th Annual Scientific Conference on the occasion of the Volcanologist Day. Petropavlovsk-Kamchatsky: Institut vulkanologii i seysmologii DVO RAN; 2025. P. 81–84. (In Russ.).

Koval VN, Lozo VI, Zenin SS. Changing the paradigm of environmental law in a new reality. *Lex russica*. 2023;76(3):110-123. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2023.196.3.110-123.

Koval VN. Infliction of harm in civil law and procedure: Problems of determination and compensation. *Vestnik grazhdanskogo protsessa*. 2023;13(4):13-35. (In Russ.). DOI: 10.24031/2226-0781-2023-13-4-13-35.

Kozlov AV. Legal regulation of greenhouse gas emission reduction in Russia and France. *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii*. 2025;2:39-49. (In Russ.). DOI: 10.7256/2454-0633.2025.2.73802.

Kucheriava K, Korolyov A. Standard of Living of the Population in Foreign Countries. *SSP Modern Economics, State and Public Administration*. 2023;2(1):1-10. DOI: 10.53933/mespa.v2i1.92.

Liu X, Xu H, Zhang M. The effects of urban expansion on carbon emissions: Based on the spatial interaction and transmission mechanism. *Journal of Cleaner Production*. 2024;434:140019. DOI: 10.1016/j.jclepro.2023.140019.

Lozo VI. Strategic approach, ensuring balance of factors and risk management in legal support of sustainable environment. In: International and National Law. Scientific Articles Collection: Proceedings of the 7th Sevastopol Legal Forum. Tyumen: TyumGU-Press; 2025. P. 6–12. (In Russ.).

McDonald J, McCormack PC. Rethinking the role of law in adapting to climate change. *Wiley Interdisciplinary Reviews: Climate Change*. 2021;12(5):e726. DOI: 10.1002/wcc.726.

Mokhov AA. Experimental legal regime as a special legal regime for drivers of innovative economy. *Yurist*. 2019;8:19-25. (In Russ.). DOI: 10.18572/1812-3929-2019-8-19-25.

Pankova LN. Renewable energy sources as a trend of global economy development. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra.* 2021;11(9-1):145-151. (In Russ.).

Peregudov YaA. Improvement of legislation in the sphere of responsibility for environmental crimes. In: Proceedings of the 2nd Youth Scientific and Practical Conference on the occasion of the Day of Russian Science in Sevastopol State University. Conference proceedings. Sevastopol: Sevastopolskiy gosudarstvennyy universitet; 2024. P. 277–280. (In Russ.).

Poorhashemi A. International environmental law. In: Public International Law. Routledge; 2024. P. 453–466.

Potapova LS. Some features of the correlation of legal regulation of «special» and «free» economic zones as instruments of economic development of territories in the Russian Federation. In: International and National Law. Scientific Articles Collection: Proceedings of the 7th Sevastopol Legal Forum. Tyumen: TyumGU-Press; 2025. P. 60–64. (In Russ.).

Rajamani L, et al. National «fair shares» in reducing greenhouse gas emissions within the principled framework of international environmental law. *Climate Policy*. 2021;21(8):983-1004. DOI: 10.1080/14693062.2021.1970504.

Rodríguez-Pose A, Bartalucci F. The green transition and its potential territorial discontents. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. 2024;17(2):339-358. DOI: 10.1093/cjres/rsad039.

Shevtsov A, Posnaya E, Krichevets E, Kaznova M. Dynamics of green finance in the Russian Federation. In: BIO Web of Conferences. International Scientific and Practical Conference «Development and Modern Problems of Aquaculture» (Aquaculture-2023). EDP Sciences; 2024. P. 01014.

Sobolewska A, Bukowski M. Consumption of nitrogen fertilizers in the EU — External costs of their production by country of application. *Agriculture*. 2025;15(3):224. DOI: 10.3390/agriculture15030224.

Song M, et al. Technology transfer for green investments: exploring how technology transfer through foreign direct investments can contribute to sustainable practices and reduced environmental impact in OIC economies. *Environmental Science and Pollution Research*. 2024;31(6):8812-8827. DOI: 10.1007/s11356-023-31553-x.

Tabolin VV. Legal urbanology: New conceptual approaches to the study of cities and urbanized territories. *Global and Regional Research*. 2022;4(2):165-169. (In Russ.).

Wang S, He Y, Song M. Global value chains, technological progress, and environmental pollution: Inequality towards developing countries. *Journal of Environmental Management*. 2021;277:110999. DOI: 10.1016/j.jenvman.2020.110999.

Witt MA, et al. Decoupling in international business: Evidence, drivers, impact, and implications for IB research. *Journal of World Business.* 2023;58(1):101399. DOI: 10.1016/j.jwb.2022.101399.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Васильев Станислав Александрович, кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории «Функциональные основы моделирования социального поведения»
Института государства и права Тюменского государственного университета
д. 6, ул. Володарского, г. Тюмень 625003, Российская Федерация
mnogoslov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Stanislav A. Vasiliev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Senior Researcher, Functional Foundations of Modeling Social Behavior Laboratory, Institute of State and Law, University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation
mnogoslov@mail.ru

Материал поступил в редакцию 9 сентября 2025 г.
Статья получена после рецензирования 12 октября 2025 г.
Принята к печати 15 сентября 2026 г.

Received 09.09.2025.
Revised 12.10.2025.
Accepted 15.09.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.239.10.126-147

Б. В. Лесив
Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
г. Москва, Российская Федерация

Ответственность органов местного самоуправления перед населением и государством: теория и практика в свете муниципальной реформы

Резюме. Статья посвящена вопросу о том, как муниципальная реформа 2025 г. отразилась на институте досрочного прекращения полномочий органов местного самоуправления, особенно в части применения к ним мер конституционно-правовой ответственности. Отличительной чертой нового закона стал отказ от прочно закрепившихся в обиходе юридической науки и судебной практики понятий ответственности органов местного самоуправления перед населением и перед государством. Автор с применением формально-логического, функционального и контекстуального подходов подробно раскрывает материальные и процедурные аспекты обновленных институтов ответственности, чтобы оценить содержание и потенциал новых законоположений. Проведенный анализ показывает, что, несмотря на формальное исключение соответствующих понятий из закона и серьезную реструктуризацию законодательного текста в затронутой части, ответственность органов местного самоуправления перед населением и государством не ставится под сомнение в качестве правового феномена и конституционно-правовой концепции. Особое внимание в статье уделяется классификации оснований, специфике порядка осуществления и правовым последствиям отдельных форм досрочного прекращения полномочий органов местного самоуправления согласно новому закону. Сочетание доктринального анализа с разбором наглядных, в том числе малоизвестных, примеров судебной практики по этим формам досрочного прекращения полномочий позволило выработать ряд полезных практических рекомендаций и обратить внимание на ключевые особенности действия соответствующих правовых норм в их обновленном виде.

Ключевые слова: местное самоуправление; досрочное прекращение полномочий; конституционно-правовая ответственность; представительный орган муниципального образования; глава муниципального образования; удаление в отставку; отрешение от должности; новый муниципальный закон

Для цитирования: Лесив Б. В. Ответственность органов местного самоуправления перед населением и государством: теория и практика в свете муниципальной реформы. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 10. С. 126–147. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.239.10.126-147

Responsibility of Local Self-Government Bodies towards the Population and the State: Theory and Practice in Light of Municipal Reform

Bogdan V. Lesiv
Lomonosov Moscow State University
HSE University
Moscow, Russian Federation

Abstract. This paper examines how the 2025 municipal reform affected the institution of early termination of powers of local self-government bodies, particularly regarding the application of measures of constitutional and legal responsibility measures to them. A distinctive feature of the new law in this part was the abandonment of

© Лесив Б. В., 2026

the well-established concepts in legal science and judicial practice of local self-government bodies' responsibility «towards the population» and «towards the state». The paper uses formal-logical, functional and contextual approaches to thoroughly examine the material and procedural aspects of the updated institutions of accountability in order to assess the content and potential of the new legislative provisions. The analysis shows that despite the formal exclusion of these concepts from the law and the serious restructuring of the legislative text in this part, the responsibility of local self-government bodies towards the population and the state is not called into question as a legal phenomenon and constitutional-legal concept. Particular attention in the article is given to the classification of grounds, specifics of implementation procedures and the legal consequences of certain forms of early termination of local self-government bodies' powers according to the new law. The combination of doctrinal analysis with the examination of illustrative, including little-known cases of judicial practice on these forms of early termination of powers made it possible to develop of a number of specific useful practical recommendations and highlight key features of the relevant legal norms in their updated form.

Keywords: local self-government; early termination of powers; constitutional-legal responsibility; representative body of a municipal formation; head of a municipal formation; removal from office; dismissal from office; new municipal law

Cite as: Lesiv BV. Responsibility of Local Self-Government Bodies towards the Population and the State: Theory and Practice in Light of Municipal Reform. *Lex russica*. 2026;79(10):126-147. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.239.10.126-147

Введение

19 июня 2025 г. вступил в силу Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»[1] (далее также — Новый закон), который по большей части уже заменил (а после вступления в силу всех положений полностью заменит) Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ со сходным наименованием. Наименования этих законодательных актов различаются важной деталью: теперь речь на концептуальном уровне (наименование закона отражает его основную концепцию) идет об организации местного самоуправления не просто в государстве как таковом («в Российской Федерации»), а в «единой системе публичной власти». Легальную дефиницию единой системы публичной власти в 2020 г. ввела статья 2 Федерального закона от 08.12.2020 № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации». Она прямо отнесла органы местного самоуправления к «органам, входящим в единую систему публичной власти»[2]. Новый закон, таким образом, по меткому замечанию помощника Президента РФ — начальника Государственно-правового управления Президента РФ Л. И. Брычевой, «завершил цикл нормативно-правового оформления единой системы публичной власти» с целью наиболее точного, слаженного и эффективного решения социально-экономических задач в интересах населения страны, отправной точкой которого послужили изменения, внесенные в Конституцию РФ по инициативе Президента и одобренные в результате общероссийского голосования 1 июля 2020 г.[3]

Одной из особенностей Нового закона стало то, что в нем нет главы с наименованием «Ответственность органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления, контроль и надзор за их деятельностью». Более того, Новый закон не оперирует в отношении органов местного самоуправления такими понятиями, прочно вошедшими в обиход публично-правовой науки и практику Конституционного Суда России, как «ответственность перед населением» и «ответственность перед государством».

Означает ли это парадигмальный сдвиг в регулировании данных вопросов на фоне об-

[1] СЗ РФ. 2025. № 12. Ст. 1200.

[2] В конституционно-правовой доктрине и практике Конституционного Суда это понимание сложилось уже очень давно. См.: Публичное право / под ред. В. А. Виноградова. М. : Проспект, 2025. С. 192–193 ; Конституционное право Российской Федерации / под ред. В. А. Виноградова. 7-е изд. М. : Проспект, 2025. С. 704–705.

[3] Новый муниципальный закон. Постатейный комментарий к Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» / под ред. П. В. Крашенинникова. М. : Эксмо, 2026. С. 3.

щей тенденции реформирования единой системы публичной власти? Скорее всего, ответ необходимо дать отрицательный, поскольку в действительности хорошо известные институты в обновленном виде инкорпорированы в нормативные положения, которые заняли иные позиции в общей структуре текста Нового закона. Теперь соответствующие вопросы рассматриваются в гл. 3 «Организационные основы местного самоуправления». Конечно, если с учетом большого значения (в том числе и практического) логики системно-правовых взаимосвязей в законодательных текстах в рамках континентальной правовой традиции применить структурный метод сравнительного правоведения для анализа изменений, то почти наверняка можно усмотреть смещение акцентов в «замысле законодателя» — на самом глобальном, концептуальном уровне. Однако отразился ли такой замысел на содержательной, формально-юридической стороне публично-правовых институтов, которые сегодня объединены общим понятием досрочного прекращения полномочий?

Можно предположить, что Новый закон был нацелен на устранение дублирования, так как в Федеральном законе № 131-ФЗ тоже имелись отдельные нормы о досрочном прекращении полномочий каждого из муниципальных органов, однако в части «санкционных» оснований для такого прекращения делалась отсылка к названной выше главе об ответственности органов местного самоуправления (ч. 16 ст. 35, п. 21 и 3 ч. 6 ст. 36). Новый закон более четко и наглядно закрепляет основания и порядок роспуска представительного органа муниципального образования, удаления главы муниципального образования в отставку и отрешения его от должности именно в категориях процесса досрочного прекращения полномочий, тем самым более формально вплетая их в общую логическую канву структурно-функционального построения единой системы публичной власти (ведь каждый из этих вопросов и процессов непосредственно связан именно с взаимодействием органов, входящих в указанную систему) и способствуя отказу правоприменительной практики от использования, по сути, теоретических понятий ответственности перед населением и ответственности перед государством.

Обновление подхода к регулированию указанных правоотношений — прекрасный повод проверить вышеназванную гипотезу и осмыслить доктринальный и практический опыт, который может стать хорошим подспорьем в реализации новых законоположений.

1. Общая конституционно-правовая характеристика оснований для досрочного прекращения полномочий органов местного самоуправления

Досрочное прекращение полномочий любого органа публичной власти, как правило, является ситуацией экстраординарной, в отличие от прекращения полномочий в общем порядке, например в связи с истечением срока полномочий. Целый ряд положений Нового закона, посвященных досрочному прекращению полномочий, составляет ядро одного из важнейших институтов конституционного права — конституционно-правовой ответственности в ее муниципальном преломлении. Нормативная последовательность этих положений начинается статьей 17, но общие замечания о конституционно-правовой природе этого института будут полезны для глубокого понимания не только ее содержания, но также содержания ст. 21, 23 и 30 Нового закона.

Рассматриваемый институт имеет двоякую правовую природу и в зависимости от основания его задействования может означать досрочное прекращение полномочий:

1) в качестве юридически нейтральной констатации факта;

2) в качестве меры конституционно-правовой ответственности.

В первом случае говорится о прекращении полномочий в связи с наступлением объективных событий или совершением субъективных волевых действий, которые влекут фактическую невозможность исполнения полномочий или нахождения в должности, но не порождают негативной реакции государства. То есть прекращение публично-властных полномочий происходит не в результате государственного принуждения, а в силу юридически значимого факта (как правило, события). Примерами таких оснований являются смерть, недееспособность, получение вида на жительство за рубежом, добровольная отставка.

Во втором случае досрочное прекращение полномочий органа (должностного лица), притом что они могут не желать прекращения деятельности (оставления должности), наступает в качестве санкции за ненадлежащее публично значимое поведение. Как разновидность общей конституционно-правовой ответственности, досрочное

прекращение полномочий органов и должностных лиц местного самоуправления разделяет ряд ее особенностей. В зависимости от характера основания для ее наступления она может быть:

1) политической конституционно-правовой ответственностью;

2) юридической конституционно-правовой ответственностью.

Юридическая ответственность предполагает, как правило, формально определенную реакцию государства на конкретные нарушения закона или неисполнение конкретных юридических обязанностей. При этом есть видимая причинно-следственная связь между деянием и наступлением ответственности, а соответствующие факты достоверно устанавливаются в рамках строгой процедуры. Для наступления политической ответственности наличие указанных формальных критериев не обязательно. Здесь повышенный стандарт ответственности обусловливается особой публично-правовой природой замещаемой должности или осуществляемых полномочий, которая предполагает возможность предъявления легитимных повышенных требований со стороны других органов — элементов политической системы. Поэтому зачастую основания прекращения полномочий в результате наступления политической ответственности связаны с дискреционной оценкой соответствия деятельности должностного лица или органа какому-либо критерию, осуществляемой другими органами, в том числе с взвешиванием ими публичных интересов и ценностей, которые затрагиваются при сохранении тех или иных лиц в должности.

С. А. Авакьян объясняет, что «применительно к конституционно-правовой ответственности приходится сталкиваться с парадоксом, когда она может наступать за деяния, которые порой не носят характера прямых нарушений законодательства, даже наоборот, могут быть последствием соблюдения законодательства, но имеют политический “налет”, то есть отражают политические отношения между субъектами права»[4]. Как справедливо отмечает В. А. Виноградов, «основанием ответственности может быть не только правонарушение», поскольку она может быть наложена даже за действия других лиц[5]. Это и имеет место в ситуациях, например, когда главу муниципального образования удаляют в отставку за его неудовлетворительную работу или систематическое недостижение показателей эффективности, которые де-факто зачастую зависят не столько от главы, сколько от местной администрации и муниципальных служб, которые находятся под его общим руководством. Однако здесь, в отличие от юридической ответственности, факт объективной невозможности повлиять на деятельность местной администрации (например, из-за нехватки кадровых ресурсов) уже не будет иметь прямого правового значения, препятствующего вынесению политического решения об удалении в отставку, хотя и может быть учтен представительным органом при рассмотрении этого вопроса.

Из рассматриваемых законоположений видно, что в отношении представительного органа досрочное прекращение полномочий приобретает форму либо юридически нейтральной констатации факта, либо юридической конституционно-правовой ответственности. То есть к представительному органу неприменима политическая ответственность. Поэтому и оснований для досрочного прекращения здесь предусмотрено всего шесть. Этот подход отличается от модели досрочного прекращения полномочий лиц, замещающих муниципальные должности, и особенно — главы муниципального образования, что будет показано далее при анализе ст. 21 Нового закона. Дело, как представляется, в том, что на уровне местной политической системы представительный орган занимает высшее положение, что объясняется как особой природой его мандата, получаемого непосредственно от местного населения (в отличие от большинства глав муниципалитетов), так и особым кругом вопросов, которые находятся в его ве́дении (вопросы местного значения). Второй фактор усиливает роль первого, этим подчеркивается обособление определенного спектра публично значимых вопросов от предмета внимания каких-либо органов, помимо местных. Особый подход к регулированию ответственности представительного органа, депутаты которого продолжают быть частью местного сообщества даже после избрания, связан с его решающей ролью в рассмотрении вопросов местного значения. Именно поэтому на местном уровне действует принцип подотчетности всех других муниципальных органов представи-

[4] Ценность права (к 100-летию со дня рождения О. Э. Лейста) / отв. ред. Е. А. Фролова. М. : Проспект, 2025. С. 24.

[5] Публичное право. С. 390–391.

тельному органу (об этом будет сказано подробнее далее). Следовательно, поскольку он и есть решающий «политический» орган, определяющий местную политику в пределах узкого круга вопросов, постольку избыточное применение к нему мер политической ответственности приводило бы к рутинной подмене его политической функции политической волей другого субъекта, относящегося к иному уровню публичной власти, что нивелировало бы конституционно-правовое предназначение представительного органа на местном уровне и умаляло принцип самостоятельности местного самоуправления.

К мерам юридической конституционно-правовой ответственности относится роспуск представительного органа и досрочное прекращение его полномочий за нарушение срока издания акта, необходимого для реализации решения, принятого путем прямого волеизъявления населения. В отличие от классической конституционно-правовой парадигмы роспуска представительных органов (например, парламента), который обычно входит в полномочия исполнительной власти, роспуск представительного органа местного самоуправления осуществляется только законом субъекта РФ. Такая модель объясняется тем, что речь идет не о противовесах в функционировании системы государственной власти, а о вмешательстве государства в самостоятельный уровень публичной власти — местное самоуправление, причем в отношении органа, имеющего первостепенную функцию представительства местного населения. В такой ситуации представляемой им воле и интересу местного населения противопоставляется воля и интерес всего населения субъекта РФ в лице его законодательного (представительного) органа, чем легитимизируется указанное государственное вмешательство (в отличие от осуществления актом главы региона). Кроме того, если основанием роспуска является принятие незаконного нормативного акта представительного органа или невозможность принятия им законных нормативных актов, то роспуск осуществляется актом, юридическая сила которого превышает любое решение такого органа.

Основания для роспуска представительного органа определяются частью 3 ст. 17 Нового закона. Другие основания, предусмотренные частью 1 этой статьи, влекут досрочное прекращение полномочий представительного органа в силу констатации соответствующего факта. При этом решение о самороспуске является аналогией п. 2 ч. 1 ст. 30 Нового закона (отставка по собственному желанию лица, замещающего муниципальную должность), адаптированной под правовую природу коллегиального представительного органа.

Что касается такого основания досрочного прекращения полномочий, как установленная судом общей юрисдикции регионального уровня неправомочность состава депутатов представительного органа, несмотря на его квалификацию в качества вопроса факта, его прежнее применение оказалось не бесспорным. Сто́ит учитывать системно-правовую связь пункта 3 ч. 1 ст. 17 с частями 3 и 4 ст. 15 Нового закона. Так, важно отграничивать понятие правомочности состава представительного органа при его избрании (не менее 2/3 установленного числа депутатов), которая фиксируется с целью квалификации конституционно-правовых последствий соответствующих муниципальных выборов, от понятия правомочности действующего состава представительного органа, то есть его способности в установленном законом и уставом муниципального образования порядке принимать законные решения. Целеполагание нормы о досрочном прекращении полномочий (п. 3 ч. 1 ст. 17) связано именно со вторым проявлением неправомочности. Правомочным является заседание представительного органа, на котором присутствует не менее 50 % от числа избранных депутатов. Следовательно, поскольку представительный орган может проводить правомочные заседания, его состав нельзя признать полностью неправомочным, даже если в конкретный момент количество депутатов оказалось менее 2/3 числа избранных на муниципальных выборах. Поэтому, как указал Верховный Суд РФ, прекращение полномочий одной трети от установленной численности депутатов не является безусловным основанием для принятия судом решения о неправомочности состава депутатов, ведь заседание представительного органа, на котором присутствует не менее 50 % от числа избранных депутатов, является правомочным, а орган местного самоуправления вправе рассматривать вопросы, для принятия решения по которым не требуется квалифицированного большинства[6]. От-

[6] Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 04.05.2018 № 20-АПГ18-3 (здесь и далее в статье, если не указано иное, материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

сутствие же квалифицированного большинства в связи с выбытием депутатов в данном случае — это основание не для признания состава неправомочным, а для проведения дополнительных выборов согласно избирательному законодательству. Именно такая мера устранения временной проблемы является разумной и конституционно оправданной: проведение полномасштабных выборов всего состава представительного органа (с нуля) со всеми вытекающими из этого правовыми и финансовыми последствиями соразмерно проблеме полной неправомочности состава депутатов, тогда как проведение точечных дополнительных выборов — проблеме временного отсутствия части депутатов и квалифицированного большинства от установленного числа.

2. Основания и порядок роспуска представительного органа муниципального образования законом субъекта Российской Федерации

Статьей 17 Нового закона предусмотрена обязанность главы субъекта РФ в трехмесячный срок внести в региональный законодательный орган проект закона о роспуске представительного органа муниципального образования, если имеется вступившее в законную силу решение суда, которым установлен факт совершения представительным органом одного из указанных в статье нарушений. В то же время эти нарушения, то есть основания роспуска представительного органа, представляют собой классический пример оснований наступления юридической конституционно-правовой ответственности, ведь каждое из них связывает конституционно-правовую санкцию с недолжным поведением органа публичной власти.

Так, судом должен быть установлен факт принятия представительным органом муниципального образования нормативного правового акта, противоречащего Конституции РФ или действующему законодательству. Для данного случая законодатель предусмотрел дополнительное условие внесения главой региона в законодательный орган проекта закона о роспуске муниципального представительного органа — непринятие последним в пределах своих полномочий мер по исполнению решения суда в течение 3 месяцев со дня вступления в силу решения суда либо в течение иного предусмотренного решением суда срока. Важной процедурной деталью Нового закона стала попытка унификации сроков внесения главой региона проекта закона о роспуске представительного органа для всех установленных оснований, в том числе и для рассматриваемого. Если ранее Федеральный закон № 131-ФЗ обязывал внести такой закон на рассмотрение регионального парламента в течение 1 месяца после вступления в силу решения суда, установившего факт неисполнения представительным органом предыдущего решения суда (о принятии незаконного нормативного акта), то сейчас проект должен быть внесен в течение 3 месяцев со дня вступления в силу решения суда, установившего незаконность нормативного акта, при условии что представительный орган муниципального образования в течение 3 месяцев со дня его вступления в силу (либо в течение иного предусмотренного решением суда срока) не принял мер к его исполнению. Впрочем, соотношение указанных сроков может показаться дискуссионным: представительному органу дается на устранение нарушений 3 месяца, но, по всей видимости, эти же 3 месяца отведены на внесение проекта закона о роспуске, что может поставить под вопрос либо право представительного органа исправить нарушения в течение всего отведенного срока, либо возможность обоснованного (а не произвольного) исполнения обязанности, возложенной на главу региона (при условии неустранения нарушений в 3-месячный срок). Возможно, поскольку внесение проекта закона еще не предрешает результата его рассмотрения, предполагается, что если представительный орган все-таки успеет исправить нарушения в 3-месячный срок, то законодательный орган, даже несмотря на внесение предложения о его роспуске, сможет объективно оценить ситуацию и отклонить проект закона. В любом случае рассмотрение этого вопроса потребует от законодательного органа содержательной оценки как соотношения сроков, так и соблюдения критерия «при условии». Таким образом, новое регулирование наполняет процедуру рассмотрения соответствующего проекта закона содержательным смыслом, делая ее важной частью института конституционно-правовой ответственности представительного органа, а не формальной стадией констатации факта. Прояснить эту дилемму, очевидно, поможет только практика применения рассматриваемых положений Нового закона.

При этом необходимо уже сейчас иметь в виду, что, согласно судебной практике, при рассмотрении вопроса о совершении представительным органом обозначенного конституционного правонарушения учитываются не только незаконные нормативные акты, принятые данным составом представительного органа, но и незаконные нормативные акты, которые представительный орган принимал при другом составе депутатов, но отказался исправить в новом составе, например по требованию прокурора (если их незаконность впоследствии подтверждена судом). Другими словами, представительный орган по данному основанию отвечает не только за действие, но и за бездействие, которыми нарушено состояние законности в муниципальном образовании. В этом ярко проявляется раскрытая ранее характеристика конституционно-правовой ответственности, которая может наступать «без вины» в ее строгом юридическом понимании. С теоретической точки зрения это объясняется вверенной правотворческому органу исключительной и полной компетенцией на реформирование всех элементов системы источников объективного права соответствующего уровня (то есть полномочия не только принимать, но и изменять или отменять нормативные акты)[7].

Например, одно из дел, рассмотренных Верховным Судом РФ, было связано с непринятием представительным органом мер по приведению в соответствие с законодательством устава муниципального образования на основании решения суда, установившего соответствующие противоречия и определившего срок исполнения — в течение 10 дней со дня его вступления в законную силу (вступает в законную силу через 1 месяц после изготовления в окончательной форме, если оно не было обжаловано, либо после вынесения апелляционного определения, если было обжаловано). Представительный орган был распущен за неисполнение указанного решения суда, несмотря на то что спорная редакция устава была принята задолго до избрания данного состава представительного органа, а дефектной она стала из-за последующих изменений федерального законодательства (то есть была правомерной на день утверждения). Довод председателя представительного органа о том, что не установлен факт принятия представительным органом нормативного акта, противоречащего федеральному законодательству, был отвергнут судами. Они указали, что основанием для ответственности представительного органа является «неисполнение решения суда и нарушение тем самым прав населения муниципального образования, а не обстоятельства, касающиеся момента возникновения незаконности нормативного акта». Судами квалифицировано в качестве основания, подпадающего под определение, аналогичное п. 1 ч. 3 ст. 17 Нового закона, а именно неустранение недостатков в уставе муниципального образования в совокупности с тем фактом, что депутаты, зная об установленном противоречии, пусть даже в отсутствие кворума, не предпринимали никаких мер для устранения проблемы, которая препятствовала осуществлению местного самоуправления[8].

Действительно, имеет место расширенное толкование законодательных норм по духу, а не по букве, которая прямо связывает инициативу роспуска исключительно с «принятием представительным органом нормативного акта, противоречащего Конституции». Вместе с тем, поскольку обязательным условием такой инициативы является неисполнение вступившего в законную силу судебного постановления, можно сказать, в обращении представительного органа к буквальному прочтению закона с целью избежания ответственности следовало бы отказать по той причине, что никто не может извлекать выгоду из собственного неправомерного поведения (принцип эстоппеля, или добросовестности, в публичном праве). Таким образом, важным обстоятельством при оценке наличия основания для роспуска представительного органа по п. 1 ч. 3 ст. 17 Нового закона является именно факт непринятия мер по устранению выявленных нарушений законности.

С учетом того, что практика признания муниципальных нормативных правовых актов незаконными в порядке КАС РФ достаточно обширна, представительные органы должны проявлять особую бдительность в исполнении соответствующих решений, чтобы не допустить наступления описанных последствий.

Для иных оснований, закрепленных в ч. 3 ст. 17, не предусмотрено дополнительных усло-

---

[7] *Фролова Е. А., Лесив Б. В.* Источники и формы права: современный взгляд на основные теоретические положения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. № 17 (1). С. 4–39.

[8] Определение Верховного Суда РФ от 27.06.2007 № 73-Г07-4.

вий роспуска, таких как непринятие мер в определенный срок. Непроведение правомочных заседаний в течение 3 месяцев — вопрос факта, который сам по себе, в силу закона, свидетельствует о сбое в работе органов публичной власти в интересах местного населения, и этот факт имеет место из-за неправильно организованной работы или по вине депутатов представительного органа.

Если представительный орган был распущен в связи с указанным неконституционным бездействием, то есть за уклонение от выполнения возложенных на него населением полномочий в форме длительного непроведения правомочных заседаний, то в качестве гарантии для депутатов часть 5 ст. 17 Нового закона предусматривает, что они могут обратиться в суд для установления отсутствия своей вины в таком бездействии. Это позволит им, как добросовестным народным представителям, избежать в дальнейшем избирательных санкций, предусмотренных электоральным законодательством (поражение пассивного избирательного права лиц, действия которых послужили основанием для роспуска представительного органа и назначения новых выборов).

Коллегиальная природа деятельности представительного органа и его особое, обусловленное этим место в муниципальном правотворчестве, очевидно, не позволяют использовать возможность исполнения единолично председателем (как представителем органа и его высшим должностным лицом) возложенной судом на орган обязанности совершить то или иное действие, что при обращении к ч. 2 ст. 206 ГПК РФ и институту аналогии закона могло бы показаться допустимым. Анализ, проведенный Д. Ю. Ворониным и С. Ф. Сахаровым, исполнения судебных решений избирательными комиссиями, которые также являются коллегиальными органами с особым статусом, привел авторов к справедливому заключению, что возможность применения аналогии закона установлена исключительно для суда[9]. Новый закон такого положения не содержит.

В целом в Новом законе преемственно воспроизведен с точечными улучшениями институт, который ранее был известен как «ответственность представительного органа перед государством» (ст. 73 Федерального закона № 131-ФЗ).

3. Досрочное прекращение полномочий главы муниципального образования в нормативной архитектуре Нового закона

Статья 21 Нового закона состоит из 25 частей, посвященных разным аспектам досрочного прекращения полномочий главы муниципального образования, и для их системного восприятия требуется учесть ряд замечаний общего характера.

Как было сказано ранее, досрочное прекращение полномочий, как правило, является ситуацией экстраординарной. Тщательное рассмотрение данного вопроса в отношении главы муниципального образования особенно актуально: он является высшим должностным лицом муниципального образования и, возглавляя, по сути, исполнительно-распорядительную ветвь местного самоуправления, обладает собственными единоличными и весьма значительными полномочиями по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения. Такое особое внимание главе муниципалитета уделяется, как можно заметить по объему ст. 21 и детализации оснований для досрочного прекращения его полномочий, не только в юридической науке и практике, но и в законодательстве.

Помимо рассмотренной ранее градации конституционно-правовой ответственности, меры, предусматриваемые данной статьей в отношении главы муниципалитета, могут быть классифицированы по субъекту, перед которым он подотчетен по тем или иным основаниям (в отличие от представительного органа):

1) ответственность перед населением;

2) ответственность перед государством.

Если разграничение данных видов ответственности в Федеральном законе № 131-ФЗ указывалось напрямую (ст. 71–74), то в Новом законе оно прослеживается лишь имплицитно. В частности, как указал Конституционный Суд, удаление главы муниципалитета в отставку за неисполнение возложенных на него полномочий «выступает мерой его ответственности перед представительным органом муниципаль-

[9] *Воронин Д. Ю., Сахаров С. Ф.* Особенности исполнения судебных актов по административным делам, связанным с защитой избирательных прав граждан // Российский судья. 2024. № 7. С. 32–37.

ного образования, а в конечном итоге — и перед населением»[10]. Согласно ч. 18 ст. 19 Нового закона глава муниципалитета подконтролен и подотчетен населению и представительному органу муниципального образования, то есть политическая иерархия здесь вполне очевидна (в отличие от аналогичных вопросов на региональном и федеральном уровнях публичной власти). Это можно объяснить публично-правовой природой феномена самоуправления, которое испокон веков связывалось с «управлением сообща» в противовес централизованной государственности, зарождавшейся в фигуре единоличного правителя[11]. В этом же ярко отражаются традиционные для российской конституционно-правовой науки взгляды на то, что реальность и доминанта народного представительства в осуществлении власти есть истинный (если не единственный) критерий конституционного правления[12].

Рассматривая ответственность главы муниципалитета перед государством, Конституционный Суд неоднократно отмечал, что отрешение от должности высшим должностным лицом субъекта РФ обусловлено его особым конституционно-правовым статусом в качестве главы региональной исполнительной власти, ответственного за обеспечение соблюдения на территории субъекта РФ не только региональных конституции (устава) и законов, но и Конституции РФ и федеральных законов[13].

Учитывая внушительный объем ст. 21 Нового закона, для комплексного уяснения ее нормативного содержания и удобства практического применения необходимо обеспечить системный взгляд на исследуемые положения исходя из их предметной направленности.

Так, положения статьи можно поделить на разделы:

1) часть 1 указывает на все возможные основания досрочного прекращения полномочий главы муниципального образования;

2) части 2–14 касаются института удаления главы муниципального образования в отставку (далее — удаление в отставку), при этом:

— часть 3 вводит основания для удаления в отставку;

— части 2, 4, 7 и 8 определяют, какие субъекты вправе выдвигать инициативу удаления в отставку и порядок ее внесения;

— части 5, 6, 9–14 регламентируют порядок рассмотрения указанной инициативы и принятия решения об удалении в отставку;

3) части 22 и 24 устанавливают основания отрешения от должности главы муниципального образования (далее также — отрешение), а часть 23 ограничивает срок принятия такого решения по некоторым основаниям;

4) части 16, 17, 19 и 21 дают представление об общих правовых последствиях досрочного прекращения полномочий главы муниципального образования;

5) части 15, 18, 20 и 25 закрепляют гарантии судебной защиты главы муниципального образования в случае удаления в отставку и гарантии исполнимости соответствующих судебных решений.

4. Системно-правовой анализ оснований для досрочного прекращения полномочий главы муниципального образования

Статья 21 посвящена главным образом досрочному прекращению полномочий главы муниципалитета именно в качестве меры конституционно-правовой ответственности. Согласно абз. 1 предусмотренные ею основания для досрочного прекращения полномочий дополняют перечень, который уже содержится в ч. 1 ст. 30 Нового закона и касается любых лиц, замещающих муниципальную должность, в том числе главы муниципалитета. При этом 3 из 7 дополнительных оснований, вводимых в ст. 21, являются с точки зрения описанной ранее классификации вопросами факта — событиями, наступление которых влечет досрочное прекращение полномочий само по себе, вне зависимости от воли каких-либо органов и должностных лиц.

Остальные 4 основания досрочного прекращения полномочий главы муниципалитета

[10] Определение Конституционного Суда РФ от 17.11.2011 № 1489-О-О.

[11] Институты самоуправления: историко-правовое исследование / под ред. Л. С. Мамута. М. : Наука, 1995. С. 46–55.

[12] *Садовникова Г. Д.* Развитие идей народного представительства и местного самоуправления в трудах ученых кафедры конституционного и муниципального права // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 6. С. 101.

[13] Определение Конституционного Суда РФ от 16.01.2018 № 12-О.

являются вопросами политической или правовой оценки и относятся к разряду конституционно-правовой ответственности, как она была описана ранее:

1) утрата доверия Президента РФ;

2) удаление в отставку;

3) отрешение от должности;

4) нарушение срока издания муниципального правового акта, необходимого для реализации решения, принятого путем прямого волеизъявления населения.

Причем двум из этих оснований целиком посвящена вся оставшаяся часть ст. 21 Нового закона — удалению в отставку и отрешению.

О том, что из всех органов местного самоуправления логика подразделения конституционно-правовой ответственности на юридическую и политическую действует наиболее ярко применительно к главе муниципального образования, свидетельствует характер 4 дополнительных оснований досрочного прекращения полномочий. В отличие от уже рассмотренных оснований досрочного прекращения полномочий представительного органа, целый ряд положений ст. 21 связывает потерю должности главой муниципального образования не с противоправностью в строгом смысле этого понятия, а с его некачественной, неэффективной работой, которая пусть и не нарушает закона и не причиняет прямого вреда, но получает такую оценку со стороны других органов, а также с совершением поступков, хотя и не являющихся должностными правонарушениями, но влекущих негативные политические последствия и реакцию.

Повышенное внимание к конституционно-правовой ответственности главы муниципального образования, в том числе введение ряда оснований для чисто политической ответственности, объясняется несколькими обстоятельствами. Во-первых, субординационная модель организации местного самоуправления и в ранее действовавшем, и в Новом законе исходит из первичной значимости представительного органа как института, выступающего напрямую от имени местного населения. С учетом того, что повсеместная практика последних 10 лет показывает ярко выраженную тенденцию к избранию глав муниципальных образований не на прямых выборах, а представительным органом, это только подкрепляет конституционно-правовые основания для указанной условно политической субординации, предполагая возможность «спроса» с избранного таким образом главы (концепция подотчетности). Во-вторых, не будет открытием для науки конституционного права, что политическая ответственность при народовластии всегда наиболее характерна именно для носителей исполнительной власти, которые ответственны за эффективное расходование бюджетных средств при выработке и реализации конкретных мер, направленных на повышение национального благосостояния. Именно глава муниципального образования обладает высшими исполнительно-распорядительными полномочиями на уровне местного самоуправления, именно в его руках находится стратегия распределения местного бюджета по конкретным мероприятиям, реализуемым для обеспечения жизнедеятельности населения. В целом от правильности его управленческих решений и распорядительных действий может зависеть выполнение множества текущих задач, которые имеют мгновенный эффект с точки зрения социально-экономической или общественно-политической ситуации в муниципалитете. С представительным органом всё обстоит немного иначе — его основными функциями являются принятие муниципальных нормативных правовых актов, утверждение бюджета и коллективное обсуждение вопросов муниципальной жизни. Значит, и модели ответственности этих органов принципиально разнятся: в одном случае это больше юридическая ответственность за принятие незаконных правовых актов или неспособность к принятию законных правовых актов, а в другом — как юридическая, так и политическая конституционно-правовая ответственность.

Особенностью статуса главы муниципального образования является то, что из всех лиц, замещающих муниципальные должности, только его полномочия могут быть прекращены вследствие утраты доверия Президента РФ. Институт утраты доверия Президента основан на исключительной конституционной прерогативе главы государства в качестве гаранта Конституции, прав и свобод человека и гражданина, обеспечивающего согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти (ст. 80 Конституции РФ).

Как разъяснил Конституционный Суд, решение об отрешении от должности в связи с утратой доверия основывается на оценке Президентом, с учетом предоставленной ему дискреции, конкретного лица как неспособного обеспечить надлежащее исполнение публичных полно-

мочий в единой системе публичной власти[14], поэтому критерии утраты доверия Президента законодательно не регламентированы, как и порядок принятия данного решения. Этот конституционный институт по своей правовой природе рассчитан на точечное и гибкое применение, когда национальным интересам или жизненно важным интересам всего населения конкретного муниципального образования может грозить вред особого характера из-за ненадлежащего поведения должностного лица. Тем более это касается муниципального уровня власти, к которому внимание Президента РФ может быть привлечено, как представляется, в исключительных случаях — если множество других общих мер ответственности главы муниципального образования, о которых говорится в ст. 21 Нового закона, не окажутся эффективными и своевременными.

Таким образом, относительно утраты доверия налицо конституционно-правовая ответственность главы муниципального образования в ее политическом аспекте. Политическая природа этой меры не только следует из ее названия («доверие»), но и связывается в науке также с дискреционностью ее применения в качестве «средства политической оценки» или даже возможности «объективного вменения»[15].

5. Удаление в отставку как мера юридической и политической ответственности главы муниципального образования

Новым законом (ч. 3 ст. 21) установлены основания удаления в отставку, причем часть из них, согласно описанной ранее логике, — основания юридической конституционно-правовой ответственности, а другая часть — политической.

К первой группе (юридической) относятся:

1) совершение действий, в том числе принятие решений, в результате которых финансовое положение муниципалитета ухудшилось настолько, что потребовалась государственная интервенция (п. 1 ч. 3 ст. 21, п. 2 и 3 ч. 1 ст. 38);

2) неисполнение в течение 3 и более месяцев обязанностей, которые возложены на главу муниципалитета (п. 2 ч. 3 ст. 21);

3) несоблюдение антикоррупционных ограничений (п. 4 ч. 3 ст. 21, ч. 5 ст. 28);

4) допущение главой муниципального образования либо подчиненными ему должностными лицами, органами и организациями массового нарушения государственных гарантий равенства прав и свобод человека и гражданина, которое привело к нарушению межнационального и межконфессионального согласия (п. 5 ч. 3 ст. 21).

Ко второй группе (политической) относятся:

1) повторная неудовлетворительная оценка деятельности главы муниципалитета по итогам его ежегодного отчета перед представительным органом;

2) систематическое недостижение показателей эффективности деятельности органов местного самоуправления.

Указанные группы оснований разделяют характеристики юридического и политического направления конституционно-правовой ответственности, которые были описаны ранее. Так, по общему правилу перечисленные в первой группе основания обусловлены либо конкретными деяниями (действиями, бездействием), либо конкретными последствиями деяний главы муниципалитета, большинство из которых нарушают нормы права и характеризуются наличием причинно-следственной связи. Только появление существенной просроченной финансовой задолженности муниципалитета может быть охарактеризовано как объективный факт, при прочих равных условиях не нарушающий напрямую законодательные нормы.

Несоблюдение антикоррупционных ограничений и нецелевое расходование бюджетных средств являются понятными юридически значимыми обстоятельствами, квалификация которым дается первично в рамках специализированной правоохранительной процедуры и лишь субсидиарно влечет конституционно-правовую ответственность для устранения дефектного элемента системы публичного управления.

Особый интерес из числа юридических оснований для удаления в отставку представляют неисполнение главой своих обязанностей и допущение массового нарушения прав граждан. В отношении второго отметим, что за более чем

[14] Определение Конституционного Суда РФ от 26.04.2021 № 621-О.

[15] *Кондрашев А. А.* Отрешение от должности губернатора Президентом Российской Федерации в связи с утратой доверия за коррупционные правонарушения и ненадлежащее исполнение им своих обязанностей: проблемы теории и практической реализации // Lex russica. 2020. № 73 (3). С. 23.

10-летнее существование (введена в 2013 г.) данная норма выступила и продолжает выступать надежной превентивной сдержкой от совершения подобных экстраординарных правонарушений, посягающих на базовые принципы конституционного строя[16].

Касательно же неисполнения обязанностей главы муниципалитета в течение 3 и более месяцев важно учитывать несколько обстоятельств. Конституционный Суд разъяснил, что это основание для удаления в отставку должно с очевидностью свидетельствовать о фактическом самоустранении главы муниципального образования от исполнения возложенных на него полномочий, что «существенно затрудняет либо делает невозможными реализацию полномочий иных органов местного самоуправления, органов государственной власти, осуществление гражданами прав, свобод и несение ими обязанностей в сфере местного самоуправления, то есть нарушает нормативно установленный порядок осуществления функций местного самоуправления»[17]. Суды общей юрисдикции толкуют рассматриваемую норму как предполагающую удаление в отставку только при полном неисполнении им всех обязанностей по решению вопросов местного значения. Конституционный Суд поддержал такую логику, указав, что при уклонении главы муниципального образования от исполнения его отдельных уставных полномочий[18] представительный орган вправе обратиться за судебной защитой и обжаловать незаконное бездействие[19]. Действительно, в соответствии с ч. 9 ст. 227 и ч. 1 ст. 352 КАС РФ при подтверждении такого незаконного бездействия обязанность главы муниципалитета исправить допущенное нарушение следует напрямую из закона и, более того, может быть конкретизирована судебным решением. В случае неисполнения данной обязанности глава будет иметь дело уже не с представительным органом, а с ответственностью за неисполнение судебных постановлений вплоть до уголовной (ч. 2 ст. 315 УК РФ).

Неудовлетворительная оценка деятельности главы — классическая разновидность политической конституционно-правовой ответственности. По мнению А. Н. Кокотова, такое регулирование «не исключает выведения представительным органом неудовлетворительной оценки главе муниципального образования, например на волне их недовольства общим состоянием дел в муниципальном образовании». Это характеризует данную меру как политическую ответственность перед представительным органом[20]. Конституционный Суд подтвердил, что полномочия главы муниципального образования «не могут досрочно прекращаться по соображениям целесообразности иначе как в порядке удаления его в отставку в связи с неудовлетворительной оценкой деятельности по результатам его ежегодного отчета перед представительным органом, данной два раза подряд; при этом требование получить поддержку квалифицированного большинства голосов депутатов может восприниматься как дополнительный фактор более качественного решения этого кадрового вопроса»[21].

Кроме того, глава муниципалитета, добровольно приобретая особый публично-правовой статус, принимает на себя не только полномочия, но и обязанность отчитываться перед населением и представительным органом о результатах своей деятельности, а также признает возможность наступления ответственности вплоть до удаления в отставку в случае признания его деятельности неудовлетворительной. Оценочный характер выносимого представительным органом решения предполагает использование при его принятии демократических процедур и учет различных факторов и мнений, то есть оценка деятельности органов местного самоуправления при осуществлении контрольных полномочий представительного

---

[16] Поиск по справочно-информационным системам не выявил ни одного судебного акта, в котором рассматривалась бы подобная ситуация с применением именно указанного основания.

[17] Определение Конституционного Суда РФ от 17.11.2011 № 1489-О-О.

[18] Речь шла о длительном намеренном уклонении от подписания и обнародования принятых представительным органом решений.

[19] Определение Конституционного Суда РФ от 02.11.2011 № 1464-О-О.

[20] Особое мнение судьи Конституционного Суда А. Н. Кокотова к определению Конституционного Суда РФ от 16.07.2013 № 1241-О.

[21] Постановление Конституционного Суда РФ от 23.11.2021 № 50-П // СЗ РФ. 2021. № 49 (ч. II). Ст. 8396 ; определение Конституционного Суда РФ от 29.10.2024 № 2656-О.

органа может быть различной, и связана она с дискрецией этого органа[22].

Что касается недостижения показателей эффективности, то, как было сказано ранее, оценка эффективности работы органов исполнительной власти по своему определению подпадает под характеристику политической конституционно-правовой подотчетности. Однако в отношении главы муниципального образования показатели такой эффективности устанавливаются во вполне конкретных значениях (ст. 40 Нового закона). Однако вряд ли этот факт сам по себе ведет к переквалификации ответственности за недостижение указанных показателей в юридическую, равно как и показатели не становятся правовыми нормами в строгом смысле этого слова. Нарушение правовых норм всегда связано с заранее известной и гарантированной возможностью их соблюдения, от которого субъект отказывается или к которому относится безразлично. Для достижения же показателей эффективности (по большей части экономических) нет гарантированной схемы действий, а требуется качественный менеджмент. Тем более это относится к социологическим показателям, таким как удовлетворенность населения деятельностью органов местного самоуправления. Более того, законом не раскрывается понятие систематичности недостижения таких показателей, которая повлечет удаление в отставку, что только подтверждает наличие политического усмотрения органов, оценивающих деятельность главы муниципалитета.

Исходя из всего изложенного, необходимо учитывать, что в суде не удастся оспорить по содержанию (мотивам) ни неудовлетворительную оценку деятельности главы муниципалитета, ни основанное на ней удаление в отставку. Судебный контроль здесь по указанным причинам возможен только за соблюдением установленной процедуры[23].

6. Особенности порядка внесения инициативы об удалении в отставку

В настоящем и следующем разделах будут рассмотрены процедурные аспекты удаления в отставку. Каждый такой процедурный аспект должен быть соблюден перед принятием окончательного решения, иначе удаление в отставку признается незаконным и влечет восстановление главы в должности, о чем свидетельствует обширная судебная практика.

Удаление в отставку — прерогатива представительного органа муниципального образования. В этом проявляется конституционный принцип самостоятельности местного самоуправления (ст. 12, ч. 1 ст. 131 Конституции РФ, ст. 2 Нового закона), в соответствии с которым избранный на местном уровне глава муниципального образования не должен по общему правилу отстраняться от должности без учета мнения местного населения, выражаемого представительным органом. Федеральным законодателем сконструирована модель, при которой чистое государственное вмешательство происходит только в наиболее серьезных случаях, когда очевидна несовместимость лица с должностью главы муниципального образования либо невозможность продуктивной реализации его полномочий.

Вносить инициативу об удалении в отставку могут депутаты представительного органа (не менее 1/3 установленной численности[24]) и высшее должностное лицо субъекта РФ, причем по любому из оснований, предусмотренных пунктами 1–5 ч. 3 ст. 21 Нового закона. Вместе с тем для систематического недостижения показателей эффективности деятельности органов местного самоуправления предусмотрена специальная норма — инициатива по ней принадлежит только главе региона (ч. 8 ст. 21), что объясняется достаточно просто: эти показатели устанавливаются не на местном, а на государственном уровне и спрос за их достижение интересен прежде всего государству. Если же представительный орган со своей стороны и по собственным оценкам недоволен эффективностью работы главы муниципалитета по какому-либо из векторов развития местного самоуправления, он может удалить его в отставку согласно п. 3 ч. 3 ст. 21 Нового закона, а задействовать п. 6 для этого вовсе не нужно.

Одного лишь обращения с обоснованием удаления в отставку (указанием причин и за-

[22] Определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2012 № 114-О-О.

[23] Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 20.03.2023 по делу № 88а-6229/2023.

[24] Под установленной численностью понимается количество депутатов представительного органа, определенное уставом муниципального образования в соответствии с законом.

конных оснований) недостаточно, даже если оно вносится уполномоченным субъектом. Согласно положениям ст. 21 в их системном истолковании одновременно должны быть представлены два документа: названное обращение и проект решения представительного органа об удалении в отставку. Требования к форме этих документов законом не установлены, поэтому она может быть свободной, если иное не предусмотрено уставом муниципального образования или регламентом представительного органа. При этом данными актами может конкретизироваться только форма таких документов, что не должно приводить к совершению субъектами инициативы дополнительных действий или указания дополнительной информации, которая не следует из Нового закона в качестве обязательной для внесения инициативы об удалении в отставку. Иное означало бы введение дополнительных условий для реализации инициативы в обход позиции федерального законодателя. Если форма этих документов не регламентирована, то обращение оформляется как стандартное письмо, а проект решения представительного органа муниципального образования может быть спроектирован по аналогии с оформлением других решений конкретного представительного органа, опубликованных в установленном порядке.

Для соблюдения порядка выдвижения инициативы об удалении в отставку крайне важно соблюсти требование об уведомлении не позднее дня, следующего за днем поступления обращения в представительный орган:

1) в случае внесения инициативы депутатами — главы муниципального образования и главы региона;

2) в случае внесения инициативы главой региона — главы муниципального образования.

Требование об уведомлении имеет одновременно и материальный, и формальный характер. С одной стороны, оно направлено на обеспечение главе муниципалитета и главе региона возможности надлежащим образом подготовиться к рассмотрению вопроса, значимость которого обусловлена перспективой досрочного прекращения полномочий одного из ключевых органов местного самоуправления на вверенной им территории, в том числе необходимостью избрания нового главы и настройки муниципальной исполнительно-распорядительной системы заново. С другой стороны, формально исполненное в указанный срок уведомление означает соблюдение названной гарантии и не требует дополнительной оценки, равно как и наоборот — формальное неисполнение этого требования приравнивается к лишению названной гарантии.

Порядок исполнения указанных норм вызывает ряд вопросов.

Во-первых, закон не уточняет, кто именно должен обеспечить уведомление. Представляется, что это может быть сделано как субъектом инициативы, так и представительным органом (его аппаратом), главное — зафиксировать факт уведомления. Тем не менее исходя из телеологической направленности рассматриваемых норм соблюдение требования об уведомлении соответствует интересам прежде всего субъекта инициативы, без этого она будет обречена на провал.

Во-вторых, суды неоднократно сталкивались с ситуациями, когда инициатива об удалении в отставку вносилась и рассматривалась, как говорится, день в день. При этом даже «успевали» уведомить главу муниципального образования (на заседании представительного органа или непосредственно перед ним), что формально соответствует требованию об уведомлении «не позднее дня, следующего за днем внесения обращения». Глава региона уведомлялся уже после принятия решения об удалении в отставку, что в целом с формальной точки зрения тоже подпадает под формулировку «не позднее дня, следующего за днем внесения указанного обращения» (буквальное толкование). Однако и первый, и второй случаи сугубо формалистского прочтения норм признаны судами незаконными, априори не способными обеспечить достижение целей правового регулирования. Этот пример коррелирует с теми, которые приводят исследователи для иллюстрации подмены искусства толкования законов формализмом[25]. Соответственно, в отношении рассматриваемых норм подтверждена необходимость телеологического толкования и толкования ad absurdum. В частности, суды указали, что уведомление главы муниципального образования должно отвечать критерию

[25] *Самсонова М. В., Черных И. И.* От формализма к алгоритмизации в судебном правоприменении: пределы и возможности в условиях цифровизации правосудия // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 2. С. 52, 54.

заблаговременности (п. 1 ч. 12 ст. 21 Нового закона), так как уведомление непосредственно в день заседания представительного органа не позволяет должностному лицу эффективно использовать имеющееся у него право на участие в заседании и защиту своих прав[26].

В обоих случаях мы имеем дело с классической герменевтической задачей интерпретации нормативного текста исходя не из буквального прочтения семантических единиц, а из его контекста, притом что важным условием постижения смысла правовой нормы становится понимание содержания затронутого правоотношения[27].

7. Особенности порядка рассмотрения инициативы об удалении в отставку и принятия по ней решения

Процедурные вопросы удаления в отставку регламентированы частями 5–6 и 9–14 ст. 21 Нового закона.

Срок, который должен быть выдержан представительным органом со дня получения ранее указанного уведомления главой муниципалитета и главой региона, законом не установлен. Вместе с тем из системного толкования приведенных законоположений, в том числе с учетом судебной практики, явствует, что это должен быть разумный срок. Рассмотрение инициативы ни день в день, ни на следующий за днем ее внесения день не способно обеспечить не только вышеназванных гарантий для главы муниципалитета, но и возможности главы региона подготовить и довести до депутатов взвешенную мотивированную позицию по высказанным в адрес первого претензиям. А учет мнения главы региона прямо предусмотрен частью 5 рассматриваемой статьи.

В то же время частью 9 этой статьи назван предельный срок, в течение которого может быть проведено заседание представительного органа и принято решение об удалении в отставку, — в течение 1 месяца со дня внесения инициативы.

Возникает вопрос, какой срок должен пройти со дня внесения инициативы, но до истечения 1 месяца, чтобы время, отведенное главе муниципалитета и главе региона на подготовку своих позиций, можно было считать достаточным. В каждом случае разумность такого срока должна оцениваться исходя из конкретных обстоятельств, имеющих юридическое значение. Наглядный тому пример — дело об удалении в отставку главы Дальнегорского городского округа Приморского края в 2012 г., которое подробно рассмотрено в профильном исследовании[28]. Так, глава региона получил уведомление о выдвинутой инициативе, однако в течение недели никак не отреагировал на него. Кроме того, надлежащим образом уведомленный об инициативе, о дате и месте ее рассмотрения, в назначенный день он ушел на больничный. Представительный орган, полагая свои обязанности исполненными, рассмотрел вопрос на заседании. Однако суд отменил решение об удалении в отставку, посчитав в числе прочего два вышеназванных обстоятельства существенным нарушением процедуры, которое не позволило главе муниципалитета и главе региона воспользоваться своими правами[29].

Данные выводы суда сложно назвать бесспорными. Относительно временной нетрудоспособности главы муниципалитета сто́ит отметить, что впоследствии смежный вопрос был рассмотрен Конституционным Судом, который указал, что к главе муниципального образования в подобных вопросах неприменимы нормы трудового права ввиду его особого публичного статуса. Досрочное прекращение полномочий — это не увольнение работника, в связи с чем принцип недопустимости увольнения в период временной нетрудоспособности

[26] См.: кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 22.03.2023 по делу № 88а-4126/2023.

[27] См. об этой методике толкования права: Юридическая наука в современном мире: Россия и Болгария / под общ. ред. Е. А. Фроловой. М. : Проспект, 2020. С. 39–41.

[28] *Лесив Б. В.* «Vox Populi» местного самоуправления в России: проблемы ответственности муниципальных органов перед населением (на примере практики Приморского и Хабаровского краев) // Избирательное законодательство и практика. 2018. № 3. С. 17–24.

[29] Решение Дальнегорского районного суда Приморского края от 26.03.2012 по делу № 2-315/2012 // Архив Дальнегорского районного суда Приморского края ; определение Судебной коллегии по гражданским делам Приморского краевого суда от 04.04.2011 по делу № 33-3086 // Архив Приморского краевого суда.

неприменим. А вот возможность дать объяснения депутатам в любом доступном формате — письменно, через официального представителя, через его администрацию и т.д. — у главы муниципалитета с учетом его публичного статуса точно имеется. Представительный орган взаимодействует с главой муниципалитета как с публичной фигурой, а не физическим лицом (созвучно доктрине двух тел правителя). Поэтому пункт 2 ч. 12 ст. 21 не уточняет, что объяснения обязательно давать только лично путем присутствия на заседании. Целеполагание данного пункта, как видится, не столько в формальном присутствии, сколько в объяснениях.

С ожиданием ответа главы региона вопрос несколько сложнее. С одной стороны, недели действительно могло быть недостаточно для подготовки качественной позиции, если дата проведения заседания была главе региона еще неизвестна (подбиралась уже отдельно, после уведомления о внесенной инициативе). С другой стороны, согласно формальной логике суда, у представительного органа в отсутствие реакции главы региона имеется не 1 месяц, а всего лишь одна опция — проводить заседание в последний день до истечения 1 месяца, когда уже нет оснований полагать, что глава региона успеет представить свою позицию в отведенный законом срок рассмотрения инициативы. Однако такая логика явно не следует из конституционно-правового смысла рассматриваемых законоположений. Не сто́ит забывать, что мнение главы региона — это не его привилегия, а один из элементов в нормативном балансе соответствующих уровней публичной власти. Федеральный законодатель предписывает, что мнение главы региона должно учитываться при решении вопроса об удалении в отставку, и данное предписание касается отнюдь не только представительного органа. Это хрестоматийная конституционно-правовая норма о разграничении компетенций, из которых выводятся «правообязанности» должностных лиц[30]. Как Ю. А. Тихомиров, так и О. Е. Кутафин и В. И. Фадеев подчеркивали, что термин «полномочия» одновременно включает и права, и обязанности органов публичной власти[31].

Рассматриваемое полномочие главы региона не является исключением и не должно искусственно создавать барьер для реализации представительным органом муниципалитета своих полномочий. Полномочия главы региона обеспечиваются всей исполнительной властью субъекта РФ и его профессиональным аппаратом, поэтому есть все условия для исполнения этой правообязанности и оперативно, и качественно. Кроме того, в рассматриваемых законоположениях нет никаких оснований толковать месячный срок в качестве срока, предоставленного главе региона для высказывания своего мнения в любой выбранный им момент, а не в качестве срока, в течение которого представительный орган рассматривает вопрос об удалении в отставку.

Сто́ит также иметь в виду, что обязательным согласие главы региона является, только если вопрос об удалении в отставку рассматривается в связи с ненадлежащим обеспечением осуществления органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий или в связи с финансовыми основаниями для введения государственной интервенции. Здесь представительный орган не может принять решение об удалении в отставку без поддержки главы региона. В остальных случаях для представительного органа мнение главы региона лишь рекомендация[32].

Из изложенного вытекает вывод, что перед представительным органом не стоит законодательная обязанность ждать последнего дня до истечения пресекательного срока, установленного частью 9 ст. 21 Нового закона, и что он вправе назначить заседание на удобную дату по истечении разумного срока со дня внесения инициативы, уведомив об этом главу региона и главу муниципалитета для предоставления им возможности высказать свои мнения.

Нормы о порядке принятия решения представительного органа об удалении в отставку не претерпели существенных изменений. Реформой Нового закона стала норма о том, что если инициатива главы региона об удалении в отставку по любому из рассмотренных оснований была отклонена представительным органом 2 и

[30] О концепции правообязанностей см.: *Ямпольская Ц. А.* Субъекты советского административного права : дис. … д-ра юрид. наук. М., 1958. С. 9 ; *Тихомиров Ю. А.* Теория компетенции. М., 2001. С. 56–57.

[31] См.: *Забелина Е. П.* Проблемы развития местного самоуправления в трудах профессора В. И. Фадеева (к юбилею кафедры конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 6. С. 91.

[32] Определение Конституционного Суда РФ от 02.11.2011 № 1464-О-О.

более раза, то последнее слово остается всё же за государственной властью — глава региона вправе отрешить главу муниципалитета, запросив, однако, мнение совета муниципальных образований субъекта РФ (п. 3 ч. 24 ст. 21 Нового закона), которое не является для первого обязательным, но носит характер политической сдержки.

Таким образом, удаление в отставку осуществляется поэтапно:

1) внесение в представительный орган обращения с проектом решения;

2) уведомление об этом главы муниципалитета и главы региона не позднее следующего дня;

3) назначение заседания представительного органа на дату не ранее чем по истечении разумного срока со дня внесения инициативы и указанного уведомления, но в пределах 1 месяца;

4) уведомление главы муниципалитета и главы региона о дате, времени и месте рассмотрения инициативы представительным органом;

5) предоставление главе муниципалитета возможности ознакомиться с внесенными в представительный орган документами;

6) проведение заседания с кворумом не менее двух третей от установленного состава депутатов, обеспечение главе муниципалитета возможности дать депутатам объяснения и доведение до депутатов мнения главы региона;

7) принятие решения об удалении в отставку, его подписание председателем представительного органа и обнародование.

8. Императивные и диспозитивные основания ответственности главы муниципалитета перед государством

В отличие от удаления в отставку, отрешение выступает мерой ответственности главы муниципалитета перед государством. Как разъяснил Конституционный Суд, реализация данного вида ответственности предполагает издание главой региона правового акта об отрешении главы муниципального образования от должности и обусловлена ответственностью главы региона за исполнение Конституции РФ и законов на вверенной территории[33].

Уже после рассмотрения этого вопроса Конституционным Судом законодательство о местном самоуправлении было дополнено новыми основаниями отрешения, которые затрагивают не столько нарушение законности, сколько ненадлежащее исполнение полномочий главы муниципалитета. Они обусловлены также особым статусом главы региона, но уже в аспекте полномочий общего управления, то есть ответственности исполнительной власти за обеспечение жизнедеятельности населения и социально-экономического развития территории.

В отличие от решения об удалении в отставку, принятие которого во многом зависит от факторов коллегиального рассмотрения вопроса местными депутатами, для главы региона как единоличного органа государственной власти степень дискреционности решения об отрешении урегулирована законом. Так, для оснований, указанных в ч. 22 ст. 21 Нового закона, предусмотрена императивная формулировка: «издает правовой акт об отрешении от должности». Напротив, диспозитивность прямо подтверждается частью 24 рассматриваемой статьи, согласно которой по ее основаниям глава региона «вправе отрешить от должности».

1. Императивными являются давно существующие в законодательстве юридические основания, то есть связанные с совершением противоправных деяний, и наличие их обоих обязательно для отрешения (сложный последовательный юридический состав):

а) установленные судом незаконность нормативных правовых актов главы муниципалитета либо факт совершения действий (бездействия) или принятия решения, влекущих нарушение прав и свобод граждан, угрозу национальной безопасности и другие последствия[34], закрепленные в п. 2 ч. 22 ст. 21 Нового закона;

б) непринятие в пределах его полномочий мер по исполнению решения суда, которым

[33] Определение Конституционного Суда РФ от 16.01.2018 № 12-О.

[34] Так, суд признал основанием для отрешения нарушение прав граждан, выразившееся в ненадлежащем обеспечении населения теплоснабжением, полной остановке котельной, в связи с чем перестал осуществляться подогрев воды в жилых домах в условиях очень низких зимних температур. В качестве доказательств нарушений были приняты обращения граждан за медицинской помощью, многочисленные обращения в электронную приемную Президента РФ и в другие органы власти. См.: решение Иркутского областного суда от 25.05.2017 по делу № 3а-133/201.

эти нарушения установлены, то есть пассивная форма противоправного поведения.

В таком случае Закон предполагает необходимость издания главой региона акта об отрешении для защиты населения и публичного интереса.

2. Частью 24 ст. 21 предусмотрены следующие основания для отрешения, при наличии которых глава региона вправе в рамках разумного усмотрения учитывать различные факторы (диспозитивные основания):

а) наличие вынесенного главе муниципалитета предупреждения или выговора (см. ч. 7 ст. 29 Нового закона) и непринятие им мер в течение 1 месяца в пределах полномочий;

б) в продолжение логики института предупреждения (выговора) — ненадлежащее исполнение обязанностей по обеспечению полномочий органов местного самоуправления, которые могут быть перераспределены региональными законами (ч. 2 и 3 ст. 32 Нового закона);

в) систематическое недостижение показателей эффективности — с согласия представительного органа муниципального образования. Это правило корреспондирует ранее рассмотренному порядку удаления в отставку, иначе норма об инициативе главы региона перед представительным органом по аналогичному основанию была бы бессмысленной;

г) наличие оснований для удаления в отставку, если инициатива главы региона была 2 и более раза отклонена представительным органом (рассмотрено ранее).

Процедура принятия решения об отрешении законом не регламентирована. Часть 23 ст. 21 Нового закона касается только юридических оснований и говорит о том, что должен быть издан правовой акт в срок не ранее чем через 1 месяц со дня вступления в силу последнего решения суда, необходимого для его издания, и не позднее чем через 6 месяцев со дня вступления в силу этого решения суда. Сроки отсчитываются от момента вступления в силу решения суда апелляционной инстанции, если решение суда первой инстанции было обжаловано[35]. Кроме того, отлагательный срок установлен для отрешения по основаниям, изложенным выше в п. 2б, 2в (не ранее чем через 1 год со дня вступления в должность главы муниципалитета) и п. 2г — не ранее чем через 2 года с указанного момента. Таким образом, своеобразным периодом охлаждения обеспечивается баланс интересов, предоставляющий главе муниципалитета объективно существующую, а не иллюзорную из-за отсутствия времени возможность проявить себя в должности и реализовать свои права, предусмотренные статьями 32 и 37 Конституции России.

Относительно понятия «правовой акт» нужно иметь в виду, что, согласно позиции Конституционного Суда, решение об отрешении принимается в форме ненормативного правового акта главы региона[36]. Кроме того, при принятии решений об отрешении за неправомерные действия (бездействие, решения) главы муниципалитета должен учитываться принцип соразмерности. Как указали суды, «необходимо установить, является ли оправданным и соразмерно ли такое вмешательство исходя из значимости интересов, которые государство намерено защищать»[37]. Это обусловлено в том числе особой природой местного самоуправления и субсидиарным характером влияния на него государственной власти (ст. 1 и 2 Нового закона).

9. Конституционно-правовые последствия решения о досрочном прекращении полномочий главы муниципального образования и вопрос гарантий судебной защиты

Частями 16, 17 и 19 ст. 21 Нового закона установлены общие последствия досрочного прекращения полномочий главы муниципалитета, среди которых назначение в течение 10 дней временно исполняющего полномочия такого лица главой региона из числа лиц, обладающих пассивным избирательным правом, и избрание нового главы муниципалитета. При этом Законом четко дифференцированы сроки избрания нового главы в зависимости от порядка такого избрания, установленного уставом муниципалитета, и оставшегося периода легитимности представительного органа.

Такой четкий порядок применим, только если полномочия главы прекращены досрочно по «фактическим» основаниям и здесь не мо-

[35] Определение Конституционного Суда РФ от 16.01.2018 № 12-О.

[36] Определение Конституционного Суда РФ от 16.01.2018 № 12-О.

[37] Решение Иркутского областного суда от 25.05.2017 по делу № 3а-133/2017, оставленное без изменения апелляционным определением Верховного Суда РФ от 12.07.2017 № 66-АПГ17-26.

жет быть дискуссий о необходимости избрания нового главы. Если же его полномочия прекращаются досрочно по «оценочным» основаниям с изданием правовых актов представительного органа или главы региона, то статьями 46 и 133 Конституции РФ обеспечивается возможность их судебной проверки и отмены, что коррелирует с правом главы муниципалитета на судебную защиту от произвольного вмешательства в его публично-правовой статус. Неотъемлемым условием существования указанного права, согласно обширной практике Конституционного Суда, является эффективность и исполнимость принятого судом решения.

Как показала практика, и эта закономерность логически объяснима, если глава избирается представительным органом из своего состава, то это может стать почвой для злоупотреблений, ведь неугодного главу можно оперативно и незаконно снять с должности, моментально избрав нового[38]. Более того, поводом для введения конкретных законодательных ограничений стал случай, когда после незаконного удаления в отставку были «оперативно» проведены муниципальные выборы[39]. В результате судебные решения о незаконности удаления в отставку и восстановлении в должности оказались либо трудноисполнимы, либо неисполнимы, чем были умалены названные выше гарантии судебной защиты.

Поэтому помимо процедурных аспектов досрочного прекращения полномочий, препятствующих произвольному принятию соответствующих решений (рассмотрены ранее), действуют еще и судебные гарантии. Согласно ч. 18 и 20 ст. 21 Нового закона ни муниципальные выборы, ни избрание главы представительным органом не могут быть проведены ранее, чем вступит в силу решение суда по результатам рассмотрения жалобы удаленного в отставку или отрешенного главы (если такая жалоба подана). Момент вступления в силу решения суда регламентирован статьей 186 КАС РФ. Поскольку избрание нового главы с целью недопущения длительного междувластия является таким же легитимным интересом, как и защита незаконно удаленного (отрешенного) главы, для урегулирования этих интересов установлен пресекательный процессуальный срок подачи жалобы — 10 дней со дня официального опубликования соответствующего решения (ч. 15 и 25 ст. 21 Нового закона). При этом сокращенный 10-дневный срок для рассмотрения такого дела судом, который содержался в аналогичных положениях Федерального закона № 131-ФЗ, является для суда служебным и теперь сохраняется только в отраслевой части 2 ст. 226 КАС РФ, которая не предполагает его продления и исчисления заново[40]. Отраслевым процессуальным законом установлен также сокращенный 10-дневный срок апелляционного обжалования решения суда по этой категории споров, однако исчисляется он со дня принятия решения суда в окончательной форме (ч. 2 ст. 298 КАС РФ), то есть после составления судом мотивированного решения. В этом аспекте нужно помнить о том, что сокращенность процессуальных сроков по данной категории дел отлична от сроков в институционально близких, но не аналогичных делах о защите избирательных прав граждан (в ч. 3 ст. 298 КАС РФ они исчисляются иначе[41]).

Судебная защита осуществляется не только окончательным решением по делу, но и обеспечительными мерами, которые суд принимает для сохранения возможности последующего исполнения собственного решения. Должностным лицам и органам как участникам спора перед судом надлежит воздерживаться от проявлений неуважения к суду и действий, способных поставить под сомнение авторитет судебной власти[42]. В частности, суд может приостановить действие решения об удалении в отставку, что исключает принятие представительным органом любых вытекающих из него решений. В случае непринятия такой обеспечительной меры может быть возбуждено исполнительное производство, а

---

[38] Подобная ситуация имела место в рассмотренных выше примерах из судебной практики Ленинградской области и Приморского края.

[39] Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2013 № 15-П // СЗ РФ. 2013. № 27. Ст. 3647.

[40] Комментарий к Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации : в 2 ч. (постатейный) / под общ. ред. Л. В. Тумановой. М. : Проспект, 2025. Ч. 2. С. 107.

[41] *Воронин Д. Ю.* Избирательные права граждан и КАС РФ: десятилетие эффективной судебной защиты сквозь призму истории ее институционализации // Российская юстиция. 2025. № 4. С. 19–25.

[42] О конституционно-правовых истоках этого требования см.: *Ковлер А. И.* Судебная власть как конституционная категория. Актуальность идей Т. Г. Морщаковой // Сравнительное конституционное обозрение. 2026. Т. 35. № 1 (166). С. 189–200.

председатель представительного органа привлечен к административной ответственности по ч. 1 ст. 17.14 КоАП РФ[43].

Кроме того, даже если такая обеспечительная мера судом не применялась, юридическим следствием признания незаконным решения об удалении в отставку или отрешении является незаконность всех последующих правовых актов, которые находятся в прямой причинно-следственной связи с этими решениями (например, об избрании нового главы, об изменении устава муниципального образования с целью изменения способа избрания главы)[44]. Поэтому при обжаловании в суде указанных решений рекомендуется воздерживаться от принятия в их развитие каких-либо правовых актов до вступления в силу решения суда по соответствующему делу.

Заключение

Развернутый нормативный и функциональный анализ норм Нового закона показывает, что законодатель придерживается в целом преемственного подхода к регулированию вопросов досрочного прекращения полномочий органов местного самоуправления в качестве конституционно-правовой санкции за дефектное исполнение ими своих обязанностей. Несмотря на отсутствие нормативно закрепленного наименования этих санкций как ответственности перед населением или ответственности перед государством, соответствующие им правовые институты сохранились в ст. 17 и 21 Нового закона, в связи с чем оснований для искоренения их из юридического лексикона, толковательной практики судебных органов и ученых, занимающихся проблемами публичного права, не усматривается. Данные институты были точечно реформированы новым законодательным регулированием, с уточнением оснований и порядка наступления указанной ответственности. Единственной принципиальной реформой здесь стало, по-видимому, упразднение имевшего давнюю историю института отзы́ва депутатов представительного органа и выборных должностных лиц местного самоуправления, который раньше считался мерой ответственности перед населением (ч. 2 ст. 71, ст. 24 Федерального закона № 131-ФЗ). Остальные же институты — роспуск представительного органа муниципального образования, удаление главы муниципального образования в отставку, отрешение его от должности — были встроены в другую нормативную архитектуру под теоретически нейтральным, обобщенным, но догматически точным наименованием досрочного прекращения полномочий органов местного самоуправления. Отказ от прямого упоминания вышеназванных теоретических категорий в законе имеет эффект скорее политический, чем юридический: аналогичные конституционно-правовые механизмы по-прежнему довольно сильны и могут быть задействованы для защиты и населения, и государства от злоупотреблений со стороны представителей муниципальной власти. Конечно, заметна тенденция к усилению механизмов ответственности муниципальных органов перед государством, нежели перед населением. Однако представительный орган по-прежнему имеет последнее слово в оценке деятельности местной исполнительной ветви власти, которая может быть задействована для защиты интересов местного населения.

При этом ряд положений весьма точно обеспечивает конституционно-правовой баланс интересов субъектов и объектов применения названных институтов ответственности. Представленное в статье системное обобщение доктринального и практического опыта по вопросу реализации указанных институтов, критически преломленного к обновленной редакции и некоторым новеллам составляющих их нормативных положений, может стать подспорьем для рационального и эффективного толкования ст. 17 и 21 Нового закона не только в науке, но и на практике.

---

[43] Решение Приморского краевого суда от 26.06.2012 по делу № 7-21-292/2012.

[44] Имело место в названных выше делах, рассмотренных Третьим кассационным судом общей юрисдикции и судами Приморского края.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Воронин Д. Ю. Избирательные права граждан и КАС РФ: десятилетие эффективной судебной защиты сквозь призму истории ее институционализации // Российская юстиция. 2025. № 4. С. 19–25.

Воронин Д. Ю., Сахаров С. Ф. Особенности исполнения судебных актов по административным делам, связанным с защитой избирательных прав граждан // Российский судья. 2024. № 7. С. 32–37. DOI: 10.18572/1812-3791-2024-7-32-37.

Забелина Е. П. Проблемы развития местного самоуправления в трудах профессора В. И. Фадеева (к юбилею кафедры конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 6. С. 89–98. DOI: 10.17803/2311-5998.2022.94.6.089-098.

Институты самоуправления: историко-правовое исследование / под ред. Л. С. Мамута. М. : Наука, 1995. 301 с.

Ковлер А. И. Судебная власть как конституционная категория. Актуальность идей Т. Г. Морщаковой // Сравнительное конституционное обозрение. 2026. Т. 35. № 1 (166). С. 189–200. DOI: 10.21128/1812-7126-2026-1-189-200.

Комментарий к Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации : в 2 ч. (постатейный) / под общ. ред. Л. В. Тумановой. Ч. 2. М. : Проспект, 2025. 544 с.

Кондрашев А. А. Отрешение от должности губернатора Президентом РФ в связи с утратой доверия за коррупционные правонарушения и ненадлежащее исполнение им своих обязанностей: проблемы теории и практической реализации // Lex russica. 2020. № 73 (3). С. 20–32. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.160.3.020-032.

Конституционное право Российской Федерации / под ред. В. А. Виноградова. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2025. 752 с.

Лесив Б. В. «Vox Populi» местного самоуправления в России: проблемы ответственности муниципальных органов перед населением (на примере практики Приморского и Хабаровского краев) // Избирательное законодательство и практика. 2018. № 3. С. 17–24.

Новый муниципальный закон. Постатейный комментарий к Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» / под ред. П. В. Крашенинникова. М. : Эксмо, 2026. 592 с.

Публичное право / под ред. В. А. Виноградова. М. : Проспект, 2025. 624 с.

Садовникова Г. Д. Развитие идей народного представительства и местного самоуправления в трудах ученых кафедры конституционного и муниципального права // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 6. С. 99–110. DOI: 10.17803/2311-5998.2022.94.6.099-110.

Самсонова М. В., Черных И. И. От формализма к алгоритмизации в судебном правоприменении: пределы и возможности в условиях цифровизации правосудия // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 2. С. 51–63. DOI: 10.17803/2311-5998.2025.126.2.051-063.

Тихомиров Ю. А. Теория компетенции. М., 2001. 355 с.

Фролова Е. А., Лесив Б. В. Источники и формы права: современный взгляд на основные теоретические положения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. № 17 (1). С. 4–39.

Ценность права (к 100-летию со дня рождения О. Э. Лейста) / отв. ред. Е. А. Фролова. М. : Проспект, 2025. 576 с.

Юридическая наука в современном мире: Россия и Болгария / под общ. ред. Е. А. Фроловой. М. : Проспект, 2020. 582 с.

Ямпольская Ц. А. Субъекты советского административного права : дис. … д-ра юрид. наук. М., 1958. 682 с.

REFERENCES

Frolova EA, Lesiv BV. Sources and forms of law: A modern view on basic theoretical provisions. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 2024;17(1):4-39. (In Russ.).

Frolova EA, (ed.). Legal science in the modern world: Russia and Bulgaria. Moscow: Prospekt Publ.; 2020. (In Russ.).

Frolova EA, (ed.). The value of law (to the 100th anniversary of the birth of O. E. Leist). Moscow: Prospekt Publ.; 2025. (In Russ.).

Kondrashev AA. Removal of the Governor by the President of the Russian Federation due to the loss of trust for corruption and improper performance of duties: Problems of theory and implementation. *Lex russica*. 2020;73(3):20-32. (In Russ.). DOI: 10.17803/2311-5998.2025.126.2.051-063.

Kovler AI. Judicial power as a constitutional category: Relevance of the ideas of T. G. Morshchakova. *Sravnitelnoe konstitutsionnoe obozrenie*. 2026;35(1):189-200. (In Russ.). DOI: 10.21128/1812-7126-2026-1-189-200.

Krasheninnikov PV, (ed.). New municipal law. Article-by-article commentary to the Federal Law «On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Unified System of Public Authority». Moscow: Eksmo Publ.; 2026. (In Russ.).

Lesiv BV. «Vox Populi» of local self-government in Russia: Problems of responsibility of municipal bodies towards the population (Primorsky and Khabarovsk territories case study). *Izbiratelnoe zakonodatelstvo i praktika*. 2018;3:17-24. (In Russ.).

Mamut LS, (ed.). Institutions of Self-Government: A Historical and Legal Study. Moscow: Nauka Publ.; 1995. (In Russ.).

Sadovnikova GD. Development of ideas of popular representation and local self-government in the works of scholars of the Department of Constitutional and Municipal Law. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*. 2022;6:99-110. (In Russ.). DOI: 10.17803/2311-5998.2022.94.6.099-110.

Samsonova MV, Chernykh II. From formalism to algorithmization in judicial law enforcement: Limits and possibilities in the conditions of digitalization of justice. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*. 2025;2:51-63. (In Russ.). DOI: 10.17803/2311-5998.2025.126.2.051-063.

Tikhomirov YuA. Theory of competence. Moscow; 2001. (In Russ.).

Tumanova LV, (ed.). Commentary to the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation: in 2 parts (article-by-article). Part 2. Moscow: Prospekt Publ.; 2025. (In Russ.).

Vinogradov VA, (ed.). Constitutional Law of the Russian Federation. 7th ed., rev. and suppl. Moscow: Prospekt Publ.; 2025. (In Russ.).

Vinogradov VA, (ed.). Public Law. Moscow: Prospekt Publ.; 2025. (In Russ.).

Voronin DYu, Sakharov SF. Features of execution of judicial acts in administrative cases related to the protection of electoral rights of citizens. *Rossiyskiy sudya*. 2024;7:32-37. (In Russ.). DOI: 10.18572/1812-3791-2024-7-32-37.

Voronin DYu. Electoral rights of citizens and the CAS of the Russian Federation: A decade of effective judicial protection through the prism of the history of its institutionalization. *Rossiyskaya yustitsiya*. 2025;4:19-25. (In Russ.).

Yampolskaya TsA. Subjects of Soviet administrative law. Dr. Diss. Moscow; 1958. (In Russ.).

Zabelina EP. Problems of development of local self-government in the works of Professor V. I. Fadeev (on the anniversary of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow Law University (MSAL)). *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*. 2022;6:89-98. (In Russ.). DOI: 10.17803/2311-5998.2022.94.6.089-098.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лесив Богдан Васильевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права и политологии Юридического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова; доцент департамента теории права и сравнительного правоведения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
д. 20, Мясницкая ул., г. Москва 101000, Российская Федерация
forbod@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bogdan V. Lesiv, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Theory of State and Law and Political Science, Law Faculty, Lomonosov Moscow State University; Associate Professor, Department of Theory of Law and Comparative Law, HSE University, Moscow, Russian Federation
forbod@bk.ru

Материал поступил в редакцию 19 декабря 2025 г.
Статья получена после рецензирования 13 сентября 2026 г.
Принята к печати 15 сентября 2026 г.

Received 19.12.2025.
Revised 13.09.2026.
Accepted 15.09.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.239.10.148-161

Юань И
Чжу Мэнфэй
Китайский политико-правовой университет
г. Пекин, Китайская Народная Республика

Четвертая поправка к Уголовно-процессуальному закону Китайской Народной Республики: историко-прогностический анализ

Резюме. В статье рассматриваются основные вопросы правотворчества в связи с подготовкой четвертой поправки к Уголовно-процессуальному закону КНР. Авторы провели исторический анализ первых трех поправок (1996, 2012 и 2018 гг.), выявили их ключевое содержание, в частности введение презумпции невиновности, закрепление института признания вины, сотрудничество с контролирующими органами. Особое внимание уделено дискуссии о характере предстоящей поправки с позиции формы ее систематизации, а именно ее кодифицированного характера. В статье анализируются три позиции относительно формы систематизации четвертой поправки: признание ее кодифицированного характера в условиях, когда Уголовно-процессуальный закон не имеет кодифицированного вида; признание кодифицированного характера Уголовно-процессуального закона с момента его принятия и, соответственно, признание за четвертой поправкой формы повторной кодификации, а также возражения против кодифицированного характера поправки. Авторы обосновывают собственную позицию тем, что четвертая поправка не должна носить кодифицированный характер, а должна сохранить характер, соответствующий предыдущим поправкам. В заключение предлагается поддержать концепцию рассматриваемой поправки, ориентированной на баланс между уголовным наказанием и защитой прав человека, с учетом принципа судебного разбирательства как центрального звена уголовного судопроизводства и теории применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: Уголовно-процессуальный закон КНР; четвертая поправка; кодификация; повторная кодификация; исторический анализ; презумпция невиновности; признание вины; судебное разбирательство как центральное звено уголовного судопроизводства; защита прав человека; баланс публичных и частных интересов

Для цитирования: Юань И, Чжу Мэнфэй. Четвертая поправка к Уголовно-процессуальному закону Китайской Народной Республики: историко-прогностический анализ. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 10. С. 148–161. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.239.10.148-161

© Юань И, Чжу Мэнфэй, 2026

The Fourth Amendment to the Criminal Procedure Law of the People's Republic of China: Historical and Prognostic Analysis

Yuan Yi
Zhu Mengfei
China University of Political Science and Law
Beijing, People's Republic of China

Abstract. The paper examines key law-making issues related to the preparation of the fourth amendment to the Criminal Procedure Law of the PRC. The authors conducted a historical analysis of the first three amendments (1996, 2012 and 2018), identified their key content, in particular, the introduction of the presumption of innocence, the establishment of the guilty plea institution, and cooperation with supervisory authorities. Particular attention is given to the discussion about the nature of the upcoming amendment regarding the form of its systematization, in particular, its codified character. The paper analyzes three positions as to the systematization form of the fourth amendment. They are recognition of its codified character in conditions where the Criminal Procedure Law itself does not have a codified form; recognition of the codified character of the Criminal Procedure Law itself from the moment of its adoption; and, accordingly, recognition of the form of re-codification for the fourth amendment, as well as objections to the codified character of the amendment. The authors substantiate their position that the fourth amendment should not be of a codified nature, but should retain the character corresponding to previous amendments. In conclusion, it is proposed to support the concept of the amendment under consideration, focusing on balancing criminal punishment and human rights protection, taking into account the principle of «trial as the central link» in criminal proceedings and the theory of application of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: Criminal Procedure Law of the PRC; fourth amendment; codification; re-codification; historical analysis; presumption of innocence; guilty plea; trial as the central link of criminal proceedings; protection of human rights; balance of public and private interests

Cite as: Yuan Yi, Zhu Mengfei. The Fourth Amendment to the Criminal Procedure Law of the People's Republic of China: Historical and Prognostic Analysis. *Lex russica*. 2026;79(10):148-161. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.239.10.148-161

1. Обзор изменений Уголовно-процессуального закона КНР

1.1. Первоначальная редакция (1979 г.)

После окончания «культурной революции» в Китае, 1 июля 1979 г., был принят первый Уголовно-процессуальный закон страны. Он, наряду с другими законами, открыл дорогу масштабным правовым реформам, нацеленным на борьбу с преступностью, защиту прав граждан и ограничение публичной власти. Несмотря на то что момент, выпавший на разработку и принятие указанного Закона, не располагал к правотворческой деятельности, да и времени для подготовки проекта было не так много, всё же вступление его в силу с 1 января 1980 г. стало и важным первым шагом в построении правовой системы и формулировании правовых норм в целом в новом Китае, и нормативно-правовой основой развития уголовно-процессуального законодательства страны.

Подготовка проекта Уголовно-процессуального закона началась в феврале 1979 г. и была поручена созданной тогда же комиссии по правовой работе Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей. В июле того же года Всекитайское собрание народных представителей приняло Уголовный и Уголовно-процессуальный законы. Сто́ит отметить, что указанная комиссия также руководила разработкой и пересмотром иных пяти законов. Правотворческую деятельность комиссии в данный период можно охарактеризовать как процесс не только очень сжатый во времени, но и сложный в связи с поставленными перед ней задачами.

В качестве шаблона были выбраны Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. и действовавший до него Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 г. (в редакции 1923 г.). Уголовно-процессуальный закон в своей первоначальной редакции 1979 г. почти полностью заимствовал содержание УПК Советской России. Сходство наблюдалось, например, в части стадий уголовного процесса, а именно: Уголовно-процессуальный закон Китая регламентировал такие стадии, как возбуждение

уголовного дела, предварительное следствие, предъявление народной прокуратурой обвинения, судебное следствие и исполнение приговора. Сходство имелось и в регламентации полномочий судьи. Подавляющее большинство полномочий сосредоточено в руках судьи. Он руководит судебным процессом. Он не только вправе исследовать доказательства в ходе судебного разбирательств, но и, по сути, может дать оценку им по поступившему делу до начала судебного разбирательства. Кроме того, власть судьи в уголовном процессе превалирует над полномочиями прокурора. Обвиняемый не является участником уголовного судопроизводства и рассматривается только как источник доказательств. Полномочия защитника имеют ограниченный характер.

Сто́ит отметить сходство уголовно-процессуальных законов КНР и РСФСР как в целях и задачах, так и в структуре и стиле юридико-лингвистической техники. При этом объем Уголовно-процессуального закона КНР в изначальной редакции составлял лишь одну пятую от объема УПК РСФСР 1960 г. Поэтому китайский Уголовно-процессуальный закон можно в какой-то степени рассматривать как сокращенную версию указанного УПК РСФСР. Почти все нормы китайского закона об уголовном процессе, за исключением института производства по утверждению и пересмотру приговоров о назначении смертной казни, являющегося спецификой уголовного процесса страны, можно в той или иной степени обнаружить в советском уголовно-процессуальном законодательстве. Принятие Уголовно-процессуального закона 1979 г. как ключевой части всеобъемлющего строительства новой китайской социалистической правовой системы привело к прорыву в уголовно-процессуальном праве страны. Хотя по своему содержанию указанный Закон напоминает традиционную модель инквизиционного (разыскного) процесса и поэтому может считаться относительно закоснелым, он проложил тропу к процессу приведения уголовно-процессуального права страны в соответствие с духом и стандартами уголовного судопроизводства, используемыми в международном сообществе.

1.2. Первая поправка (1996 г.)

Пересмотр Уголовно-процессуального закона в 1996 г. имел всеобъемлющий характер. Количество статей увеличилось с первоначальных 164 до 225. Пересмотру подверглись 70 из первоначальных статей. Добавлены 63 новые статьи, 2 статьи исключены. Этот пересмотр в основном заключается в следующем. Во-первых, была внедрена презумпция невиновности. Проведено различие между подозреваемыми в совершении преступлений и обвиняемыми. Установлен статус обвиняемого как участника уголовного судопроизводства. Сделан уклон в сторону принципа беспристрастности суда, и провозглашен контроль над ситуациями предвзятости суда. Во-вторых, было скорректировано распределение процессуальных прав участников уголовного судопроизводства. Усовершенствован институт участников уголовного судопроизводства со стороны защиты. Защитникам предоставлены более широкие права. Доработан механизм защиты прав и интересов потерпевших в плане их активного и пассивного процессуального поведения. Ослаблено абсолютное господство судей, исключены полномочия судей по исследованию и сбору доказательств, допросу лиц на стадии подготовки к судебному заседанию. Укреплены институты перекрестного допроса и прений со стороны обвинения и защиты. В результате изменения системы принудительных мер произошло ослабление полномочий полиции.

Можно сказать, что поправка к Уголовно-процессуальному закону в 1996 г. стала результатом его переосмысления. Благодаря ей Закон был интегрирован в международную систему уголовной юстиции. Во-первых, многие важные международные подходы и основные принципы легли в основу первой реформы Закона. Во-вторых, лучшие черты инквизиционного процесса постепенно стали частью состязательного процесса, что привело к реализации правосудия по существу и по форме. В-третьих, поправка 1996 г. укрепила баланс между публичной властью и основными правами граждан и стала отражением основного духа Конституции КНР.

Однако эта поправка всё же имела теоретический, а не практический характер. Многие из ее положений не смогли должным образом найти применение в судебной практике. Среди наиболее обсуждаемых — положение об объеме материалов, передаваемых прокуратурой в суд. Этот объем был строго ограничен обвинительным заключением, перечнем доказательств, списком свидетелей, копиями или фотографиями основных доказательств. Первоначальный замысел заключался в недопущении создания ситуаций предвзятости суда и формализации судебного процесса. Но

на практике эта норма вызвала проблемы, и в конечном счете ее применение сошло на нет.

1.3. Вторая поправка (2012 г.)

Изменения в Уголовно-процессуальном законе, принятые в 2012 г., также были масштабными. Законодатель пересмотрел 90 статей и добавил 66 новых. Общее количество статей увеличилось до 290. Спектр изменений охватывал такие институты, как доказательства и доказывание, защита в уголовном процессе, предварительное и судебное следствие, исполнение приговора. Во-первых, установлен принцип запрета принудительного самооговора, что еще больше укрепило презумпцию невиновности. Во-вторых, созданы институт превентивных мер на стадии предварительного следствия и институт средств правовой защиты участников уголовного судопроизводства на указанной стадии. В-третьих, была проведена серьезная реформа института защиты в уголовном процессе, включая участие защитников на самых ранних стадиях уголовного процесса и укрепление права на защиту. В частности, введена возможность доступа к материалам дела, их копирования и осуществления выписок из них без согласования с органами прокуратуры, а также расширена сфера применения бесплатной юридической помощи. В-четвертых, добавлены нормы о применении технических средств при производстве следственных действий и о тайне следствия, что благоприятствовало дальнейшей защите прав человека в соответствии с нормами международного права[1]. В-пятых, включены институты отдельных видов особого производства, такие как производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних (которые предусматривают, в частности, непредъявление обвинения органами прокуратуры в случае раскаяния в совершении преступления, рассмотрение уголовных дел в отношении несовершеннолетних в закрытом режиме, засекречивание сведений о судимости несовершеннолетних), примирение сторон по уголовным делам публичного обвинения, применение принудительных мер медицинского характера, конфискация незаконных доходов и производство по вынесению заочного приговора. Регламентация особого производства позволила разграничить рассмотрение уголовных дел в общем порядке и в нестандартных ситуациях, повысила эффективность судебного разбирательства и способствовала осуществлению правосудия по существу и по форме.

В сравнении с поправкой 1996 г. наиболее важное свойство поправки 2012 г. — прагматический характер. С ее принятием перестали навязываться теоретические модели, построенные на принципах исключительно состязательного или исключительно инквизиционного (разыскного) уголовного процесса. Указанная поправка в полной мере вобрала в себя преимущества различных моделей уголовного процесса с учетом особенностей правовой системы страны. Поправка 2012 г. дала возможность проверить применимость новых норм в судебной практике. Кроме того, редакция Уголовно-процессуального закона 2012 г. помогла создать баланс между институтом наказания за преступления и институтом защиты прав человека. Данная редакция ознаменовала своевременное выявление основных проблем, связанных с преступностью среди несовершеннолетних, и дополнила Закон специальными институтами по борьбе с коррупцией и взяточничеством в ответ на потребности уголовной политики. Усовершенствованная законодательная техника обеспечила процессуальные права стороны защиты, стороны обвинения и иных участников уголовного судопроизводства.

В отличие от поправки 1996 г., данная поправка отразила оптимизацию уголовного процессуального законодательства страны и прогресс во всех аспектах этой отрасли законодательства. Она заложила прочную нормативно-правовую и практическую основу для следующего пересмотра Уголовно-процессуального закона.

Поправка к Уголовно-процессуальному закону 2012 г. включала большое количество пилотных институтов, направленных на реформу судебной системы, развитие которой перестало ограничиваться содержанием законодательства и начало базироваться на неотложных потребностях общественного развития. Применение пилотных норм постепенно приобрело устойчивый характер.

1.4. Третья поправка (2018 г.)

Третья поправка отличается от двух предыдущих тем, что была осуществлена с целью

[1] *Го Чжиюань.* Исследование сорокалетнего развития Уголовно-процессуального закона КНР // China Legal Science. 2021. № 9. С. 11.

частичного дополнения и изменения Уголовно-процессуального закона Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей (а не самим Собранием). При этом текст поправки Собранию не предъявлялся. Поправки 1996 и 2012 гг. были крупномасштабными и существенными, а поправка 2018 г. представляла собой незначительное изменение с четким направлением, конкретным содержанием и ограниченной сферой применения. Было пересмотрено только 18 статей и добавлено 18 новых. Общее количество статей в Законе увеличилось до 308.

Данная поправка стала результатом экстренного пересмотра с целью закрепления результатов реформы системы контроля и судебной системы, то есть имеет явно выраженный характер следования за изменением иных правовых институтов.

Рассмотрим основные элементы, которые включает в себя данная поправка.

Во-первых, в ст. 15 в качестве главного принципа уголовно-процессуального права закреплено снисхождение к обвиняемому (подсудимому) в случае признания им вины. Одновременно установлены особенности защиты такого обвиняемого (подсудимого), предъявления ему органами прокуратуры обвинительного заключения и судебного разбирательства с его участием. Если на этапе предварительного следствия к обвиняемому применены меры процессуального принуждения, то признание им вины должно рассматриваться в плане социального риска. В случае признания вины на этапе предъявления обвинительного заключения необходимо не только уведомить обвиняемого о его правах, в том числе о праве на такое признание, но и выслушать мнения адвокатов (включая адвокатов по назначению) и потерпевших. Документ, фиксирующий такое признание, подписывается обвиняемым. При признании вины на этапе судебного следствия учитывается позиция органов прокуратуры о назначении наказания. Отдельную регламентацию получило признание вины в процедурах ускоренного (сокращенного) уголовного судопроизводства в суде первой инстанции.

Во-вторых, были добавлены положения о сближении механизмов регулирования расследования профессиональных преступлений (связанных с коррупцией и взяточничеством), закрепленных в Уголовно-процессуальном законе и документах контролирующих органов (Государственного контрольного комитета и его местных органов). Новеллы соответствуют Закону о контроле, опубликованному в 2018 г. Были скорректированы следственные полномочия народной прокуратуры: исключено право прокуратуры расследовать преступления, связанные с коррупцией и взяточничеством; за органами прокуратуры сохранилось право осуществлять предварительное расследование служебных преступлений, совершенных их должностными лицами; органы прокуратуры получили полномочия по задержанию обвиняемых в случае передачи им контролирующими органами (Государственным контрольным комитетом и его местными органами) уголовных дел для предъявления обвинительного заключения.

В-третьих, необходимость всесторонней и эффективной борьбы с коррупционными преступлениями привела к введению нового вида особого судопроизводства — производства по вынесению заочного приговора.

Данная редакция Уголовно-процессуального закона ориентирована на решение конкретных практических вопросов. Особое внимание в ней уделено достижению целей продолжающейся реформы правовой системы, а именно: интеграции позитивного законодательства с судебной практикой и обеспечению процессуальных гарантий применительно к расследованию преступлений небольшой тяжести, предусмотренных Уголовным законом КНР.

2. Дискуссия о кодификационном характере четвертой поправки к Уголовно-процессуальному закону

Несмотря на то что Уголовно-процессуальный закон КНР в целом улучшается, остается множество проблем, связанных как с выбором формы систематизации, так и с конкретными видами процедуры уголовного судопроизводства и содержанием норм. В настоящий момент ведется бурная дискуссия о целесообразности кодификационного характера четвертого пересмотра Уголовно-процессуального закона. Профессор Вань И выполнил общий обзор хода реформы указанного Закона за более чем 30-летний период его действия и отметил следующее. Хотя результаты поправок, безусловно, носят положительный характер, всё еще сохраняется огромный разрыв между существующей систематизацией Уголовно-процессуального закона Китая и истинной кодификацией, обусловлен-

ный недостаточной плотностью нормативно-правового регулирования, применяемыми подходами к пониманию систематизации законодательства и отсутствием должных средств юридической техники. Поддержка пересмотра Уголовно-процессуального закона выражается в содействии его систематизации, основной формой которой должна быть кодификация, при этом такая систематизация должна влечь за собой эффективную интеграцию существующих толкований законов, которые дают Верховный народный суд КНР и Верховная народная прокуратура КНР, и совершенствование правотворческих технологий[2]. Некоторые ученые, ввиду наличия одновременно позитивного толкования Закона и актов его толкования, что образует дуалистическую нормативную структуру в Китае, выдвинули идею кодификации Уголовно-процессуального закона КНР и кодификации актов толкования законов, которые дают Верховный народный суд КНР и Верховная народная прокуратура КНР.

Немало ученых выступает против подготовки и принятия четвертой редакции Уголовно-процессуального закона в форме кодификации. Далее мы подробно остановимся на различных точках зрения и выдвинем свои собственные идеи.

2.1. Одобрение кодификационного характера пересмотра Уголовно-процессуального закона

Приверженцы данной точки зрения признают кодифицированный характер четвертой редакции Уголовно-процессуального закона и считают, что этим она должна отличаться от трех предыдущих. Профессор Хань Сюй настаивает на том, что четвертая поправка должна быть построена по кодификационной модели. Он отмечает, что исследование ценности и целей кодификации законодательства является структурно выдержанным, наделенным логикой, торжественным и священным характером. Такое исследование имеет влияние на общественное мнение, обладает авторитетом, что соответствует духу развития верховенства закона в Китае.

Если обратить внимание на недостатки Уголовно-процессуального закона КНР с точки зрения учений о кодификации уголовного процесса, содержания правовых норм, их полноты, доступности для понимания и применения, особенностей форм внесения в него изменений и места, которое он занимает в нормативно-правовом регулировании, то следует прийти к выводу, что в настоящее время Закон лишь условно можно считать кодексом, он далек от уровня классического кодифицированного акта. Профессор Хань Сюй указывает, что многие страны континентальной Европы, например Италия, Германия, достаточно давно внедрили модель кодификации уголовно-процессуального законодательства. Кроме того, по его мнению, существует немало уголовно-процессуальных кодексов, которые содержат нормы экстерриториального характера. Среди таких кодексов он называет УПК России, Австрии, Франции, Германии. УПК Италии, Германии и России он относит к законам с развитой системой доказывания и доказательств и отмечает, что в перечисленных странах, как правило, нет большого количества судебных толкований и подзаконных нормативных правовых актов в области уголовного процесса, а все уголовно-процессуальные нормы включены в уголовно-процессуальные кодексы[3]. Другими словами, утверждения исследователей о кодифицированном характере Уголовно-процессуального закона и всех поправок к нему всё же следует рассматривать как позицию, согласно которой Закон только внешне напоминает кодекс, а фактически является совокупностью отдельных источников права, отражающих некое общее нормативное состояние в соответствующей сфере, то есть результатом инкорпорации.

Цель создания кодифицированного акта — рационализация системы источников права. Кодифицированный акт есть результат решения прогрессирующей логической задачи, вытекающей из кодификации, осуществляемой по форме. Стандарт кодифицированного по существу закона можно кратко сформулировать как «единство норм соответствующей отрасли права, теоретико-правовой основы таких норм, их системного расположения и полноты отраслевого правового регулирования»[4]. Согласно

[2] См.: *Вань И.* Изменения Уголовно-процессуального закона в эпоху кодификации // Восточное право. 2021. № 6. С. 184–197.

[3] *Хань Сюй.* В ожидании модернизации института верховенства закона применительно к четвертому пересмотру Уголовно-процессуального закона // Политико-правовая теория. 2024. № 1. С. 53–68.

[4] *Цуй Юнцунь.* Диалог с профессором Чэнь Вэйдуном: кодификация Уголовно-процессуального закона на уровне макроконтекста и под углом некоторых вопросов // Юридический журнал. 2024. № 4. С. 58–75.

позиции профессора Чэнь Вэйдуна, Уголовно-процессуальный закон КНР находится лишь на стадии кодификации по форме. Между такой формой кодификации и кодифицированным по существу законом огромная разница. «Поскольку Уголовно-процессуальный закон 1979 г. является результатом в основном формальной, а не по существу кодификации, то он ни в коем случае не является результатом систематизации в истинном смысле этого слова. Действующая редакция Уголовно-процессуального закона также сформирована на основе формальной систематизации и также сталкивается с проблемами, вытекающими из неполноты и недостаточности такой систематизации. Эти обстоятельства ставят под сомнение уровень научности и модернизации уголовно-процессуальной правовой системы. Поскольку степень систематизации действующей редакции Уголовно-процессуального закона является недостаточной, необходимо содействовать кодификации указанного Закона по существу»[5].

Кодификационная реформа Уголовно-процессуального закона Китая должна проводиться при условии соблюдения трех стандартов: системное расположение норм, их полнота и теоретико-правовая основа. Системное расположение норм требует интеграции децентрализованных правовых норм для формирования логичной правовой системы, характеризуется отсутствием противоречий между ними, ориентировано на обеспечение единства правоприменения и правовой определенности. Полнота норм означает, что их содержание охватывает все виды уголовно-процессуальных правоотношений и является необходимым и достаточным для правоприменительных органов, осуществляющих рассмотрение уголовных дел, позволяет избежать пробелов в праве, а также направлено на уменьшение споров, связанных с применением таких норм. Что касается теоретико-правовой основы норм, то предполагается их точное формулирование, конкретное и корректное содержание, отсутствие двоякого толкования. Такой стандарт, как и полнота норм, призван обеспечить ясность и применимость норм и облегчить их понимание правоприменительными органами.

Кроме того, согласно данной точке зрения, необходим «всесторонний и детальный» подход к внесению поправок в законодательство, нужна кодификационная модель «всеобъемлющего пересмотра всего того, что должно быть пересмотрено», во избежание фрагментированных изменений и дополнений; следует коренным образом изменить общую структуру и вектор развития законодательства и повысить его эффективность.

Сторонники этой точки зрения выделяют два уровня кодификации: макроуровень и микроуровень. Макроуровень кодификации включает в себя три аспекта. Во-первых, важно в полном объеме реализовать «ориентированную на судебное разбирательство» структуру уголовного судопроизводства. В общих положениях Уголовно-процессуального закона должен быть зафиксирован основополагающий принцип судебного разбирательства, являющегося центральным звеном уголовного судопроизводства. Нуждается в поддержке реализация принципа проведения судебного разбирательства по существу, в ходе которого должно быть обеспечено непосредственное участие в таком разбирательстве. Следует ввести нормы об уголовно-процессуальных (процедурных) санкциях и установить диапазон, в пределах которого назначается наказание с учетом позиции органов прокуратуры. Во-вторых, необходимо скорректировать соотношение полномочий органов предварительного следствия, контролирующих органов (Государственного контрольного комитета и его местных органов) и народных судов. При этом требует обоснованной регламентации соотношение полномочий специальных правоохранительных органов в области уголовного судопроизводства. Должен быть реализован эффективный механизм сдержек и противовесов в осуществлении полномочий указанными органами. Это приведет к изменению структуры уголовного процесса, включающего в себя идущие друг за другом предварительное следствие, предъявление обвинительного заключения и судебное разбирательство. В частности, необходимо усилить ограничения, налагаемые судами и органами прокуратуры на полномочия органов предварительного следствия, четко разграничить институты судебного контроля за деятельностью органов предварительного расследования и собственно судебное разбирательство, с тем чтобы действительно реализовать структуру уголовного судопроизводства, ориентированного на судебное разбиратель-

[5] *Чэнь Вэйдун.* Некоторые соображения по поводу четвертой редакции Уголовно-процессуального закона // Политико-правовая теория. 2024. № 1. С. 29.

ство. В-третьих, нуждается в изменении разделение стадий судебного разбирательства: необходимо четко отделить стадию подготовки к судебному заседанию от стадии судебного разбирательства.

2.2. Предложение о повторной кодификации Уголовно-процессуального закона

Вторая точка зрения основывается на том, что Уголовно-процессуальный закон с момента его принятия уже имел форму кодифицированного акта. Исследователи, разделяющие данное мнение, позиционируют четвертый пересмотр Уголовно-процессуального закона как повторную кодификацию и утверждают, что законодатель должен двигаться именно в таком направлении при внесении новой поправки.

Ряд исследователей поддерживают повторную кодификацию, но не согласны с утверждением о кодификационном характере новой поправки к Уголовно-процессуальному закону. Они полагают, что, поскольку указанный Закон изначально был сформирован как кодифицированный, неверно говорить о кодификации применительно к его пересмотру (поправкам). Помимо концепции повторной кодификации, можно выделить концепцию кодификации актов толкования законов, которые дают Верховный народный суд КНР и Верховная народная прокуратура КНР. Такая кодификация — это процесс, подразумевающий, по сути, демонтаж кодифицированных законов или принятие отдельных законов либо актов их толкования вместо кодексов. Впервые явление кодификации актов толкования законов Верховным народным судом и Верховной народной прокуратурой возникло в КНР в сфере гражданского законодательства в связи с всплеском отдельных специальных законов, приведшим к созданию системы, несовместимой с целями и логикой кодификации. В Китае распространено правовое явление, когда используется большое количество актов толкования, выпускаемых Верховным народным судом и Верховной народной прокуратурой, подрывающих устойчивость Уголовно-процессуального закона. Некоторые ученые отмечают, что расширение сферы применения подзаконных нормативных правовых и иных актов в сфере уголовно-процессуального права приобретает устрашающие масштабы, что в основном выражается в принятии огромного количества как ведомственных нормативных правовых актов, так и актов толкования со стороны не только Верховного народного суда и Верховной народной прокуратуры, но и других органов. Данное обстоятельство наносит ущерб авторитету института закона[6]. Профессор Не Юлунь предлагает свою концепцию повторной кодификации Уголовно-процессуального закона. Основываясь на противоречиях между толкованием, исходящим от Верховного народного суда и Верховной народной прокуратуры, и содержанием Уголовно-процессуального закона, а также на фрагментарном характере актов указанного толкования, он называет интерпретационную деятельность Верховного народного суда и Верховной народной прокуратуры кодификацией актов толкования законов. Другими словами, предпосылкой повторной кодификации является кодификация актов толкования законов. Он считает, что «с точки зрения только одной прагматической логики неуместно говорить о кодификации применительно к действующим законам. Уголовно-процессуальная правовая сфера также сталкивается с проблемой разбрасывания правовых норм по разным источникам. Децентрализация и фрагментация уголовно-процессуальных норм отражаются в их изменении и переработке посредством принятия и изменения нормативных правовых актов, а также в появлении в результате этого множества источников права, таких как законы, постановления и решения Всекитайского собрания народных представителей, решения Постоянного комитета указанного Собрания, акты толкования законов, принимаемые Постоянным комитетом, акты толкования, даваемые Верховным народным судом и Верховной народной прокуратурой, ведомственные нормативные правовые и иные акты»[7]. Содержание этих источников уголовно-процессуального права должно быть проверено, и после этой проверки они могут быть разумным образом интегрированы в систему уголовно-процессуального права.

Профессор Юй Хайсун также относится к сторонникам концепции повторной кодификации. В то же время он считает, что диспуты о сути

[6] *Цуй Юнцунь.* Указ. соч. С. 61.

[7] *Не Юлунь.* О кодификации актов толкования законов, которые дают Верховный народный суд КНР и Верховная народная прокуратура КНР, и повторной кодификации применительно к изменению Уголовно-процессуального закона // Китайское и зарубежное право. 2024. № 5. С. 1142.

«кодификации» или «повторной кодификации» не имеют большого значения. Акцент должен быть сделан на решении вопросов, связанных со своевременной интеграцией иных, чем Уголовно-процессуальный закон, источников права в единую систему уголовного процесса и увеличением числа норм, направленных на обеспечение принципа судебного разбирательства как главного звена уголовного процесса, укрепление института гражданского иска о возмещении ущерба, рациональное распределение механизмов уголовно-процессуального права, выполнение конкретных практических задач. Такой акцент в первую очередь должен помочь понять, как решить эти вопросы, то есть определиться с конкретной формой пересмотра Закона[8].

Приверженцы повторной кодификации утверждают, что действующий Уголовно-процессуальный закон КНР основан на теории стадий уголовного процесса, предусматривающей пять таких стадий: возбуждение уголовного дела, предварительное расследование, предъявление обвинительного заключения, судебное разбирательство и исполнение приговора. В будущем, вероятно, встанет вопрос о повторной кодификации с опорой на центральное место судебного разбирательства в системе уголовного судопроизводства, как это сделано в Германии и Японии, в праве которых предварительное расследование и рассмотрение уголовных дел в порядке публичного обвинения включены в книгу (часть), регламентирующую производство в суде первой инстанции. В диссертации Чжан Юй «Исследование терминологии уголовного и уголовно-процессуального права» также отмечается, что реальной формой текущего реформирования Уголовно-процессуального закона Китая является только повторная кодификация. При этом такой вариант кодификации должен быть построен в соответствии со структурой, предусматривающей интеграцию досудебного и судебного разбирательства. Содержание этих двух частей разбирательства нуждается в новом изложении[9]. В результате такого изложения мы можем обнаружить микс положений Закона: во-первых, положения из уголовно-процессуального права Германии о судебном разбирательстве как основном звене уголовного судопроизводства; во-вторых, положения японских институтов прав защитников и порядка допроса обвиняемых и свидетелей; в-третьих, правила уголовного процесса США об исключении доказательств, добытых незаконным путем, и об уголовно-процессуальных санкциях.

2.3. Возражения против кодификационного характера поправки к Уголовно-процессуальному закону

Противники кодификационного характера пересмотра Уголовно-процессуального закона считают, что, во-первых, действующая в стране система уголовно-процессуального законодательства является относительно полной, а содержание указанного Закона — достаточным. Большинство вопросов права, возникших после принятия Закона в 1979 г., могли быть решены путем толкования. Разграничение толкования права, предлагаемого Верховным народным судом и Верховной народной прокуратурой, и законодательства носит устойчивый характер. Для полного пересмотра системы уголовно-процессуального права и проведения масштабной работы по интеграции судебного толкования в Закон потребуется много времени и затрат. Структура Уголовно-процессуального закона КНР разработана сообразно стадиям уголовного судопроизводства и соответствует развитию судебной практики в стране. В краткосрочной перспективе в новой поправке, нацеленной на внедрение института англо-американского права «судебное разбирательство как центральное звено уголовного судопроизводства» или внедрение института континентальной правовой системы досудебного и судебного разбирательства, нет необходимости. Даже если потребуется пересмотр Закона, применение новых норм и институтов должно пройти через долгосрочную практическую деятельность органов предварительного и судебного следствия. Невозможно внести поправки на бумаге, ориентируясь исключительно на логику кодификации или иной формы систематизации законодательства.

Во-вторых, распределение полномочий судебных и правоохранительных органов в сфере уголовного процесса по большей части

[8] *Юй Хайсун.* Основные направления пересмотра Уголовно-процессуального закона в эпоху кодификации // Юридический форум. 2024. № 39. С. 39–52.

[9] *Чжан Юй.* Исследование терминологии уголовного и уголовно-процессуального права : дис. … магистра права Ганьсуского политико-правового ун-та. 2023. С. 45.

уже сформировалось. Маловероятно, что новые изменения в Законе смогут поколебать механизм функционирования и сотрудничества трех основных органов в указанной сфере — судов, органов прокуратуры и контролирующих органов. На протяжении всего периода реформирования Уголовно-процессуального закона можно отметить его качественное и поступательное развитие в плане изменения и внешнего вида, и содержания. «Система уголовно-процессуального права в последние годы по мере обогащения и развития практики применения его норм непрерывно совершенствуется. На основе постоянного реагирования на реальные проблемы в ней создан и накоплен имеющий локальный и созидательный характер опыт применения уголовно-процессуального законодательства»[10].

Сегодняшний уровень правотворческой техники не может обеспечить быстрое проведение масштабных и систематических изменений. Между тем общество и криминогенная ситуация стремительно меняются. Уголовно-процессуальный закон в конечном итоге будет отставать и не сможет эффективно реагировать на возникновение новых институтов общества, что затруднит достижение целей уголовного наказания. Если для очередного этапа изменения Уголовно-процессуального закона, подобного предыдущим поправкам, потребуется более 10 или 20 лет, то указанный Закон неизбежно отстанет от Уголовного закона и уголовного права КНР и не сможет сформировать качественное взаимодействие между законами материального и процессуального права. Данные обстоятельства не способствуют разрешению двойной задачи — наказанию за преступления и защите прав человека. Можно сделать вывод, что после введения отдельных видов особого производства в 2012 г., пусть и не повлекшего признания факта кодификации Закона, изменения и дополнения в Уголовно-процессуальном законе постепенно становились проблемно ориентированными и специализированными. Поправка 2018 г. имела небольшой масштаб, и, возможно, она станет фундаментом для модификации Закона в будущем. В настоящее время полным ходом ведется реформирование механизма полномочий судебных и правоохранительных органов в сфере уголовного процесса. Незначительные поправки помогут внедрить в законодательство этот механизм. Если законодательство не будет своевременно обновляться, то возникнет разрыв между законодательством и правоприменительной практикой.

Профессор Цзо Вэйминь, подводя итоги правотворческой деятельности в сфере современного уголовного процесса, начавшейся в 1979 г., выдвинул предложение о «декодификации». По его мнению, четвертая поправка не может представлять собой крупную реформу уголовного процесса в КНР. Она будет лишь частичным изменением Уголовно-процессуального закона (что соответствует временны́м рамкам и текущим потребностям практики) и тем не менее будет обладать научным и демократичным характером. Он также считает, что, хотя в Уголовно-процессуальном законе сохраняются некоторые концептуальные дефекты, в том числе пробелы, Закон всё равно должен продолжать «обобщение правоприменительной практики и постепенное развитие», основываться на текущей ситуации и учитывать движение науки[11]. Профессор Го Чжиюань также придерживается позиции «незначительного изменения» Уголовно-процессуального закона. В качестве основы своих выводов он приводит концепт постоянных поправок к Уголовному закону КНР и утверждает, что Уголовно-процессуальный закон должен соответствовать данному концепту, имеющему целью адаптацию позитивного законодательства к быстрым изменениям в обществе. Ранее примененный (в частности, в 2018 г.) формат пересмотра Уголовно-процессуального закона, включающий внесение небольших изменений с учетом текущей ситуации в судебной и иной правоприменительной практике, обоснованного плана реформ и итогов реализации пилотных проектов, должен быть сохранен[12].

2.4. Наша позиция

Мы согласны с суждением об отсутствии у поправок к Уголовно-процессуальному закону характера повторной кодификации.

Повторная кодификация потребует изменения всей первоначальной структуры указанного Закона. Между тем данная структура является

[10] *Хань Сюй.* Указ. соч.

[11] *Цзо Вэйминь.* Как инициировать внесение четвертой поправки в Уголовно-процессуальный закон? Мысли, основанные на наблюдении за правотворческим процессом // Китайское и иностранное право. 2024. № 5. С. 1125–1140.

[12] *Го Чжиюань.* Указ. соч. С. 3–29.

стабильной, а ее изменение и дополнение не может быть повторной кодификацией. Однако если при этом интеграцию актов толкования права, принимаемых Верховным народным судом и Верховной народной прокуратурой, и ведомственных нормативных правовых актов в сфере уголовного процесса квалифицировать как повторную кодификацию, то каждый пересмотр Уголовно-процессуального закона также можно считать кодификационным. Действующая уголовно-процессуальная система Китая первоначально была заимствована из права Германии, Франции, Японии и других стран, а затем подверглась влиянию права СССР и США. С момента разработки проекта Уголовно-процессуального закона и его опубликования сложившаяся вертикальная структура судебных и иных правоприменительных органов в сфере уголовного процесса и общая институциональная структура указанного Закона в целом сохраняли стабильность[13]. Все ранее осуществленные изменения и дополнения к Закону представляют собой его поступательное развитие. Такие изменения и дополнения не являются качественной «мутацией» Закона, и их сущность (сущность каждой поправки) принципиально не меняется. Даже если поправки затрагивают изменение структуры Закона, тем не менее они не представляют собой кодификационный формат, поскольку любой кодифицированный закон не может обладать свойствами некоего мерила для всех остальных кодексов. Пока структура Закона может адаптироваться к потребностям судебной и иной правоприменительной практики, ее следует рассматривать как структуру кодекса. Первоначальный формат Закона очевиден. Он с самого начала был кодифицированным законом. Термин «кодекс» — это только название закона. Терминология кодексов и иных законов является лишь результатом отсутствия единообразного подхода к правовому титулу указанных источников права. Поэтому умозаключения некоторых ученых после принятия Гражданского кодекса КНР нуждаются в дополнительном анализе, но уже с позиции социальной психологии.

Кроме того, стандартом для кодифицированного закона не может быть количество статей в нем или общий объем их содержания. Нельзя считать большое количество статей в законе или большой их объем необходимым и вместе с тем достаточным признаком кодификации. Невозможно исходить из предпосылки, что по мере расширения закон всё больше соответствует своему кодифицированному характеру. Существующий в зарубежных странах процесс кодификации основан на двух факторах: либо кодификация осуществляется с нуля, либо она проистекает в формате перехода от прецедентного права к позитивному. Увеличение количества статей в Законе, пусть даже их число достигнет тысячи, — это не явление кодификации, а всего лишь пересмотр Закона. Таким образом, четвертая поправка к Закону будет продолжением предыдущих форматов его изменения. Если мы будем в состоянии использовать опыт предыдущих поправок, мы однозначно сможем достичь целей новой поправки.

3. Поддержка концепции будущего пересмотра Уголовно-процессуального закона

По нашему мнению, четвертая редакция Уголовно-процессуального закона должна сохранить основные концепции уголовного наказания и обеспечения прав человека, и структура УПК РФ должна послужить ориентиром для такой новой редакции. Основной акцент в реформе в сфере уголовного наказания должен быть сделан на принципе судебного разбирательства как центрального звена уголовного судопроизводства, постоянном развитии судебного разбирательства по существу, совершенствовании института доказательств и доказывания, достижении не формальной, а материальной истины, а также на применении изменений Закона в правоохранительной и судебной деятельности. Тем самым будет внесен эффективный вклад в борьбу с преступностью. Развитие институтов защиты в уголовном процессе, исключения доказательств, добытых незаконным путем, и ограничения применения мер процессуального принуждения неотделимо от развития системы защиты прав человека, в том числе участников уголовного судопроизводства, в первую очередь подозреваемых и обвиняемых. Реформа Уголовно-процессуального закона КНР несет историческую и эпохальную миссию «параллельного развития», означающую непрерывный путь достижения баланса между публичными интересами и интересами граждан.

[13] *Чэн Лэй*. Исследование направления и ключевых вопросов четвертого пересмотра Уголовно-процессуального закона // Прикладное право Китая. 2025. № 3. С. 34.

Постепенное уравновешивание полномочий стороны обвинения, стороны защиты и суда, поддержание стабильной и разумной структуры полномочий судебных и правоприменительных органов в сфере уголовного процесса — основной способ достижения целей Уголовно-процессуального закона КНР. Разрыв между государственной властью и индивидуальными правами граждан является причиной всех конкретных проблем. Трудно достичь идеального состояния равнобедренной треугольной структуры, включающей равенство стороны обвинения и стороны защиты, а также беспристрастный суд, как это существует в странах с состязательным уголовным процессом. Указанная структура может быть образована не только внесением поправок в Уголовно-процессуальный закон, но и решением ряда вопросов, связанных с созданием внутренних механизмов власти. Однако по крайней мере в области уголовного процесса необходимо избежать явного перекоса в балансе прав, а именно: реализация процессуальных прав граждан должна соответствовать стандартам, установленным Конституцией КНР и международными договорами, а осуществление государственной власти не может быть произвольным. Хотя всё еще сохраняются факты нарушения процессуальных прав граждан, нельзя игнорировать положительные результаты реформ, достигнутые за последние 30 лет. Структура полномочий и прав в сфере уголовного процесса в Китае будет становиться всё более развитой и продолжит сближение с международными стандартами.

В результате пересмотра Уголовно-процессуального закона в 1996 г. отменена монополия полномочий судей, введен механизм состязательности, осуществлено распределение компетенций между сторонами обвинения и защиты, заложена прочная основа для последующего осуществления реформы, ориентированной на придание судебному разбирательству статуса основного звена в уголовном процессе.

С принятием ряда поправок к Закону постоянно расширяется институт стороны защиты: установлена презумпция невиновности, подозреваемые и обвиняемые из пассивных источников доказательств превратились в независимых участников, обладающих процессуальными правами, создана система бесплатной юридической помощи.

Можно увидеть, что пересмотр Уголовно-процессуального закона КНР по-прежнему базируется на концепции баланса уголовного наказания и защиты прав человека, направленной на достижение эффективности судебного разбирательства и постоянное совершенствование содержания правовых норм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ван Сюцзюнь. Проблемы и пути совершенствования института доказательств в уголовном процессе КНР // Вестник юридических наук. 2022. № 5. С. 67–75.

Вань И. Изменения Уголовно-процессуального закона в эпоху кодификации // Восточное право. 2021. № 6. С. 184–197.

Го Чжиюань. Исследование сорокалетнего развития Уголовно-процессуального закона КНР // China Legal Science. 2021. № 9. С. 3–29.

Ли Чанчэн. Реформа уголовного судопроизводства Китая и перспективы четвертой поправки к УПК // Современное право. 2023. № 8. С. 45–53.

Лю Цзюнь. Сравнительно-правовой анализ кодификации уголовно-процессуального законодательства в странах континентальной системы права и в КНР // Юридическая наука. 2024. № 1. С. 88–96.

Не Юлунь. О кодификации актов толкования законов, которые дают Верховный народный суд КНР и Верховная народная прокуратура КНР, и повторной кодификации применительно к изменению Уголовно-процессуального закона // Китайское и зарубежное право. 2024. № 5. С. 1142–1160.

Хань Сюй. В ожидании модернизации института верховенства закона применительно к четвертому пересмотру Уголовно-процессуального закона // Политико-правовая теория. 2024. № 1. С. 53–68.

Хуан Цзин. Презумпция невиновности и защита прав подозреваемого в уголовном процессе КНР: история и современность // Юридическая практика. 2023. № 12. С. 56–63.

Цзо Вэйминь. Как инициировать внесение четвертой поправки в Уголовно-процессуальный закон? Мысли, основанные на наблюдении за правотворческим процессом // Китайское и иностранное право. 2024. № 5. С. 1125–1140.

Цуй Юнцунь. Диалог с профессором Чэнь Вэйдуном: кодификация Уголовно-процессуального закона на уровне макроконтекста и под углом некоторых вопросов // Юридический журнал. 2024. № 4. С. 58–75.

Чжан Баошэн. Концепция судебного разбирательства как центрального звена и ее реализация в законодательстве Китая // Китайское уголовно-процессуальное право. 2023. № 2. С. 22–31.

Чжан Юй. Исследование терминологии уголовного и уголовно-процессуального права : дис. … магистра права Ганьсуского политико-правового университета. 2023.

Чэн Лэй. Исследование направления и ключевых вопросов четвертого пересмотра Уголовно-процессуального закона // Прикладное право Китая. 2025. № 3. С. 32–48.

Чэнь Вэйдун. Некоторые соображения по поводу четвертой редакции Уголовно-процессуального закона // Политико-правовая теория. 2024. № 1. С. 28–52.

Чэнь Гуанчжун. Интеграция ведомственных нормативных актов и актов судебного толкования в систему уголовно-процессуального права Китая // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 3. С. 112–120.

Юй Хайсун. Основные направления пересмотра Уголовно-процессуального закона в эпоху кодификации // Юридический форум. 2024. № 39. С. 39–52.

REFERENCES

Chen Guangzhong. Integration of departmental normative acts and acts of judicial interpretation into the system of criminal procedure law of China. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn*. 2024;3:112-120. (In Chinese).

Chen Weidong. Some considerations on the fourth edition of the «Criminal Procedure Law». *Politiko-pravovaya teoriya*. 2024;1:28-52. (In Chinese).

Cheng Lei. Study of the direction and key issues of the fourth revision of the Criminal Procedure Law. *Prikladnoe pravo Kitaya*. 2025;3:32-48. (In Chinese).

Cui Yongcun. Dialogue with Professor Chen Weidong: Codification of the Criminal Procedure Law at the level of macrocontext and from the angle of some issues. *Yuridicheskiy zhurnal*. 2024;(4):58-75. (In Chinese).

Guo Zhiyuan. Research on the forty-year development of the Criminal Procedure Law of the PRC. *China Legal Science*. 2021;(9):3-29. (In Chinese).

Han Xu. In anticipation of modernization of the institution of the rule of law in relation to the fourth revision of the Criminal Procedure Law. *Politiko-pravovaya teoriya*. 2024;1:53-68. (In Chinese).

Huang Jing. Presumption of innocence and protection of the rights of the suspect in criminal procedure of the PRC: history and modernity. *Yuridicheskaya praktika*. 2023;12:56-63. (In Chinese).

Li Changcheng. Reform of criminal justice in China and prospects of the fourth amendment to the CPC. *Sovremennoe pravo*. 2023;8:45-53. (In Chinese).

Liu Jun. Comparative-legal analysis of codification of criminal procedure legislation in countries of the continental legal system and in the PRC. *Yuridicheskaya nauka*. 2024;1:88-96. (In Chinese).

Ne Yulun. On the codification of acts of interpretation of laws given by the Supreme People's Court of the PRC and the Supreme People's Procuratorate of the PRC, and re-codification in relation to the amendment of the Criminal Procedure Law. *Kitayskoe i zarubezhnoe pravo*. 2024;5:1142-1160. (In Chinese).

Wan Yi. Changes in the Criminal Procedure Law in the era of codification. *Vostochnoe pravo*. 2021;6:184-197. (In Chinese).

Wang Xiujun. Problems and ways of improving the institute of evidence in criminal procedure of the PRC. *Vestnik yuridicheskikh nauk*. 2022;5:67-75. (In Chinese).

Yu Haisong. Main directions of revision of the Criminal Procedure Law in the era of codification. *Yuridicheskiy forum*. 2024;39:39-52. (In Chinese).

Zhang Baosheng. The concept of «trial as the central link» and its implementation in Chinese legislation. *Kitayskoe ugolovno-protsessualnoe pravo*. 2023;2:22-31. (In Chinese).

Zhang Yu. Study of terminology of criminal and criminal procedure law. Master's thesis (Law). Gansu University of Political Science and Law; 2023. (In Chinese).

Zuo Weimin. How to initiate the introduction of the fourth amendment to the Criminal Procedure Law? Thoughts based on observation of the law-making process. *Kitayskoe i inostrannoe pravo*. 2024;5:1125-1140. (In Chinese).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Юань И, кандидат юридических наук, профессор, директор Института китайско-российского права, права стран Центральной Азии и арабского права при Китайском политико-правовом университете
д. 25, Ситучэн-роуд, г. Пекин 100088, Китайская Народная Республика
1129290@sina.com

Чжу Мэнфэй, доктор права Института судопроизводства Китайского политико-правового университета
д. 25, Ситучэн-роуд, г. Пекин 100088, Китайская Народная Республика
drzhu.law@outlook.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yuan Yi, Cand. Sci. (Law), Professor, Director of the Institute of Chinese-Russian Law, Law of Central Asian and Arab Countries, China University of Political Science and Law, Beijing, People's Republic of China
1129290@sina.com

Zhu Mengfei, Dr. Sci. (Law), Institute of Judicial Procedure, China University of Political Science and Law, Beijing, People's Republic of China
drzhu.law@outlook.com

Материал поступил в редакцию 15 мая 2025 г.
Статья получена после рецензирования 18 мая 2026 г.
Принята к печати 15 сентября 2026 г.

Received 15.05.2025.
Revised 18.05.2026.
Accepted 15.09.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.239.10.162-177

Е. С. Батусова
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
г. Москва, Российская Федерация

Общие закономерности правового регулирования охраны труда в некоторых странах БРИКС

Резюме. В текущей международной обстановке проблема правового регулирования охраны труда в рамках БРИКС приобретает особую актуальность, ее решение будет способствовать оптимизации процессов интеграции этого международного объединения. Идея Сети по охране труда в странах БРИКС была предложена на 10-й встрече министров труда и занятости стран БРИКС в 2024 г. Основной целью проекта является унификация подходов к регулированию вопросов охраны труда, стандартизация методов и правил в этой области. Проект предусматривает обмен опытом между странами-участницами и согласование национальных нормативных актов и стандартов. Эти меры направлены на снижение уровня производственного травматизма и создание основ эффективного международного сотрудничества в сфере охраны труда. Комплексный анализ нормативных правовых актов, регулирующих сферу охраны труда в государствах — участниках БРИКС, выявляет наличие как общих фундаментальных закономерностей, так и уникальных особенностей, обусловленных различиями в национальных правовых системах и культурных контекстах. В данной связи можно констатировать, что процесс унификации законодательства в этой области представляет собой многофакторный феномен, требующий всестороннего учета множества аспектов, таких как социально-экономические условия, политическая обстановка и международные обязательства стран-участниц. Систематическое исследование нормативных документов, регламентирующих вопросы охраны труда в странах БРИКС, позволяет не только идентифицировать общие концептуальные основы, но и выявить специфические черты.

Ключевые слова: охрана труда; БРИКС; работодатель; работник; интеграция; Россия; Китайская Народная Республика; Бразилия; ЮАР; Индия

Для цитирования: Батусова Е. С. Общие закономерности правового регулирования охраны труда в некоторых странах БРИКС. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 10. С. 162–177. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.239.10.162-177

General Patterns of Legal Regulation of Labor Protection in Selected BRICS Countries

Ekaterina S. Batusova
HSE University
Moscow, Russian Federation

Abstract. In the current international environment, the issue of legal regulation of labor protection within BRICS is of particular relevance. Resolving this issue will contribute to the optimizing integration processes within this international association. The idea of the BRICS Occupational Safety and Health (OSH) Network was proposed at the 10th summit of labor and employment ministers of BRICS member states. The main objective of the project is to unify approaches to the regulation of labor protection issues, as well as to standardize methods and rules in this area. The project provides for the exchange of experience between participating countries and the harmonization of national normative acts and standards. These measures are aimed at reducing occupational injuries rates and creating foundations for effective international cooperation in the field of labor protection. A comprehensive analysis of regulatory legal acts governing the sphere of labor protection in BRICS member states reveals both general fundamental patterns and unique features stemming from differences in national legal systems and cultural contexts. It can be stated that the process of legislation unification in this area is a

© Батусова Е. С., 2026

multifactorial phenomenon requiring comprehensive consideration of a wide range of aspects, such as socio-economic conditions, political situation and international obligations of participating countries. A systematic study of regulatory documents governing labor protection issues in BRICS countries makes it possible not only to identify common conceptual foundations, but also to reveal specific features determined by national legal traditions and cultural characteristics.

Keywords: labor protection; BRICS; employer; employee; integration; Russia; People's Republic of China; Brazil; South Africa; India

Cite as: Batusova ES. General Patterns of Legal Regulation of Labor Protection in Selected BRICS Countries. *Lex russica*. 2026;79(10):162-177. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.239.10.162-177

Введение

В современных условиях особую актуальность на уровне БРИКС приобретает проблема правового регулирования охраны труда, решение которой позволит оптимизировать интеграционные процессы в рамках данного международного объединения.

На 10-й встрече министров труда и занятости стран БРИКС был предложен проект Сети по охране труда стран БРИКС[1]. Основная цель инициативы — унификация подходов к регулированию вопросов охраны труда, а также стандартизация методов и правил в данной области.

Проект предполагает организацию обмена опытом между странами-членами, а также гармонизацию национальных нормативных актов и стандартов. Это направлено на снижение уровня производственного травматизма и формирование основ для эффективного международного сотрудничества в сфере охраны труда.

К проекту присоединились сначала пять государств: Бразилия, Российская Федерация, Индия, Китай и Южно-Африканская Республика. В связи с разработкой Сети по охране труда стран БРИКС целесообразно проанализировать подходы в сфере охраны труда в этих странах.

Рассматривая правовое регулирование охраны труда в странах БРИКС, можно выделить общие тенденции, которые демонстрируют высокую степень адаптации к уникальным характеристикам национальных правовых систем, что позволяет сделать вывод о существовании сложной, но взаимосвязанной структуры правовых норм и институтов, ориентированных на обеспечение безопасности и здоровья работников.

Анализ законодательных актов в области охраны труда в странах БРИКС показывает наличие как общих принципов, так и специфических особенностей, обусловленных различиями в правовых традициях и культурных контекстах. Таким образом, процесс гармонизации законодательства в этой сфере является многоаспектным и требует учета множества факторов, в первую очередь социально-экономических условий, политической ситуации и международных обязательств государств-участников.

В странах БРИКС прослеживается стремление к созданию эффективной системы охраны труда, что признается на национальном и международном уровнях. Это открывает возможности для развития правовых механизмов, улучшения условий труда и повышения безопасности работников.

Общие закономерности правовой регламентации охраны труда включают разработку, внедрение и улучшение национальной системы охраны труда, определение мероприятий на национальном уровне в данной сфере, их закрепление на уровне работодателя и обязанностей работников.

Основная часть

1. Закономерность разработки, внедрения, постоянного улучшения национальной системы охраны труда

Конституции стран БРИКС закрепляют право на охрану труда напрямую, или оно может быть выведено из других трудовых прав. Например, согласно Конституции КНР 1982 г.[2], государство улучшает охрану и условия труда, в то время как

[1] Страны БРИКС приняли декларацию о создании общей сети по охране труда // Российское агентство правовой и судебной информации. URL: https://rapsi-pravo.ru/international_news/20240910/310231653.html (дата обращения: 16.08.2025).

[2] Конституция Китайской Народной Республики (принята на пятой сессии Всекитайского собрания народных представителей V созыва 4 декабря 1982 г., поправки от 12.04.1988 приняты на первой сес-

в Конституции Индии[3] нет прямого упоминания именно об охране труда, но запрещен детский труд, декларируется стремление государства обеспечить на законодательном уровне определенные условия труда. По мнению индийского специалиста в области охраны труда Ишы Аггарвал, «в основе законов о безопасности и гигиене труда лежат конституционные положения Индии»[4]. В Конституции Бразилии 1988 г.[5] (ст. 7) устанавливаются права в отношении труда и безопасности, в том числе сокращение производственных рисков посредством соблюдения гигиены и обеспечения безопасности, а также защита от последствий автоматизации, страхование от несчастных случаев в процессе труда, запрет ночного, опасного или вредного для здоровья труда для несовершеннолетних. Можно констатировать, что основы охраны труда изложены в Конституции данной страны более подробно, чем в двух предыдущих, что положительно влияет на защищенность работника.

Конституция ЮАР[6] предусматривает право на достойные условия труда, а также содержит отдельные статьи в Билле о правах, закрепляет право на благополучную окружающую среду, право на защиту детей от эксплуатации в трудовой деятельности. Толкование положений Основного Закона ЮАР позволяет обосновать право на обеспечение охраны труда работников как части населения страны. Здесь «в рамках публичного права вопросы охраны труда регулируются посредством нормативных правовых актов. В частном праве данная проблематика непосредственно интегрирована в подотрасль трудового права, где функционируют законодательные акты, регулирующие охрану труда и технику безопасности»[7].

В Российской Федерации, провозгласившей себя социальным государством, право на охрану труда и здоровья, медицинскую помощь, условия труда, соответствующие требованиям безопасности и гигиены, гарантии социального обеспечения в случае болезни зафиксированы в Конституции[8]. Следовательно, Россия разделяет подход Бразилии.

Таким образом, в России, Бразилии и Китайской Народной Республике рассматриваемое право закреплено на конституционном уровне. В Южно-Африканской Республике и Индии право на охрану труда вытекает из общих принципов конституционных актов этих стран. Это позволяет установить механизм охраны труда.

Данное основополагающее право находит свое отражение в ключевых законодательных актах указанных государств, которые являются фундаментальными документами для международного сотрудничества в рамках межгосударственного объединения БРИКС. Эти акты имеют первостепенное значение в формировании правовой базы для обеспечения безопасных условий труда на глобальном уровне.

сии VII созыва ВСНП, поправки от 29.03.1993 приняты на первой сессии VIII созыва ВСНП, поправки от 15.03.1999 приняты на второй сессии IX созыва ВСНП, поправки от 14.03.2004 приняты на второй сессии X созыва ВСНП, поправки от 11.03.2018 приняты на первой сессии XIII созыва ВСНП) // URL: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution/constitution_ch2 (дата обращения: 16.08.2025).

3 Конституция Индии (принята учредительным собранием Индии 26 ноября 1949 г.) // Сайт Министерства юстиции. URL: https://lddashboard.legislative.gov.in/sites/default/files/coi/COI_2024.pdf (дата обращения: 16.08.2025).

4 *Aggarwal I.* Occupational Health and Safety Legislation in India // Legal Service India. URL: https://www.legalserviceindia.com/legal/article-9466-occupational-health-and-safety-legislation-in-india.html (дата обращения: 16.08.2025).

5 Constituição da República Federativa do Brasil. Edição administrativa do texto constitucional promulgadoem 5 de outubro de 1988, compilado até a Emenda Constitucional No. 110/2021 // URL: https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/21144 (дата обращения: 16.08.2025).

6 The Constitution of the Republic of South Africa, 1996, approved by the Constitutional Court (CC) on 4 December 1996 and took effect on 4 February 1997 // URL: https://www.gov.za/documents/constitution/constitution-republic-south-africa-1996-04-feb-1997 (дата обращения: 16.08.2025).

7 *Manning W. G.*, *Pillay M.* A critical analysis of the current South African occupational health law and hearing loss // South African Journal of Communication Disorders. 2020. No. 67 (2). P. a694. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC7136813/ (дата обращения: 16.08.2025).

8 Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изм.) // Официальный интернет-портал правовой информации. 06.10.2022. № 0001202210060013. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013 (дата обращения: 16.08.2025).

Так, в Китае это Закон о труде от 05.07.1994[9], Закон о безопасности на производстве от 29.07.2002[10] и подзаконные акты; в Индии — Кодекс об охране труда, здоровья и условиях труда 2020 г.[11]; в Бразилии — Консолидированный закон о труде[12] и стандарты; в ЮАР — Закон ЮАР о безопасности и гигиене труда № 85 от 1993 г.[13] и подзаконные акты; в России — Трудовой кодекс РФ[14], законы и подзаконные нормативные правовые акты о труде.

Правовые системы упомянутых стран характеризуются высоким уровнем развития, при этом каждая из них имеет свои особенности. В Китае правовая система относится к континентальному типу и является одной из старейших в мире. Индийская правовая система представляет собой смешанный тип, включающий элементы английского права, индуистских и мусульманских правовых традиций. Бразильская правовая система принадлежит к романо-германской правовой семье, однако обладает специфическими чертами, присущими странам Латинской Америки. Южноафриканская правовая система также является смешанной, объединяющей романо-голландское, английское общее право и африканское обычное право.

Обратимся к роли государственного регулирования в сфере охраны труда, что важно для формирования Сети по охране труда в странах БРИКС, поскольку принимаемые государством нормативные правовые акты и меры влияют на состояние охраны труда, а также именно государственные органы регистрируют работодателей, устанавливают требования охраны труда, осуществляют надзор и контроль, ведут статистику несчастных случаев и профзаболеваний.

В России государство играет ключевую роль в обеспечении безопасности и здоровья работников, что является одним из базовых направлений государственной политики и законодательных мер.

Государственные органы, ответственные за регулирование и контроль в области охраны труда, — это Правительство РФ, определяющее основные направления государственной политики; федеральные органы исполнительной власти, в частности Министерство труда и социальной защиты РФ, выполняющее функции координации и контроля; органы исполнительной власти субъектов РФ, реализующие региональную политику в области охраны труда; органы местного самоуправления, действующие в пределах своих полномочий и обеспечивающие осуществление местных программ по охране труда.

Примерно такой же подход реализуют другие государства.

В частности, Закон о труде Китая устанавливает на государственном уровне создание системы информирования и расследования несчастных случаев и профессиональных заболеваний при активном участии органов трудовой администрации и органов народных правительств различных ступеней (ст. 57). Указанным Законом (гл. VI, VII, XI) регулируются общие вопросы безопасности и гигиены труда, в нем содержатся специальные нормы охраны труда женщин-служащих, женщин и работников до 18 лет (ст. 58), контроля и надзора. Участие го-

---

[9] Закон Китайской Народной Республики о труде (принят на восьмом заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей VIII созыва 5 июля 1994 г., введен в действие с 1 января 1995 г.) // URL: https://www.chinaperevod.com/law/zakon-kitayskoy-narodnoy-respubliki-o-trude (дата обращения: 16.08.2025).

[10] Закон Китайской Народной Республики «О безопасности на производстве» (принят на 28-м заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей IX созыва 29 июля 2002 г., введен в действие с 1 января 2003 г.) // URL: https://english.www.gov.cn/archive/laws_regulations/2014/08/23/content_281474983042179.htm (дата обращения: 16.08.2025).

[11] V, Occupational Safety, Health and Working Conditions Code, 2020. India. Bill No. 122 of 2020 // URL: https://www.dgms.net/Occupational%20Safety,%20Health%20And%20Working%20Conditions%20Code,%202020.pdf (дата обращения: 16.08.2025).

[12] Consolidação Das Leis Do Trabalho. Decreto-Lei № 5.452, de 1 de maio de 1943. 122º da Independência e 55º da República // URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/decreto-lei/del5452.htm (дата обращения: 16.08.2025).

[13] The Occupational Health and Safety Act, 1993, № 85 // Government Gazette, 2 July 1993. No. 14918. SA. URL: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/201409/act85of1993.pdf (дата обращения: 16.08.2025).

[14] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 3.

сударства опосредует развитие национальной системы охраны труда.

Китайский ученый Тан Чжуншэн обращает внимание на то, что ратификация Китаем конвенций МОТ об охране труда и учет рекомендаций также играют важную роль, помимо законов[15], влияя на национальную систему охраны труда. Закон КНР о безопасности на производстве был принят с целью снижения числа несчастных случаев на производстве, особенно в добывающей отрасли, и улучшения государственного контроля в этой сфере, а также усиления мер юридической ответственности за нарушения в сфере охраны труда, защиты жизни и здоровья. Это повышает эффективность экономической деятельности и ведет к ее дальнейшему развитию. Отдельно следует отметить, что данный Закон распространяется на все отрасли производства, исключая те сферы, для которых приняты отдельные законы о безопасности, например противопожарной, на автомобильных и железных дорогах, на водном и воздушном транспорте[16]. Дополнительными актами являются, например, Закон о пожарной безопасности, Закон о безопасности специального оборудования. Притом что устанавливается полная материальная ответственность руководителей за обеспечение безопасности производства, в сфере охраны труда разрешено участие сторонних организаций, оказывающих технические услуги по обеспечению безопасности.

Глава 4 Закона КНР о безопасности на производстве закрепляет организацию системы государственного контроля. Несомненно, развитие государственного контроля и усиление ответственности являются системными мерами по снижению числа несчастных случаев на производстве. Введен комплексный контроль, который позволяет не допустить нарушения прав работника. Контроль, в частности, осуществляется Министерством по чрезвычайным ситуациям (вопросы безопасности на рабочем месте), государственной администрацией по регулированию рынка (вопросы стандартизации оборудования и стандарты производства), местными управлениями по надзору за безопасностью (контроль на уровне провинции и местном уровне). Постоянно вносимые в Закон изменения делают систему охраны труда соответствующей современным реалиям. Например, последние важные изменения были в 2021 г.

До начала реформы охраны труда в Индии Раджат Кумар Саха указывал на необходимость распространения действия норм на работников неорганизованного сектора экономики, повышения осведомленности о проблемах с охраной труда, интеграции гигиены труда в первичную медико-санитарную помощь, создания центров передового опыта медицины труда[17].

Сейчас в Индии действует Кодекс по охране труда, который устанавливает правила работы для Государственного консультативного совета по безопасности и гигиене труда, влияющего на систему охраны труда, а также определяет стандарты безопасности и гигиены труда, порядок расследования нарушений и оценки уровня безопасности и гигиены труда. Кроме того, Кодексом определены правила статистической отчетности и создания базы для внешних трудовых мигрантов, установлены требования к функционированию Комитета по безопасности и специалистам службы безопасности на предприятии. Введен расширенный понятийный аппарат, зафиксированы теоретические основы охраны труда и системы безопасности на предприятии. Таким образом, данный Закон акцентировал внимание на разработке и закреплении национальной системы охраны труда. По мнению Вишвараджа Мхалшекара, с принятием данного акта «произошли изменения в культуре работы на рабочем месте и развитии инфраструктуры охраны труда»[18].

Законодатель Индии рассматривает охрану труда в широком смысле, в том числе условия труда, включая социальное обеспечение, продолжительность рабочего времени, особенно-

[15] См.: *Тан Чжуншэн.* Сравнительный анализ законодательства в области охраны труда в России и Китае // Известия Петербургского университета путей сообщения. 2020. Т. 17. Вып. 4. С. 584.

[16] См.: Современное право Китайской Народной Республики (обзор законодательства 1978–2010 гг.). М., 2012. Ч. 2 : 2002–2010 гг. С. 9–10.

[17] *Saha R. K.* Occupational Health in India // Annals of Global Health. 2018. Aug 31. No. 84 (3). P. 330–333. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC6748231/ (дата обращения: 05.10.2025).

[18] *Mhalshekar V*. The Changing Scenario of Occupational Health in India // Occupational & Environmental Medicine. 2024. Apr 10. No. 28 (1). P. 1–3. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC11111137/ (дата обращения: 05.10.2025).

сти правового регулирования для различных категорий работников. В частности, это касается охраны труда женщин, занятых на опасных работах, на стройках, фабриках и в сельском хозяйстве, а также работников-мигрантов и работников сферы аудиовизуальных услуг.

Регламентируются и вопросы нарушений в области охраны труда, и меры ответственности за них. Можно сделать вывод, что, помимо дифференциации в области охраны труда, государство создало систему государственного контроля, что должно повлиять на снижение рисков в сфере безопасности на производстве. Формирование расширенного понятийного аппарата позволяет не допускать разного понимания организации охраны труда на производстве, что способствует бесконфликтному правоприменению.

Существенное влияние на правовое регулирование охраны труда в Индии оказывают судебные прецеденты, которые затрагивают общие вопросы безопасности населения, а не только работников. Например, в деле о нарушении при производстве предельных для каустического хлора норм и последующей утечке олеумного газа, повлекшей смерть работника, суд, помимо нарушений стандартов производства и необеспечения охраны труда, изучал вопросы целесообразности открытия завода в густонаселенном районе и наличия использующих небезвредные технологии заводов в городах, ужесточения ответственности за нарушение норм охраны труда и безопасности[19].

Говоря о дифференциации в сфере охраны труда в Индии, необходимо отметить, что в отдельную категорию выделены лица, работающие с пивом и сигарами. Законом регулируются также вопросы доступа в производственные помещения и работы наемных работников вне производственных помещений[20]. При этом установлено, что на самозанятых эти нормы не распространяются при их работе в частных домах. Данный акт является примером невнимания к вопросам охраны труда данной категории занятых. Известный индийский исследователь охраны труда К. Р. Шьям Сундар констатирует, что, «хотя Кодекс вводит… новые положения, касающиеся охраны труда, он ослабляет действие существующих. Например, ранее… на каждой фабрике, где применялись опасные процессы… должен был быть… двухсторонний комитет по охране труда. Теперь создание комитета происходит… в рамках “уведомления правительства”… специалисты по охране труда должны назначаться только на фабриках, шахтах или плантациях»[21]. В таком случае необходимо рассмотреть возможность усиления ответственности.

Бразильский Консолидированный закон о труде представляет собой комплексный акт, закрепляющий как общие вопросы охраны труда, так и вопросы охраны труда при проведении отдельных работ вредного и опасного характера. Полагаем, что на его принятие повлияло «осознание того, что прогресс в научной, технологической и промышленной сферах неразрывно связан с обладающими хорошим здоровьем, благополучными и удовлетворенными своей работой работниками»[22].

Обратимся к тому, какие государственные органы занимаются вопросами охраны труда в Бразилии.

Ведущую функцию в проведении государственной политики в рассматриваемой сфере в Бразилии выполняет Министерство труда и социального обеспечения (Министерство труда). В соответствии с названным Законом создается Комитет по предотвращению внутренних несчастных случаев и притеснений (CIPA), который является обязательным, проводятся медосмотр и обследование, подается уведомление о профзаболеваниях, определяются общие правила переноски тяжестей, хранения материалов. Помимо этого, устанавливаются дополнитель-

[19] M. C. Mehta & Anr. Etc vs Union of India & Ors. Etc on 17 February, 1986. 1987 AIR 965, 1986 SCR (1) 312, AIR 1987 supreme Court 965, (1986) 1 SCR 312 (SC), 1986 CRILR (SC MAH GUJ) 149, 1986 (1) SCR 312, 1986 (11) COM NR 538, 1986 SCC (CRI) 122, (1986) 1 SCJ 383, 1986 (2) SCC 176, (1986) 1 SUPREME 538, (1986) 52 FACLR 418, (1986) 1 COMLJ 251 // URL: https://indiankanoon.org/doc/1599374/ (дата обращения: 16.08.2025).

[20] Occupational Safety, Health and Working Conditions Code, 2020. India.

[21] *Shyam Sundar K. R.* Occupational Safety & Health: Next Best Moves for India // IMPRI Impact and Policy Research Institute. 2022. July 27. URL: https://www.impriindia.com/insights/occupation-safety-health-move/ (дата обращения: 16.08.2025).

[22] *Santos C. J.*, *Muniz de Almeida J. I.*, *Fischer F. M.* Políticas públicas de segurança e saúde no trabalho no Brasil // Ciência & Saúde Coletiva. 2025. V. 30. Supl. 1. URL: https://www.scielosp.org/article/csc/2025.v30suppl1/e14452023/ (дата обращения: 16.08.2025).

ные стандарты по безопасности котлов, печей и сосудов под давлением. Критерии видов деятельности по вредности и опасности разрабатываются в соответствии с правилами данного Министерства. Например, в 2023 г. в перечень были включены столкновения, наезды при осуществлении профессиональной деятельности работников дорожной службы. Именно этот орган ведет реестр инженеров по охране труда, которые проводят экспертизу на предмет обеспечения условий производства при наличии вредных и опасных факторов. То есть Министерство труда занимается как общими вопросами, так и специальными, например безопасностью работы с котлами, печами и сосудами под давлением.

В систему охраны труда на государственном уровне входят и другие органы. Важную роль играют региональные бюро труда, которые подтверждают факт вреда для здоровья, уведомляют о сроках устранения или нейтрализации вредных воздействий. Они способствуют проведению контрольных мероприятий по соблюдению охраны труда; принимают меры по определению работ, необходимых на рабочем месте, включая ремонтные; налагают штрафы. Региональный уполномоченный по вопросам труда, учитывая выявленный уровень риска, может закрыть предприятие или приостановить его деятельность.

Национальный орган по вопросам охраны труда и медицины труда, в частности, контролирует инспекции по охране труда и медицине труда на всей территории страны, рассматривает апелляции по вопросам охраны труда.

Такая система обеспечивает регулярную оценку соблюдения норм охраны труда в Бразилии. Выделение требований к характеристикам зданий, подъему тяжести, температурному режиму работы, перемещению, хранению и обработке материалов доказывает дифференцированный подход к правовому регулированию охраны труда. Предусмотрена ответственность и в части штрафов за нарушение как требований медицины труда, так и охраны труда. Причем последние более высокие: за повторное нарушение, воспрепятствование проверке, симуляцию с целью обмана налагается максимальный штраф в размере 30 и 50 единиц установленной базовой величины соответственно[23]. Нарушение охраны труда влечет больший штраф. Таким образом, комплексный характер подхода к охране труда доказывает наличие дифференцированных мер ответственности и закрепление полномочий государственных органов. В стране достаточно высокие требования к охране труда, к тому же работники защищены посредством социально-партнерских соглашений, чья роль, несомненно, велика. Это характерно и для России[24].

Закон ЮАР о безопасности и гигиене труда устанавливает требования к политике охраны труда и техники безопасности, принимаемой работодателем, а также права и обязанности в сфере охраны труда. Целью данного акта провозглашается предотвращение или сокращение числа несчастных случаев и профессиональных заболеваний.

В Законе перечислены сферы деятельности, на которые он не распространяется. По общему правилу это работы, для которых приняты отдельные законы: на шахтах или разрабатываемых месторождениях, грузовых и промысловых судах, плавучих платформах. Эти нормы вводятся поэтапно. Можно заключить, что существуют общее и специальное регулирование охраны труда, тем более что в акте представлены определения, которые носят как общий, так и специальный характер. При этом занятый — это именно наемный работник. Обращает на себя внимание использование такого термина, как «разумно осуществимый», в отношении мер охраны труда, что предполагает оценку опасности или риска, наличие знаний о мерах и пригодности средств для предотвращения опасности (ст. 1 Закона). Введено разграничение понятий «гигиена труда» и «медицина труда», выделено понятие «биологический мониторинг». Понятие риска закреплено в этом Законе именно в аспекте возникновения травмы или ущерба. Для обеспечения снижения риска законодательством установлено, что стандарт охраны труда и техники безопасности может приниматься на любом уровне власти, если это согласовано с министром труда. Данная трактовка подразумевает как централизованное, так и договорное регулирование стан-

[23] XVI, Consolidação Das Leis Do Trabalho.

[24] См.: Формирование общего рынка труда для стран БРИКС — одна из целей объединения // Карьера & Кадры. Приложение от 30.09.2024 № 178/П. С. 2. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7195851 (дата обращения: 16.08.2025).

дартов охраны труда при учете минимальных стандартов.

Подробно прописаны должностные полномочия министра труда (далее — министр). При нем создан Консультативный совет по охране труда и технике безопасности (далее — Совет), который состоит из 20 членов, назначается им на срок три года. Деятельность Совета позволяет выработать консолидированное мнение. Совет учреждает технические комитеты. Главный инспектор председательствует в Совете. Министр должен за три месяца до принятия размещать проекты инициируемых нормативных актов, при этом он вправе самостоятельно принимать решения, однако обязан всегда учитывать общественный интерес в охране здоровья. Министр, например, определяет: условия и порядок арбитража, если это будет в интересах сторон; вознаграждение арбитру; непроведение предварительных консультаций, которые не считаются трудовым спором по Закону о трудовых отношениях. Одновременно министр вправе вводить исключения в аспекте распространения всего рассматриваемого Закона или его части на отдельных работодателей или категорию работодателей[25]. Важным полномочием является возможность включения в нормативные правила любого стандарта по охране здоровья и безопасности или его части в виде ссылки на акт, а не собственно текста. Этот подход помогает избежать конфликтов в нормах актов разного уровня по охране труда, способствует оперативности реагирования на изменяющиеся технические и технологические подходы в производстве. При этом редакция такого постановления министра должна быть согласована с Советом, и оно должно начинать действовать не ранее чем через два месяца после принятия. Если предлагаемые нормы связаны с расходами или доходами, то это должно быть согласовано с министром государственных расходов и министром национального здравоохранения и социального обеспечения[26]. Сроки установлены для того, чтобы производители и работодатели подготовились к новым требованиям по охране труда, предполагающим экономические затраты.

Примечательно такое полномочие министра, как издание постановлений в сфере охраны труда в отношении самозанятых, а не только работников и работодателей. Данная политика в сфере труда нацелена на сохранение населения и потенциально сокращает расходы на возмещение вреда здоровью граждан при предотвращении несчастных случаев. С учетом расширения сфер экономики, в которых трудятся самозанятые, такой подход оправдан. Кроме того, это может косвенно повлиять на качество оказываемых услуг и выполняемых работ.

Обратимся к другим компетенциям министра. Например, он назначает главного инспектора, который выполняет свои обязанности под контролем и надзором генерального директора департамента трудовых ресурсов. Министр назначает инспекторов, им выдаются специальные сертификаты. Возможно назначение инспектора как по узким вопросам условий труда, так и для конкретного расследования несчастного случая. Это снижает риск ошибок в расследовании. Остановимся на полномочиях инспекторов. Они, например, вправе проводить предварительную проверку реального несчастного случая или любых действий, которые могли, с их точки зрения, причинить вред здоровью или смерть, для принятия решения о необходимости официального расследования несчастного случая, опрашивать свидетелей, истребовать необходимые документы.

Итак, можно заключить, что в Бразилии, России, Индии и Китае более подробно регламентированы функции государственных органов в сфере охраны труда. В ЮАР же основным актором, регулирующим эту сферу, является министр труда, который действует при поддержке Совета, специализирующегося исключительно на вопросах охраны труда.

Полагаем, что закрепление понятийного аппарата сферы охраны труда влияет на качество применения норм. Разработка общих понятий послужит целям унификации требований. По нашему мнению, необходимо выработать общий подход для решения вопроса формулирования единых требований к охране труда самозанятых вне зависимости от того, распространены ли на них нормы трудового законодательства в каждой конкретной стране. Другой аспект — специальные нормы в отношении работников отдельных категорий производств, особенно работающих во вредных и опасных условиях, связанные с технической стороной охраны труда. В рамках работы Сети охраны труда прежде всего должны быть изучены под-

[25] Ст. 40 Закона ЮАР о безопасности и гигиене труда.
[26] Ст. 44 Закона ЮАР о безопасности и гигиене труда.

ходы разных стран в отраслях, где планируется первоочередное сотрудничество.

Вопросы обеспечения охраны труда в большой степени связаны не только со стандартами технического плана и методами восстановления здоровья, но и с наличием механизма ответственности и необходимости оценки деятельности государственных органов системы охраны труда. Полагаем, что коллегиальность в принятии решения — механизм, позволяющий вырабатывать эффективные меры для снижения риска нанесения ущерба здоровью. Необходимо повышение требований к системе обеспечения охраны труда по мере развития технологий и недопущение коррупционных проявлений при ее контроле. В этом случае анализ практики правоприменения и статистики травматизма покажет, какое из направлений государственной политики стран в сфере охраны труда нуждается в более пристальном анализе и, возможно, реформировании.

Сеть по охране труда повлияет на развитие стандартов, методическое обеспечение управления профессиональными рисками и контрольные меры, что улучшит национальные системы охраны труда.

2. Закономерность закрепления мероприятий в сфере охраны труда на уровне конкретного работодателя

Ключевая роль в обеспечении безопасных условий труда принадлежит работодателю. Проанализируем обязанности работодателя в области охраны труда, установленные законодательством различных стран. Это позволит определить, потребуется ли внесение значительных изменений в существующие системы регулирования в рамках гармонизации нормативных актов.

В трудовом законодательстве Китая четко определены обязанности работодателя. Среди них — разработка и постоянное улучшение системы охраны труда и техники безопасности, а также следование государственным стандартам в этой сфере. Обращают на себя внимание обязанность недопущения нечастных случаев, воспитательная работа по соблюдению норм безопасности и гигиены труда, действия по уменьшению показателей вредности в процессе работы[27].

Ученые Китая подчеркивают, что «работодатели обязаны предоставлять достоверную информацию о профессиональном стаже работников, их подверженности профессиональным заболеваниям, результатах выявления профессиональных рисков на рабочем месте… однако они не дают работникам подтвердить свои трудовые отношения с работодателем, что затрудняет признание производственных травм. Такие действия… наносят ущерб правам и здоровью работников»[28]. То есть работодатели препятствуют возмещению причиненного здоровью вреда.

Отдельно закреплены обязанности работодателей при проведении строительства и реконструкции. Меры по охране труда необходимо планировать заранее — на этапе проектирования строительных работ. Работодатель обеспечивает минимальные государственные стандарты безопасности и гигиены труда, средства защиты, периодические медицинские осмотры работающих на вредных производствах, он должен информировать и принимать решения для недопущения несчастных случаев, а при возникновении расследовать и учитывать их.

По мнению Ишы Аггарвал, «работодатели склонны игнорировать вопросы безопасности на рабочем месте… но на самом деле это инвестиции»[29]. В Индии в Кодексе об охране труда, здоровья и условиях труда 2020 г. реализовано широкое понимание охраны труда, включая рабочее время и время отдыха. В главе 3 установлены обязанности не только работодателя, но и, например, владельца, агента и менеджера шахты, производителей, проектировщиков, импортеров, поставщиков. Если происходит несчастный случай, повлекший смерть или нетрудоспособность не менее чем на 48 часов, то работодатель, владелец, агент либо управляющий должны уведомить о нем государственный орган[30]. Введена также обязанность работодателя уведомлять о факте выявления профес-

[27] Ст. 52 Закона КНР о труде.

[28] *Xu X., Ren P., Shi W., Deng F., Wang Q., Shi S., Shen J., Dong G., Han J.* Occupational health and safety regulations in China: development process, enforcement challenges, and solutions // Front. Public Health. 2025. 13:1522040. URL: https://www.frontiersin.org/journals/public-health/articles/10.3389/fpubh.2025.1522040/full (дата обращения: 16.08.2025).

[29] *Aggarwal I.* Op. cit.

[30] Ст. 10 Кодекса Индии об охране труда.

сионального заболевания. Если медперсонал скроет такой факт от инспектора, то налагается штраф[31] вне зависимости от того, является ли сейчас или было ранее физическое лицо работником данного работодателя. Работодатель при этом должен соблюдать сроки и форму уведомления, установленную правительством. Таким образом, за ним осуществляется двойной контроль — со стороны медперсонала и государственного органа.

Работодатель не вправе намеренно повреждать или использовать не по назначению оборудование, применяемое для обеспечения безопасности. В главе V закреплена ответственность работодателя за нарушение норм безопасности и условий труда. Глава VII посвящена нормам рабочего времени, времени отдыха, компенсационным выплатам, доплате за сверхурочную работу, запрету на совместительство во вредных условиях труда в шахте и на производстве. Так реализуется широкий подход законодателя, в одном акте с приложениями устанавливаются и обязанности работодателя в отношении охраны труда и здоровья, и условия труда — комплексный подход к закреплению правового регулирования обязанностей работодателя упрощает его применение.

В первом приложении к рассматриваемому Закону приведены перечни видов промышленности, имеющих опасное производство, то есть представлен, по сути, перечень работодателей и работ, которые у них производятся, через перечень причин. При этом список критериев для других субъектов, которые должны обеспечивать безопасность, отсутствует. Полагаем необходимым закрепить эти критерии.

При рассмотрении споров о расследовании несчастных случаев суд изучает вопросы проведения дополнительного обучения охране труда, наличия современных средств защиты, результатов аудита организации и охраны труда[32].

В Консолидированном законе о труде Бразилии обязанности работодателя в сфере охраны труда изложены достаточно лаконично. Работодатели должны обеспечивать исполнение норм по охране труда, проводить обучение работников для предотвращения несчастных случаев и профессиональных заболеваний, выполнять предписанное региональным органом власти и содействовать осуществлению надзора[33]. Это предопределяет важность используемых обязательных стандартов, которые разрабатывает Бразильская ассоциация по техническим нормативам. Так, стандарт NR-12 устанавливает критерии безопасности промышленного оборудования. Стандарты свою основу берут из международных нормативов, например ISO и IEC, EN.

Для повышения уровня соблюдения норм охраны труда работодателями, предотвращения несчастных случаев и профессиональных заболеваний на рабочем месте используются и налоговые льготы. Например, «в 2010 г... был введен коэффициент, называемый коэффициентом предотвращения несчастных случаев»[34], с целью заинтересовать работодателей в обеспечении охраны труда.

Однако организации зачастую предоставляют для производственного процесса вредные вещества без надлежащей защиты или рекомендаций по группе риска, что приводит к хроническим заболеваниям. Так, в суде 10 лет разбирался иск о воздействии примененных агрохимикатов и возникшей у работника полинейропатии, затем по решению Высшего суда дело было передано в трудовой суд, однако в итоге пострадавший решил принять компенсацию от компании, а не ждать еще решения суда[35].

В ЮАР обязанности в области охраны труда распределены между различными сторонами: работодателями по отношению к своим работникам, а также к тем, кто не является их работниками, включая самозанятых; производителями в отношении производимых ими товаров; всеми участниками процесса при проведении

---

[31] Ст. 12 Кодекса Индии об охране труда.

[32] P. R. Ragunath v. the Deputy Director. Madras High Court. March, 14, 2024 // URL: https://www.casemine.com/judgement/in/66018da82c47d80018a9aa94 (дата обращения: 16.08.2025).

[33] 157, Consolidação Das Leis Do Trabalho.

[34] *Shimizu H. E.*, *Bezerra J. C., Arantes L. J.,* et al. Analysis of work-related accidents and ill-health in Brazil since the introduction of the accident prevention factor // BMC Public Health. 2021. Vol. 21. Art. 725. URL: https://bmcpublichealth.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12889-021-10706-y (дата обращения: 16.08.2025).

[35] *Raquel Torres Gurgel.* Lawsuits Against Tobacco Companies Brazil: Occupational Safety Failures // URL: https://unfairtobacco.org/wp-content/uploads/2024/12/Broschuere_Unfaire-Lieferketten_Brasilien_EN_2024.pdf (дата обращения: 16.08.2025).

опасных и вредных работ, перечень которых определен государством; наконец, общая обязанность по предоставлению информации[36].

Общими являются следующие обязанности: обеспечивать безопасные материалы и технику для работы; принимать заранее меры для устранения или смягчения опасности, прежде чем прибегать к средствам индивидуальной защиты; принимать меры на всех стадиях работы с изделиями и веществами; выявлять опасные работы и обеспечивать в целях защиты необходимые средства; информировать, обучать и проверять соблюдение правил работниками; соблюдать запрет организовывать работу без принятия мер предосторожности; обеспечивать выполнение мер охраны труда на территории работодателя или под контролем работодателя; обеспечивать работу под надзором лица, владеющего навыками охраны труда.

Обязанности в отношении лиц, не являющихся работниками, состоят в следующем: не подвергать их опасности, осуществляя деятельность; самозанятые не должны подвергать риску здоровье других, включая тех, кто может быть непосредственно затронут их деятельностью, и свое здоровье тоже. Обязанности поставщиков и производителей сырья и материалов не только отдельно закреплены, но и детально расписаны, например в части информирования о составе и характеристиках поставляемого или производимого. Тем самым обеспечивается комплексный подход к охране здоровья. Обращает на себя внимание выделение трех субъектов охраны труда и здоровья: работников; иных трудящихся, включая самозанятых; клиентов и потенциальных клиентов. При производстве вредных и опасных работ, установленных на государственном уровне, работодатель после консультаций с комитетом по охране труда должен предпринимать оценку риска здоровью на рабочих местах и разрабатывать меры для соблюдения требований охраны труда, прорабатывать способы предотвращения опасности или минимизировать ее; внедрить программу профессиональной гигиены; проводить биологический мониторинг и медицинский осмотр работников (данная информация должна быть доступна инспекторам труда, проверяющим соблюдение мер охраны труда, в полном объеме, исключая сведения о результатах медицинских осмотров, если работник не выразил своего согласия на их предоставление, так как это его персональные данные).

Большое значение для работодателя имеет судебная защита от превышения инспекторами своих полномочий. Например, в деле «Труортс против главного инспектора по охране труда и технике безопасности, Департамента занятости и труда и др.» было сформулировано решение, что инспекторы должны иметь право проверять, предоставлялись ли безопасные условия труда, например возможность отдохнуть, сидя в удобной позе, но не вправе предписывать организации, как расставить в структурном подразделении, например магазине, мебель для создания лучших условий труда[37]. Таким образом, должен обеспечиваться именно контроль.

Отдельно выделена обязанность информирования в письменном виде работников об опасностях и мерах безопасности труда; представителей по охране труда и технике безопасности — об инспекциях, расследованиях или официальных запросах, о нарушении норм охраны труда или несчастном случае.

Обязанности могут быть закреплены также в перечне вводимых министром труда мер и запретов. Например, существует общий запрет работодателям требовать от работника работы в опасных или вредных условиях без обеспечения мер безопасности[38].

В России обязанность обеспечивать безопасные условия труда также возложена на работодателя. При этом он должен проводить комплексную оценку рабочего места, учитывать факторы производственной среды и трудового процесса[39].

Обязанности можно разделить по группам: в отношении работников, в отношении государственных органов, при работах (услугах) на территории под контролем другого работодателя. Например, соответственно: выдавать средства

[36] Ст. 8–13 Закона ЮАР о безопасности и гигиене труда.

[37] Truworths v. Chief Inspector Occupational Health and Safety, Department of Employment and Labour and Another, (J1597/21) (2025) ZALCJHB 108 ; (2025) 46 ILJ 1426 (LC); (2025) 8 BLLR 853 (LC), 7 March 2025 // URL: https://www.saflii.org/za/cases/ZALCJHB/2025/108.html (дата обращения: 16.08.2025).

[38] Ст. 21 Закона ЮАР о безопасности и гигиене труда.

[39] Ст. 214 Трудового кодекса Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (с изм.) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 3.

защиты и смывающие средства, оснащать средствами коллективной защиты; учитывать несчастные случаи; согласовывать с другим работодателем мероприятия по предотвращению случаев повреждения здоровья. Работодатель также выявляет профессиональные риски, проводит обучение охране труда, внедряет риск-ориентированный подход. Снижение рисков несчастных случаев способствует более редким проверкам со стороны государственных органов и успешному развитию бизнеса.

На основании анализа нормативных правовых актов, регламентирующих обязанности работодателя, следует констатировать наличие в законах общих подходов. Различия проявляются в уровне детализации обязанностей работодателей в целом и закреплении обязанностей именно должностных лиц работодателей, оказывающих влияние на условия труда. Таким образом, в отношении обязанностей работодателей в сфере охраны труда возможна гармонизация правового регулирования.

3. Закономерности по закреплению обязанностей работника в сфере охраны труда

Рассмотрим подход к обязанностям работников. Отметим, что нормы по охране труда изложены в Законе КНР о труде достаточно лаконично, причем в отношении работодателей и требований к ним, однако в трудовом договоре обязательным условием является закрепление обязанностей по охране труда и условиям труда, то есть возможно индивидуальное закрепление обязанностей работника. В статье 68 установлено, что работники, направляемые на технические работы, должны пройти курс обучения и подготовки.

По мнению Ишы Аггарвал, «обеспечение безопасности и охраны здоровья работников обусловит снижение количества несчастных случаев со смертельным исходом… повысит их вовлеченность, производительность и общую экономическую эффективность, что… приведет к экономическому росту»[40]. Следовательно, закрепление обязанностей работников по охране труда крайне важно. В Индии обращает на себя внимание такая обязанность работника, как проявление заботы о своем здоровье и безопасности других лиц на рабочем месте, если на них могут повлиять его действия или бездействие. Среди обязанностей, например: соблюдать стандарты безопасности и охраны труда; сотрудничать с работодателем в выполнении его обязательств; использовать средства обеспечения безопасности; не совершать опасных действий, которые могут подвергнуть риску здоровье; при наличии информации об угрозе здоровью сообщать работодателю или его представителю по охране труда и технике безопасности (если угроза происходит на шахте, то управляющему агенту шахты, специалистам по технике безопасности или руководителю структурного подразделения). Исходя из этого, возможно разделить обязанности на общие и зависящие от типа работодателя.

В Консолидированном законе о труде Бразилии[41] закреплено, что работники обязаны соблюдать нормы охраны труда, включая инструкции, сотрудничать с компанией в применении положений об охране труда. Необоснованный отказ соблюдать инструкции и применять средства защиты трактуется как неправомерное поведение со стороны работника.

Общие обязанности работников в ЮАР связаны с обеспечением безопасности — как своей собственной, так и других; соблюдением обязанности по охране труда в отношении себя и других; выполнением законных распоряжений, правил и процедур по охране труда — как локальных, так и установленных на государственном уровне; сообщением работодателю или представителю по охране труда и технике безопасности об угрозе здоровью; сообщением об инциденте в сфере охраны труда не позднее конца конкретной смены, во время которой произошел инцидент, представителю работодателя. Важно и подробное закрепление полномочий представителей по охране труда. На выполнение работниками обязанностей влияет и наличие у работодателя комитета по охране труда. Если создан один комитет по охране труда и технике безопасности, то все представители по охране труда и технике безопасности должны быть его членами; если создано два комитета или более, каждый представитель должен быть членом хотя бы одного из них[42].

В Трудовом кодексе РФ закреплен общий перечень обязанностей работника, они могут быть разделены на связанные с выполнением

[40] *Aggarwal I.* Op. cit.
[41] 158, Consolidação Das Leis Do Trabalho.
[42] 19, Consolidação Das Leis Do Trabalho.

технических инструкций по применению оборудования (например, следить за исправностью используемых оборудования и инструментов, правильно применять средства индивидуальной и коллективной защиты) и с организационными мероприятиями (извещать руководителя о ситуации, угрожающей жизни и здоровью людей, проходить медицинские осмотры и обучение охране труда)[43].

Эффективно обеспечивать охрану труда помогает Единая информационная система охраны труда (ЕИСОТ)[44] для учета прошедших соответствующее обучение и, например, тестирование для получения сертификата эксперта на право выполнения работ по специальной оценке условий труда. В интересах работников производится автоматизация рабочего места специалиста по охране труда, внедряются программы контроля процедур охраны труда, новые цифровые модели сбора информации о здоровье работников, видеонаблюдение с целью обеспечения охраны труда работников[45]. Таким образом, оповещение о нарушении норм охраны труда происходит незамедлительно, что позволяет выявлять нарушения быстро и предотвращать несчастные случаи.

Можно констатировать, что обязанности работников в сфере охраны труда в рассмотренных странах имеют общие черты.

Заключение

В государствах, входящих в БРИКС, приняты нормативные акты, регулирующие сферу охраны труда. Страны обеспечивают безопасность и здоровье работников посредством нормативной деятельности государственных органов, с учетом их специфики создана многоуровневая система обеспечения охраны труда.

Исходя из особенностей организации работ и условий труда на вредных и опасных производствах принимаются отдельные законы, помимо общих законов об охране труда. Данные законы с разной степенью детализации закрепляют систему охраны труда и систему государственного контроля. Разработка нормативного регулирования обязанностей работников и работодателей в сфере охраны труда является одной из составляющих системы. Их изучение позволяет сделать вывод, что существует возможность гармонизации правового регулирования в этом аспекте, различия в определении конкретных обязанностей незначительны.

Стремление к созданию эффективной системы охраны труда в странах БРИКС свидетельствует о признании важности данного направления на национальном и международном уровнях. Это открывает перспективы для дальнейшего развития и совершенствования правовых механизмов, что будет способствовать улучшению условий труда и уменьшению рисков для здоровья работников.

Государства разделяют общие подходы, что делает возможным практическое функционирование Сети по охране труда для разработки стандартов и гармонизации правового регулирования стран БРИКС в сфере охраны труда с целью развития общего рынка.

Заседание Сети в сентябре 2025 г. было нацелено на вопросы сближения национальных стандартов в этой сфере для единого эффективного подхода к обеспечению безопасности на рабочих местах, внедрения инноваций, адаптации передовых технологий и практик, ориентированных на снижение профессиональных рисков, развитие цифровых решений, средств индивидуальной защиты[46]. Предлагается для обеспечения функционирования Сети рассмотреть вопрос об учреждении комитета по охране труда с двумя комиссиями: комиссией по изучению и выработке стандартов охраны труда и комиссией по адаптации, внедрению новых технологий для снижения профессиональных рисков. Данная инициатива может быть оформлена в виде протокола к декларации по созданию общей Сети по охране труда. Если продолжать обмен мнениями только на ежегодной основе, это удлинит период внедрения положительного правового опыта государств. Функционирование постоянного комитета и комиссий будет эффективно экономить

[43] Ст. 215 ТК РФ.

[44] Единая общероссийская справочно-информационная система по охране труда // URL: https://eisot.rosmintrud.ru/ (дата обращения: 16.08.2025).

[45] См.: *Тимофеева С. С.* Цифровизация и искусственный интеллект в охране труда // XXI век. Техносферная безопасность. 2024. Т. 9. № 3. С. 280–295. DOI: 10.21285/2500-1582-2024-9-3-280-295. EDN: JBVIXU.

[46] Страны БРИКС укрепят сотрудничество в сфере охраны труда на площадке ВНОТ-2025 // URL: https://anav.ru/news/tpost/4dktgtjx01-strani-briks-ukrepyat-sotrudnichestvo-v (дата обращения: 05.10.2025).

время на отбор лучших технологий, разработку и внедрение стандартов, что в итоге позволит сберечь здоровье работников. Основой для этого может стать результат, достигнутый рабочими группами БРИКС по обеспечению безопасного труда и социальной защищенности занятых и по развитию соцподдержки граждан государств[47]. Очередность разработки стандартов должна синхронизироваться с направлениями деятельности Делового совета БРИКС. Важными отраслями для сотрудничества, по мнению аналитиков, являются сельское хозяйство, энергетика, транспорт[48]. В этих отраслях вредные или опасные условия труда, поэтому разработка для них общих стандартов приоритетна. Необходимо принять перечень разделов для разработки стандарта по охране труда. В него могут войти основные понятия, технические требования к выполнению работ, требования к периодическому медицинскому осмотру, средствам индивидуальной защиты, оценке рабочих мест, разрешенные меры для отслеживания соблюдения мер охраны труда, права и обязанности работодателя в сфере охраны труда, вопросы обучения. Могут быть разработаны требования к инспекторам труда. Предложенные стандарты будут носить рекомендательный характер.

Представляется, что для работы Сети следует создать общую цифровую платформу с возможностью анализа действующих в странах — участницах БРИКС правовых требований к охране труда, стандартов охраны труда, статистики нарушений норм охраны труда для выработки единого подхода к регулированию данного института трудового права. Платформа будет использоваться для анализа регулирующего воздействия принимаемых норм на снижение профессиональных рисков, оценки эффекта от внедрения стандартов и контрольных мер, оказываемого на производительность труда и сбережение трудовых ресурсов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ревенко Л. С., *Ревенко Н. С.* Отраслевое сотрудничество стран БРИКС: потенциал и приоритеты реализации // Мир новой экономики. 2018. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otraslevoe-sotrudnichestvo-stran-briks-potentsial-i-prioritety-realizatsii (дата обращения: 05.10.2025).

Самофалова О. БРИКС встала стеной за Путиным перед встречей с Трампом на Аляске // Взгляд. 2025. 13 августа. URL: https://vz.ru/economy/2025/8/13/1352223.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fstory%2Fe6430817-dfb4-584d-b432-7657c1899b89 (дата обращения: 16.08.2025).

Современное право Китайской Народной Республики (обзор законодательства 1978–2010 гг.). Ч. 2 : 2002–2010 гг. М., 2012. 192 с.

Тан Чжуншэн. Сравнительный анализ законодательства в области охраны труда в России и Китае // Известия Петербургского университета путей сообщения. 2020. Т. 17. Вып. 4. С. 583–590. DOI: 10.20295/1815-588X-2020-4-583-590.

Тимофеева С. С. Цифровизация и искусственный интеллект в охране труда // XXI век. Техносферная безопасность. 2024. Т. 9. № 3. С. 280–295. DOI: 10.21285/2500-1582-2024-9-3-280-295. EDN: JBVIXU.

Формирование общего рынка труда для стран БРИКС — одна из целей объединения // Карьера & Кадры. Приложение от 30.09.2024 № 178/П. С. 2. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7195851 (дата обращения: 16.08.2025).

Aggarwal I. Occupational Health and Safety Legislation in India // Legal Service India. URL: https://www.legalserviceindia.com/legal/article-9466-occupational-health-and-safety-legislation-in-india.html (дата обращения: 16.08.2025).

Manning W. G., *Pillay M.* A critical analysis of the current South African occupational health law and hearing loss // South African Journal of Communication Disorders. 2020. No. 67 (2). P. a694. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC7136813/ (дата обращения: 16.08.2025).

[47] Страны БРИКС приняли декларацию о создании общей сети по охране труда.

[48] См.: *Ревенко Л. С., Ревенко Н. С.* Отраслевое сотрудничество стран БРИКС: потенциал и приоритеты реализации // Мир новой экономики. 2018. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otraslevoe-sotrudnichestvo-stran-briks-potentsial-i-prioritety-realizatsii (дата обращения: 05.10.2025).

Mhalshekar V. The Changing Scenario of Occupational Health in India // Occupational & Environmental Medicine. 2024. Apr 10. No. 28 (1). P. 1–3. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC11111137/ (дата обращения: 05.10.2025).

Raquel Torres Gurgel. Lawsuits Against Tobacco Companies Brazil: Occupational Safety Failures // URL: https://unfairtobacco.org/wp-content/uploads/2024/12/Broschuere_Unfaire-Lieferketten_Brasilien_EN_2024.pdf (дата обращения: 16.08.2025).

Saha R. K. Occupational Health in India // Annals of Global Health. 2018. Aug 31. No. 84 (3). P. 330–333. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC6748231/ (дата обращения: 05.10.2025).

Santos C. J., *Muniz de Almeida J. I.*, *Fischer F. M.* Políticas públicas de segurança e saúde no trabalho no Brasil // Ciência & Saúde Coletiva. 2025. V. 30. Supl. 1. URL: https://www.scielosp.org/article/csc/2025.v30suppl1/e14452023/ (дата обращения: 16.08.2025).

Shimizu H. E., *Bezerra J. C.*, *Arantes L. J.,* et al. Analysis of work-related accidents and ill-health in Brazil since the introduction of the accident prevention factor // BMC Public Health. 2021. Vol. 21. Art. 725. URL: https://bmcpublichealth.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12889-021-10706-y (дата обращения: 16.08.2025).

Shyam Sundar K. R. Occupational Safety & Health: Next Best Moves for India // IMPRI Impact and Policy Research Institute. 2022. July 27. URL: https://www.impriindia.com/insights/occupation-safety-health-move/ (дата обращения: 16.08.2025).

Xu X., Ren P., Shi W., Deng F., Wang Q., Shi S., Shen J., Dong G., Han J. Occupational health and safety regulations in China: development process, enforcement challenges, and solutions // Front. Public Health. 2025. 13:1522040. URL: https://www.frontiersin.org/journals/public-health/articles/10.3389/fpubh.2025.1522040/full (дата обращения: 16.08.2025).

REFERENCES

Aggarwal I. Occupational Health And Safety Legislation In India. *Legal Service India*. Available at: https://www.legalserviceindia.com/legal/article-9466-occupational-health-and-safety-legislation-in-india.html [cited 16.08.2025].

Formation of a common labor market for BRICS countries is one of the goals of the association. *Karyera & Kadry*. Appendix No. 178/P. 30.09.2024. P. 2. Available at: https://www.kommersant.ru/doc/7195851 [cited 16.08.2025]. (In Russ.).

Manning WG, Pillay M. A critical analysis of the current South African occupational health law and hearing loss. *South African Journal of Communication Disorders*. 2020;67(2):a694. Available at: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC7136813/ [cited 16.08.2025].

Mhalshekar V. The Changing Scenario of Occupational Health in India. *Occupational & Environmental Medicine*. 2024;28(1):1-3. Available at: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC11111137/ [cited 05.10.2025].

Modern law of the People's Republic of China (Review of legislation 1978–2010). Part 2: 2002–2010. Moscow; 2012. (In Russ.).

Raquel Torres Gurgel. Lawsuits Against Tobacco Companies Brazil: Occupational Safety Failures. Available at: https://unfairtobacco.org/wp-content/uploads/2024/12/Broschuere_Unfaire-Lieferketten_Brasilien_EN_2024.pdf [cited 16.08.2025].

Revenko LS, Revenko NS. Sectoral cooperation of the BRICS countries: Potential and implementation priorities. *Mir novoy ekonomiki.* 2018;4:67-76. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/otraslevoe-sotrudnichestvo-stran-briks-potentsial-i-prioritety-realizatsii [cited 05.10.2025].

Saha RK. Occupational Health in India. *Annals of Global Health.* 2018 Aug 31;84(3):330-333. Available at: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC6748231/ [cited 05.10.2025].

Samofalova O. BRICS stood as a wall for Putin before the meeting with Trump in Alaska. *Vzglyad*. 13 August 2025. Available at: https://vz.ru/economy/2025/8/13/1352223.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fstory%2Fe6430817-dfb4-584d-b432-7657c1899b89 [cited 16.08.2025]. (In Russ.).

Santos CJ, Muniz de Almeida JI, Fischer FM. Políticas públicas de segurança e saúde no trabalho no Brasil. *Ciência & Saúde Coletiva*. 2025;30(Supl. 1). Available at: https://www.scielosp.org/article/csc/2025.v30suppl1/e14452023/ [cited 16.08.2025].

Shimizu HE, Bezerra JC, Arantes LJ, et al. Analysis of work-related accidents and ill-health in Brazil since the introduction of the accident prevention factor. *BMC Public Health.* 2021;21:725. Available at: https://bmcpublichealth.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12889-021-10706-y [cited 16.08.2025].

Shyam Sundar KR. Occupational Safety & Health: Next Best Moves for India. *IMPRI Impact and Policy Research Institute*. July 27, 2022. Available at: https://www.impriindia.com/insights/occupation-safety-health-move/ [cited 16.08.2025].

Tan Zhongzheng. Comparative analysis of legislation in the field of labor protection in Russia and China. *Izvestiya Peterburgskogo universiteta putey soobshcheniya*. 2020;17(4):583-590. DOI: 10.20295/1815-588X-2020-4-583-590 [cited 05.10.2025]. (In Russ.).

Timofeeva SS. Digitalization and artificial intelligence in labor protection. *XXI vek. Tekhnosfernaya bezopasnost*. 2024;9(3):280-295. DOI: 10.21285/2500-1582-2024-9-3-280-295 [cited 05.10.2025]. EDN: JBVIXU. (In Russ.).

Xu X, Ren P, Shi W, Deng F, Wang Q, Shi S, Shen J, Dong G, Han J. Occupational health and safety regulations in China: Development process, enforcement challenges, and solutions. *Front Public Health*. 2025;13:1522040. Available at: https://www.frontiersin.org/journals/public-health/articles/10.3389/fpubh.2025.1522040/full [cited 16.08.2025].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Батусова Екатерина Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент департамента публичного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
д. 20, Мясницкая ул., г. Москва 101000, Российская Федерация
batusovs@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina S. Batusova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Public Law Department, HSE University, Moscow, Russian Federation
batusovs@gmail.com

Материал поступил в редакцию 18 августа 2025 г.
Статья получена после рецензирования 8 октября 2025 г.
Принята к печати 15 сентября 2026 г.

Received 18.08.2025.
Revised 08.10.2025.
Accepted 15.09.2026.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г.;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

- ✓ Государственное регулирование цифровой экономики.
- ✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.
- ✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).
- ✓ Правовое регулирование больших данных.
- ✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).
- ✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.
- ✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
- ✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
- ✓ Правовой статус смарт-контрактов.
- ✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
- ✓ Информационная безопасность.
- ✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит два раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков, а также студентов и аспирантов. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научных уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».
Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:
«Актуальные проблемы российского права» – **11178**, Lex Russica – **11198**,
«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – **40650**, «Право и цифровая экономика» – **39492**.
Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

ISSN 1729-5920